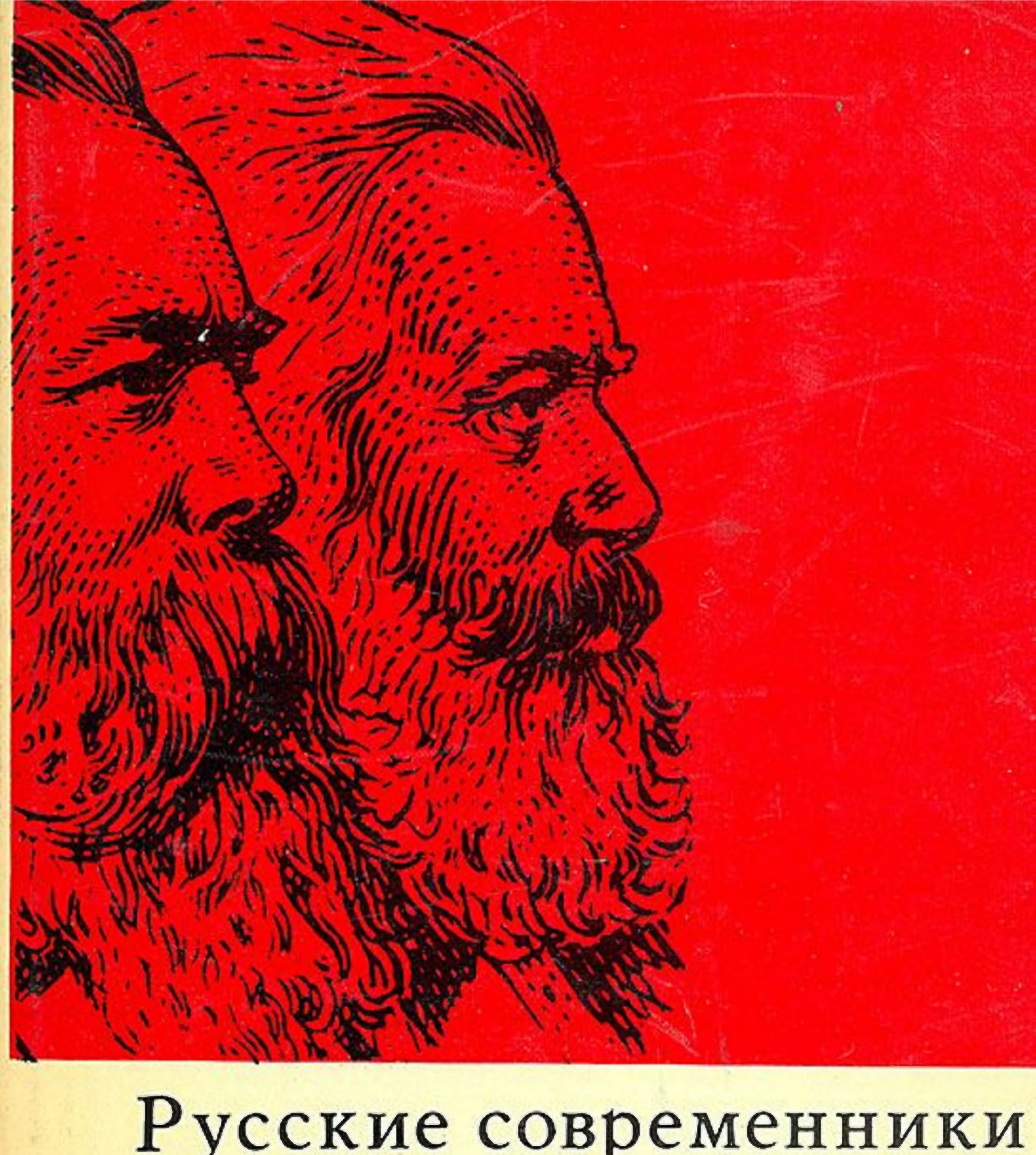

Русские современники о К. МАРКСЕ и Ф. ЭНГЕЛЬСЕ

Русские современники о К. МАРКСЕ и Ф. ЭНГЕЛЬСЕ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Русские современники о К. МАРКСЕ и Ф. ЭНГЕЛЬСЕ

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА при ЦК КПСС

Русские современники о К. МАРКСЕ и Ф. ЭНГЕЛЬСЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА • 1969

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник является продолжением книги «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия», выпущенной Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в 1967 году.

В сборник входят воспоминания, письма, статьи, биографические очерки о Марксе и Энгельсе, написанные их русскими современниками. Среди авторов этих документов — лица, которым довелось в разное время встречаться и беседовать с основоположниками научного коммунизма. Это прежде всего революционные эмигранты разных поколений, деятели революционного подполья, прогрессивные представители русской науки, культуры. Некоторые русские современники — Г. А. Лопатин, П. Л. Лавров, М. М. Ковалевский, Л. Н. Гартман, С. М. Кравчинский (Степняк), В. И. Засулич, Г. В. Плеханов и другие — находились в довольно близком общении с Марксом и Энгельсом. Их воспоминания, письма, статьи, включенные в сборник, представляют наибольший интерес.

Документы, публикуемые в сборнике, в своей совокупности раскрывают глубокий и разносторонний интерес Маркса и Энгельса к России, к мужественной борьбе ее лучших представителей против царизма. Эти документы показывают в то же время, каким огромным уважением

и авторитетом пользовались Маркс и Энгельс как ученые и политические деятели в передовых кругах русского общества. С большой симпатией и теплотой рассказывают русские авторы и о замечательных личных качествах своих великих современников.

В документах сборника широко освещается история русского перевода I тома «Капитала», «Манифеста Коммунистической партии» и других произведений основоположников научного коммунизма. Из них видно, как под влиянием трудов Маркса и Энгельса, переписки и личного общения с ними совершалась эволюция определенной части русских революционеров к научному коммунизму, как утверждалось марксистское направление в русском революционном движении.

Как и документы упомянутой выше первой книги, материалы настоящего сборника служат наглядной иллюстрацией высказываний В. И. Ленина о богатстве интернациональных связей русского революционного движения, о страстных многолетних поисках представителей передовой мысли России правильной революционной теории.

Сборник состоит из вводной части и трех разделов.

В качестве введения публикуются статьи В. И. Ленина «Карл Маркс» и «Фридрих Энгельс», в которых дана обобщающая характеристика жизни и деятельности великих учителей пролетариата, раскрыта сущность созданного ими революционного учения — научного коммунизма. В. И. Ленин особо подчеркнул то огромное международное значение, которое придавали основоположники марксизма победе народной революции в России.

В первом разделе сборника помещены воспоминания, фрагменты из статей и книг, содержащие воспоминания о Марксе и Энгельсе. Специально написанных воспоминаний русских людей, встречавшихся с Марксом и Энгельсом, немного, и все они были опубликованы в разное время в русской периодической печати и отдельных изданиях, в том числе частично в сборнике «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», выпущенном Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в 1956 году. В настоящем сборнике эти воспоминания печатаются в собранном виде, с учетом имеющихся вариантов, поскольку каждый из них, написанный в разное время, представляет самостоятельный интерес.

Второй раздел составляет часть переписки русских корреспондентов Маркса и Энгельса между собой. Из 57 писем, включенных в этот раздел, 33 письма публикуются впервые и 11 писем полностью впервые по рукописям, хранящимся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, в Центральном государственном архиве Октябрьской революции, в Центральном государственном архиве литературы и искусства и других архивах СССР.

В числе новых писем печатаются письма Г. А. Лопатина, Л. Н. Гартмана, Н. И. Зибера, С. А. Подолинского, М. М. Ковалевского, С. М. Кравчинского (Степняка), Н. А. Каблукова, Н. Ф. Даниельсона, В. И. Засулич, Г. В. Плеханова и других.

В публикуемых письмах содержатся ценные биографические сведения о Марксе и Энгельсе, отзывы о их произведениях, в некоторых письмах цитируются и излагаются не дошедшие до нас письма Маркса и Энгельса. Письма восполняют в известной мере пробелы, существующие в переписке Маркса и Энгельса с их русскими корреспондентами. Они представляют большой интерес и как документы русского революционного движения. Впервые публикуемые письма печатаются в сборнике в полном виде, письма, ранее публиковавшиеся,— некоторые целиком, некоторые в виде фрагментов.

В третьем разделе представлены статьи, биографические очерки, отклики на смерть Маркса и Энгельса в русской легальной и нелегальной печати. Среди них редкие публикации: «Некролог Карла Маркса», «На венок Марксу», «Вечная память!» (некролог Фридриху Энгельсу). Впервые публикуется речь представителя русских революционеров (Л. Гольденберга) на похоронах Энгельса. В разделе печатается ряд материалов первых русских марксистов. Сборник заканчивается известной статьей Г. В. Плеханова «Карл Маркс», написанной в связи с двадцатой годовщиной со дня смерти Маркса и опубликованной на страницах ленинской «Искры» в 1903 году.

Все материалы, публикуемые в сборнике, расположены в хронологическом порядке: в первом разделе по периодам, которые описываются в воспоминаниях, во втором и третьем — по дате написания документа.

Предисловие

При публикации воспоминаний, писем, статей сохранены особенности авторского текста и языка того времени. Наиболее существенные исправления неточностей и ошибок, встречающихся в тексте документов, оговариваются в подстрочных примечаниях и в примечаниях в конце сборника. Книга снабжена также указателями имен, периодических изданий, иллюстрациями.

Сборник подготовлен *К. В. Соловьевой* и *Р. Г. Лебедевой.*

Редактор *А. К. Воробьева.*

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

В. И. ЛЕНИН

КАРЛ МАРКС

(КРАТКИЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК С ИЗЛОЖЕНИЕМ МАРКСИЗМА)

Маркс Карл родился 5 мая нового стиля 1818 г. в городе Трире (прирейнская Пруссия). Отец его был адвокат, еврей, в 1824 г. принявший протестантство. Семья была зажиточная, культурная, но не революционная. Окончив гимназию в Трире, Маркс поступил в университет, сначала в Бонне, потом в Берлине, изучал юридические науки, но больше всего историю и философию. Окончил курс в 1841 г., представив университетскую диссертацию о философии Эпикура. По взглядам своим Маркс был еще тогда гегельянцем-идеалистом. В Берлине он примыкал к кружку «левых гегельянцев» (Бруно Бауэр и др.), которые стремились делать из философии Гегеля атеистические и революционные выводы.

По окончании университета Маркс переселился в Бонн, рассчитывая стать профессором. Но реакционная политика правительства, которое в 1832 г. лишило кафедры Людвига Фейербаха и в 1836 г. снова отказалось пустить его в университет, а в 1841 г. отняло право читать лекции в Бонне у молодого профессора Бруно Бауэра, заставила Маркса отказаться от ученой карьеры. Развитие взглядов левого гегельянства в Германии шло в это время вперед очень быстро. Людвиг Фейербах в особенности с 1836 г. начинает критиковать теологию и поворачивать к материализму, который вполне берет верх у него в 1841 г. («Сущность христианства»); в 1843 г. вышли его же «Основные положения философии будущего». «Надо было пережить освободительное действие» этих книг — писал Энгельс впоследствии об этих сочинениях Фейербаха. «Мы» (т. е. левые

гегельянцы, Маркс в том числе) «стали сразу фейербахианцами» [1]. В это время рейнские радикальные буржуа, имевшие точки соприкосновения с левыми гегельянцами, основали в Кёльне оппозиционную газету: «Рейнскую Газету» (начала выходить с 1 января 1842 г.). Маркс и Бруно Бауэр были приглашены в качестве главных сотрудников, а в октябре 1842 г. Маркс сделался главным редактором и переселился из Бонна в Кёльн. Революционно-демократическое направление газеты при редакторстве Маркса становилось все определеннее, и правительство сначала подчинило газету двойной и тройной цензуре, а затем решило вовсе закрыть ее 1 января 1843 г. Марксу пришлось к этому сроку оставить редакторство, но его уход все же не спас газеты, и она была закрыта в марте 1843 г. Из наиболее крупных статей Маркса в «Рейнской Газете» Энгельс отмечает, кроме указанных ниже (см. *Литературу* *), еще статью о положении крестьян-виноделов в долине Мозеля [2]. Газетная работа показала Марксу, что он недостаточно знаком с политической экономией, и он усердно принялся за ее изучение.

В 1843 г. Маркс женился в Крейцнахе на Дженни фон Вестфален, подруге детства, с которой он был обручен еще будучи студентом. Жена его принадлежала к прусской реакционной дворянской семье. Ее старший брат был министром внутренних дел в Пруссии в одну из самых реакционных эпох, 1850—1858 гг. Осенью 1843 г. Маркс приехал в Париж, чтобы издавать за границей, вместе с Арнольдом Руге (1802—1880; левый гегельянец, 1825—1830 в тюрьме, после 1848 г. эмигрант; после 1866—1870 бисмаркианец), радикальный журнал. Вышла лишь первая книжка этого журнала «Немецко-Французский Ежегодник». Он прекратился из-за трудностей тайного распространения в Германии и из-за разногласий с Руге. В своих статьях в этом журнале Маркс выступает уже как революционер, провозглашающий «беспощадную критику всего существующего» и в частности «критику оружия» [3], апеллирующий к *массам* и к *пролетариату.*

В сентябре 1844 г. в Париж приехал на несколько дней Фридрих Энгельс, ставший с тех пор ближайшим другом Маркса. Они вдвоем приняли самое горячее участие в тогдашней кипучей жизни революционных групп Парижа (особенное значение имело учение Прудона, с которым Маркс решительно рассчитался в своей «Нищете философии», 1847 г.) и выработали, резко борясь с различными учениями мелкобуржуазного социализма, теорию и тактику революционного *пролетарского социализма* или коммунизма (марксизма). См. соч. Маркса этой эпохи, 1844—1848 гг., ниже: *Литература.* В 1845 г. Маркс по настоянию прусского правитель-

* См. *В. И. Ленин.* Соч., изд. 5, т. 26, стр. 82—93. *Ред.*

ства, как опасный революционер, был выслан из Парижа. Он переехал в Брюссель. Весной 1847 г. Маркс и Энгельс примкнули к тайному пропагандистскому обществу: «Союзу коммунистов», приняли выдающееся участие на II съезде этого союза (ноябрь 1847 г. в Лондоне) и, по его поручению, составили вышедший в феврале 1848 г. знаменитый «Манифест Коммунистической партии». В этом произведении с гениальной ясностью и яркостью обрисовано новое миросозерцание, последовательный материализм, охватывающий и область социальной жизни, диалектика, как наиболее всестороннее и глубокое учение о развитии, теория классовой борьбы и всемирно-исторической революционной роли пролетариата, творца нового, коммунистического общества.

Когда разразилась февральская революция 1848 г., Маркс был выслан из Бельгии. Он приехал опять в Париж, а оттуда, после мартовской революции, в Германию, именно в Кёльн. Там выходила с 1 июня 1848 по 19 мая 1849 г. «Новая Рейнская Газета»; главным редактором ее был Маркс. Новая теория была блестяще подтверждена ходом революционных событий 1848—1849 гг., как подтверждали ее впоследствии все пролетарские и демократические движения всех стран мира. Победившая контрреволюция сначала отдала Маркса под суд (оправдан 9 февраля 1849 г.), а потом выслала из Германии (16 мая 1849 г.). Маркс отправился сначала в Париж, был выслан и оттуда после демонстрации 13 июня 1849 г. [4] и уехал в Лондон, где и жил до самой смерти.

Условия эмигрантской жизни, особенно наглядно вскрытые перепиской Маркса с Энгельсом (изд. в 1913 г.) [5], были крайне тяжелы. Нужда прямо душила Маркса и его семью; не будь постоянной самоотверженной финансовой поддержки Энгельса, Маркс не только не мог бы кончить «Капитала», но и неминуемо погиб бы под гнетом нищеты. Кроме того, преобладающие учения и течения мелкобуржуазного, вообще непролетарского социализма вынуждали Маркса постоянно к беспощадной борьбе, иногда к отражению самых бешеных и диких личных нападок («Herr Vogt» [6]). Сторонясь от эмигрантских кружков, Маркс в ряде исторических работ (см. *Литературу*) разрабатывал свою материалистическую теорию, посвящая главным образом силы изучению политической экономии. Эту науку Маркс революционизировал (см. ниже *учение* Маркса) в своих сочинениях «К критике политической экономии» (1859) и «Капитал» (т. I. 1867).

Эпоха оживления демократических движений конца 50-х и 60-х гг. снова призвала Маркса к практической деятельности. В 1864 г. (28 сентября) был основан в Лондоне знаменитый I Интернационал, «Международное товарищество рабочих». Маркс был душой этого общества, автором его первого «Обращения» [7] и массы резолюций, заявлений, мани-

фестов. Объединяя рабочее движение разных стран, стараясь направить в русло совместной деятельности различные формы непролетарского, домарксистского социализма (Мадзини, Прудон, Бакунин, английский либеральный тред-юнионизм, лассальянские качания вправо в Германии и т. п.), борясь с теориями всех этих сект и школок, Маркс выковывал единую тактику пролетарской борьбы рабочего класса в различных странах. После падения Парижской Коммуны (1871), которую так глубоко, метко, блестяще и *действенно,* революционно оценил Маркс («Гражданская война во Франции» 1871), и после раскола Интернационала бакунистами, существование его в Европе стало невозможным. Маркс провел после конгресса Интернационала в Гааге (1872) перенесение Генерального совета Интернационала в Нью-Йорк. I Интернационал кончил свою историческую роль, уступив место эпохе неизмеримо более крупного роста рабочего движения во всех странах мира, именно эпохе роста его *вширь,* создания *массовых* социалистических рабочих партий на базе отдельных национальных государств.

Усиленная работа в Интернационале и еще более усиленные теоретические занятия окончательно подорвали здоровье Маркса. Он продолжал свою переработку политической экономии и окончание *«Капитала»,* собирая массу новых материалов и изучая ряд языков (например, русский), но окончить *«Капитал»* не дала ему болезнь.

2 декабря 1881 г. умерла его жена. 14 марта 1883 г. Маркс тихо заснул навеки в своем кресле. Он похоронен, вместе со своей женой, на кладбище Хайгейт в Лондоне. Из детей Маркса несколько умерло в детском возрасте в Лондоне, когда семья сильно бедствовала. Три дочери были замужем за социалистами Англии и Франции: Элеонора Эвелинг, Лаура Лафарг и Дженни Лонге. Сын последней — член французской социалистической партии.

УЧЕНИЕ МАРКСА

Марксизм — система взглядов и учения Маркса. Маркс явился продолжателем и гениальным завершителем трех главных идейных течений XIX века, принадлежащих трем наиболее передовым странам человечества: классической немецкой философии, классической английской политической экономии и французского социализма в связи с французскими революционными учениями вообще. Признаваемая даже противниками Маркса замечательная последовательность и цельность его взглядов, дающих в совокупности современный материализм и современный научный социализм, как теорию и программу рабочего движения всех цивилизо-

ванных стран мира, заставляет нас предпослать изложению главного содержания марксизма, именно: экономического учения Маркса, краткий очерк его миросозерцания вообще.

ФИЛОСОФСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

Начиная с 1844—1845 гг., когда сложились взгляды Маркса, он был материалистом, в частности сторонником Л. Фейербаха, усматривая и впоследствии его слабые стороны исключительно в недостаточной последовательности и всесторонности его материализма. Всемирно-историческое, «составляющее эпоху» значение Фейербаха Маркс видел именно в решительном разрыве с идеализмом Гегеля и в провозглашении материализма, который еще «в XVIII веке особенно во Франции был борьбой не только против существующих политических учреждений, а вместе с тем против религии и теологии, но и... против всякой метафизики» (в смысле «пьяной спекуляции» в отличие от «трезвой философии») («Святое семейство» в «Литературном Наследстве»)[8]. «Для Гегеля,— писал Маркс,— процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург (творец, созидатель) действительного... У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» («Капитал», I, послесловие к 2 изд.[9]). В полном соответствии с этой материалистической философией Маркса и излагая ее, Фр. Энгельс писал в «Анти-Дюринге» *(см.):* — Маркс ознакомился с этим сочинением в рукописи — «...Единство мира состоит не в его бытии, а в его материальности, которая доказывается... долгим и трудным развитием философии и естествознания... Движение есть форма бытия материи. Нигде и никогда не бывало и не может быть материи без движения, движения без материи... Если поставить вопрос,.. что̀ такое мышление и познание, откуда они берутся, то мы увидим, что они — продукты человеческого мозга и что сам человек — продукт природы, развившийся в известной природной обстановке и вместе с ней. Само собою разумеется в силу этого, что продукты человеческого мозга, являющиеся в последнем счете тоже продуктами природы, не противоречат остальной связи природы, а соответствуют ей». «Гегель был идеалист, т. е. для него мысли нашей головы были не отражениями (Abbilder, отображениями, иногда Энгельс говорит об «оттисках»), более или менее абстрактными, действительных вещей и процессов, а, наоборот, вещи и развитие их были для Гегеля отражениями какой-то идеи, существовавшей где-то до возникновения мира»[10]. В своем сочинении «Людвиг Фейербах», в котором Фр. Энгельс излагает свои и Маркса взгляды на философию Фейербаха и которое Энгельс отправил в печать, предварительно перечитав старую рукопись свою и Маркса 1844—

1845 гг. по вопросу о Гегеле, Фейербахе и материалистическом понимании истории, Энгельс пишет: «Великим основным вопросом всякой, а особенно новейшей философии является вопрос об отношении мышления к бытию, духа к природе... что̀ чему предшествует: дух природе или природа духу... Философы разделились на два больших лагеря, сообразно тому, как отвечали они на этот вопрос. Те, которые утверждали, что дух существовал прежде природы, и которые, следовательно, так или иначе признавали сотворение мира, ...составили идеалистический лагерь. Те же, которые основным началом считали природу, примкнули к различным школам материализма». Всякое иное употребление понятий (философского) идеализма и материализма ведет лишь к путанице. Маркс решительно отвергал не только идеализм, всегда связанный так или иначе с религией, но и распространенную особенно в наши дни точку зрения Юма и Канта, агностицизм, критицизм, позитивизм в различных видах, считая подобную философию «реакционной» уступкой идеализму и в лучшем случае «стыдливым пропусканием через заднюю дверь материализма, изгоняемого на глазах публики» [11]. См. по этому вопросу, кроме названных сочинений Энгельса и Маркса, письмо последнего к Энгельсу от 12 декабря 1866 г., где Маркс, отмечая «более материалистическое», чем обычно, выступление известного естествоиспытателя Т. Гёксли и его признание, что, поскольку «мы действительно наблюдаем и мыслим, мы не можем никогда сойти с почвы материализма», упрекает его за «лазейку» в сторону агностицизма, юмизма [12]. В особенности надо отметить взгляд Маркса на отношение свободы к необходимости: «слепа необходимость, пока она не сознана. Свобода есть сознание необходимости» (Энгельс в «Анти-Дюринге») = признание объективной закономерности природы и диалектического превращения необходимости в свободу (наравне с превращением непознанной, но познаваемой, «вещи в себе» в «вещь для нас», «сущности вещей» в «явления»). Основным недостатком «старого», в том числе и фейербаховского (а тем более «вульгарного», Бюхнера-Фогта-Молешотта) материализма Маркс и Энгельс считали (1) то, что этот материализм был «преимущественно механическим», не учитывая новейшего развития химии и биологии (а в наши дни следовало бы еще добавить: электрической теории материи); (2) то, что старый материализм был неисторичен, недиалектичен (метафизичен в смысле антидиалектики), не проводил последовательно и всесторонне точки зрения развития; (3) то, что они «сущность человека» понимали абстрактно, а не как «совокупность» (определенных конкретно-исторически) «всех общественных отношений» и потому только «объясняли» мир, тогда когда дело идет об «изменении» его, т. е. не понимали значения «революционной практической деятельности».

В. И. Ленин.— Карл Маркс

ДИАЛЕКТИКА

Гегелевскую диалектику, как самое всестороннее, богатое содержанием и глубокое учение о развитии, Маркс и Энгельс считали величайшим приобретением классической немецкой философии. Всякую иную формулировку принципа развития, эволюции, они считали односторонней, бедной содержанием, уродующей и калечащей действительный ход развития (нередко со скачкàми, катастрофами, революциями) в природе и в обществе. «Мы с Марксом были едва ли не единственными людьми, поставившими себе задачу спасти» (от разгрома идеализма и гегельянства в том числе) «сознательную диалектику и перевести ее в материалистическое понимание природы». «Природа есть подтверждение диалектики, и как раз новейшее естествознание показывает, что это подтверждение необыкновенно богатое» (писано до открытия радия, электронов, превращения элементов и т. п.!), «накопляющее ежедневно массу материала и доказывающее, что дела обстоят в природе в последнем счете диалектически, а не метафизически» [13].

«Великая основная мысль,— пишет Энгельс,— что мир состоит не из готовых, законченных предметов, а представляет собой совокупность процессов, в которой предметы, кажущиеся неизменными, равно как и делаемые головой мысленные их снимки, понятия, находятся в беспрерывном изменении, то возникают, то уничтожаются,— эта великая основная мысль со времени Гегеля до такой степени вошла в общее сознание, что едва ли кто-нибудь станет оспаривать ее в ее общем виде. Но одно дело признавать ее на словах, другое дело — применять ее в каждом отдельном случае и в каждой данной области исследования». «Для диалектической философии нет ничего раз навсегда установленного, безусловного, святого. На всем и во всем видит она печать неизбежного падения, и ничто не может устоять перед нею, кроме непрерывного процесса возникновения и уничтожения, бесконечного восхождения от низшего к высшему. Она сама является лишь простым отражением этого процесса в мыслящем мозгу». Таким образом диалектика, по Марксу, есть «наука об общих законах движения как внешнего мира, так и человеческого мышления» [14].

Эту, революционную, сторону философии Гегеля воспринял и развил Маркс. Диалектический материализм «не нуждается ни в какой философии, стоящей над прочими науками». От прежней философии остается «учение о мышлении и его законах — формальная логика и диалектика» [15]. А диалектика, в понимании Маркса и согласно также Гегелю, включает в себя то, что ныне зовут теорией познания, гносеологией, которая должна рассматривать свой предмет равным образом исторически, изучая и обобщая происхождение и развитие познания, переход от *не*знания к познанию.

В наше время идея развития, эволюции, вошла почти всецело в общественное сознание, но иными путями, не через философию Гегеля. Однако эта идея в той формулировке, которую дали Маркс и Энгельс, опираясь на Гегеля, гораздо более всестороння, гораздо богаче содержанием, чем ходячая идея эволюции. Развитие, как бы повторяющее пройденные уже ступени, но повторяющее их иначе, на более высокой базе («отрицание отрицания»), развитие, так сказать, по спирали, а не по прямой линии; — развитие скачкообразное, катастрофическое, революционное; — «перерывы постепенности»; превращение количества в качество; — внутренние импульсы к развитию, даваемые противоречием, столкновением различных сил и тенденций, действующих на данное тело или в пределах данного явления или внутри данного общества; — взаимозависимость и теснейшая, неразрывная связь *всех* сторон каждого явления (причем история открывает все новые и новые стороны), связь, дающая единый, закономерный мировой процесс движения,— таковы некоторые черты диалектики, как более содержательного (чем обычное) учения о развитии. (Ср. письмо Маркса к Энгельсу от 8 января 1868 г. с насмешкой над «деревянными трихотомиями» Штейна, которые нелепо смешивать с материалистической диалектикой [16].)

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ ИСТОРИИ

Сознание непоследовательности, незавершенности, односторонности старого материализма привело Маркса к убеждению в необходимости «согласовать науку об обществе с материалистическим основанием и перестроить ее соответственно этому основанию» [17]. Если материализм вообще объясняет сознание из бытия, а не обратно, то в применении к общественной жизни человечества материализм требовал объяснения *общественного* сознания из *общественного* бытия. «Технология,— говорит Маркс («Капитал», I),— вскрывает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а вместе с тем и его общественных условий жизни и проистекающих из них духовных представлений» [18]. Цельную формулировку основных положений материализма, распространенного на человеческое общество и его историю, Маркс дал в предисловии к сочинению «К критике политической экономии» в следующих словах:

«В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие, отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил.

Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что̀ является только юридическим выражением этого — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественнонаучной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче: от идеологических форм, в которых люди сознают этот конфликт и борются с ним.

Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что̀ сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями...» «В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации» [19]. (Ср. краткую формулировку Маркса в письме к Энгельсу от 7 июля 1866 г.: «Наша теория об определении организации труда средствами производства» [20].)

Открытие материалистического понимания истории или, вернее, последовательное продолжение, распространение материализма на область общественных явлений устранило два главных недостатка прежних исторических теорий. Во-1-х, они в лучшем случае рассматривали лишь идейные мотивы исторической деятельности людей, не исследуя того, чем вызываются эти мотивы, не улавливая объективной закономерности в развитии системы общественных отношений, не усматривая корней этих отношений в степени развития материального производства; во-2-х, прежние теории не охватывали как раз действий *масс* населения, тогда как исторический материализм впервые дал возможность с естественноисторической точностью исследовать общественные условия жизни масс и изменения

этих условий. Домарксовская «социология» и историография в *лучшем* случае давали накопление сырых фактов, отрывочно набранных, и изображение отдельных сторон исторического процесса. Марксизм указал путь к всеобъемлющему, всестороннему изучению процесса возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций, рассматривая *совокупность* всех противоречивых тенденций, сводя их к точно определяемым условиям жизни и производства различных *классов* общества, устраняя субъективизм и произвол в выборе отдельных «главенствующих» идей или в толковании их, вскрывая *корни* без исключения всех идей и всех различных тенденций в состоянии материальных производительных сил. Люди сами творят свою историю, но чем определяются мотивы людей и именно масс людей, чем вызываются столкновения противоречивых идей и стремлений, какова совокупность всех этих столкновений всей массы человеческих обществ, каковы объективные условия производства материальной жизни, создающие базу всей исторической деятельности людей, каков закон развития этих условий,— на все это обратил внимание Маркс и указал путь к научному изучению истории, как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости, процесса.

КЛАССОВАЯ БОРЬБА

Что стремления одних членов данного общества идут вразрез с стремлениями других, что общественная жизнь полна противоречий, что история показывает нам борьбу между народами и обществами, а также внутри них, а кроме того еще смену периодов революции и реакции, мира и войн, застоя и быстрого прогресса или упадка, эти факты общеизвестны. Марксизм дал руководящую нить, позволяющую открыть закономерность в этом кажущемся лабиринте и хаосе, именно: теорию классовой борьбы. Только изучение совокупности стремлений всех членов данного общества или группы обществ способно привести к научному определению результата этих стремлений. А источником противоречивых стремлений является различие в положении и условии жизни тех *классов*, на которые каждое общество распадается. «История всех до сих пор существовавших обществ,— пишет Маркс в «Коммунистическом Манифесте» (за исключением истории первобытной общины — добавляет впоследствии Энгельс),— была историей борьбы классов. Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным

переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов... Вышедшее из недр погибшего феодального общества современное буржуазное общество не уничтожило классовых противоречий. Оно только поставило новые классы, новые условия угнетения и новые формы борьбы на место старых. Наша эпоха, эпоха буржуазии, отличается, однако, тем, что она упростила классовые противоречия: общество все более и более раскалывается на два большие враждебные лагеря, на два большие, стоящие друг против друга, класса — буржуазию и пролетариат». Со времени великой французской революции европейская история с особой наглядностью вскрывала в ряде стран эту действительную подкладку событий, борьбу классов. И уже эпоха реставрации во Франции выдвинула ряд историков (Тьерри, Гизо, Минье, Тьер), которые, обобщая происходящее, не могли не признать борьбы классов ключом к пониманию всей французской истории. А новейшая эпоха, эпоха полной победы буржуазии, представительных учреждений, широкого (если не всеобщего) избирательного права, дешевой, идущей в массы, ежедневной печати и т. п., эпоха могучих и все более широких союзов рабочих и союзов предпринимателей и т. д., показала еще нагляднее (хотя и в очень иногда односторонней, «мирной», «конституционной» форме) борьбу классов, как двигатель событий. Следующее место из «Коммунистического Манифеста» Маркса покажет нам, какие требования объективного анализа положения каждого класса в современном обществе, в связи с анализом условий развития каждого класса, предъявлял Маркс общественной науке: «Из всех классов, которые противостоят теперь буржуазии, только пролетариат представляет собою действительно революционный класс. Все прочие классы приходят в упадок и уничтожаются с развитием крупной промышленности; пролетариат же есть ее собственный продукт. Средние сословия: мелкий промышленник, мелкий торговец, ремесленник и крестьянин — все они борются с буржуазией для того, чтобы спасти свое существование от гибели, как средних сословий. Они, следовательно, не революционны, а консервативны. Даже более, они реакционны: они стремятся повернуть назад колесо истории. Если они революционны, то постольку, поскольку им предстоит переход в ряды пролетариата, поскольку они защищают не свои настоящие, а свои будущие интересы: поскольку они покидают свою собственную точку зрения для того, чтобы встать на точку зрения пролетариата». В ряде исторических сочинений (см. *Литературу*) Маркс дал блестящие и глубокие образцы материалистической историографии, анализа положения *каждого* отдельного класса и иногда различных групп или слоев внутри класса, показывая воочию, почему и как «всякая классовая борьба есть борьба политическая» [21]. Приведенный нами отрывок иллюстрирует, какую сложную сеть общественных отношений и *переходных*

ступеней от одного класса к другому, от прошлого к будущему анализирует Маркс для учета всей равнодействующей исторического развития.

Наиболее глубоким, всесторонним и детальным подтверждением и применением теории Маркса является его экономическое учение.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ МАРКСА

«Конечной целью моего сочинения,— говорит Маркс в предисловии к «Капиталу»,— является открытие экономического закона движения современного общества» [22], т. е. капиталистического, буржуазного общества. Исследование производственных отношений данного, исторически определенного, общества в их возникновении, развитии и упадке — таково содержание экономического учения Маркса. В капиталистическом обществе господствует производство *товаров,* и анализ Маркса начинается поэтому с анализа товара.

СТОИМОСТЬ

Товар есть, во-1-х, вещь, удовлетворяющая какой-либо потребности человека; во-2-х, вещь, обмениваемая на другую вещь. Полезность вещи делает ее *потребительной стоимостью.* Меновая стоимость (или просто стоимость) является прежде всего отношением, пропорцией при обмене известного числа потребительных стоимостей одного вида на известное число потребительных стоимостей другого вида. Ежедневный опыт показывает нам, что миллионы и миллиарды таких обменов приравнивают постоянно все и всякие, самые различные и несравнимые друг с другом, потребительные стоимости одну к другой. Что же есть общего между этими различными вещами, постоянно приравниваемыми друг к другу в определенной системе общественных отношений? Общее между ними то, что они — *продукты труда.* Обменивая продукты, люди приравнивают самые различные виды труда. Производство товаров есть система общественных отношений, при которой отдельные производители созидают разнообразные продукты (общественное разделение труда), и все эти продукты приравниваются друг к другу при обмене. Следовательно, тем общим, что̀ есть во всех товарах, является не конкретный труд определенной отрасли производства, не труд одного вида, а *абстрактный* человеческий труд, человеческий труд вообще. Вся рабочая сила данного общества, представленная в сумме стоимостей всех товаров, является одной и той же человеческой рабочей силой: миллиарды фактов обмена доказывают это. И, следовательно, каждый отдельный товар представляется лишь известной долей *общественно-необходимого* рабочего времени. Величина стоимости определяется количеством общественно-необходимого труда или

рабочим временем, общественно-необходимым для производства данного товара, данной потребительной стоимости. «Приравнивая свои различные продукты при обмене один к другому, люди приравнивают свои различные виды труда один к другому. Они не сознают этого, но они это делают» [23]. Стоимость есть отношение между двумя лицами — как сказал один старый экономист; ему следовало лишь добавить: отношение, прикрытое вещной оболочкой. Только с точки зрения системы общественных производственных отношений одной определенной исторической формации общества, притом отношений, проявляющихся в массовом, миллиарды раз повторяющемся явлении обмена, можно понять, что такое стоимость. «Как стоимости, товары суть лишь определенные количества застывшего рабочего времени» [24]. Проанализировав детально двойственный характер труда, воплощенного в товарах, Маркс переходит к анализу *формы стоимости* и *денег*. Главной задачей Маркса является при этом изучение *происхождения* денежной формы стоимости, изучение *исторического процесса* развертывания обмена, начиная с отдельных, случайных актов его («простая, отдельная или случайная форма стоимости»: данное количество одного товара обменивается на данное количество другого товара) вплоть до всеобщей формы стоимости, когда ряд различных товаров обменивается на один и тот же определенный товар, и до денежной формы стоимости, когда этим определенным товаром, всеобщим эквивалентом, является золото. Будучи высшим продуктом развития обмена и товарного производства, деньги затушевывают, прикрывают общественный характер частных работ, общественную связь между отдельными производителями, объединенными рынком. Маркс подвергает чрезвычайно детальному анализу различные функции денег, причем и здесь (как вообще в первых главах «Капитала») в особенности важно отметить, что абстрактная и кажущаяся иногда чисто дедуктивной форма изложения на самом деле воспроизводит гигантский фактический материал по истории развития обмена и товарного производства. «Деньги предполагают известную высоту товарного обмена. Различные формы денег — простой товарный эквивалент или средство обращения или средство платежа, сокровище и всемирные деньги — указывают, смотря по различным размерам применения той или другой функции, по сравнительному преобладанию одной из них, на весьма различные ступени общественного процесса производства» («Капитал», I) [25].

ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ

На известной ступени развития товарного производства деньги превращаются в капитал. Формулой товарного обращения было: Т (товар) — Д (деньги) — Т (товар), т. е. продажа одного товара для покупки другого.

Общей формулой капитала является, наоборот, Д — Т — Д, т. е. покупка для продажи (с прибылью). Прибавочной стоимостью называет Маркс это возрастание первоначальной стоимости денег, пускаемых в оборот. Факт этого «роста» денег в капиталистическом обороте общеизвестен. Именно этот «рост» превращает деньги в *капитал,* как особое, исторически определенное, общественное отношение производства. Прибавочная стоимость не может возникнуть из товарного обращения, ибо оно знает лишь обмен эквивалентов, не может возникнуть и из надбавки к цене, ибо взаимные потери и выигрыши покупателей и продавцов уравновесились бы, а речь идет именно о массовом, среднем, общественном явлении, а не об индивидуальном. Чтобы получить прибавочную стоимость, «владелец денег должен найти на рынке такой товар, сама потребительная стоимость которого обладала бы оригинальным свойством быть источником стоимости», такой товар, процесс потребления которого был бы в то же самое время процессом создания стоимости. И такой товар существует. Это — рабочая сила человека. Потребление ее есть труд, а труд создает стоимость. Владелец денег покупает рабочую силу по ее стоимости, определяемой, подобно стоимости всякого другого товара, общественно-необходимым рабочим временем, необходимым для ее производства (т. е. стоимостью содержания рабочего и его семьи). Купив рабочую силу, владелец денег вправе потреблять ее, т. е. заставлять ее работать целый день, скажем, 12 часов. Между тем рабочий в течение 6 часов («необходимое» рабочее время) создает продукт, окупающий его содержание, а в течение следующих 6 часов («прибавочное» рабочее время) создает неоплаченный капиталистом «прибавочный» продукт или прибавочную стоимость. Следовательно, в капитале, с точки зрения процесса производства, необходимо различать две части: постоянный капитал, расходуемый на средства производства (машины, орудия труда, сырой материал и т. д.) — стоимость его (сразу или по частям) без изменения переходит на готовый продукт — и переменный капитал, расходуемый на рабочую силу. Стоимость этого капитала не остается неизменной, а возрастает в процессе труда, создавая прибавочную стоимость. Поэтому для выражения степени эксплуатации рабочей силы капиталом надо сравнивать прибавочную стоимость не со всем капиталом, а только с переменным капиталом. Норма прибавочной стоимости, как называет Маркс это отношение, будет, например, в нашем примере $\frac{6}{6}$ т. е. 100 %.

Исторической предпосылкой возникновения капитала является, во-1-х, накопление известной денежной суммы в руках отдельных лиц при высоком сравнительно уровне развития товарного производства вообще и, во-2-х, наличность «свободного» в двояком смысле рабочего, свободного от

всяких стеснений или ограничений продажи рабочей силы и свободного от земли и вообще от средств производства, бесхозяйного рабочего, рабочего-«пролетария», которому нечем существовать, кроме как продажей рабочей силы.

Увеличение прибавочной стоимости возможно путем двух основных приемов: путем удлинения рабочего дня («абсолютная прибавочная стоимость») и путем сокращения необходимого рабочего дня («относительная прибавочная стоимость»). Анализируя первый прием, Маркс развертывает грандиозную картину борьбы рабочего класса за сокращение рабочего дня и вмешательства государственной власти за удлинение рабочего дня (XIV—XVII века) и за сокращение его (фабричное законодательство XIX века). После того, как появился «Капитал», история рабочего движения всех цивилизованных стран мира дала тысячи и тысячи новых фактов, иллюстрирующих эту картину.

Анализируя производство относительной прибавочной стоимости, Маркс исследует три основные исторические стадии повышения производительности труда капитализмом: 1) простую кооперацию; 2) разделение труда и мануфактуру; 3) машины и крупную промышленность. Насколько глубоко вскрыты здесь Марксом основные, типичные черты развития капитализма, видно, между прочим, из того, что исследования русской так называемой «кустарной» промышленности дают богатейший материал по иллюстрации двух первых из названных трех стадий. А революционизирующее действие крупной машинной индустрии, описанное Марксом в 1867 году, обнаружилось в течение полувека, истекшего с тех пор, на целом ряде «новых» стран (Россия, Япония и др.).

Далее. В высшей степени важным и новым является у Маркса анализ *накопления капитала,* т. е. превращения части прибавочной стоимости в капитал, употребление ее не на личные нужды или причуды капиталиста, а на новое производство. Маркс показал ошибку всей прежней классической политической экономии (начиная с Адама Смита), которая полагала, что вся прибавочная стоимость, превращаемая в капитал, идет на переменный капитал. На самом же деле она распадается на *средства производства* плюс переменный капитал. Громадное значение в процессе развития капитализма и превращения его в социализм имеет более быстрое возрастание доли постоянного капитала (в общей сумме капитала) по сравнению с долей переменного капитала.

Накопление капитала, ускоряя вытеснение рабочих машиной, создавая на одном полюсе богатство, на другом нищету, порождает и так называемую «резервную рабочую армию», «относительный избыток» рабочих или «капиталистическое перенаселение», принимающее чрезвычайно разнообразные формы и дающее возможность капиталу чрезвычайно быстро

расширять производство. Эта возможность в связи с кредитом и накоплением капитала в средствах производства дает, между прочим, ключ к пониманию *кризисов* перепроизводства, периодически наступавших в капиталистических странах сначала в среднем каждые 10 лет, потом в более продолжительные и менее определенные промежутки времени. От накопления капитала на базисе капитализма следует отличать так называемое первоначальное накопление: насильственное отделение работника от средств производства, изгнание крестьян с земли, кражу общинных земель, систему колоний и государственных долгов, покровительственных пошлин и т. д. «Первоначальное накопление» создает на одном полюсе «свободного» пролетария, на другом владельца денег, капиталиста.

«Историческую тенденцию капиталистического накопления» Маркс характеризует в следующих знаменитых словах: «Экспроприация непосредственных производителей производится с самым беспощадным вандализмом и под давлением самых подлых, самых грязных, самых мелочных и самых бешеных страстей. Частная собственность, добытая трудом собственника» (крестьянина и ремесленника), «основанная, так сказать, на срастании отдельного независимого работника с его орудиями и средствами труда, вытесняется капиталистической частной собственностью, которая покоится на эксплуатации чужой, но формально свободной рабочей силы... Теперь экспроприации подлежит уже не рабочий, сам ведущий самостоятельное хозяйство, а капиталист, эксплуатирующий многих рабочих. Эта экспроприация совершается игрой имманентных законов самого капиталистического производства, путем централизации капиталов. Один капиталист побивает многих капиталистов. Рука об руку с этой централизацией или экспроприацией многих капиталистов немногими развивается кооперативная форма процесса труда во все более и более широких, крупных размерах, развивается сознательное техническое применение науки, планомерная эксплуатация земли, превращение средств труда в такие средства труда, которые допускают лишь коллективное употребление, экономизирование всех средств производства путем употребления их как средств производства комбинированного общественного труда, вплетение всех народов в сеть всемирного рынка, а вместе с тем интернациональный характер капиталистического режима. Вместе с постоянно уменьшающимся числом магнатов капитала, которые узурпируют и монополизируют все выгоды этого процесса превращения, возрастает масса нищеты, угнетения, рабства, вырождения, эксплуатации, но вместе с тем и возмущения рабочего класса, который обучается, объединяется и организуется механизмом самого процесса капиталистического производства. Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация

средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют» («Капитал», I).

В высшей степени важным и новым является, далее, данный Марксом во II томе «Капитала» анализ воспроизведения общественного капитала, взятого в целом. И здесь Маркс берет не индивидуальное, а массовое явление, не дробную частичку экономии общества, а всю эту экономию в совокупности. Исправляя указанную выше ошибку классиков, Маркс делит все общественное производство на два больших отдела: I) производство средств производства и II) производство предметов потребления и детально рассматривает, на взятых им числовых примерах, обращение всего общественного капитала в целом, как при воспроизводстве в прежних размерах, так и при накоплении. В III томе «Капитала» разрешен вопрос об образовании средней нормы прибыли на основе закона стоимости. Великим шагом вперед экономической науки, в лице Маркса, является то, что анализ ведется с точки зрения массовых экономических явлений, всей совокупности общественного хозяйства, а не с точки зрения отдельных казусов или внешней поверхности конкуренции, чем ограничивается часто вульгарная политическая экономия или современная «теория предельной полезности». Сначала Маркс анализирует происхождение прибавочной стоимости и затем уже переходит к ее распадению на прибыль, процент и поземельную ренту. Прибыль есть отношение прибавочной стоимости ко всему вложенному в предприятие капиталу. Капитал «высокого органического строения» (т. е. с преобладанием постоянного капитала над переменным в размерах выше среднего общественного) дает норму прибыли ниже среднего. Капитал «низкого органического строения» — выше среднего. Конкуренция между капиталами, свободный переход их из одной отрасли в другую сведет в обоих случаях норму прибыли к средней. Сумма стоимостей всех товаров данного общества совпадает с суммой цен товаров, но в отдельных предприятиях и отдельных отраслях производства товары, под влиянием конкуренции, продаются не по их стоимостям, а по *ценам производства* (или производственным ценам), которые равняются затраченному капиталу плюс средняя прибыль.

Таким образом, общеизвестный и бесспорный факт отступления цен от стоимостей и равенства прибыли вполне объяснен Марксом на основе закона стоимости, ибо сумма стоимостей всех товаров совпадает с суммой цен. Но сведение стоимости (общественной) к ценам (индивидуальным) происходит не простым, не непосредственным, а очень сложным путем: вполне естественно, что в обществе разрозненных товаропроизводителей, связанных лишь рынком, закономерность не может проявляться

иначе как в средней, общественной, массовой закономерности при взаимопогашении индивидуальных уклонений в ту или другую сторону.

Повышение производительности труда означает более быстрый рост постоянного капитала по сравнению с переменным. А так как прибавочная стоимость есть функция одного лишь переменного капитала, то понятно, что норма прибыли (отношение прибавочной стоимости ко всему капиталу, а не к его переменной только части) имеет тенденцию к падению. Маркс подробно анализирует эту тенденцию и ряд прикрывающих ее или противодействующих ей обстоятельств. Не останавливаясь на передаче чрезвычайно интересных отделов III тома, посвященных ростовщическому, торговому и денежному капиталу, мы перейдем к самому главному: к теории *поземельной ренты*. Цена производства земледельческих продуктов в силу ограниченности площади земли, которая вся занята отдельными хозяевами в капиталистических странах, определяется издержками производства не на средней, а на худшей почве, не при средних, а при худших условиях доставки продукта на рынок. Разница между этой ценой и ценой производства на лучших почвах (или при лучших условиях) дает разностную или *дифференциальную* ренту. Анализируя ее детально, показывая происхождение ее при разнице в плодородии отдельных участков земли, при разнице в размерах вложения капитала в землю, Маркс вполне вскрыл (см. также «Теории прибавочной стоимости», где особого внимания заслуживает критика Родбертуса) ошибку Рикардо, будто дифференциальная рента получается лишь при последовательном переходе от лучших земель к худшим. Напротив, бывают и обратные переходы, бывает превращение одного разряда земель в другие (в силу прогресса агрикультурной техники, роста городов и пр.), и глубокой ошибкой, взваливанием на природу недостатков, ограниченностей и противоречий капитализма является пресловутый «закон убывающего плодородия почвы». Затем, равенство прибыли во всех отраслях промышленности и народного хозяйства вообще предполагает полную свободу конкуренции, свободу перелива капитала из одной отрасли в другую. Между тем частная собственность на землю создает монополию, помеху этому свободному переливу. В силу этой монополии продукты сельского хозяйства, отличающегося более низким строением капитала и, следовательно, индивидуально более высокой нормой прибыли, не идут в вполне свободный процесс выравнивания нормы прибыли; собственник земли, как монополист, получает возможность удержать цену выше средней, а эта монопольная цена рождает *абсолютную* ренту. Дифференциальная рента не может быть уничтожена при существовании капитализма, абсолютная же *может* — например, при национализации земли, при переходе ее в собственность государства. Такой переход означал бы подрыв монополии ча-

стных собственников, означал бы более последовательное, более полное проведение свободы конкуренции в земледелии. И поэтому радикальные буржуа, отмечает Маркс, выступали в истории неоднократно с этим прогрессивным буржуазным требованием национализации земли, которое, однако, отпугивает большинство буржуазии, ибо слишком близко «задевает» еще другую, в наши дни особенно важную и «чувствительную» монополию: монополию средств производства вообще. (Замечательно популярно, сжато и ясно изложил сам Маркс свою теорию средней прибыли на капитал и абсолютной земельной ренты в письме к Энгельсу от 2 августа 1862 г. См. «Переписку», т. III, стр. 77—81. Ср. также письмо от 9 августа 1862 г., там же, стр. 86—87) [26].— К истории поземельной ренты важно также указать на анализ Маркса, показывающего превращение ренты отработочной (когда крестьянин своим трудом на земле помещика создает прибавочный продукт) в ренту продуктами или натурой (крестьянин на своей земле производит прибавочный продукт, отдавая его помещику в силу «внеэкономического принуждения»), затем в ренту денежную (та же рента натурой, превращенная в деньги, «оброк» старой Руси, в силу развития товарного производства) и наконец в ренту капиталистическую, когда на место крестьянина является предприниматель в земледелии, ведущий обработку при помощи наемного труда. В связи с этим анализом «генезиса капиталистической поземельной ренты» следует отметить ряд глубоких (и особенно важных для отсталых стран, как Россия) мыслей Маркса об *эволюции капитализма в земледелии.* «Превращению натуральной ренты в денежную не только сопутствует неизбежно, но даже предшествует образование класса неимущих поденщиков, нанимающихся за деньги. В период возникновения этого класса, когда он появляется еще только спорадически, у более зажиточных, обязанных оброком крестьян естественно развивается обычай эксплуатировать за свой счет сельских наемных рабочих — совершенно подобно тому, как в феодальные времена зажиточные крепостные крестьяне сами, в свою очередь, держали крепостных. У этих крестьян развивается, таким образом, постепенно возможность накоплять известное имущество и превращаться самим в будущих капиталистов. Среди старых владельцев земли, ведущих самостоятельное хозяйство, возникает, следовательно, рассадник капиталистических арендаторов, развитие которых обусловлено общим развитием капиталистического производства вне сельского хозяйства» («Капитал», III², 332) [27]... «Экспроприация и изгнание из деревни части сельского населения не только «освобождает» для промышленного капитала рабочих, их средства к жизни, их орудия труда, но и создает внутренний рынок» («Капитал», I², 778) [28]. Обнищание и разорение сельского населения играет, в свою очередь, роль в деле создания резервной рабочей армии для капитала.

Во всякой капиталистической стране «часть сельского населения находится поэтому постоянно в переходном состоянии к превращению в городское или мануфактурное (т. е. не земледельческое) население. Этот источник относительного избыточного населения течет постоянно... Сельского рабочего сводят к наинизшему уровню заработной платы, и он всегда стоит одной ногой в болоте пауперизма» («Капитал», I [2], 668). Частная собственность крестьянина на землю, обрабатываемую им, есть основа мелкого производства и условие его процветания, приобретения им классической формы. Но это мелкое производство совместимо только с узкими примитивными рамками производства и общества. При капитализме «эксплуатация крестьян отличается от эксплуатации промышленного пролетариата лишь по форме. Эксплуататор тот же самый — капитал. Отдельные капиталисты эксплуатируют отдельных крестьян посредством ипотек и ростовщичества; класс капиталистов эксплуатирует класс крестьян посредством государственных налогов» («Классовая борьба во Франции») [29]. «Парцелла (мелкий участок земли) крестьянина представляет только предлог, позволяющий капиталисту извлекать из земли прибыль, процент и ренту, предоставляя самому землевладельцу выручать, как ему угодно, свою заработную плату» («18 брюмера») [30]. Обычно крестьянин отдает даже капиталистическому обществу, т. е. классу капиталистов, часть заработной платы, опускаясь «до уровня ирландского арендатора — под видом частного собственника» («Классовая борьба во Франции»). В чем состоит «одна из причин того, что в странах с преобладающим мелким крестьянским землевладением цена на хлеб стоит ниже, чем в странах с капиталистическим способом производства»? («Капитал», III [2], 340). В том, что крестьянин отдает обществу (т. е. классу капиталистов) даром часть прибавочного продукта. «Следовательно, такая низкая цена (хлеба и др. сельскохозяйственных продуктов) есть следствие бедности производителей, а ни в коем случае не результат производительности их труда» («Капитал», III [2], 340). Мелкая поземельная собственность, нормальная форма мелкого производства, деградируется, уничтожается, гибнет при капитализме. «Мелкая земельная собственность, по сущности своей, исключает: развитие общественных производительных сил труда, общественные формы труда, общественную концентрацию капиталов, скотоводство в крупных размерах, все большее и большее применение науки. Ростовщичество и система налогов неизбежно ведут всюду к ее обнищанию. Употребление капитала на покупку земли отнимает этот капитал от употребления на культуру земли. Бесконечное раздробление средств производства и разъединение самих производителей». (Кооперации, т. е. товарищества мелких крестьян, играя чрезвычайно прогрессивную буржуазную роль, лишь ослабляют эту тенденцию, но не уничтожают ее; не

надо также забывать, что эти кооперации дают много зажиточным крестьянам и очень мало, почти ничего, массе бедноты, а затем товарищества сами становятся эксплуататорами наемного труда.) «Гигантское расхищение человеческой силы. Все большее и большее ухудшение условий производства и удорожание средств производства есть закон парцелльной (мелкой) собственности» [31]. Капитализм и в земледелии, как и в промышленности, преобразует процесс производства лишь ценой «мартирологии производителей». «Рассеяние сельских рабочих на больших пространствах сламывает их силу сопротивления, в то время как концентрация городских рабочих увеличивает эту силу. В современном, капиталистическом, земледелии, как и в современной промышленности, повышение производительной силы труда и бо̀льшая подвижность его покупаются ценой разрушения и истощения самой рабочей силы. Кроме того всякий прогресс капиталистического земледелия есть не только прогресс в искусстве грабить рабочего, но и в искусстве грабить почву... Капиталистическое производство, следовательно, развивает технику и комбинацию общественного процесса производства лишь таким путем, что оно подрывает в то же самое время источники всякого богатства: землю и рабочего» («Капитал», I, конец 13-й главы).

СОЦИАЛИЗМ

Из предыдущего видно, что неизбежность превращения капиталистического общества в социалистическое Маркс выводит всецело и исключительно из экономического закона движения современного общества. Обобществление труда, в тысячах форм идущее вперед все более и более быстро и проявляющееся за те полвека, которые прошли со смерти Маркса, особенно наглядно в росте крупного производства, картелей, синдикатов и трестов капиталистов, а равно в гигантском возрастании размеров и мощи финансового капитала,— вот главная материальная основа неизбежного наступления социализма. Интеллектуальным и моральным двигателем, физическим выполнителем этого превращения является воспитываемый самим капитализмом пролетариат. Его борьба с буржуазией, проявляясь в различных и все более богатых содержанием формах, неизбежно становится политической борьбой, направленной к завоеванию политической власти пролетариатом («диктатура пролетариата»). Обобществление производства не может не привести к переходу средств производства в собственность общества, к «экспроприации экспроприаторов». Громадное повышение производительности труда, сокращение рабочего дня, замена остатков, руин мелкого, примитивного, раздробленного производства коллективным усовершенствованным трудом — вот прямые последствия

такого перехода. Капитализм окончательно разрывает связь земледелия с промышленностью, но в то же время своим высшим развитием он готовит новые элементы этой связи, соединения промышленности с земледелием на почве сознательного приложения науки и комбинации коллективного труда, нового расселения человечества (с уничтожением как деревенской заброшенности, оторванности от мира, одичалости, так и противоестественного скопления гигантских масс в больших городах). Новая форма семьи, новые условия в положении женщины и в воспитании подрастающих поколений подготовляются высшими формами современного капитализма: женский и детский труд, разложение патриархальной семьи капитализмом неизбежно приобретают в современном обществе самые ужасные, бедственные и отвратительные формы. Но тем не менее «крупная промышленность, отводя решающую роль в общественно-организованном процессе производства, вне сферы домашнего очага, женщинам, подросткам и детям обоего пола, создает экономическую основу для высшей формы семьи и отношения между полами. Разумеется, одинаково нелепо считать абсолютной христианско-германскую форму семьи, как и форму древнеримскую или древнегреческую или восточную, которые, между прочим, в связи одна с другой образуют единый исторический ряд развития. Очевидно, что составление комбинированного рабочего персонала из лиц обоего пола и различного возраста, будучи в своей стихийной, грубой, капиталистической форме, когда рабочий существует для процесса производства, а не процесс производства для рабочего, зачумленным источником гибели и рабства,— при соответствующих условиях неизбежно должно превратиться, наоборот, в источник гуманного развития» («Капитал», I, конец 13-й главы). Фабричная система показывает нам «зародыши воспитания эпохи будущего, когда для всех детей свыше известного возраста производительный труд будет соединяться с преподаванием и гимнастикой не только как одно из средств для увеличения общественного производства, но и как единственное средство для производства всесторонне развитых людей» (там же). На ту же историческую почву, не в смысле одного только объяснения прошлого, но и в смысле безбоязненного предвидения будущего и смелой практической деятельности, направленной к его осуществлению, ставит социализм Маркса и вопросы о национальности и о государстве. Нации неизбежный продукт и неизбежная форма буржуазной эпохи общественного развития. И рабочий класс не мог окрепнуть, возмужать, сложиться, не «устраиваясь в пределах нации», не будучи «национален» («хотя совсем не в том смысле, как понимает это буржуазия»). Но развитие капитализма все более и более ломает национальные перегородки, уничтожает национальную обособленность, ставит на место национальных антагонизмов классовые. В развитых

капиталистических странах полной истиной является поэтому, что «рабочие не имеют отечества» и что «соединение усилий» рабочих по крайней мере цивилизованных стран «есть одно из первых условий освобождения пролетариата» («Коммунистический Манифест»)[32]. Государство, это организованное насилие, возникло неизбежно на известной ступени развития общества, когда общество раскололось на непримиримые классы, когда оно не могло бы существовать без «власти», стоящей якобы над обществом и до известной степени обособившейся от него. Возникая внутри классовых противоречий, государство становится «государством сильнейшего, экономически господствующего класса, который при его помощи делается и политически господствующим классом и таким путем приобретает новые средства для подчинения и эксплуатации угнетенного класса. Так, античное государство было, прежде всего, государством рабовладельцев для подчинения рабов, феодальное государство — органом дворянства для подчинения крепостных крестьян, а современное представительное государство является орудием эксплуатации наемных рабочих капиталистами» (Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства», где он излагает свои и Маркса взгляды)[33]. Даже самая свободная и прогрессивная форма буржуазного государства, демократическая республика, нисколько не устраняет этого факта, а лишь меняет форму его (связь правительства с биржей, подкупность — прямая и косвенная — чиновников и печати и т. д.). Социализм, ведя к уничтожению классов, тем самым ведет и к уничтожению государства. «Первый акт,— пишет Энгельс в «Анти-Дюринге»,— с которым государство выступает действительно как представитель всего общества — экспроприация средств производства в пользу всего общества,— будет в то же время его последним самостоятельным актом, как государства. Вмешательство государственной власти в общественные отношения будет становиться в одной области за другой излишним и прекратится само собой. Управление людьми заменится управлением вещами и регулированием производственного процесса. Государство не будет «отменено», оно отомрет»[34]. «Общество, которое организует производство на основе свободных и равных ассоциаций производителей, поставит государственную машину туда, где ей тогда будет место: в музей древностей, рядом с веретеном и бронзовым топором» (Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства»)[35].

Наконец, по вопросу об отношении социализма Маркса к мелкому крестьянству, которое останется в эпоху экспроприации экспроприаторов, необходимо указать на заявление Энгельса, выражающего мысли Маркса: «Когда мы овладеем государственной властью, мы не будем и думать о том, чтобы насильственно экспроприировать мелких крестьян (все равно, с вознаграждением или нет), как это мы вынуждены будем сделать с

крупными землевладельцами. Наша задача по отношению к мелким крестьянам будет состоять прежде всего в том, чтобы их частное производство и частную собственность перевести в товарищескую, но не насильственным путем, а посредством примера и предложения общественной помощи для этой цели. И тогда у нас, конечно, будет достаточно средств, чтобы доказать крестьянину все преимущества такого перехода, преимущества, которые и теперь уже должны быть ему разъясняемы» (Энгельс: «К аграрному вопросу на Западе», изд. Алексеевой, стр. 17, рус. пер. с ошибками. Оригинал в «Neue Zeit»)[36].

ТАКТИКА КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ ПРОЛЕТАРИАТА

Выяснив еще в 1844—1845 гг. один из основных недостатков старого материализма, состоящий в том, что он не умел понять условий и оценить значения революционной практической деятельности, Маркс в течение всей своей жизни, наряду с теоретическими работами, уделял неослабное внимание вопросам тактики классовой борьбы пролетариата. Громадный материал дают в этом отношении *все* сочинения Маркса и изданная в 1913 г. четырехтомная переписка его с Энгельсом в особенности. Материал этот далеко еще не собран, не сведен вместе, не изучен и не разработан. Поэтому мы должны ограничиться здесь лишь самыми общими и краткими замечаниями, подчеркивая, что без *этой* стороны материализма Маркс справедливо считал его половинчатым, односторонним, мертвенным. Основную задачу тактики пролетариата Маркс определял в строгом соответствии со всеми посылками своего материалистически-диалектического миросозерцания. Лишь объективный учет всей совокупности взаимоотношений всех без исключения классов данного общества, а следовательно, и учет объективной ступени развития этого общества и учет взаимоотношений между ним и другими обществами может служить опорой правильной тактики передового класса. При этом все классы и все страны рассматриваются не в статическом, а в динамическом виде, т. е. не в неподвижном состоянии, а в движении (законы которого вытекают из экономических условий существования каждого класса). Движение в свою очередь рассматривается не только с точки зрения прошлого, но и с точки зрения будущего и притом не в пошлом понимании «эволюционистов», видящих лишь медленные изменения, а диалектически: «20 лет равняются одному дню в великих исторических развитиях,— писал Маркс Энгельсу,— хотя впоследствии могут наступить такие дни, в которых сосредоточивается по 20 лет» (т. III, с. 127 «Переписки»)[37]. На каждой ступени развития, в каждый момент тактика пролетариата должна учи-

тывать эту объективно неизбежную диалектику человеческой истории, с одной стороны, используя для развития сознания, силы и боевой способности передового класса эпохи политического застоя или черепашьего, так называемого «мирного», развития, а с другой стороны, ведя всю работу этого использования в направлении «конечной цели» движения данного класса и создания в нем способности к практическому решению великих задач в великие дни, «концентрирующие в себе по 20 лет». Два рассуждения Маркса особенно важны в данном вопросе, одно из «Нищеты философии» по поводу экономической борьбы и экономических организаций пролетариата, другое из «Коммунистического Манифеста» по поводу политических задач его. Первое гласит: «Крупная промышленность скопляет в одном месте массу неизвестных друг другу людей. Конкуренция раскалывает их интересы. Но охрана заработной платы, этот общий интерес по отношению к их хозяину, объединяет их одной общей идеей сопротивления, коалиции... Коалиции, вначале изолированные, формируются в группы, и охрана рабочими их союзов против постоянно объединенного капитала становится для них более необходимой, чем охрана заработной платы... В этой борьбе — настоящей гражданской войне — объединяются и развиваются все элементы для грядущей битвы. Достигши этого пункта, коалиция принимает политический характер»[38]. Здесь перед нами программа и тактика экономической борьбы и профессионального движения на несколько десятилетий, для всей долгой эпохи подготовки сил пролетариата «для грядущей битвы». С этим надо сопоставить многочисленные указания Маркса и Энгельса на примере английского рабочего движения, как промышленное «процветание» вызывает попытки «купить рабочих» (I, 136, «Переписка с Энгельсом»)[39], отвлечь их от борьбы, как это процветание вообще «деморализует рабочих» (II, 218); как «обуржуазивается» английский пролетариат — «самая буржуазная из всех наций» (английская) «хочет, видимо, привести дело в конце концов к тому, чтобы рядом с буржуазией иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат» (II, 290); как исчезает у него «революционная энергия» (III, 124); как придется ждать более или менее долгое время «избавления английских рабочих от их кажущегося буржуазного развращения» (III, 127); как недостает английскому рабочему движению «пыла чартистов» (1866; III, 305); как английские вожди рабочих создаются по типу серединки «между радикальным буржуа и рабочим» (о Голиоке, IV, 209); как, в силу монополии Англии и пока эта монополия не лопнет, «ничего не поделаешь с британскими рабочими» (IV, 433). Тактика экономической борьбы в связи с общим ходом *(и исходом)* рабочего движения рассматривается здесь с замечательно широкой, всесторонней, диалектической, истинно революционной точки зрения.

«Коммунистический Манифест» о тактике политической борьбы выдвинул основное положение марксизма: «коммунисты борются во имя ближайших целей и интересов рабочего класса, но в то же время они отстаивают и будущность движения» [40]. Во имя этого Маркс в 1848 г. поддерживал в Польше партию «аграрной революции», «ту самую партию, которая вызвала краковское восстание 1846 года». В Германии 1848 — 1849 гг. Маркс поддерживал крайнюю революционную демократию и никогда впоследствии не брал назад сказанного им тогда о тактике. Немецкую буржуазию он рассматривал как элемент, который «с самого начала был склонен к измене народу» (только союз с крестьянством мог бы дать буржуазии цельное осуществление ее задач) «и к компромиссу с коронованными представителями старого общества». Вот данный Марксом итоговый анализ классового положения немецкой буржуазии в эпоху буржуазно-демократической революции, анализ, являющийся, между прочим, образчиком материализма, рассматривающего общество в движении и притом не только с той стороны движения, которая обращена *назад:* «...без веры в себя, без веры в народ; ворча перед верхами, дрожа перед низами;... напуганная мировой бурей; нигде с энергией, везде с плагиатом;... без инициативы;... окаянный старик, осужденный на то, чтобы в своих старческих интересах руководить первыми порывами молодости молодого и здорового народа...» («Новая Рейнская Газета» 1848 г., см. «Литературное Наследство», т. III, 212 стр.) [41]. Около 20 лет спустя в письме к Энгельсу (III, 224) Маркс объявлял причиной неуспеха революции 1848 г. то, что буржуазия предпочла мир с рабством одной уже перспективе борьбы за свободу. Когда кончилась эпоха революций 1848—1849 гг., Маркс восстал против всякой игры в революцию (Шаппер — Виллих и борьба с ними), требуя уменья работать в эпоху новой полосы, готовящей якобы «мирно» новые революции. В каком духе требовал Маркс ведения этой работы, видно из следующей его оценки положения в Германии в наиболее глухое реакционное время в 1856 году: «Все дело в Германии будет зависеть от возможности поддержать пролетарскую революцию каким-либо вторым изданием крестьянской войны» («Переписка с Энгельсом», II, 108) [42]. Пока демократическая (буржуазная) революция в Германии была не закончена, все внимание в тактике социалистического пролетариата Маркс устремлял на развитие демократической энергии крестьянства. Лассаля он считал совершающим «объективно измену рабочему движению на пользу Пруссии» (III, 210), между прочим, именно потому, что Лассаль мирволил помещикам и прусскому национализму. «Подло,— писал Энгельс в 1865 г., обмениваясь мыслями с Марксом по поводу предстоящего общего выступления их в печати,— в земледельческой стране нападать от имени промышленных рабочих только на буржуа, забывая

о патриархальной «палочной эксплуатации» сельских рабочих феодальным дворянством» (III, 217) [43]. В период 1864—1870 гг., когда подходила к концу эпоха завершения буржуазно-демократической революции в Германии, эпоха борьбы эксплуататорских классов Пруссии и Австрии за тот или иной способ завершения этой революции *сверху*, Маркс не только осуждал Лассаля, заигрывавшего с Бисмарком, но и поправлял Либкнехта, впадавшего в «австрофильство» и в защиту партикуляризма; Маркс требовал революционной тактики, одинаково беспощадно борющейся и с Бисмарком и с австрофилами, тактики, которая не подлаживалась бы к «победителю» — прусскому юнкеру, а немедленно возобновляла революционную борьбу с ним *и на почве*, созданной прусскими военными победами («Переписка с Энгельсом», III, 134, 136, 147, 179, 204, 210, 215, 418, 437, 440—441) [44]. В знаменитом обращении Интернационала от 9 сентября 1870 г. Маркс предупреждал французский пролетариат против несвоевременного восстания [45], но, когда оно все же наступило (1871 г.), Маркс с восторгом приветствовал революционную инициативу масс, «штурмовавших небо» (письмо Маркса к Кугельману) [46]. Поражение революционного выступления в этой ситуации, как и во многих других, было, с точки зрения диалектического материализма Маркса, меньшим злом в общем ходе *и исходе* пролетарской борьбы, чем отказ от занятой позиции, сдача без боя: такая сдача деморализовала бы пролетариат, подрезала бы его способность к борьбе. Вполне оценивая использование легальных средств борьбы в эпохи политического застоя и господства буржуазной легальности, Маркс в 1877—1878 г., после того как издан был исключительный закон против социалистов резко осуждал «революционную фразу» Моста, но не менее, если не более резко обрушивался на оппортунизм, овладевший тогда на время официальной социал-демократической партией, не проявившей сразу стойкости, твердости, революционности, готовности перейти к нелегальной борьбе в ответ на исключительный закон («Письма Маркса к Энгельсу», IV, 397, 404, 418, 422, 424 [47]. Ср. также письма к Зорге).

Печатается по тексту Сочинений
В. И. Ленина, изд. 5, т. 26, стр. 43—81

В. И. ЛЕНИН

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС

Какой светильник разума погас,
Какое сердце биться перестало! *

5-го августа нового стиля (24 июля) 1895 года скончался в Лондоне Фридрих Энгельс. После своего друга Карла Маркса (умершего в 1883 г.) Энгельс был самым замечательным ученым и учителем современного пролетариата во всем цивилизованном мире. С тех пор, как судьба столкнула Карла Маркса с Фридрихом Энгельсом, жизненный труд обоих друзей сделался их общим делом. Поэтому, для того чтобы понять, что сделал Фридрих Энгельс для пролетариата, надо ясно усвоить себе значение учения и деятельности Маркса в развитии современного рабочего движения. Маркс и Энгельс первые показали, что рабочий класс с его требованиями есть необходимое порождение современного экономического порядка, который вместе с буржуазией неизбежно создает и организует пролетариат; они показали, что не благожелательные попытки отдельных благородных личностей, а классовая борьба организованного пролетариата избавит человечество от гнетущих его теперь бедствий. Маркс и Энгельс в своих научных трудах первые разъяснили, что социализм не выдумка мечтателей, а конечная цель и необходимый результат развития производительных сил в современном обществе. Вся писаная история до сих пор была историей классовой борьбы, сменой господства и побед одних общественных классов над другими. И это будет продолжаться до тех пор, пока не

* Из стихотворения Н. А. Некрасова «Памяти Добролюбова». *Ред.*

исчезнут основы классовой борьбы и классового господства — частная собственность и беспорядочное общественное производство. Интересы пролетариата требуют уничтожения этих основ, и потому против них должна быть направлена сознательная классовая борьба организованных рабочих. А всякая классовая борьба есть борьба политическая.

Эти взгляды Маркса и Энгельса усвоены теперь всем борющимся за свое освобождение пролетариатом, но, когда два друга в 40-х годах приняли участие в социалистической литературе и общественных движениях своего времени, такие воззрения были совершенной новостью. Тогда было много талантливых и бездарных, честных и бесчестных людей, которые, увлекаясь борьбой за политическую свободу, борьбой с самодержавием царей, полиции и попов, не видели противоположности интересов буржуазии и пролетариата. Эти люди не допускали и мысли, чтобы рабочие выступали как самостоятельная общественная сила. С другой стороны, было много мечтателей, подчас гениальных, думавших, что нужно только убедить правителей и господствующие классы в несправедливости современного общественного порядка и тогда легко водворить на земле мир и всеобщее благополучие. Они мечтали о социализме без борьбы. Наконец, почти все тогдашние социалисты и вообще друзья рабочего класса видели в пролетариате только *язву,* с ужасом смотрели они, как с ростом промышленности растет и эта язва. Поэтому все они думали о том, как бы остановить развитие промышленности и пролетариата, остановить «колесо истории». В противоположность общему страху перед развитием пролетариата, Маркс и Энгельс все свои надежды возлагали на беспрерывный рост пролетариата. Чем больше пролетариев, тем больше их сила, как революционного класса, тем ближе и возможнее социализм. В немногих словах заслуги Маркса и Энгельса перед рабочим классом можно выразить так: они научили рабочий класс самопознанию и самосознанию и на место мечтаний поставили науку.

Вот почему имя и жизнь Энгельса должны быть знакомы каждому рабочему, вот почему в нашем сборнике, цель которого, как и всех наших изданий, будить классовое самосознание в русских рабочих, мы должны дать очерк жизни и деятельности Фридриха Энгельса, одного из двух великих учителей современного пролетариата.

Энгельс родился в 1820 году в г. Бармене, в Рейнской провинции прусского королевства. Отец его был фабрикантом. В 1838 году Энгельс семейными обстоятельствами был вынужден, не кончив гимназии, поступить в приказчики одного бременского торгового дома. Занятия купеческим делом не помешали Энгельсу работать над своим научным и политическим образованием. Еще гимназистом возненавидел он самодержавие и произвол чиновников. Занятия философией повели его дальше. В то время

в немецкой философии господствовало учение Гегеля, и Энгельс сделался его последователем. Хотя сам Гегель был поклонником самодержавного прусского государства, на службе которого он состоял в качестве профессора Берлинского университета,— *учение* Гегеля было революционным. Вера Гегеля в человеческий разум и его права и основное положение гегелевской философии, что в мире происходит постоянный процесс изменения и развития, приводили тех учеников берлинского философа, которые не хотели мириться с действительностью, к мысли, что и борьба с действительностью, борьба с существующей неправдой и царящим злом коренится в мировом законе вечного развития. Если все развивается, если одни учреждения сменяются другими, почему же вечно будут продолжаться самодержавие прусского короля или русского царя, обогащение ничтожного меньшинства на счет огромного большинства, господство буржуазии над народом? Философия Гегеля говорила о развитии духа и идей, она была *идеалистической.* Из развития духа она выводила развитие природы, человека и людских, общественных отношений. Маркс и Энгельс, удержав мысль Гегеля о вечном процессе развития *, отбросили предвзятое идеалистическое воззрение; обратившись к жизни, они увидели, что не развитие духа объясняет развитие природы, а наоборот — дух следует объяснить из природы, материи... В противоположность Гегелю и другим гегельянцам Маркс и Энгельс были материалистами. Взглянув материалистически на мир и человечество, они увидели, что как в основе всех явлений природы лежат причины материальные, так и развитие человеческого общества обусловливается развитием материальных, производительных сил. От развития производительных сил зависят отношения, в которые становятся люди друг к другу при производстве предметов, необходимых для удовлетворения человеческих потребностей. И в этих отношениях — объяснение всех явлений общественной жизни, человеческих стремлений, идей и законов. Развитие производительных сил создает общественные отношения, опирающиеся на частную собственность, но теперь мы видим, как то же развитие производительных сил отнимает собственность у большинства и сосредоточивает ее в руках ничтожного меньшинства. Оно уничтожает собственность, основу современного общественного порядка, оно само стремится к той же цели, которую поставили себе социалисты. Социалистам надо только понять, какая общественная сила, по своему положению в современном обществе, заинтересована в осуществлении социализма, и сообщить этой силе сознание ее интересов и исторической задачи. Такая сила — пролетариат. С ним Энгельс познакомился в Англии,

* Маркс и Энгельс не раз указывали, что они в своем умственном развитии многим обязаны великим немецким философам и в частности Гегелю. «Без немецкой философии,— говорит Энгельс,— не было бы и научного социализма» [48].

в центре английской промышленности, Манчестере, куда он перебрался в 1842 году, поступив на службу в торговый дом, одним из пайщиков которого был его отец. Здесь Энгельс не только сидел в фабричной конторе,— он ходил по грязным кварталам, где ютились рабочие, сам своими глазами видел их нищету и бедствия. Но он не удовольствовался личными наблюдениями, он прочел все, что было найдено до него о положении английского рабочего класса, он тщательно изучил все доступные ему официальные документы. Плодом этих изучений и наблюдений была вышедшая в 1845 году книга: «Положение рабочего класса в Англии». Мы уже упомянули выше, в чем главная заслуга Энгельса как автора «Положения рабочего класса в Англии». И до Энгельса очень многие изображали страдания пролетариата и указывали на необходимость помочь ему. Энгельс *первый* сказал, что пролетариат *не только* страдающий класс; что именно то позорное экономическое положение, в котором находится пролетариат, неудержимо толкает его вперед и заставляет бороться за свое конечное освобождение. А борющийся пролетариат *сам поможет себе*. Политическое движение рабочего класса неизбежно приведет рабочих к сознанию того, что у них нет выхода вне социализма. С другой стороны, социализм будет только тогда силой, когда он станет целью *политической* борьбы рабочего *класса*. Вот основные мысли книги Энгельса о положении рабочего класса в Англии, мысли, теперь усвоенные всем мыслящим и борющимся пролетариатом, но тогда совершенно новые. Эти мысли были изложены в книге, увлекательно написанной, полной самых достоверных и потрясающих картин бедствий английского пролетариата. Книга эта была ужасным обвинением капитализма и буржуазии. Впечатление, произведенное ею, было очень велико. На книгу Энгельса стали всюду ссылаться, как на лучшую картину положения современного пролетариата. И действительно, ни до 1845 года, ни позже не появлялось ни одного столь яркого и правдивого изображения бедствий рабочего класса.

Социалистом Энгельс сделался только в Англии. В Манчестере он вступил в связь с деятелями тогдашнего английского рабочего движения и стал писать в английских социалистических изданиях. В 1844 году, возвращаясь в Германию, он по пути познакомился в Париже с Марксом, с которым уже раньше у него завязалась переписка. Маркс в Париже под влиянием французских социалистов и французской жизни сделался тоже социалистом. Здесь друзья сообща написали книгу: «Святое семейство, или критика критической критики». В этой книге, вышедшей за год до «Положения рабочего класса в Англии» и написанной большей частью Марксом, заложены основы того революционно-материалистического социализма, главные мысли которого мы изложили выше. «Святое семейство» — шуточное прозвание философов братьев Бауэров с их последова-

телями. Эти господа проповедовали критику, которая стоит выше всякой действительности, выше партий и политики, отрицает всякую практическую деятельность и лишь «критически» созерцает окружающий мир и происходящие в нем события. Господа Бауэры свысока судили о пролетариате, как о некритической массе. Против этого вздорного и вредного направления решительно восстали Маркс и Энгельс. Во имя действительной человеческой личности — рабочего, попираемого господствующими классами и государством, они требуют не созерцания, а борьбы за лучшее устройство общества. Силу, способную вести такую борьбу и заинтересованную в ней, они видят, конечно, в пролетариате. Еще до «Святого семейства» Энгельс напечатал в «Немецко-Французском Журнале» Маркса и Руге «Критические очерки по политической экономии» [49], в которых с точки зрения социализма рассмотрел основные явления современного экономического порядка, как необходимые последствия господства частной собственности. Общение с Энгельсом бесспорно содействовало тому, что Маркс решил заняться политической экономией, той наукой, в которой его труды произвели целый переворот.

Время от 1845 по 1847 г. Энгельс провел в Брюсселе и Париже, соединяя научные занятия с практическою деятельностью в среде немецких рабочих Брюсселя и Парижа. Тут у Энгельса и Маркса завязались отношения с тайным немецким «Союзом коммунистов», который поручил им изложить основные начала выработанного ими социализма. Так возник напечатанный в 1848 году знаменитый «Манифест Коммунистической партии» Маркса и Энгельса. Эта небольшая книжечка стоит целых томов: духом ее живет и движется до сих пор весь организованный и борющийся пролетариат цивилизованного мира.

Революция 1848 г., разразившаяся сперва во Франции, а потом распространившаяся и на другие страны Западной Европы, привела Маркса и Энгельса на родину. Здесь, в Рейнской Пруссии, они стали во главе демократической «Новой Рейнской Газеты», издававшейся в Кёльне. Оба друга были душой всех революционно-демократических стремлений в Рейнской Пруссии. До последней возможности отстаивали они интересы народа и свободы от реакционных сил. Последние, как известно, одолели. «Новая Рейнская Газета» была запрещена, Маркс, потерявший за время своей эмигрантской жизни права прусского подданного, был выслан, а Энгельс принял участие в вооруженном народном восстании, в трех сражениях бился за свободу и после поражения повстанцев бежал через Швейцарию в Лондон.

Там же поселился и Маркс. Энгельс вскоре снова сделался приказчиком, а потом и пайщиком того торгового дома в Манчестере, в котором он служил в 40-х годах. До 1870 года он жил в Манчестере, а Маркс в Лон-

доне, что не мешало им находиться в самом живом духовном общении: они почти ежедневно переписывались. В этой переписке друзья обменивались своими взглядами и знаниями и продолжали сообща вырабатывать научный социализм. В 1870 г. Энгельс перебрался в Лондон и до 1883 г., когда скончался Маркс, продолжалась их совместная духовная жизнь, полная напряженной работы. Плодом ее были — со стороны Маркса — «Капитал», величайшее политико-экономическое произведение нашего века, со стороны Энгельса — целый ряд крупных и мелких сочинений. Маркс работал над разбором сложных явлений капиталистического хозяйства. Энгельс в весьма легко написанных, нередко полемических работах освещал самые общие научные вопросы и разные явления прошлого и настоящего — в духе материалистического понимания истории и экономической теории Маркса. Из этих работ Энгельса назовем: полемическое сочинение против Дюринга (здесь разобраны величайшие вопросы из области философии, естествознания и общественных наук) *, «Происхождение семьи, собственности и государства» (переведено на русский язык, издано в С.-Петербурге, 3-е изд., 1895), «Людвиг Фейербах» [11] (русский перевод с примечаниями Г. Плеханова, Женева, 1892), статья об иностранной политике русского правительства (переведена на русский язык в женевском «Социал-Демократе» [51] №№ 1 и 2), замечательные статьи о квартирном вопросе [52], наконец, две маленькие, но очень ценные статьи об экономическом развитии России («Фридрих Энгельс о России», перев. на русский язык В. И. Засулич, Женева, 1894) [53]. Маркс умер, не успев окончательно обработать свой огромный труд о капитале. Вчерне, однако, он был уже готов, и вот Энгельс после смерти друга принялся за тяжелый труд обработки и издания II и III тома «Капитала». В 1885 г. он издал II, в 1894 г. III том (IV том он не успел обработать [54]). Работы над этими двумя томами потребовалось очень много. Австрийский социал-демократ Адлер верно заметил, что изданием II и III томов «Капитала» Энгельс соорудил своему гениальному другу величественный памятник, на котором невольно неизгладимыми чертами вырезал свое собственное имя. Действительно, эти два тома «Капитала» — труд двоих: Маркса и Энгельса. Старинные предания рассказывают о разных трогательных примерах дружбы. Европейский пролетариат может сказать, что его наука создана двумя учеными и борцами, отношения которых превосходят все самые трогательные сказания древних о человеческой дружбе. Энгельс всегда — и, в общем, совершенно справедливо — ставил себя позади Маркса. «При Марксе,— писал он одному старому приятелю,— я играл вторую скрипку» [55].

* Это удивительно содержательная и поучительная книга [10]. Из нее, к сожалению, на русский язык переведена только небольшая часть, содержащая исторический очерк развития социализма («Развитие научного социализма» [50], 2-ое изд., Женева, 1892).

Его любовь к живому Марксу и благоговение перед памятью умершего были беспредельны. Этот суровый борец и строгий мыслитель имел глубоко любящую душу.

После движения 1848—1849 гг. Маркс и Энгельс в изгнании занимались не одной только наукой. Маркс создал в 1864 г. «Международное общество рабочих» * и в течение целого десятилетия руководил этим обществом. Живое участие в его делах принимал также и Энгельс. Деятельность «Международного общества», соединявшего, по мысли Маркса, пролетариев всех стран, имела огромное значение в развитии рабочего движения. Но и с закрытием в 70-х годах «Международного общества» объединяющая роль Маркса и Энгельса не прекратилась. Наоборот, можно сказать, что значение их, как духовных руководителей рабочего движения, постоянно возрастало, потому что непрерывно росло и само движение. После смерти Маркса Энгельс один продолжал быть советником и руководителем европейских социалистов. К нему одинаково обращались за советами и указаниями и немецкие социалисты, сила которых, несмотря на правительственные преследования, быстро и непрерывно увеличивалась, и представители отсталых стран,— напр., испанцы, румыны, русские, которым приходилось обдумывать и взвешивать свои первые шаги. Все они черпали из богатой сокровищницы знаний и опыта старого Энгельса.

Маркс и Энгельс, оба знавшие русский язык и читавшие русские книги, живо интересовались Россией, с сочувствием следили за русским революционным движением и поддерживали сношения с русскими революционерами. Оба они сделались социалистами из *демократов,* и демократическое чувство *ненависти* к политическому произволу было в них чрезвычайно сильно. Это непосредственное политическое чувство вместе с глубоким теоретическим пониманием связи политического произвола с экономическим угнетением, а также богатый жизненный опыт сделали Маркса и Энгельса необычайно чуткими именно в *политическом* отношении. Поэтому героическая борьба малочисленной кучки русских революционеров с могущественным царским правительством находила в душах этих испытанных революционеров самый сочувственный отзвук. Наоборот, поползновение ради мнимых экономических выгод отворачиваться от самой непосредственной и важной задачи русских социалистов — завоевания политической свободы — естественно, являлось в их глазах подозрительным и даже прямо считалось ими изменой великому делу социальной революции. «Освобождение пролетариата должно быть его собственным делом»,— вот чему постоянно учили Маркс и Энгельс. А для того, чтобы бороться за свое экономическое освобождение, пролетариат должен завое-

* — Международное Товарищество Рабочих (I Интернационал). *Ред.*

вать себе известные *политические* права. Кроме того, и Маркс и Энгельс ясно видели, что и для западноевропейского рабочего движения политическая революция в России будет иметь огромное значение. Самодержавная Россия всегда была оплотом всей европейской реакции. Необыкновенно выгодное международное положение, в которое поставила Россию война 1870 года, надолго поселившая раздор между Германией и Францией, конечно, только увеличило значение самодержавной России как реакционной силы. Только свободная Россия, не нуждающаяся ни в угнетении поляков, финляндцев, немцев, армян и прочих мелких народов, ни в постоянном стравливании Франции с Германией, даст современной Европе свободно вздохнуть от военных тягостей, ослабит все реакционные элементы в Европе и увеличит силу европейского рабочего класса. Вот почему Энгельс и для успехов рабочего движения на Западе горячо желал водворения в России политической свободы. Русские революционеры потеряли в нем своего лучшего друга.

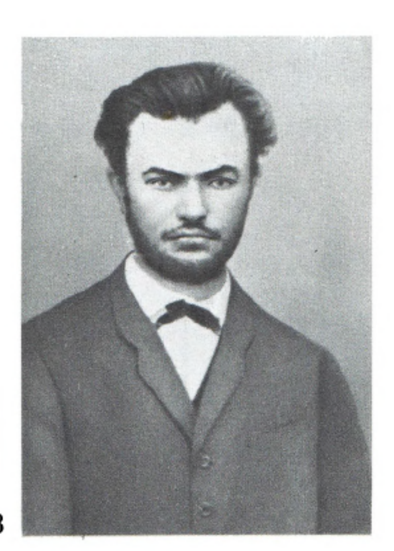
Вечная память Фридриху Энгельсу, великому борцу и учителю пролетариата!

Печатается по тексту Сочинений
В. И. Ленина, изд. 5, т. 2, стр. 5—14

РУССКИЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ, БЛИЗКО ЗНАВШИЕ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

2

1

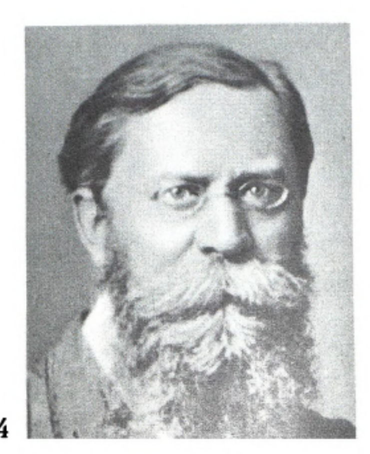

3

1. Г. А. Лопатин

2. Л. Н. Гартман

3. С. М. Кравчинский (Степняк)

4. П. Л. Лавров

4

ПРОГРАММА РАБОЧИХЪ
ЧЛЕНОВЪ ПАРТІИ НАРОДНОЙ ВОЛИ
(Изданіе Редакціи „НАРОДНОЙ ВОЛИ")

Страницы «Программы рабочих, членов партии «Народной воли»» с пометками Маркса

L'IDÉE DU PROGRÈS
DANS
L'ANTHROPOLOGIE
PAR M. LAVROFF

Si je me permets d'arrêter votre attention sur une conception qui paraît abstraite au premier abord, c'est que je suis persuadé de l'importance de l'idée du *progrès* dans les études de l'anthropologie. Il me semble qu'elle peut servir à élucider la délimitation de la science qui forme l'objet de vos travaux, du côté de la zoologie et du côté de l'histoire. Dans tous les cas, si mes collègues refusent de partager mes idées sur ce point, je ne crois pas que l'objet de ma communication soit complétement en dehors du programme de la société à laquelle j'ai l'honneur d'appartenir, car ce qui suit se rattache à deux discussions qui ont eu lieu ici même, l'une en 1860, l'autre en 1867, sur la civilisation en général. Je me permets de ne pas accepter complétement les paroles par lesquelles le président de la séance du 1er août 1867 a clos la discussion [1], de croire que c'est en analysant l'idée du progrès qu'on peut préciser le terme de *civilisation*, le faire sortir du « sens vague » qu'on lui attribue, et j'essayerai de démontrer qu'il est loin de n'avoir « aucun sens scientifique. »

[1] *Bulletins*, 2e série, II, 539.

1

P. LAVROFF: Les générations successives

П. Л. ЛАВРОВЪ

ПОСЛѢДОВАТЕЛЬНЫЯ ПОКОЛѢНІЯ

Въ память Г. З. Елисѣева и Н. В. Шелгунова

(Прочитано на собраніи 2 іюня 1891 г. въ Парижѣ)

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ
О
Н. В. ШЕЛГУНОВѢ

ИЗДАНІЕ КРУЖКА НАРОДОВОЛЬЦЕВЪ

ЖЕНЕВА
НОВАЯ РУССКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1892

2

1

Первая страница брошюры П. Л. Лаврова «Идея прогресса в антропологии» с дарственной надписью: «Карлу Марксу в знак уважения и дружбы от автора»

2

Титульный лист брошюры П. Л. Лаврова «Последовательные поколения» с дарственной надписью Ф. Энгельсу

ПРЕДСТАВИТЕЛИ РУССКОЙ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ, ВСТРЕЧАВШИЕСЯ С К. МАРКСОМ и Ф. ЭНГЕЛЬСОМ

2

1

3

4

1. П. В. Анненков

2. П. Д. Боборыкин

3. Н. А. Каблуков

4. М. М. Ковалевский

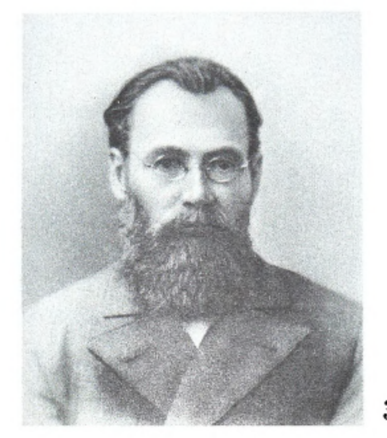
УЧАСТНИКИ НАРОДНИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ ОСТАВИВШИЕ ВОСПОМИНАНИЯ О К. МАРКСЕ и Ф. ЭНГЕЛЬСЕ

1

2

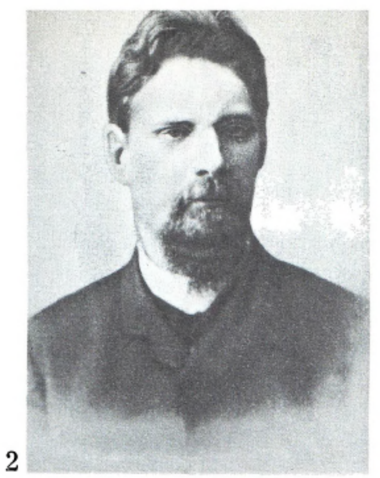
3

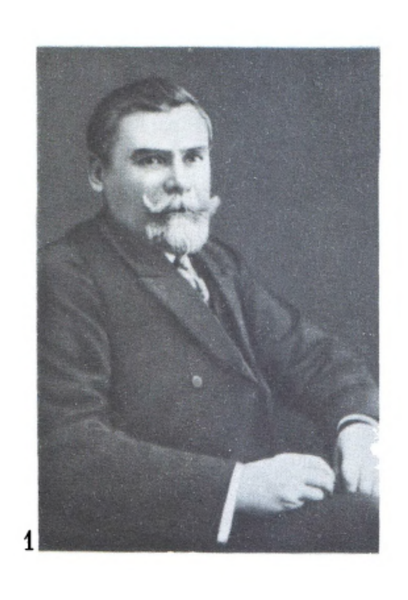
1. Н. А. Морозов

2. Ф. М. Кравчинская

3. Н. Г. Кулябко-Корецкий

РУССКИЕ
ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДЕЯТЕЛИ —
АВТОРЫ СТАТЕЙ О К. МАРКСЕ
И ЕГО УЧЕНИИ

2

1

3

4

1. Н. С. Русанов

2. В. И. Танеев

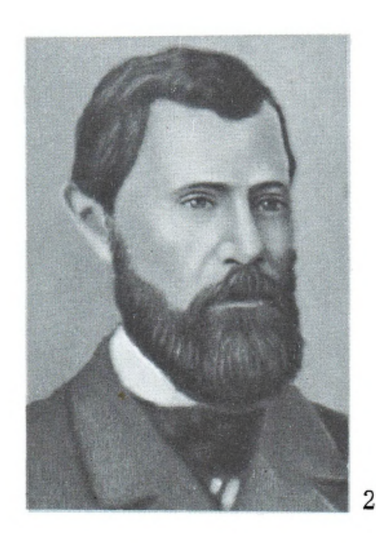
3. В. Н. Фигнер

4. А. Ф. Фортунатов

ЧЛЕНЫ ГРУППЫ
«ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА» —
ПЕРВЫЕ ПРОПАГАНДИСТЫ МАРКСИЗМА
В РОССИИ

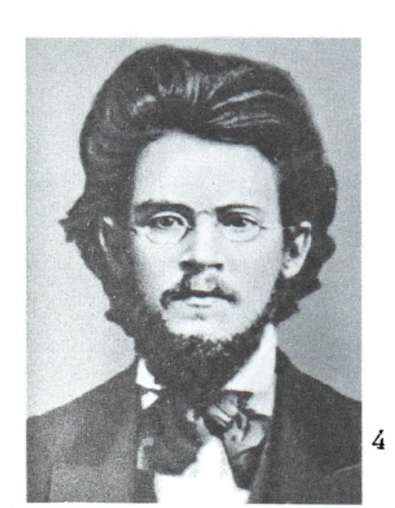

1

2

3

4

1. Г. В. Плеханов

2. П. Б. Аксельрод

3. В. И. Засулич

4. Л. Г. Дейч

Herrn Fr. Engels von den Herausgebern.
Im Auftrag, Hochachtungsvoll P. Axelrod

MANIFESTE DU PARTI COMMUNISTE
par Karl MARX et Fr. ENGELS

РУССКАЯ СОЦІАЛЬНО-РЕВОЛЮЦІОННАЯ БИБЛІОТЕКА
Книга Третья

МАНИФЕСТЪ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТІИ

Карла Маркса и Фр. Энгельса

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО ИЗДАНІЯ 1872.
Съ предисловіемъ авторовъ

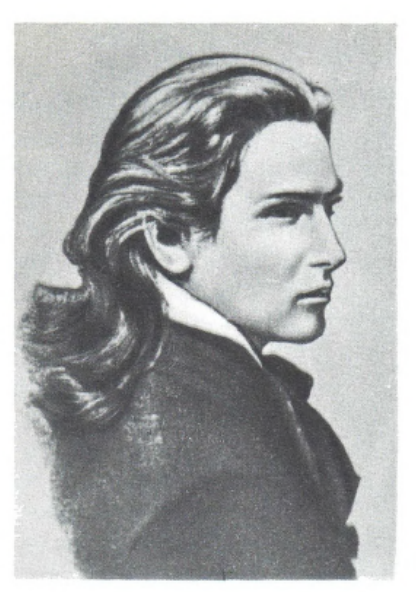
Prix 1 Fr.

ЖЕНЕВА
Вольная Русская Типографія.

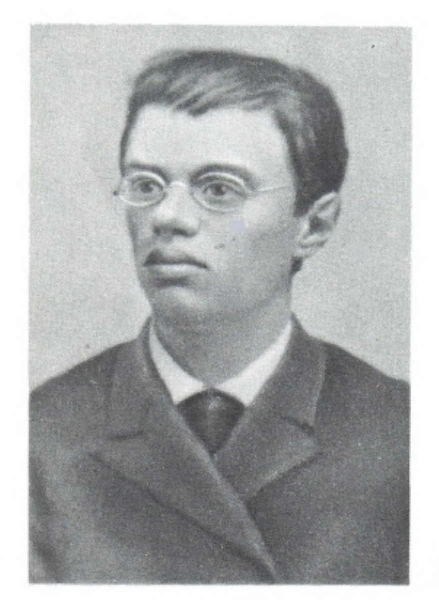
1882

Обложка русского издания «Манифеста Коммунистической партии» 1882 г. с дарственной надписью: «Господину Фр. Энгельсу от издателей. По поручению, с глубоким уважением. П. Аксельрод»

УЧАСТНИКИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ КРУЖКОВ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 70-х И В НАЧАЛЕ 90-х ГОДОВ

1

2

1. Р. М. Плеханова (Боград)

2. А. М. Воден

I

ВОСПОМИНАНИЯ

П. В. АННЕНКОВ

ИЗ ОЧЕРКА «ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ» [56]

...Так, по дороге в Европу я получил рекомендательное письмо к известному Марксу от нашего степного помещика * [57], также известного в своем кругу за отличного певца цыганских песен, ловкого игрока и опытного охотника. Он находился, как оказалось, в самых дружеских отношениях с учителем Лассаля и будущим главой интернационального общества **; он уверил Маркса, что, предавшись душой и телом его лучезарной проповеди и делу водворения экономического порядка в Европе, он едет обратно в Россию с намерением продать все свое имение и бросить себя и весь свой капитал в жерло предстоящей революции ***. Далее этого увлечение идти не могло, но я убежден, что когда лихой помещик давал все эти обещания, он был в ту минуту искренен. Возвратившись же на родину, сперва в свои имения, а затем в Москву, он забыл и думать о горячих словах, прозвеневших некогда так эффектно перед изумленным Марксом, и умер не так давно престарелым, но все еще пылким холостяком в Москве. Не мудрено, однако же, что после подобных проделок, как у самого Маркса, так и у многих других, сложилось и долгое время длилось убеждение,

* — Г. М. Толстого *Ред.*

** — Международного Товарищества Рабочих. *Ред.*

*** К этой фразе Маркс на своем экземпляре воспоминаний П. Анненкова сделал на полях следующее замечание на французском языке: «Это ложь! Он ничего подобного не говорил. Он, напротив, сказал мне, что вернется к себе для наибольшего блага своих собственных крестьян! Он даже имел наивность пригласить меня поехать с ним!» *Ред.*

что на всякого русского, к ним приходящего, прежде всего должно смотреть как на подосланного шпиона или как на бессовестного обманщика. А дело между тем гораздо проще объясняется, хотя от этого и не становится невиннее.

Я воспользовался, однако же, письмом моего пылкого помещика, который, отдавая мне его, находился еще в энтузиастическом настроении, и был принят Марксом в Брюсселе очень дружелюбно. Маркс находился под влиянием своих воспоминаний об образце широкой русской натуры, на которую так случайно наткнулся, и говорил о ней с участием, усматривая в этом новом для него явлении, как мне показалось, признаки неподдельной мощи русского народного элемента вообще. Сам Маркс представлял из себя тип человека, сложенного из энергии, воли и несокрушимого убеждения — тип, крайне замечательный и по внешности. С густой черной шапкой волос на голове, с волосистыми руками, в пальто, застегнутом наискось,— он имел, однако же, вид человека, имеющего право и власть требовать уважения, каким бы ни являлся перед вами и что бы ни делал. Все его движения были угловаты, но смелы и самонадеянны, все приемы шли наперекор с принятыми обрядами в людских сношениях, но были горды и как-то презрительны, а резкий голос, звучавший как металл, шел удивительно к радикальным приговорам над лицами и предметами, которые произносил. Маркс уже и не говорил иначе, как такими безапелляционными приговорами, над которыми, впрочем, еще царствовала одна, до боли резкая нота, покрывавшая все, что он говорил. Нота выражала твердое убеждение в своем призвании управлять умами, законодательствовать над ними и вести их за собой. Предо мной стояла олицетворенная фигура демократического диктатора, как она могла рисоваться воображению в часы фантазии. Контраст с недавно покинутыми мною типами на Руси был наирешительный.

С первого же свидания Маркс пригласил меня на совещание, которое должно было состояться у него на другой день вечером с портным Вейтлингом [58], оставившим за собой в Германии довольно большую партию работников. Совещание назначалось для того, чтобы определить, по возможности, общий образ действий между руководителями рабочего движения. Я не замедлил явиться по приглашению.

Портной-агитатор Вейтлинг оказался белокурым, красивым молодым человеком, в сюртучке щеголеватого покроя, с бородкой, кокетливо подстриженной, и скорее походил на путешествующего *комми,* чем на сурового и озлобленного труженика, какого я предполагал в нем встретить. Отрекомендовавшись наскоро друг другу и притом с оттенком изысканной учтивости со стороны Вейтлинга, мы сели за небольшой зеленый столик, на одном узком конце которого поместился Маркс, взяв карандаш в руки

и склонив свою львиную голову на лист бумаги, между тем как неразлучный его спутник и сотоварищ по пропаганде, высокий, прямой, по-английски важный и серьезный Энгельс открывал заседание речью. Он говорил в ней о необходимости между людьми, посвятившими себя делу преобразования труда, объяснить взаимные свои воззрения и установить одну общую доктрину, которая могла бы служить знаменем для всех последователей, не имеющих времени или возможности заниматься теоретическими вопросами. Энгельс еще не кончил речи, когда Маркс, подняв голову, обратился прямо к Вейтлингу с вопросом: «Скажите же нам, Вейтлинг, вы, которые так много наделали шума в Германии своими коммунистическими проповедями и привлекли к себе стольких работников, лишив их мест и куска хлеба, какими основаниями оправдываете вы свою революционную и социальную деятельность и на чем думаете утвердить ее в будущем?» Я очень хорошо помню самую форму резкого вопроса, потому что с него начались горячие прения в кружке, продолжавшиеся, впрочем, как сейчас окажется, очень недолго. Вейтлинг, видимо, хотел удержать совещание на общих местах либерального разглагольствования. С каким-то серьезным, озабоченным выражением на лице он стал объяснять, что целью его было не созидать новые экономические теории, а принять те, которые всего способнее, как показал опыт во Франции, открыть рабочим глаза на ужас их положения, на все несправедливости, которые по отношению к ним сделались лозунгом правителей и обществ, научить их не верить уже никаким обещаниям со стороны последних и надеяться только на себя, устраиваясь в демократические и коммунистические общины. Он говорил долго, но, к удивлению моему и в противоположность с речью Энгельса, сбивчиво, не совсем литературно, возвращаясь на свои слова, часто поправляя их и с трудом приходя к выводам, которые у него или запаздывали, или появлялись ранее положений. Он имел теперь совсем других слушателей, чем те, которые обыкновенно окружали его станок или читали его газету и печатные памфлеты на современные экономические порядки, и утерял при этом свободу мысли и языка. Вейтлинг, вероятно, говорил бы и еще долее, если бы Маркс с гневно стиснутыми бровями не прервал его и не начал своего возражения. Сущность саркастической его речи заключалась в том, что возбуждать население, не давая ему никаких твердых, продуманных оснований для деятельности, значило просто обманывать его. Возбуждение фантастических надежд, о котором говорилось сейчас, замечал далее Маркс, ведет только к конечной гибели, а не к спасению страдающих. Особенно в Германии обращаться к работнику без строго научной идеи и положительного учения равносильно с пустой и бесчестной игрой в проповедники, при которой, с одной стороны, полагается вдохновенный пророк, а с другой — допускаются только ослы, слушающие его, разинув

рот. «Вот, — прибавил он, вдруг указывая на меня резким жестом,— между нами есть один русский. В его стране, Вейтлинг, ваша роль могла бы быть у места: там действительно только и могут удачно составляться и работать союзы между нелепыми пророками и нелепыми последователями». В цивилизованной земле, как Германия, продолжал развивать свою мысль Маркс, люди без положительной доктрины ничего не могут сделать, да и ничего не сделали до сих пор, кроме шума, вредных вспышек и гибели самого дела, за которое принялись. Краска выступила на бледных щеках Вейтлинга, и он обрел живую, свободную речь. Дрожащим от волнения голосом стал он доказывать, что человек, собравший сотни людей во имя идеи справедливости, солидарности и братской друг другу помощи под одно знамя, не может назваться совсем пустым и праздным человеком, что он, Вейтлинг, утешается от сегодняшних нападков воспоминанием о тех сотнях писем и заявлений благодарности, которые получил со всех сторон своего отечества, и что, может быть, скромная подготовительная его работа важнее для общего дела, чем критика и кабинетные анализы доктрин вдали от страдающего света и бедствий народа. При последних словах взбешенный окончательно Маркс ударил кулаком по столу так сильно, что зазвенела и зашаталась лампа на столе, и вскочил с места, проговаривая: «Никогда еще невежество никому не помогло!». Мы последовали его примеру и тоже вышли из-за стола. Заседание кончилось, и покуда Маркс ходил взад и вперед в необычайном гневном раздражении по комнате, я наскоро распрощался с ним и с его собеседниками и ушел домой, пораженный всем мною виденным и слышанным.

Сношения мои с Марксом не прекратились и после выезда моего из Брюсселя. Я встретил его еще вместе с Энгельсом в 1848 г. в Париже, куда они оба приехали тотчас после февральской революции, намереваясь изучать движение французского социализма, очутившегося теперь на просторе. Они скоро оставили свое намерение, потому что над социализмом этим господствовали всецело чисто местные политические вопросы, и у него была уже программа, от которой он не хотел отвлекаться *,— программа добиваться с оружием в руках господствующего положения в государстве для работника. Но и до этой эпохи были минуты заочной беседы с Марксом, весьма любопытные для меня: одна такая выпала на мою долю в 1846 году, когда по поводу известной книги Прудона «Система экономических противоречий» Маркс написал мне по-французски пространное письмо [59], где излагал свой взгляд на теорию Прудона. Письмо это крайне замечательно: оно опередило время, в которое было писано, двумя своими чертами — критикой положений Прудона, предугадавшей целиком все

* У автора: развлекаться. *Ред.*

возражения, какие были предъявлены на них впоследствии, а потом новостью взгляда на значение *экономической истории* народов. Маркс один из первых сказал, что государственные формы, а также и вся общественная жизнь народов с их моралью, философией, искусством и наукой суть только прямые результаты экономических отношений между людьми, и с переменой этих отношений сами меняются или даже и вовсе упраздняются. Все дело состоит в том, чтобы узнать и определить законы, которые вызывают перемены в экономических отношениях людей, имеющие такие громадные последствия. В антиномиях же Прудона, в его противопоставлении одних экономических явлений другим, произвольно сведенных друг с другом и, *по свидетельству истории,* нисколько не вытекавшим одно из другого, Маркс усматривал только тенденцию автора облегчить совесть буржуазии, возводя неприятные ей факты современных экономических порядков в безобидные абстракции à la Гегель и в законы, будто бы присущие самой природе вещей. На этом основании он и обзывает Прудона *теологом* социализма и мелким *буржуа* с головы до ног. Окончание этого письма передаю в дословном переводе, так как оно может служить хорошим комментарием к сцене, рассказанной выше, и дает ключ для понимания ее:

«В одном только я схожусь с господином Прудоном (NB. Маркс везде пишет «monsieur Pr.»), именно в его отвращении к плаксивому социализму (sensiblerie sociale). Ранее его я уже нажил себе множество врагов моими насмешками над чувствительным, утопическим, *бараньим* социализмом (socialisme moutonnier). Но г. Прудон странно ошибается, заменяя один вид сантиментализма другим, именно сантиментализмом мелкого буржуа, и своими декламациями о святости домашнего очага, супружеской любви и других тому подобных вещах,— той сантиментальностью, которая вдобавок еще и глубже была выражена у Фурье, чем во всех самодовольных пошлостях нашего доброго г. Прудона *. Да он и сам хорошо чувствует свою неспособность трактовать об этих предметах, потому что по поводу их отдается невыразимому бешенству, возгласам, всем гневам честной души — irae hominis probi: он пенится, клянет, доносит, кричит о позоре и чуме, бьет себя в грудь и призывает бога и людей в свидетели того, что не причастен гнусностям социалистов. Он занимается не критикой их сантиментализма, а, как настоящий святой или папа, отлучением несчастных грешников, причем воспевает хвалу маленькой буржуазии и ее пошленьким патриархальным доблестям, ее любовным упражнениям. И это

* К этой фразе Маркс на своем экземпляре воспоминаний П. Анненкова сделал на полях следующее замечание на французском языке: «Я писал совершенно обратное тому, что он мне приписывает относительно Фурье! Именно Фурье первый осмеял идеализацию мелкой буржуазии». Более точный перевод данной фразы и всего отрывка из письма Маркса см. в сборнике «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия». М., 1967, стр. 140—142. *Ред.*

неспроста. Сам г. Прудон с головы до ног есть философ и экономист маленькой буржуазии. Что такое маленький буржуа? В развитом обществе он вследствие своего положения неизбежно делается, с одной стороны, экономистом, а с другой — социалистом: он в одно время и ослеплен великолепиями знатной буржуазии и сочувствует страданиям народа. Он мещанин и вместе — народ. В глубине своей совести он похваляет себя за беспристрастие, за то, что нашел тайну равновесия, которое, будто бы, не походит на «juste milieu», золотую середину. Такой буржуа верует в противоречия, потому что он сам есть не что иное, как социальное противоречие в действии. Он представляет на практике то, что говорит теория, и г. Прудон достоин чести быть научным представителем маленькой французской буржуазии. Это его положительная заслуга, потому что мелкая буржуазия войдет непременно значительной составной частью в будущие социальные перевороты. Мне очень хотелось, вместе с этим письмом, послать вам и мою книгу «О политической экономии», но до сих пор я не мог еще отыскать кого-нибудь, кто бы взялся напечатать мой труд и мою критику немецких философов и социалистов, о чем я говорил вам в Брюсселе. Вы не поверите, какие затруднения встречает такая публикация в Германии со стороны полиции, во-первых, и со стороны самих книгопродавцев, во-вторых, которые являются корыстными представителями тенденций, мною преследуемых. А что касается до собственной нашей партии, то она прежде всего крайне бедна, а затем добрая часть ее еще крайне озлоблена на меня за мое сопротивление ее декламациям и утопиям».

Книга «О политической экономии», упоминаемая Марксом в письме, есть, как полагаю, последний его труд «Капитал», увидевший свет только недавно [60]. Признаюсь, я не поверил тогда, как и многие со мной, разоблачающему письму Маркса, будучи увлечен, вместе с большинством публики, пафосом и диалектическими качествами прудоновского творения. С возвращением моим в Россию, в октябре 1848 года, прекратились и мои сношения с Марксом и уже не возобновлялись более. Время надежд, гаданий и всяческих *аспираций* тогда уже прошло, а практическая деятельность, выбранная затем Марксом, так далеко убегала от русской жизни вообще, что, оставаясь на почве последней, нельзя было следить за первой иначе, как издали, посредственно и неполно, путем газет и журналов...

Впервые опубликовано в журнале «Вестник Европы», кн. 4, апрель 1880 г.

Печатается по тексту книги: П. В. Анненков. «Литературные воспоминания», 1960, стр. 301—307

К. А. ТИМИРЯЗЕВ

ИЗ ПРИМЕЧАНИЯ К СТАТЬЕ «Ч. ДАРВИН и К. МАРКС»

...В утешение себе могу сказать, что зато с «Капиталом» я ознакомился, вероятно, один из первых в России. Это было так давно, что Владимир Ильич тогда еще не родился, а Плеханову, которого многие наши марксисты считают своим учителем, было всего десять лет. Осенью 1867 г. проездом из Симбирска, где я производил опыты по плану Д. И. Менделеева, я заехал к П. А. Ильенкову, в недавно открытую Петровскую * академию. Я застал П. А. Ильенкова в его кабинете-библиотеке за письменным столом: перед ним лежал толстый, свеженький немецкий том с еще заложенным в него разрезальным ножом, это был первый том «Капитала» Маркса. Так как он вышел в конце 1867 г., то, очевидно, это был один из первых экземпляров, попавших в русские руки. Павел Антонович тут же с восхищением и свойственным ему умением прочел мне чуть не целую лекцию о том, что уже успел прочесть; с предшествовавшею деятельностью Маркса он был знаком, так как провел 1848 г. за границей, преимущественно в Париже, а с деятельностью пионеров русского капитализма — сахароваров был лично знаком и мог иллюстрировать эту деятельность и лично знакомыми ему примерами. Таким образом, через несколько недель после появления «Капитала» профессор химии недавно открытой Петровской академии уже был одним из первых распространителей идей Маркса в России.

Печатается по тексту Избранных сочинений К. А. Тимирязева, М., 1957, т. 2, стр. 266

Г. А. ЛОПАТИН О К. МАРКСЕ

ИЗ ПИСЬМА Н. П. СИНЕЛЬНИКОВУ

15 февраля 1873 г.

...Большую часть своего пребывания за границей я провел частью в Париже, частью в Лондоне, где продолжал жить тем же самым, как и в России, т. е. литературной поденщиной, употребляя часы досуга на изучение рабочего движения и других интересных явлений иностранной общественной жизни.

Во время пребывания моего в Лондоне я сошелся там с неким Карлом Марксом, одним из замечательнейших писателей по части политической экономии и одним из наиболее разносторонне образованных людей в целой

* — ныне Тимирязевскую. *Ред.*

Европе. Лет пять тому назад этот человек вздумал выучиться русскому языку; а выучившись русскому языку [61], он случайно натолкнулся на примечания Чернышевского к известному трактату Милля и на некоторые другие статьи того же автора. Прочитав эти статьи, Маркс почувствовал глубокое уважение к Чернышевскому. Он не раз говорил мне, что из всех современных экономистов Чернышевский представляет единственного действительно оригинального мыслителя, между тем как остальные суть только простые компиляторы, что его сочинения полны оригинальности, силы и глубины мысли и что они представляют единственные из современных произведений по этой науке, действительно заслуживающие прочтения и изучения; что русские должны стыдиться того, что ни один из них не позаботился до сих пор познакомить Европу с таким замечательным мыслителем; что политическая смерть Чернышевского есть потеря для ученого мира не только России, но и целой Европы, и т. д. и т. д. Хотя я и прежде относился с большим уважением к трудам Чернышевского по политической экономии, но моя эрудиция по этому предмету была недостаточно обширна, чтобы отличить в его творениях мысли, принадлежащие лично ему, от идей, позаимствованных им у других авторов. Понятно, что такой отзыв со стороны столь компетентного судьи мог только увеличить мое уважение к этому писателю. Когда же я сопоставил этот отзыв о Чернышевском как писателе с теми отзывами о высоком благородстве и самоотверженности его личного характера, которые мне случалось слышать прежде от людей, которые близко знали этого человека и которые никогда не могли говорить о нем без глубокого душевного волнения, то у меня явилось жгучее желание попытаться возвратить миру этого великого публициста и гражданина, которым, по словам того же Маркса, должна бы гордиться Россия. Мне казалась нестерпимой мысль, что один из лучших граждан России, один из замечательнейших мыслителей своего времени, человек, по справедливости принадлежащий к Пантеону русской славы, влачит бесплодное, жалкое и мучительное существование, похороненный в какой-то сибирской трущобе. Клянусь, что тогда, как и теперь, я бы охотно и не медля ни минуты поменялся с ним местами, если бы только это было возможно и если бы я мог возвратить этой жертвой делу отечественного прогресса одного из его влиятельнейших деятелей; я бы сделал это, не колеблясь ни минуты и с такой же радостной готовностью, с какой рядовой солдат бросается вперед, чтобы заслонить собственной грудью любимого генерала. Но это был неосуществимый романтический бред. А между тем в ту пору мне казалось, что есть другой, более практичный и удобоисполнимый способ помочь этому человеку. Судя по моему собственному опыту в подобных обстоятельствах, а также и по некоторым другим известным мне случаям, я полагал тогда, что в этом предприятии

не было ничего существенно невозможного; требовалась только некоторая доза смелой предприимчивости да немножко денег. Вследствие этого я вскоре письменно обратился за содействием к двум из моих личных петербургских друзей, которые и предложили мне взять у них нужную мне сумму, обязавшись принять ее от меня обратно в случае удачи и совершенно забыть о ней в случае неудачи. Когда же я проезжал через Петербург, то еще трое из моих тамошних приятелей дополнили немного эту сумму, простиравшуюся в целом до 1085 рублей...

Уезжая из Лондона, я даже не сказал, куда я еду, никому, кроме этих пяти человек, с которыми я списался ранее и от которых я взял деньги, да еще Элпидину в Женеве, которому мое намерение было известно ранее, вследствие некоторых случайных обстоятельств, о которых не стоит распространяться. Я не сказал о своей затее даже Марксу, несмотря на всю мою близость с ним и на всю мою любовь и уважение к этому человеку, так как я был уверен, что он сочтет ее сумасшествием и будет отговаривать меня от нее, а я не люблю отступать от раз задуманного мной дела.

Не будучи знаком ни с родственниками, ни со старыми друзьями Чернышевского по «Современнику», я не знал даже, где он именно находится. Не имея никаких знакомых в Сибири, ни даже рекомендательных писем, я вынужден был прожить в Иркутске почти целый месяц прежде чем узнал, что мне было нужно. Это долговременное проживание в Иркутске, в связи с некоторыми другими моими промахами, а также и с некоторыми не зависевшими от меня обстоятельствами, обратило на меня внимание местной администрации. Еще более содействовала моей неудаче, если я не ошибаюсь, нескромность Элпидина, который проврался о моем отъезде сюда одному из правительственных сыщиков, проживавшему в Женеве. Как бы то ни было, но я был арестован и очутился в тюрьме в четвертый раз [62]. Видя, что предприятие мое сорвалось, что мне лично угрожает не особенно приятная перспектива, а также замечая, что суд затягивается в долгий ящик, в ожидании от меня известных признаний, которых я не считал себя вправе сделать, я решился бежать, но потерпел фиаско и должен был познакомиться с иркутским острогом.

Печатается по тексту сборника:
«Воспоминания о Марксе и Энгельсе»,
М., 1956, стр. 204—206

Г. А. ЛОПАТИН О СВОИХ ВСТРЕЧАХ С МАРКСОМ [63]

Герман Александрович познакомился с Марксом в первую свою «эмиграцию» — в 1870 году. В России он был тогда студентом-естественником. Но молодежь того кружка, с которым он сблизился, живо интересовалась

социальными и экономическими вопросами. Первое упоминание о Марксе, как «нашем учителе», они нашли у Лассаля, и выписали сначала «Zur Kritik» *, а потом и первый том «Капитала» на немецком языке. В кружке скоро возникла мысль о русском переводе этого первого тома, и все встречи Германа Александровича с Марксом, в сущности, были связаны с этим замыслом.

Принужденный бежать из России и поселившись в Париже, Герман Александрович становится членом Интернационала (секции «изучения социальных наук») и здесь сталкивается с эльзасцем Келлером, который, владея как немецким, так и французским языком, явился одним из первых пропагандистов марксизма среди французской молодежи. Вскоре судьба закидывает Лопатина в Лондон. При отъезде из Парижа он получает поручение доставить книгу семье Маркса. И вот 20-летний юноша переступает порог уже маститого тогда — 52-летнего ученого **. Но чуть ли не с первого же «визита» проводит у него почти весь день, и вскоре, обласканный семьей, бывает у них запросто, как «свой»,— хотя и не умеет толком изъясняться ни на одном из тех многочисленных наречий, которыми владела семья Маркса...

Первая черта, отмечаемая Германом Александровичем в Марксе,— это полное отсутствие той *профессорской* складки, которая сказывается у столь многих «знаменитостей» в обращении с молодежью и вообще «простыми смертными». «Железные» сарказмы Маркса отмечались его биографами, направлялись лишь против «врагов». В беседе с «другом» были блестки иронии, была добродушная усмешка,— но ничего расхолаживающего, «железного» не чувствовалось. А главное — всегда сам Маркс весь отдавался своей мысли *по существу,* и беседа шла именно так — *по существу* предмета, и если собеседник им серьезно интересовался, то устанавливалось как бы равенство в отношениях, безотносительно к рангам и степени обладания предметом. (У Фридриха Энгельса, по замечанию Германа Александровича, эта черта не так была заметна.)

Живой, обширный, вечно деятельный ум Маркса, по выражению Лопатина,— действовал на собеседника, как кремень на огниво; он вызывал к жизни в уме собеседника идеи, которые, быть может, остались бы иначе под спудом. Уходя от Маркса, люди сами иногда удивлялись, что, по-видимому, подсознательным процессом мысли, уже раньше успели подумать по иным вопросам — без собственного ведома...

Иногда старый ученый брал юношу с собой на послеобеденную прогулку. Ходили в отдаленные концы Лондона. Беседа не прерывалась ни на секунду. Самые разнообразные темы входили сюда: и мировая литера-

* *К. Маркс.* «К критике политической экономии». *Ред.*
** См. настоящий сборник, стр. 129—130. *Ред.*

тура, которую Маркс не по-дилетантски, а серьезно, изучал на всех «двунадесяти» языках, которыми владел в совершенстве; и история, не только фактической и прагматической своей стороной пристально изученная Марксом, но даже в области всяких анекдотов и «сплетен...» Маркс *все знал* и из всего извлекал ценные выводы. Что же говорить о годах и эпохах, им лично пережитых: тут его осведомленность в области общественных и политических фактов, как и в области лично биографической, была совершенно исключительною.

Сам редкостный *полиглот,* Маркс добродушно относился к затруднениям своего собеседника, когда тот ни на одном из трех иностранных языков, которыми одинаково плохо тогда владел, не умел выразить своей мысли и прибегал к мимике, к методу акологии и к «щелканью пальцами»,— тому вечному жесту людей, когда они не находят нужного слова.

Однажды в такой момент Маркс остановился и как довольный осенившей его мыслью, посоветовал:

— Да говорите вы на латинском — это же лучше всего!

И был очень удивлен и огорчен, узнав, что русские студенты, окончившие классическую гимназию, не умеют изъясняться по-латински.

Принявшись за перевод I тома «Капитала», Лопатин долго сидел над первыми главами. Метафизическая терминология его очень затрудняла, и он высказал Марксу, что для русского читателя эти главы могут послужить препоной, могут охладить к книге... Маркс посоветовал начать перевод с III главы, обещая переделать первые две для русского перевода. (Эта переделка, как известно, вскоре пригодилась для первого французского издания «Капитала».) * Русский же перевод был прерван: Герман Александрович получил известие от друзей, что можно освободить из каторги Н. Г. Чернышевского,— и научная работа сменилась революционным приключением, подвигом, приведшим к аресту и тюрьме, новому бегству и т. д. и т. д.[62]

В работе принимали участие Любавин и Даниельсон (Николай —он), которому, как известно, и принадлежит первый законченный перевод «Капитала» (работа Лопатина была использована Даниельсоном, о чем он и говорит в предисловии)[64]. Герман Александрович отмечает, что при упоминании о Чернышевском Маркс каждый раз высказывал свое уважение к нему, как к революционеру, и очень ценил его как экономиста.

Отношение Маркса к русскому революционному движению того времени было, конечно, сочувственное. По выражению Лопатина, он соединял

* Г. А. Лопатин отмечает, между прочим, как курьез, «европейскую практичность» Маркса, несколько дивившую привыкшего к русским нравам юношу. Относительно земельной ренты Г. А. однажды высказал мысль, что эта тема должна быть развита, что в I-м томе она далеко не исчерпана, и поставил Марксу целый ряд вопросов. Маркс, вставив стеклышко монокля в правый глаз,— пристально и усмехаясь посмотрел на юркого собеседника:

— А как, вы полагали бы, следует углубить этот вопрос? Лопатин высказался:

— Ну, все это вы найдете во II-м томе...

с научной объективностью дух подлинного революционера. Каждый террористический акт, не находя в его миросозерцании теоретического оправдания,— глубоко волновал его и встречал живое сочувствие. В этом Лопатин мог убедиться при встречах — во время старого своего бегства из России, в конце 70-х годов, когда начался народовольческий террор.

Остановлюсь на известном письме Маркса к Михайловскому * по вопросу о возможности для России миновать капиталистическую стадию развития... [65]

Письмо это было передано именно через Лопатина. Он дает такие комментарии к нему. В беседах Маркс допускал известное уклонение от европейского пути развития, если бы революционерам путем политического переворота удалось осуществить радикальную аграрную реформу. Иначе дело должно пойти тем же путем, что и у прочих *грешных* наций.

Лопатин настаивает, что слово Profanen должно быть переведено именно так...

Упоминая о своей «карьере» в Германии, Маркс часто говорил, что буржуазные экономисты «замолчали на смерть» (todesschwiegen) его сочинения, и очень радовался интересу к нему, проявленному в России.

— Вы знаете, какой капитал я нажил на «Капитале»? — спрашивал он. И подсчитывал доход от I-го тома:

— Ровно 85 марок!

Г. А. Лопатин, по выходе из Шлиссельбурга, познакомился в русском издании с «Перепиской Маркса и Энгельса» и с теплым чувством говорит о напоминающих ему дни его юности отзывах о нем в письмах Маркса. С особой сердечностью относится он к дошедшим до него сообщениям, что вся семья Маркса, а особенно младшая дочь его Тусси (Элеонора), с которой он подружился в дни пребывания в Англии,— внимательно следила за судьбой «шлюшенцев»,— знала о всяких переменах в жизни русских мучеников, на всю жизнь заключенных в этом каменном мешке, и, конечно, особенно близко принимала к сердцу участь своего молодого русского друга...

Опубликовано в газете «Новый день» № 34, 4 мая (21 апреля) 1918 г.

Печатается по тексту газеты

Г. А. ЛОПАТИН — А. ФИНН-ЕНОТАЕВСКОМУ

6 июля 1906 г.

Спасибо Вам, Александр Юльевич, за присылку Ваших произведений. Пробежать их я еще не успел, так как, согласно Вашему желанию, спешу ответить на Ваше письмецо [66].

* Речь идет о письме в редакцию «Отечественных Записок». *Ред.*

1) Об Элеоноре Маркс печатать что-либо считаю *невозможным.*

2) Не помню, чтобы я рассказывал Вам о Марксе что-либо заслуживающее печати. Всего приятнее для меня было бы, чтобы Вы совсем не печатали об этом частном разговоре. Но если мне не удастся удержать Вас, то, конечно, желательно было бы просмотреть предварительно Вашу статью в гранках или рукописи.

3) Маркс *никогда* не высказывал мне ни в *категорической,* ни в сколько-нибудь *определенной* форме своих надежд на то, что русская община поможет России миновать капиталистическую стадию развития. *Не думаю,* чтобы он верил в это хотя одну минуту.

4) Правда, в его письме в «Отечественные Записки»[65] есть фраза, позволяющая с натяжкой сделать такое предположение. Но, по моему мнению, фраза эта требует очень осторожного чтения и толкования, и не так-то легко решить, что следует отнести в ней на долю политической *дипломатии* и что — на долю искреннего мнения. Выражаюсь так осторожно потому, что хотя это письмо дошло в Россию и через меня (перевод *не мой*), но мне не довелось говорить по его поводу лично с Марксом, а получил я его от Энгельса, который нашел его в посмертных бумагах Маркса.

5) Я был арестован в начале 1879 г.[67] за несколько месяцев до рождения или крещения «Народной Воли», а вырвался из уз и переехал русскую границу как раз в день смерти Маркса*, так что его сношения с людьми «Народной Воли» лежали вне сферы моих личных наблюдений. Но *я никогда не слыхал* ни от Лаврова, ни от Тихомирова, ни от Ошаниной, ни от кого-либо иного, чтобы Маркс *был, считался* или *называл себя* когда-нибудь *агентом* «Народной Воли». В первый раз слышу эту басню. Но зная широкие симпатии Маркса ко всякому революционному движению, неохоту его прикладывать собственный неизменный масштаб ко всем странам, временам и народам, отсутствие у него всякого отвращения к т. н. «терроризму» an und für sich, т. е. везде, всегда и всюду, а, напротив, очень сочувственное отношение, например, к ирландским и русским подвигам этого рода, я ничуть не сомневаюсь в том, что он охотно встречался и водился с людьми «Народной Воли», хотя бы заведомо прикосновенными к самым громким террористическим актам (напр. Гартман и др.), и оказывал им посильные услуги. Но это совсем не *агентство.*

Больше писать мне некогда.

Всего хорошего. Ваш *Г. Л.*

Впервые опубликовано в журнале «Былое» № 15, 1920 г.

Печатается по тексту журнала

* — 14 марта 1883 года. *Ред.*

КАПИТАЛЪ.

КРИТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

СОЧИНЕНІЕ

КАРЛА МАРКСА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

КНИГА I. ПРОЦЕССЪ ПРОИЗВОДСТВА КАПИТАЛА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ Н. П. ПОЛЯКОВА.

1872

Титульный лист первого русского издания I тома «Капитала»

ИЗ ЗАПИСИ БЕСЕДЫ С Г. А. ЛОПАТИНЫМ ОТ 3 НОЯБРЯ 1913 ГОДА [68]

...А о чем, о чем бы не поговорил я с теми, с которыми уже не поговоришь... Да... Был я близок тоже, и даже ближе, с Марксом. Я испытывал на себе чисто отеческую любовь его ко мне. Часто видались мы с ним, горячились, спорили, случалось, говорили подолгу о пустяках... а многое, многое, очень важное, осталось невыясненным. Обо многом надо было узнать, попросить совета...

Впервые опубликовано в журнале «Красная новъ» № 8, 1927 г.

Печатается по тексту журнала

Г. А. ЛОПАТИН

СВОЕ КАЖДОМУ [69]

Позволю себе сделать маленькую фактическую поправку к заметке, напечатанной в сегодняшнем № 121 вашей газеты по поводу смерти Н. Ф. Даниельсона.

Все переговоры с Марксом касательно перевода на русский язык первого тома «Капитала» вел не Даниельсон, а я, вследствие личного знакомства с автором, превратившегося потом в тесную дружбу. Ввиду моих замечаний насчет трудности понимания первой главы и приложения для широкой публики, Маркс посоветовал мне начать перевод со второй главы, пообещав, ко времени окончания мною перевода, соединить первую главу и приложение в одно целое, придав ему более общедоступную форму.

Переведя около трети книги, а именно вторую, третью главы и, помнится, начало четвертой, я прервал на время свою работу для поездки в Сибирь с целью освобождения Чернышевского. Вследствие совершенной в Женеве неосторожности, мое предприятие «отцвело, не успевши расцвесть», и я очутился надолго в иркутском остроге [62]. Вот тогда-то Даниельсон, мой университетский товарищ и друг всей жизни, взялся докончить мой перевод, тщательно придерживаясь повсюду установленной мною терминологии.

Но именно вследствие отсутствия личного знакомства с Марксом и тогдашней затруднительности письменных сношений с ним, а также из желания познакомить русскую публику с его трудом как можно скорее, Даниельсон был вынужден выпустить первый том «Капитала» в его

первоначальном виде, причем первую главу и приложение перевел не он, а наш третий товарищ *, которого я не называю, так как с течением времени он превратился из нашего единомышленника в ярого врага своих прежних политико-социальных взглядов.

Еще слово. Смерть «на улице», конечно, метафора. На днях Даниельсон умер в Ольгинской больнице, где лежит сейчас и его тоже умирающая сестра.

Дом писателей,
4 июля 1918 г.

Полностью публикуется впервые *Печатается по рукописи*

В. Н. ФИГНЕР

ИЗ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ОЧЕРКОВ

...Здесь я забегу на пять лет вперед, чтобы сказать о книге, которая с эмоциональной стороны оставила неизгладимые следы на моей психике и вместе с тем подкрепила оптимистическими перспективами мои социалистические стремления. Я говорю о книге Карла Маркса «Капитал».

Наши кружки не встречали противовеса ни социалистам-утопистам, ни крайностям субъективизма. Великое творение Маркса «Капитал» еще не развило всего своего влияния даже в западноевропейском мире. На русском языке первый том «Капитала» появился весной 1872 г., как раз, когда мы двинулись за границу, и, если не ошибаюсь, в России он распространялся довольно туго, хотя в 1874 г., при обыске у молодежи, полиция эту книгу уже встречала и конфисковывала. Среди нашей заграничной молодежи знакомство с Марксом было еще менее значительно: некоторые читали его в 1875 г. на французском языке, так как на русском экземпляры «Капитала» были редки. В том же году и я прочла первые две главы, но они показались мне крайне трудными, и дальше их я не пошла. Только в 1881 году, когда, по приглашению одних знакомых, я провела некоторое время в Крыму, в окрестностях Судака, у меня было достаточно спокойствия и досуга, чтобы овладеть богатым содержанием этого монументального произведения. Оно произвело на меня исключительное по своей силе впечатление: это было, можно сказать, мое второе крещение в социализм. Пламенное красноречие Маркса огненными словами запечатлевало в памяти моей целые страницы. С глубоким вниманием я читала описание экспроприации мелких землевладельцев в Англии, удручающие картины

* — Н. Любавин. *Ред.*

страданий английских прядильщиков и ткачей при введении паровой машины. Чувство ужаса и сострадания охватывало, когда, склонившись над книгой, я перечитывала страницы, в которых изображались поля Индии, усеянные костями людей, погибших от голода по случаю неурожая хлопка, или вскакивала в порыве негодования и бегала по комнате, потрясенная данными, которые были добыты парламентскими анкетами 30-х и 40-х годов о положении труда на фабриках Англии. Рабочие, доведенные до совершенно скотского отупения, христиане, не знающие, кто такой Христос, и как называется страна, в которой они живут... Крошечные дети, малютки семи и даже пяти лет, которых железные когти капитализма втягивают в фабричный труд... Было от чего всей крови бросаться в голову...

Но не только одни глубокие эмоции вызвало во мне чтение «Капитала». Я поняла научные основы социализма, которые закладывал Маркс, все то мировоззрение, которое впоследствии получило название материалистического понимания истории.

После того, как Маркс поднес мне отраву, воскресив все горькие переживания, которые я когда-либо испытала в реальной жизни и в ее литературных отражениях, он развернул передо мной иную картину.

Мастерски изобразив отрицательные стороны капитализма, он раскрыл во всю ширь положительные стороны его. Он представил, как в недрах самого капитализма растет и зреет исцеление всех зол его. Отрывая производителей от орудий производства и собирая промышленный пролетариат в громадные фабрики и заводы, капитализм создает ту силу, которая сокрушит его. Маркс нарисовал картину, как, собирая рабочих, капитал объединяет и организует их; как он воспитывает их в духе борьбы и дисциплины, вливает классовое самосознание и приучает к солидарности и коллективной деятельности во имя интересов своего класса. Постепенно развиваясь, концентрация капитала, с одной стороны, организация рабочих — с другой, достигнут, наконец, высшей степени; противоречие капиталистического строя — противоречие коллективного производства и индивидуального потребления — дойдет до наибольшего напряжения; тогда капиталистическая оболочка лопнет, и экспроприаторы будут экспроприированы. Этот стихийный безостановочный процесс развертывался перед глазами с неизбежностью закона природы. Целые потоки света осветили мой ум. Радостная оптимистическая перспектива развернулась. Поступательное естественное движение капитализма в силу своих имманентных свойств само приведет к своему уничтожению, и на развалинах его, на основе всех приобретений капиталистической эры, воздвигнется здание социализма. Не одни мы, отдельные личности, боремся за освобождение человечества от экономического рабства; вместе с нами и помимо нас

к тем же самым целям идет история; независимо от нашей воли, от наших индивидуальных усилий неизмеримая фатальная сила толкает капиталистический строй в пропасть. Сознание, что за нами, слабыми единицами, стоит могущественный исторический процесс, наполняло восторгом и создавало такую прочную опору для деятельности личности, что казалось, все трудности борьбы могут быть побеждены.

Я не пересматривала все свои прежние взгляды, все прежние влияния на мой ум, не перерабатывала наново мои воззрения на основах теории Маркса. Прежние взгляды лежали основным пластом, а вверху расположилось все, почерпнутое из книги «Капитал». И эти два слоя не перемешивались сверху донизу, но как-то таинственно объединялись, удваивая силу убеждения и решимость бороться и биться; биться теперь же, сейчас, теми средствами, которые имеешь в руках и к которым призывает окружающая действительность.

Печатается по тексту полного собрания Сочинений В. Фигнер, М., 1932, т. 5, стр. 102—105

Н. Г. КУЛЯБКО-КОРЕЦКИЙ

ИЗ ДАВНИХ ЛЕТ [70]

...Лавров почти вовсе никогда не выходил из дому. Изредка за какой-нибудь справкой отправлялся он в библиотеку Британского музея. Один раз вечером он собрался в гости к Карлу Марксу и приглашал меня идти с ним познакомиться со знаменитым председателем Центрального исполнительного комитета Интернационала. Но я, к стыду своему, не воспользовался этим исключительно благоприятным случаем, скажу прямо, из скромности или застенчивости. Вообще мне всегда претили всякого рода «смотрины» разных знаменитостей и «генералов», на каком бы поприще они ни заслужили свое генеральство. Из-за этой застенчивости я упустил, например, случай познакомиться с А. И. Герценом, когда, в возрасте 21 года, по окончании университета, путешествовал по Европе и был в Женеве, когда Герцен издавал там «Колокол» (в 1868 году).

Кроме того, от посещения К. Маркса я уклонился отчасти и потому, что, зная немецкий язык настолько, что мог свободно читать и переводить сочинения, в разговорах все-таки затруднялся подыскиванием слов и, если бы воспользовался приглашением Лаврова, то чувствовал бы себя при этом свидании далеко не в авантаже.

Зато с некоторыми другими деятелями Интернационала мне все-таки пришлось встретиться в Лондоне. Так, у Лаврова при мне раза два, а, может быть, и более, был в гостях Энгельс, с которым я уже не стеснялся познакомиться.

Раза два к Лаврову заходил бывший член Центрального комитета * Интернационала искусный часовых дел мастер Юнг, который к тому времени, когда я с ним познакомился, уже рассорился с Карлом Марксом и вышел из состава Центрального комитета.

Гораздо чаще у нас бывал генерал Врублевский, один из героев польского восстания 1863 года, командовавший затем войсками Парижской Коммуны в последние дни ее отчаянной борьбы с версальцами. Это был худощавый, небольшого роста, очень оживленный и бойкий старик, хорошо говоривший по-русски, только с едва заметным польским акцентом в выговоре, очень любивший и уважавший «pana pułkownika» **, как он постоянно величал Лаврова. Он числился представителем польской нации в Центральном комитете Интернационала...

Впервые опубликовано в книге: Н. Г. Кулябко-Корецкий. «Из давних лет», М., 1931 г.

Печатается по рукописи, сверенной с текстом книги

Д. И. РИХТЕР

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ «ЖИТЕЙСКИЕ ВСТРЕЧИ» [71]

...Я жил в Лейпциге и занимался исключительно делами журнала «Вперед». В Лейпциге я вращался большей частью в кругу местных социал-демократов В. Либкнехта, А. Бебеля и других. Приходилось ездить по делам редакции «Вперед» и в Лондон. В одну из таких поездок в Лондоне я застал Льва Савельевича Гинзбурга, приехавшего из Петербурга. Гинзбург передал в редакцию, что есть возможность устроить перевозку журнала «Вперед» через Стокгольм, и кто-то из членов редакции предложил мне организовать это дело. Надо было заручиться рекомендацией в Стокгольм. Вот с этой целью я вместе с П. Л. Лавровым и отправился к К. Марксу, с которым Петр Лаврович был знаком.

Маркс жил в северной части Лондона, не особенно далеко от квартиры редакции «Вперед». Подходя к дому, в котором жил Маркс, мы встретили

* — Генерального Совета. *Ред.*
** — «пана полковника». *Ред.*

его дочь *, замечательно красивую девушку. Она очень приветливо поздоровалась с Петром Лавровичем и сказала, что «папа дома и будет рад нас принять». Маркс действительно был дома и по своему обыкновению сидел в кабинете. Кабинет его занимал большую комнату в 3 или 4 окна, выходивших на улицу. Убранство самое простое: вдоль стен полки с книгами, почти посреди комнаты небольшой, очень простенький письменный стол, несколько кресел и стульев, не помню даже, был ли в нем диван и картины или портреты на стенах. Одно мне бросилось в глаза: на камине стояла в простенькой рамочке фотография Н. Г. Чернышевского, копия с известной его фотографии, снятой еще до ссылки. Это, как мне впоследствии сказал Маркс, подарок одного из его русских друзей, вероятно, Г. А. Лопатина.

Сам Маркс по своей внешности не мог не произвести впечатления. Среднего роста, довольно коренастый пожилой человек (ему тогда было 57 лет), с легкой проседью на покрытой шапкой черных волос голове.

Нас встретил он очень любезно и, по-видимому, был рад посодействовать просьбе своих русских parteigenoss'ов. В Стокгольме знакомых у него не было, он даже не мог сказать, была ли там какая-нибудь социалистическая организация, но дал мне письмо в Копенгаген к главе датских социал-демократов **, члену датского парламента, по профессии адвокату, и сказал, что он для меня сделает все, что может.

Угостил нас Маркс красным вином, очевидно, это было у него в обычае, потому что, когда я был у него во второй раз, он угощал меня тем же. Поговорил с нами: с Лавровым — о какой-то научной работе, со мной — о лейпцигских «молодых» товарищах, т. е. о Либкнехте, которому тогда было лет 50, и Бебеле (около 40 лет).

Во второй раз я был у Маркса один. О своих русских знакомых Маркс, а потом и Энгельс, который пришел к нему во время этого моего посещения и с которым Маркс меня познакомил, отзывались различно: об одних с нежностью — о Г. А. Лопатине, Н. Ф. Даниельсоне (последнего они оба знали только по письмам [72]) и отчасти о П. Л. Лаврове. К последнему, особенно Маркс, относились как-то снисходительно; очевидно, они оба удивлялись обширности его знаний, но не были особо высокого мнения о его уме; между прочим, кто-то из них назвал его философом-эклектиком...

Впервые опубликовано в газете «Неделя» № 5, 24—30 января 1965 г.

Печатается по тексту газеты

* — Элеонору Маркс. *Ред.*
** Очевидно, Луи Пио. *Ред.*

М. М. КОВАЛЕВСКИЙ

ИЗ СТАТЬИ «МОЕ НАУЧНОЕ И ЛИТЕРАТУРНОЕ СКИТАЛЬЧЕСТВО» [73]

...Мой парижский приятель Григорий Николаевич Вырубов, бывший в то время издателем *Журнала Положительной Философии* *, снабдил меня рекомендацией к Джону Льюису, а другой мой приятель, Корье, открыл мне доступ в дом Карла Маркса. С этими двумя рекомендациями я вскоре перезнакомился со всеми специалистами моего предмета, журналистами и политическими деятелями, советы и указания которых впоследствии были мне весьма полезны...

Первое впечатление, вынесенное мною из знакомства с Марксом [74], было самое неприятное. Он принял меня в своем известном салоне, украшенном бюстом Зевса олимпийского. Его нахмуренные брови и, как показалось мне с первого разу, суровый взгляд невольно вызывали в уме сравнение с этим бюстом, особенно ввиду чрезмерного развития лба и падавших назад обильных вьющихся и уже седых волос. Кажется, в этот же день он объявил мне, что проживающие за границей русские, за немногими исключениями, все агенты панславизма, что таким же панславистическим агентом был и Герцен, знакомства с которым он поэтому избегал, что Бакунин, которого он, можно сказать, ввел в круг социалистической агитации, отплатил ему черною неблагодарностью, устроивши так называемую «Alliance» [75], что и было первым толчком к распадению Интернационала. Вышел я, помню, от Маркса как ошпаренный, с решимостью никогда не возвращаться к нему более. Но вскоре мне суждено было встретиться с ним на водах в Карлсбаде **. Здесь, за неимением другого общества, он тесно сблизился со мною. Мы делали совместно наши утренние и вечерние прогулки и совместно нарушали диету за бутылкой рюдесгейма, к которому он чувствовал особую нежность. Вне своего обычного антуража, этот великий человек становился простым и даже благодушным собеседником, неистощимым в рассказах, полным юмора, готовым подшутить над самим собою. Помню я его рассказ о том, как, оставшись однажды без денег, он понес в парижский ломбард серебряную посуду своей жены. Жена его, урожденная фон Вестфален, со стороны матери была в родстве с герцогами Аргайл. На посуде имелся поэтому дворянский герб. Это сопоставление дворянских претензий с резко выраженными чертами еврейского типа повело к тому, что Маркс был задержан и жене пришлось доказывать принадлежность ей посуды и добиваться освобождения мужа.

* «La Philosophie Positive, Revue». *Ред.*
** — чешское название: Карловы Вары. *Ред.*

Маркс явился мне вскоре по возвращении в Англию и в неожиданном свете любящего отца семейства, готового баловать своих дочерей и внучат, а также преданного друга, испытывавшего поистине братскую привязанность к Энгельсу. Эти два человека встретились в ранней молодости и на первый раз взаимно оттолкнули друг друга. Один был гегелианцем, другой — шеллингианцем[76]. Inde ira *. Но вскоре общее дело и общая эмигрантская жизнь на чужбине сблизили их до того, что Энгельс сделался своим человеком у Маркса, и наоборот. Не знаю, удалось ли Марксу обратить Энгельса в гегелианство, но что сам Маркс оставался до конца не допускающим компромисса последователем гегелевской философии, в этом я не раз имел возможность убедиться из собственных его заявлений. Помню, как однажды он объявил мне, что есть только два способа мышления — логическое по диалектическому методу Гегеля и нелогическое. Он, впрочем, признавал за собою заслугу человека, поставившего в основание трехугольника то, что Гегелем было поставлено в его вершине, и, говоря это, он разумел, что экономические влияния признаны были им руководящими и основными даже для философских и научных теорий.

Он не прочь поэтому был считать Лоренца Штейна до некоторой степени своим учеником и охотно вспоминал о его сотрудничестве в Rheinische Jahrbücher[77]. Журнал этот издавался Марксом, если не ошибаюсь, в Кёльне за несколько лет до переезда сперва в Париж, откуда он был выслан Гизо, а затем в Лондон. В числе сотрудников был Гейне. Карл Маркс уже в это время работал над развитием своей теории *Mehrwerth'a* **. Впервые он высказал ее в систематическом виде в своих известных возражениях Прудону *Бедность философии****. Переезд в Лондон доставил Марксу возможность собрать богатый материал по английской экономической истории, для чего он усердно посещал Британский музей, изучая на дому «синие книги», которыми его собственная библиотека была особенно богата. Усиленные занятия надорвали его здоровье и он нередко уже в эпоху моего знакомства с ним жаловался на какие-то внутренние боли. Видя его, однако, постоянно бодрым и умственно, и физически, все окружающие не придавали особого значения его жалобам, приписывая их мнительности, а, между тем, не прошло пяти лет, и под влиянием личного горя — потери жены и старшей дочери, госпожи Лонге, нередко помогавшей ему в черновой работе,— у него развилась чахотка; он тщетно боролся с болезнью в Алжире и умер в Лондоне, не доживши до шестидесяти лет ****. В середине восьмидесятых годов ничто не предвещало такого раннего конца.

* Inde irae — отсюда гнев (*Ювенал.* Сатира первая). *Ред.*
** — прибавочной стоимости. *Ред.*
*** *К. Маркс.* «Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона». *Ред.*
**** Правильно: семидесяти лет. *Ред.*

М. М. Ковалевский.— Из ст. «Мое научн. и литературн. скитальчество»

Маркс продолжал работать усиленно, научился русскому языку и читал внимательно русские «синие книги» [78], присылаемые ему приятелем * из Петербурга. Он собирался дать в ближайших своих томах особенное развитие русскому и американскому материалу, но это не мешало ему читать и много постороннего своей теме, снабжая всегда прочитанное своими заметками. Вот почему после его смерти Энгельс показывал мне тетради, наполненные выдержками из Моргана *(Древнее общество),* Карденаса *(История собственности в Испании),* моего сочинения об общинном землевладении, Кареева *(История крестьян во Франции)* [79]. Некоторыми из этих заметок воспользовался Энгельс в своем этюде о происхождении семьи и собственности **. Указаниями Маркса руководствовался он также и в своей критике «дюринговских потуг» совершить переворот в науке ***. Маркс не без некоторого самодовольства говорил мне, что Дюринг всем встречным заявляет, что источником нападок на него является не кто другой, как он, Маркс. Во время моего знакомства с Марксом он и его семья вели весьма замкнутый образ жизни. Редко когда можно было встретить в его доме чистокровных англичан, за исключением разве Гайндмана, недавнего главы английских социалистов. Ортодоксальные экономисты не находили еще нужным считаться с ним в это время. Маркс рассказал мне однажды следующий инцидент. Леви, автор истории торговли, читал публичную лекцию о согласии экономических интересов. В конце лекции дозволено было присутствующим сделать свои возражения. Встает Гайндман и объявляет, что в числе экономистов, так или иначе высказавшихся о согласии и несогласии интересов, лектор не упомянул Карла Маркса. «Я не знаю его»,— последовал ответ. Такое отношение английских экономистов тем более удивляло меня, что в Берлине Вагнер и Энгель не раз упоминали имя Маркса, то соглашаясь, то споря с ним. Но англичане почему-то считают политическую экономию своим исключительным достоянием и редко когда ссылаются на иностранных писателей по этому предмету. Получивший первый том *Капитала* от автора, Спенсер, например, счел нужным передать через общих знакомых, что незнание немецкого языка ставит его в невозможность прочесть книгу. Несколько иначе отнесся к Марксу Дарвин. Он послал ему длинное письмо, которым Маркс очень дорожил и которое сохранилось в его бумагах [80]...

Впервые опубликовано в журнале «Русская мысль», кн. I, 1895 г.

Печатается по тексту журнала

* — Н. Ф. Даниельсоном. *Ред.*

** *Ф. Энгельс.* «Происхождение семьи, частной собственности и государства». *Ред.*

*** *Ф. Энгельс.* «Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом». *Ред.*

М. М. КОВАЛЕВСКИЙ

ВСТРЕЧИ С МАРКСОМ

ИЗ РАБОТЫ «ДВЕ ЖИЗНИ»

...Высланный из Парижа министерством Гизо, Маркс, прожив несколько времени в Брюсселе, возвратился в Германию после мартовских событий 1848 года, издавал около года «Новую Рейнскую газету», два раза был предан суду, но оправдан и, наконец, вынужден был покинуть Германию. Попытка устроиться в Париже не увенчалась успехом, и Маркс избрал Лондон своим постоянным местопребыванием. Таким образом, жизнь его стала протекать рядом с жизнью Спенсера. Но как различны были пути, по которым оба властителя дум второй половины протекшего столетия одинаково шли к храму славы! Спенсер положил начало своей литературной известности, как мы видели, «Трактатом о социальной статике» [81], где, отступая от принципов индивидуализма и государственного невмешательства, проповедовал, между прочим, мысль о выкупе правительством земельной собственности частных лиц с целью упразднения латифундий; Маркс же от критики прудоновского принципа взаимности — в сочинении, озаглавленном «Нищета философии», ответ на «Философию бедности» *,— критики, в которой впервые высказывается им доктрина исторического материализма, почти одновременно развиваемая и Лоренцем Штейном в его «Истории французского социализма» **, перешел к открытой проповеди коммунизма в знаменитом «Манифесте» ***, написанном им в конце 1847 года. «Манифест» этот должен был служить программой деятельности для того «Союза справедливых», который вызвал Маркса в Лондон на конгресс, сам превратился летом 1848 г. в «Союз коммунистов» и поручил Марксу изложение своих основных принципов в печатном обращении, в свое время малозамеченном, но сделавшемся в наши дни знаменем социал-демократии всего мира. В этом «Манифесте» проводится идея классовой борьбы, как долженствующей окончиться торжеством пролетариата. Массовые выступления рабочих рассматриваются в нем как последствие привлечения их буржуазией к поддержке ее политических задач. Рабочие борются не со своими врагами, а с врагами своих врагов, с пережитками абсолютной монархии, с земельными собственниками, с непромышленной буржуазией и мелким мещанством. Но раз вовлеченный в борьбу пролетариат, после того как достигнута будет победа над абсолю-

* *К. Маркс.* «Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона». *Ред.*
** Оно вышло впоследствии под заглавием: «Понятие об обществе и социальная история французской революции». *(Примечание автора.)*
*** *К. Маркс и Ф. Энгельс.* «Манифест Коммунистической партии». *Ред.*

тизмом и феодализмом, вступит в единоборство с буржуазией и обеспечит окончательное торжество социального равенства. Можно сказать, что изданием этого «Манифеста», как и редактированием «Новой Рейнской газеты», ограничилось деятельное участие Маркса в освободительном движении конца сороковых годов. Маркс, после пережитых им событий, постепенно приходит к заключению, что революционный подъем исчерпал все свои силы. В рецензии на книгу Шеню: «О заговорщиках» [82] он очень определенно высказывает свое отрицательное отношение к тем, кто считает возможным ускорить ход событий путем конспирации. Таких людей он называет алхимиками революции. Они изощряются в изобретениях, призванных, в их глазах, совершить чудеса, и не желают считаться с теми предпосылками, без которых никакое движение не может найти почвы. Маркс ждал конца революционного периода, между прочим, потому, что промышленный кризис, поддерживавший брожение, по его оценке, должен был прекратиться. Промышленный подъем охватил всю Европу,— а в тот момент, когда промышленные силы буржуазного общества широко развиваются, нельзя было, по мнению Маркса, рассчитывать на успех социального переворота. Нечего и говорить, что такая проповедь не удовлетворяла идеологов революции вроде Бакунина. Он писал о ней Анненкову, известному издателю Пушкина и другу Тургенева, что Маркс «портит в Брюсселе рабочих, обращая их в резонеров» [83]. И в союзе, от имени которого издан был «Манифест» *, нашлись решительные противники его реализма. Они резко обвиняли Маркса в том, что он изменил революции и стал постепеновцем. Виллих был во главе недовольных. На заседании «Союза коммунистов» 15 сентября 1850 г. Маркс следующим образом охарактеризовал оба непримиримые течения в среде своей партии. «На место критического мировоззрения,— говорил Маркс,— большинство ставит догматическое, на место материалистического — идеалистическое, на место реальных отношений двигателем революции признается им одна воля революционеров». Столкновение кончилось исключением Маркса, Энгельса и их единомышленников из «Союза коммунистов»[84]. Продолжавшиеся дрязги и раскол в среде немецкой эмиграции в Лондоне настолько стали докучать Марксу, что он решил отгородиться от сторонников искусственно вызываемой социальной революции и сосредоточил свою деятельность на долгие годы на научных занятиях. Он не отказывался в то же время давать по временам свое веское суждение о событиях текущей политики, поскольку она затрагивала судьбы рабочих, и переписывался с этой целью с теми людьми, кого, как Лассаля, события постепенно выдвигали на первый план. Поселившись в Лондоне, Маркс принужден был обеспечить себе

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. «Манифест Коммунистической партии». *Ред.*

средства к жизни сотрудничеством в американских газетах. В декабре его жена пишет своим знакомым: «Днем Карл работает ради насущного хлеба, отправляя корреспонденции в нью-йоркскую «Tribune». По ночам же он сидит за книгами, чтобы закончить свою «Политическую экономию», то есть готовит первый том «Капитала»» [85]. Г-жа Маркс высказывает надежду, что найдется же какой-либо издатель для этой книги. Пятью годами ранее Маркс не разделял этой надежды. В 1852 г. в одном из его писем мы читаем: «В Германии теперь ни одно книгоиздательство не решится печатать написанное мною. Остается только издавать на свой счет, что̀ для меня, при моих теперешних обстоятельствах, невозможно» [86]. Хотя, по-видимому, и в 1857 г. не было уверенности, что издатель найдется, Маркс тем не менее посвящал большую часть своего времени и подготовительным работам в Британском музее, и редакции первого тома, так как был уверен в том, что послужит интересам рабочей партии всего более построением того, что̀ он называл «научным социализмом». В одном из его писем к Кугельману мы читаем: «Популярными научные попытки революционирования науки никогда быть не могут. Но как только научные основы положены, популяризация их — дело легкое» [87].

Хотя Маркс и желал, одно время, уйти всецело в научную работу, но обстоятельства сложились так, что ему временно пришлось если не приостановить, то восполнить ее деятельной агитацией в пользу создания «Интернационала». По случаю открывшейся второй всемирной выставки в Лондоне (1862) отправлена была императором французов вместе с экспонатами и целая группа рабочих. Она встретила в Англии радушный прием столько же со стороны туземных тружеников, сколько со стороны немецких и польских. Когда, два года спустя, в Лондон вновь прибыла делегация французских рабочих, стоявший в ее главе Толен, в ответ на приветственные слова англичан, на собрании 28 сентября 1864 г. заявил, что капитализм представляет собой международное бедствие, почему для борьбы с ним необходима и международная организация рабочих. Собравшиеся 28 сентября приняли следующую резолюцию: «выслушав ответ наших французских братьев на представленный им адрес, мы вторично приветствуем их, и так как их программа должна способствовать единению рабочих, то мы принимаем ее как основу международного объединения» [88]. В том же заседании избран был комитет, которому поручено было выработать статуты вновь возникавшего общества. В число членов комитета выбран был и Маркс. На одном из заседаний приняты были выработанные им письменное обращение и временные статуты. В них значилось, что освобождение рабочих должно быть делом их собственных рук, что все их движения терпели неудачу от недостатка духа солидарности и братского единения, что освобождение труда представляет собою не местную,

национальную, а международную задачу, что необходимо установить непосредственную связь между доселе обособленными стремлениями тружеников разных стран и что всему этому отвечает создание международного союза рабочих. Обращение к рабочим всех стран — так называемый «general adress» * — написано Марксом более сдержанно, чем «Коммунистический манифест», но весьма выпукло проводит ту мысль, что главной задачей должно быть завоевание политической власти. Поддержка государством кооперативных союзов рабочих немыслима, пока власть в руках одних землевладельцев и фабрикантов. Маркс открыто высказывается за государственное вмешательство в отношения труда и капитала и приветствует билль о десятичасовом рабочем дне, как победу, не только практическую, но и принципиальную. «Впервые,— пишет он,— политическая экономия буржуазии была побеждена политической экономией рабочих классов» [89]. Первый конгресс «Международного общества рабочих» созван был в Женеве 3 сентября 1866 г. Маркс, занятый приготовлением первого тома «Капитала», не мог отлучиться из Лондона. В письме к Кугельману, объясняя причину своего отсутствия, он, между прочим, говорит: «Я считаю, что подготовляемый мною труд важнее для рабочего класса, чем все, что я мог бы сделать на каком бы то ни было конгрессе».

Отсутствие Маркса было использовано его принципиальными противниками. Делегаты от романских стран разошлись с немецкими по вопросу о женском и детском труде, который последние желали регулировать, тогда как первые не допускали и упоминания о возможности для женщин и детей покидать семейные очаги. На дальнейших конгрессах еще более сказалась та же рознь. Бакунину удалось собрать вокруг себя группу делегатов, открыто ставивших себе задачей поход против самого существования государства и государственной власти. Раскол выступил с полною силою на конгрессе в Гааге **. Нападки бакунистов на Генеральный Совет «Интернационала» имели в виду главным образом Маркса. Эти нападки были отбиты. Конгрессом принята была следующая резолюция: в своей борьбе за освобождение рабочие должны объединиться в политическую партию и отмежеваться от всех старых партий. Концентрация сил проявлена была до тех пор лишь в экономической борьбе. Необходимо обнаружить ее и в борьбе с политическим влиянием землевладельцев и капиталистов [90]. Столкновение кончилось исключением бакунистов из «Интернационала», созданием ими особого союза «alliance de la démocratie socialiste» *** и перенесением центрального управления «Интернационалом» в Нью-Йорк. Маркс поддерживал это предложение, храня, однако, надежду, что скоро

* *К. Маркс.* «Учредительный манифест Международного Товарищества Рабочих». *Ред.*
** Конгресс I Интернационала в Гааге состоялся 2—7 сентября 1872 года. *Ред.*
*** — «альянс социалистической демократии» [75]. *Ред.*

настанут лучшие времена, и «Интернационалу» снова придется занять руководящую роль в делах рабочих Старого Света.

Можно сказать, что с этого момента Маркс отошел от международного руководительства рабочим движением. Он не прекратил, однако, своих сношений с вожаками немецкого пролетариата, с Лассалем[91], а позднее Бебелем и Либкнехтом, и продолжал горячо полемизировать с политическими и идейными противниками. Воспользовавшись материалом, доставленным ему Николаем Утиным, он вместе с Энгельсом напечатал чрезвычайно резкий обвинительный акт * против той организации анархической молодежи романских стран в особый «Союз социалистической демократии», к которой обратился Бакунин с момента исключения его самого со сторонниками из «Интернационала». Хотя в партии Бакунина и было несколько выдающихся людей, в том числе Элизе Реклю, французский эмигрант Гильом и наш соотечественник П. Кропоткин, но преобладающее значение имела в ней революционно настроенная литературная молодежь Апеннинского и Иберийского полуостровов, более идейно, чем материально, связанная с успехами рабочего движения. Маркс не оставлял также без возражения выпадов, делаемых на него из лагеря социалистов такими, например, писателями, как Дюринг. Известная брошюра Энгельса «О мнимом перевороте, произведенном в науке» берлинским приват-доцентом **, была, несомненно, внушена Марксом и отразила на себе его взгляды.

Мне пришлось познакомиться с автором «Капитала» в самый разгар этой полемики с бакунистами и Дюрингом. При первом же знакомстве Маркс подарил мне обе брошюры ***. Из моих рук они перешли к профессору Зиберу и использованы были им в ряде статей частью в «Юридическом вестнике» и издававшемся мной впоследствии в Москве «Критическом Обозрении», частью в «Отечественных Записках»[92]. Моим знакомством с Марксом я обязан был человеку, спасшему жизнь его зятю Лонге, члену Парижской Коммуны. Рекомендовавший меня был одним **** из двух авторов дневника, веденного во все продолжение восстания и озаглавленного: «Революция 18 марта»[93]. Несмотря на такую рекомендацию, Маркс отнесся ко мне на первых порах с большой подозрительностью: так сильно он был предубежден против русских со времени, как он выражался, измены Бакунина. Первые наши разговоры касались по преимуществу поведения его бывшего приятеля, которого он сам ввел в круги междуна-

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих». *Ред.*

** *Ф. Энгельс.* «Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом». *Ред.*

*** *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих» и *Ф. Энгельс.* «Анти-Дюринг». *Ред.*

**** — Поль Корье. *Ред.*

родной эмиграции Лондона и который одно время собирался быть переводчиком первого тома «Капитала» на русский язык. Эта задача, как известно, была выполнена впоследствии Николаем — оном, при участии Германа Лопатина *. В Лондоне в первую зиму мне пришлось быть у Маркса всего несколько раз. Он жил неподалеку от Regent's Park или, точнее, его продолжения, известного под названием Maitland Park, в полукруглом сквере (Crescent). Я помню еще номер его жилища — 41. Маркс занимал весь дом. В первом этаже помещалась его библиотека и гостиная. Здесь обыкновенно он и принимал своих знакомых. В это время две его старшие дочери ** были уже замужем. Одна вышла за члена Парижской Коммуны Лонге, другая — за известного теперь писателя Поля Лафарга; младшая — Элеонора, которую дома звали Тусси,— увлекалась в это время театром, игрою Ирвинга в шекспировских пьесах и одно время думала посвятить себя сцене.

Я особенно сблизился с Марксом летом на водах в Карлсбаде. Мы почти ежедневно делали совместные прогулки по горам и настолько сошлись, что в письмах того времени, недавно обнародованных в журнале «Былое», он относит меня к числу своих «научных друзей» (scientific friends [94]). Маркс работал в это время над вторым томом своего трактата ***, намеревался отвести в нем значительное место порядку накопления капиталов в двух сравнительно новых странах — Америке и России, получал поэтому немало книг из Нью-Йорка и Москвы. Его можно было считать полиглотом. Он не только свободно говорил по-немецки, по-английски, по-французски, но мог читать на русском, итальянском, испанском и румынском языках. Читал он массу и нередко брал у меня книги, в том числе двухтомный трактат по истории земельной собственности в Испании [79] и известное сочинение Моргана «Древнее общество», привезенное мною из моего первого путешествия в Америку. Оно доставило материал для наделавшей шум брошюры Энгельса «О происхождении семьи» ****.

Знать Маркса — значило быть также приглашаемым на воскресные вечера у Энгельса, нажившего значительное состояние в Манчестере, где у него была фабрика, и охотно принимавшего у себя и членов семьи Маркса и посторонних посетителей, по преимуществу немцев. Сам Маркс допускал к себе посторонних людей с разбором. Многие из известных европейских писателей, в том числе Лавеле, тщетно выражали ему желание вступить с ним в личное знакомство. Он сторонился от них, жалуясь на нескромность газетных и журнальных интервьюеров, раз они являлись его идейными

* См. настоящий сборник, стр. 48—49, 53—54. *Ред.*
** — Женни и Лаура. *Ред.*
*** — «Капитала». *Ред.*
**** *Ф. Энгельс.* «Происхождение семьи, частной собственности и государства». *Ред.*

противниками. Из англичан он был в хороших, но все же далеких отношениях с некоторыми членами кружка позитивистов, в особенности с профессором Бизли, принимавшим в то время участие в издании демократической газеты «Bee-Hive» («Пчелиный улей»). Я встречал у Маркса также не раз известного английского социалиста Гайндмана, в то время еще бывшего в лагере ториев и весьма сочувственно относившегося к Дизраэли. Нельзя сказать, чтобы Маркс в это время хорошо был известен в английских литературных кругах. Его «Капитал» не был еще переведен на английский язык, и успех его ограничивался пока двумя странами — Германией и Россией. Появление первой части «Капитала» подало повод теперешнему профессору Петербургского университета Иллариону Игнатьевичу Кауфману написать весьма ученый и в общем сочувственный этюд в «Вестнике Европы» [95]. Впоследствии о «Капитале» Маркса писал немало и русский экономист Зибер, автор сочинения «Давид Рикардо и Карл Маркс» [96]. Но из всего написанного о «Капитале» в России Маркс всего более ценил статью Кауфмана. Русская экономическая и историческая литература интересовала его. В его сочинениях встречаются ссылки на «Железнодорожное хозяйство» А. И. Чупрова [97]. Одно из его писем ко мне посвящено оценке книги Кареева «Крестьянский вопрос во Франции XVIII в.», а после кончины Маркса Энгельс показывал мне обширную тетрадь выписок из моей книги «Об общинном землевладении» [79]. Маркс, долго работавший в библиотеке Британского музея и до некоторой степени надорвавший этой работой свое здоровье, привык к чтению официальных отчетов, подобных английским «Blue books» [78], и поэтому не прочь был получать из России казенные издания, касавшиеся железнодорожного хозяйства, хода кредитных операций и т. д. Николай — он * и я посылали ему, что̀ могли, а его жена, очень озабоченная скорейшим окончанием всего сочинения, шутя грозила мне, что перестанет давать мне баранью котлетку (chop), если я своими присылками буду мешать ее мужу поставить давно ожидаемую точку. Маркс несколько раз переделывал второй и третий тома «Капитала». Он собирался закончить все сочинение «критической историей экономических доктрин», но эта часть его намерений так и осталась невыполненной [98].

Будничные дни Маркса уходили на работу. Он отводил сравнительно небольшое число часов на корреспонденции в нью-йоркскую газету «Tribune» **. Остальное время он сидел дома за пересмотром и исправлением уже написанных частей своего сочинения. Его библиотека, помещавшаяся в комнате в три окна, была составлена исключительно из рабочих книг, которые нередко в большом беспорядке разбросаны были на письменном

* — Н. Ф. Даниельсон. *Ред.*
** — New-York Daily Tribune». *Ред.*

столе и креслах. Иногда мне приходилось заставать его за работой, и Маркс до такой степени был погружен в нее, что ему не сразу удавалось перейти на разговор о чем-то другом от предмета, непосредственно овладевшего его вниманием. В воскресенье он любил гулять в парке с семьей, но и во время этих прогулок темой для разговоров служили нередко вопросы, весьма отдаленные от действительности. Это не значит, однако, чтобы он не увлекался политикой. По целым часам он сидел за чтением газет, и не только английских, но всего мира. Я однажды застал его за чтением «Romanul» и имел возможность убедиться в том, что он вполне свободно справляется с мало кому доступным румынским языком. За все время моего знакомства с ним он только однажды отлучился из Лондона и уехал на несколько недель в Карлсбад. Его пропустили через Германию только под условием не оставаться в ней более нужного для проезда числа дней. Въезд в Париж оставался для Маркса запретным со времени министерства Гизо. Тьер и Мак-Магон едва ли охотно открыли бы ему доступ во Францию после выхода в свет его «Гражданской войны», попытки защитить Коммуну, только что подавленную в крови версальским правительством.

Что̀ всего более поражало в Марксе — это его страстное отношение ко всем вопросам политики. Оно мало мирилось с тем спокойным объективным методом, который он рекомендовал своим последователям и который для всех явлений должен был отыскивать экономические предпосылки. Если мы возьмем такие вопросы, как вопрос польской независимости, то не удивительным ли покажется найти в Марксе ее энергического поборника, совершенно не считавшегося с обычными заявлениями, что польский вопрос — будто бы вопрос о поддержании социальной розни панов и шляхты, с одной стороны, и разноплеменного с ними простонародья — с другой. Отношение Маркса к России, несмотря на увлечение русской молодежи его сочинением и на то обстоятельство, что, за исключением Германии, он нигде при жизни не пользовался таким успехом, как в нашей среде, ничем существенно не отличалось от тех предубеждений, какие питали к ней революционеры 48 г., видевшие в России оплот всякой реакции и гасителя демократических и либеральных вспышек. Маркс сам не прочь был сознаться, что его до некоторой степени поражает то признание, какое он встречает в среде моих соотечественников. П. Берлин приводит следующий интересный отрывок из его переписки с Кугельманом [99]. В октябре 1868 г. Маркс пишет своему другу: «Ирония судьбы такова, что русские, против которых я уже двадцать пять лет выступал не только на немецком, но и на французском и английском языках, всегда были моими доброжелателями. В 1843—44 гг. в Париже русские аристократы носили меня на руках. Мое сочинение против Прудона, то есть «Нищета философии», вышедшее в 47 г., как и изданная Дункером «Критика политической экономии»

от 59 г., не нашли нигде бо̀льшего сбыта, чем в России. Первая иностранная нация, переведшая «Капитал»,— русская. Все это, впрочем, нельзя ценить слишком высоко»,— продолжает Маркс и объясняет затем свой успех в России следующим соображением: «Русская аристократия в юности воспитывается в немецких университетах и в Париже. Она всегда гонится за тем, что̀ Запад представляет самого крайнего. Это для нее простая гастрономия, та самая гастрономия, какой занималась часть французской аристократии в XVIII веке». Новый биограф Маркса справедливо замечает, что автор «Капитала» имел, однако, возможность убедиться в том, что его мысли встречали сочувствие и серьезный интерес далеко не в одних высших слоях русского общества. В 1867 г. Маркс получил из Петербурга от некоего Иосифа Дицгена, мастера Владимирской фабрики кожевенных изделий, письмо следующего содержания: «Вашу первую книгу, «Критику политической экономии», я в свое время проштудировал весьма прилежно и признаюсь, что ни одно сочинение не дало мне так много новых положительных знаний и такого ясного понимания предмета». Первый том «Капитала» возбудил в Дицгене совершенный энтузиазм. «Вы помогли нам,— пишет он,— проникнуться сознанием, что производство носит стихийный характер. Предпосылку вашей глубоко обоснованной политической экономии составляет глубоко обоснованная философия» [100]. Из писем Николая — она и из статей Кауфмана и Зибера Маркс мог убедиться, что молодые экономисты в России с увлечением относятся к его взглядам и готовы следовать ему в критике господствующей экономической доктрины. Отрадное впечатление, получаемое им из России, должно было еще усилиться от сопоставления с тем систематическим игнорированием его работы, в каком повинны были до последнего времени английские экономисты. В моем присутствии Гайндман сообщил Марксу следующий факт. Вслед за популярной лекцией известного английского экономиста Леви о «гармонии интересов» назначено было собеседование; на нем Гайндман решился высказать сомнение, чтобы интересы всех классов общества были согласованы между собой, находились в гармонии. В подтверждение своего скептицизма он сослался на «Капитал» Маркса. «Я не знаю такого сочинения»,— последовал ответ Леви... «Капитал» Маркса переведен был на английский язык только после смерти автора и лишь в слабой степени проник в среду английских экономистов. Я не встретил ссылок на него в сочинении наиболее авторитетного из них Маршалла, тогда как, наоборот, с Марксом считается такой, например, выдающийся писатель-экономист, как Адольф Вагнер, постоянно выступающий с критикой отдельных взглядов «Капитала».

В те годы, когда я посещал воскресные собрания в доме № 41, Maitland Park Crescent или встречался с Марксом у Энгельса, автор «Капитала» вел,

в общем, замкнутую жизнь. Она всецело уходила на научную работу, задачи которой Маркс понимал весьма широко. Ему сплошь и рядом приходилось посвящать недели и месяцы чтению сочинений по экономической истории, в частности по истории землевладения, которые имели лишь косвенное отношение к его главной теме. Он возобновил также занятия математикой, дифференциальными и интегральными вычислениями для того, чтобы сознательно отнестись к только что возникавшему тогда математическому направлению в политической экономии, во главе которого мы находим ныне таких ученых, как Эджворс, и каким во времена Маркса являлся уже Джевонс. Начитанность автора «Капитала» в экономической литературе, в частности в английской, была громадна; но ее нельзя сравнить с той «Belesenheit», какой блещут немецкие профессора и в числе их Рошер, эта «bête noire» * автора «Капитала», не раз снабжавшего свое сочинение примечаниями вроде следующего: «Г-н Рошер поспешил поддержать своим авторитетом приведенную банальность». В своих отдаленных предшественниках Маркс умел найти жизненные, допускающие дальнейшее развитие начала. Если за последнее время экономисты заинтересовались «Политической арифметикой» [101] и другими сочинениями Уильяма Петти, современника Карла II Стюарта, если мы получили не только новое собрание его сочинений, но и ряд мемуаров о Петти и притом почти на всех языках образованного мира, то этим мы в значительной степени обязаны Марксу. Знакомство с историей экономических доктрин позволяло автору «Капитала» сразу определять степень оригинальности писателей, умевших привлечь к себе общественное внимание бьющей в глаза формой своих произведений. Говоря это, я имею, в частности, в виду Джорджа, увлечение которым одно время приняло в Англии размеры, довольно близкие к тем, в каких сказалось в XVIII в. увлечение личностью и доктринами Руссо. Маркс едва ли не первый заметил, что в учении автора «Прогресса и бедности» [102] повторяются воззрения физиократов на земледелие, как на единственный источник чистого дохода, и на единый земельный налог, как долженствующий поглотить в пользу государства бо̀льшую часть ренты. В бумагах Маркса найдена была критическая статья, направленная против Джорджа и доказывающая односторонность и неприемлемость его выводов. Она появилась в печати уже после смерти Маркса[103].

Большинство имеет неверное представление о психологии человека, который проповедовал классовую борьбу, как единственное средство для рабочих достигнуть общественной справедливости — той «social justice», о которой напоминал англичанам XVIII в. пользовавшийся сочувствием Маркса Годвин.

* — буквально: «черный зверь», в переносном смысле — предмет неприязни. *Ред.*

Обыкновенно рисуют себе Маркса мрачным и высокомерным отрицателем буржуазной науки и буржуазной культуры. На самом же деле это был в высшей степени воспитанный англо-немецкий джентльмен, вынесший из тесного общения с Гейне веселость, связанную со способностью к остроумной сатире, человек жизнерадостный благодаря тому, что личные его условия сложились как нельзя более благоприятно. Маркс в большей степени, чем кто-либо из людей, с какими мне приходилось встречаться в моей жизни, не исключая даже Тургенева, имел право говорить о себе как об однолюбе. В ранней молодости он встретился с девушкой из высшего круга, фрейлейн фон Вестфален, и влюбился в нее, как можно только влюбляться в студенческие годы. Семья Вестфален была шотландского происхождения и в родстве с герцогами Аргайл. Это обстоятельство однажды едва не сыграло Марксу дурной шутки. В минуту безденежья в Париже он решился заложить в местном ломбарде фамильное серебро, полученное им в приданое за женой. На этом серебре нашли герб Аргайлей и задержали Маркса, как присвоившего себе чужое достояние. Я слышал этот рассказ от самого Маркса, который сопровождал его громким и добродушным смехом. Женни Вестфален была в детстве товарищем по играм мальчика Карла. На четыре года она была старше его. Здоровая, веселая, красивая. «Самая красивая из девушек Трира», как ее называли, она уже подростком сделалась царицей балов. Маркс не успел еще окончить гимназии, как влюбился в подругу своих детских игр. Уезжая в университет, он тайно обручился со своей невестой. Старик Вестфален, как рассказывал мне Маркс, принадлежал к числу людей, увлеченных доктриной Сен-Симона, и один из первых заговорил о ней с будущим автором «Капитала». Судьба разметала его детей в разные стороны: одного сделала членом прусского реакционного министерства *, другого — борцом за свободу негров в междоусобной войне северных и южных штатов Америки **. В своих воспоминаниях об отце младшая дочь Маркса — та, которую мы попросту звали Тусси,— сообщает, между прочим, следующее: «В течение всей своей жизни Маркс, который из Берлина прислал три толстые тетради своих стихотворений любимой им девушке, был буквально влюблен в свою жену». «Передо мной лежит,— пишет Элеонора Маркс в статье, напечатанной в «Neue Zeit» в 1897 г.,— любовное письмо отца. По страстному юношескому огню, с которым оно написано, можно было бы думать, что автор его восемнадцатилетний юноша. Но оно отправлено было Марксом не ранее, как в 1856 г., когда любимая им Женни родила ему уже шестерых детей» [104]. Ближайший в то время друг Маркса, Бруно Бауэр, говоря о его невесте, пишет ему: «Она способна перенесть с тобою все,

* Фердинанда фон Вестфалена. *Ред.*
** — Эдгара фон Вестфалена. *Ред.*

что только может случиться» [105]. Эти слова были пророческими. Маркс, никогда не располагавший значительным достатком, нередко испытывал нужду, но Женни с философским и в то же время веселым равнодушием относилась к этим превратностям судьбы, озабоченная только одним, чтобы ее «дорогой Карл» не уделял слишком много времени на приобретение средств к жизни. Редко кто принимал так радушно в своей скромной обстановке, как жена Маркса, и редко кто умел более сохранить в своей простоте приемы поведения и внешний облик того, что французы называют «une grande dame» *. Маркс и с седой бородой любил начинать Новый год танцем с своей женой или с приятельницей Энгельса. Я сам однажды присутствовал при том, как он весьма ловко прошелся со своими дамами под музыку в торжественном марше. Когда эти воспоминания встают в моей памяти, я решительно отказываюсь примирить с ними то, что говорил мне о Марксе известный географ Элизе Реклю, друг и ученик Бакунина и Кропоткина, а потому лишенный необходимой объективности при оценке принципиального противника. По словам Реклю, Маркс, принимая членов международного общества рабочих **, в том числе и самого Реклю, не выходил из задней части своей гостиной и держался поблизости к бюсту Зевса Олимпийского, которым эта гостиная была украшена, как бы подчеркивая тем свою принадлежность к числу великих типов человечества. Такая ходульность совершенно несогласна с представлением о человеке, который настолько знал себе цену, что не видел надобности подчеркивать свое значение внешними приемами. Приходит мне на ум еще один семейный обед у Марксов. Они принимали прибывшую из Капской земли сестру Карла *** с двумя ее сыновьями. Сестра никак не могла помириться с тем, что ее брат — вожак социалистов, и настаивала передо мной на той мысли, что оба они принадлежат к уважаемой в Трире семье пользовавшегося всеобщим сочувствием адвоката. Маркс дурачился и заливался юношеским смехом. С мнимым величием Маркса не связывалась также его готовность прийти запросто пообедать, нередко под условием, чтобы одновременно с ним не был приглашен его слишком болтливый зять. Не прочь был Маркс пойти со знакомыми в театр, послушать Сальвини в роли Гамлета или несравненно более ценимого им Ирвинга. Помню я также, как мы заседали с Марксом вместе в Aegiptian Hall, задетые оба за живое точным воспроизведением всех фокусов спиритов человеком, заявлявшим, что он был в их среде, повторяет то, чему научился, но не настолько прост, чтобы объяснить публике, как он это делает, так как в противном случае перестанут бывать на его представлениях.

* — «знатной дамой». *Ред.*
** — Международного Товарищества Рабочих. *Ред.*
*** — Луизу Юта. *Ред.*

Деля свои привязанности между семьями своих двух замужних дочерей* и старым другом Энгельсом, платившим ему более чем взаимностью, Маркс посвящал им весь свой досуг. Круглый день он занят был серьезным, всецело захватившим его научным трудом, и все же находил время с жаром отзываться на все вопросы, так или иначе задевавшие интересы рабочей партии вообще и немецкой социал-демократии в частности. Из ее вожаков он более других ценил Бебеля; в меньшей степени — Либкнехта. Он не раз жаловался на то, что последний испорчен Лассалем, и прибавлял, шутя и сердясь: трудно ввести свежую мысль в голову немецкого приват-доцента (таким именно приват-доцентом, по словам Маркса, и был Либкнехт). С какой страстностью Маркс относился и в пожилом возрасте ко всяким попыткам остановить нормальные успехи рабочей партии в связи с общим развитием страны, об этом можно судить по следующему факту. Я случайно находился в его библиотеке в ту самую минуту, когда до Маркса дошло известие о неудавшемся покушении Нобилинга на престарелого императора Вильгельма. Маркс отозвался на это известие словами проклятия по адресу неудачного террориста и тут же объяснил, что от его преступной попытки ускорить ход событий можно ждать только одного — новых преследований против социалистов. К сожалению, исполнение пророчества не заставило себя ждать: Бисмарком изданы были известные законы, значительно затормозившие успешное развитие немецкой социал-демократии.

Поступление мое профессором в Московский университет положило конец моему двухгодовому, почти еженедельному обмену мыслями с автором «Капитала». Мы первое время изредка продолжали писать друг другу. При посещении летом Лондона я возобновлял мои визиты, обыкновенно по воскресеньям, вынося каждый раз из наших свиданий новый стимул к научным работам в области истории экономического и общественного развития европейского Запада. Очень вероятно, что без знакомства с Марксом я бы не занялся ни историей землевладения, ни экономическим ростом Европы, и сосредоточил бы свое внимание в большей степени на ходе развития политических учреждений, тем более, что такие темы прямо отвечали преподаваемому мной предмету. Маркс знакомился с моими работами и откровенно высказывал о них свое суждение. Если я приостановил печатание моего первого большого сочинения об административной юстиции во Франции и в частности о юрисдикции налогов в ней [106], то отчасти под влиянием отрицательного отзыва, какой дан был мне о моем труде Марксом. Он более одобрительно относился к попытке раскрыть прошлое земельной общины или изложить ход развития семейных поряд-

* — Женни Лонге и Лауры Лафарг. *Ред.*

ков с древнейших времен на основании данных сравнительной этнографии и сравнительной истории права. Научная критика также весьма интересовала его; он был в числе внимательных чтецов издаваемого мною одно время «Критического Обозрения», быть может, единственным в Англии. Годы, проведенные мною в Италии, Испании, а затем в Америке,— последние годы жизни Маркса. По возвращении в Европу, я узнал о двойном его горе: о смерти жены и старшей дочери. Я слышал также, что по причине расстроенного здоровья Маркс принужден был провести целую зиму в Алжире. Еще в те годы, когда я почти еженедельно бывал у него, он жаловался на боль в груди. Но так как его телосложение не отвечало представлению о человеке, страдающем чахоткой, все его близкие объясняли эти жалобы его мнимой мнительностью. Оказалось, однако, что Маркс надорвал свое здоровье неумеренной работой в библиотеке Британского музея. Зима, проведенная им на юге, была ненастной. Маркс простудился и вернулся в Лондон еще более больным, чем прежде. Энгельс рассказывал мне о последних днях его жизни. И этот рассказ довольно близок к тому описанию, какое мы находим у его русского биографа [99], так как оно, в конце концов, заимствовано из писем того же Энгельса к его другу Зорге. Жена Маркса скончалась в декабре 1881 года. Год спустя умерла старшая дочь Маркса, госпожа Лонге. Маркс тщетно искал забвения в усиленной работе над окончанием своего «Капитала». Здоровье его все более и более ухудшалось. В промежуток между двумя смертями он принужден был уехать на юг. Вернувшись больной, он вскоре поражен был известием о кончине дочери. Этого нового удара он не в состоянии был вынести. 14 марта 1883 г. на 65-м * году жизни Маркс умер за своим рабочим столом. «Быть может, докторское искусство,— пишет Энгельс,— и могло бы обеспечить Марксу еще несколько лет растительной жизни, но такого существования Маркс не вынес бы. Жить при сознании невозможности закончить работы — несравненно тяжелее, чем без особых мучений переселиться в вечность» [107].

Мои воспоминания о Марксе относятся к эпохе, следовавшей уже за выходом его наиболее полного и законченного труда: первой части «Капитала». Маркс вступил уже в это время в седьмой десяток, но сохранял еще всю свою бодрость и жизнерадостность. Анненков знал его за год до революции 1848 г., следовательно, молодым человеком, на 31-м году жизни. Интересно сравнить с моими впечатлениями те, какие наш известный писатель вынес из своей встречи с Марксом в Брюсселе. По словам Анненкова, будущий автор «Капитала» представлял из себя человека, сложенного из энергии, воли и несокрушимых убеждений. «Он был замечателен

* У Ковалевского неточно: на 67-м. *Ред.*

и по внешности. С густой черной шапкой волос на голове, с волосистыми руками, в пальто, застегнутом наискось, он имел вид человека, требующего признания и имеющего право на него. Все его движения были смелы и самонадеянны, все приемы обращения горды и презрительны. Резкий голос, звучащий, как металл, удивительно шел к радикальным приговорам, им произносимым. Над его безапелляционными суждениями царила резкая до боли нота уверенности в своем призвании управлять людьми, вести их за собой. Передо мной стояла,— заканчивает Анненков,— олицетворенная фигура демократического диктатора. Контраст с недавно покинутыми мною на Руси типами был самый решительный» *.

В моем воображении Маркс выступает с менее резкими чертами. Демагог примирился в его лице с общественным философом, с одним из тех мудрецов, которые думают, что они нашли ключ к пониманию столько же прошлого, сколько и настоящего. Этим ключом для Маркса было в мое время учение о прибавочной стоимости труда — стоимости, поступающей в руки капиталиста-предпринимателя. После выхода уже второго и третьего томов «Капитала», из которых оказывается, что Маркс примирял свою теорию прибавочной стоимости с теорией рыночной цены, определяемой спросом и предложением, его последователи стали в большей мере подчеркивать его исторический материализм, освещение им всех событий прошлого и настоящего изменениями в технике производства и обусловленными ими переменами в экономическом укладе и политической надстройке общества. Из бесед с Марксом нетрудно было вынести убеждение, что фундаментом его экономических и исторических доктрин была философия Гегеля. Он однажды сказал мне в упор, что логически можно мыслить только по диалектическому методу, ну а нелогически — хотя бы и по позитивному. Дидактический тон, какой нередко принимал Маркс и который свидетельствовал о его самоуверенности, вытекал, по-моему, из убеждения в неоспоримости того приема мышления, какой был дан ему гегелевской философией в толковании ее радикальных последователей, в их числе знаменитого Фейербаха. То, что многим казалось в Марксе отталкивающей несдержанностью и угловатостью, имело источником эту уверенность. Первая встреча Маркса с Энгельсом едва не повела к разрыву. Маркс был таким же упорным гегельянцем, каким Энгельс в то время — ортодоксальным последователем Шеллинга[76]. Обе системы были непримиримы, и будущие друзья, сошедшиеся в конце концов в культе Гегеля, одно время разошлись как враги. То, что французы называют cassant **, выступало в обращении Маркса даже в меньшей степени, чем у другого последователя гегелевской философии — русского мыслителя Чичерина.

* См. настоящий сборник, стр. 40. *Ред.*
** — высокомерный. *Ред.*

Презрительное отношение обоих друг к другу обусловливалось тем, что каждый обвинял противника в неправильном понимании диалектического метода и связывал с этим непрочность полученных им результатов, тогда как в действительности источником разномыслия были субъективные пристрастия: одного — к коммунистическому строю (я разумею Карла Маркса), а другого — к индивидуалистическому, сильно окрашенному, впрочем, государственностью. Нетерпимые в основных вопросах жизни и духа, оба — и Маркс в большей степени, чем Чичерин,— были покладисты в своих личных сношениях. За два года моего довольно близкого общения с автором «Капитала» я не припомню ничего, хотя бы издали напоминающего то третирование старшим младшего, какое я в равной степени испытывал в моих случайных встречах и с Чичериным, и с Львом Толстым. Карл Маркс в большей степени был европейцем и хотя, может быть, не высоко ценил своих «друзей только по науке» (scientific friends), предпочитая им товарищей в классовой борьбе пролетариата, но в то же время был настолько благовоспитан, чтобы не проявлять этих личных пристрастий в своем поведении. На расстоянии двадцати пяти лет я продолжаю сохранять о нем благодарную память, как о дорогом учителе, общение с которым определило до некоторой степени направление моей научной деятельности. С этим представлением связано и другое, а именно то, что в его лице я имел счастье встретиться с одним из тех умственных и нравственных вождей человечества, которые по праву могут считаться его великими типами, так как в свое время являются самыми крупными выразителями прогрессивных течений общественности.

Спенсер и Маркс до некоторой степени могут считаться по отношению друг к другу антиподами. Один стоял на страже индивидуальности, другой поднимал голос в защиту прав трудящихся масс. Оба были наиболее последовательными и резкими выразителями тех двух направлений, гармоническое сочетание которых одно может обеспечить, в моих глазах, счастливое развитие человечества. Индивид не может быть принесен в жертву государству и даже международному союзу, как не мог и не может он стушеваться перед семьею, родом, сословием или классом. Но его деятельность в то же время должна быть координирована с деятельностью других равных ему единиц, и их совокупные усилия должны быть направлены к обеспечению общего благополучия. Ни о Спенсере, ни о Марксе нельзя сказать, чтобы они относились равнодушно к этой последней цели, но каждый думал служить ей по-своему: один — настаивал, быть может чрезмерно, на автономии личности, другой — доводя общественную солидарность до тех пределов, при которых индивид становится бессознательным орудием процесса производства, действующего с какой-то стихийной силой. Оба видели истину, но, может быть, не всю. Оба сделали все от них

зависящее, чтобы передать, что̀ знали, своим современникам. А тот, кто жил для лучших людей своего времени, тот, по словам Гёте, жил для всех времен. Спенсер и Маркс, так сильно расходившиеся друг с другом при жизни, после смерти стали, по указанной причине, предметом общего культа со стороны прогрессирующего человечества, во многом обязанного им своим поступательным ходом.

Впервые опубликовано в журнале «Вестник Европы», кн. 7, июль 1909 г.

Печатается по тексту журнала

Н. А. КАБЛУКОВ

ИЗ «АВТОБИОГРАФИИ»

...Вторую половину 1880 г. жил в Лондоне, занимаясь ежедневно в библиотеке Британского музея и проводя часть дня совместно с занимавшимся в то время там же И. И. Янжулом, с его супругой Е. Н. Янжул и с Н. И. Зибером, работавшим тогда над своей книгой «Очерки первобытной экономической культуры» [108], по поводу которой мы много беседовали с ним. С ним же вместе неоднократно бывал я у К. Маркса и Ф. Энгельса, которые охотно принимали нас и познакомили со своими семействами. Там же у Маркса мы познакомились с А. Бебелем...

Печатается по тексту книги: «Памяти Николая Алексеевича Каблукова», М., 1925, стр. XV

Н. А. МОРОЗОВ

КАРЛ МАРКС И «НАРОДНАЯ ВОЛЯ» В НАЧАЛЕ 80-х ГОДОВ

Прошло 50 лет со дня смерти гениального основоположника современной научной политической экономии и шестьдесят шесть лет с того времени, как вышел в свет его «Капитал», начавший новую эру в науке о человеческом труде. И Маркс же вместе с Энгельсом впервые объяснил при помощи диалектического материализма весь ход исторических событий.

Многие будут вспоминать о нем теперь, а вместе с ними хочется вспомнить о нем и мне, хотя наше личное знакомство было лишь мимолетным.

Это было за два года до его смерти, уже 52 года назад. Первая свежесть воспоминаний не могла не поблекнуть за это время, и я, вероятно, не решился бы написать нижеследующих строк, если б мою память не освежили такие обстоятельства.

Года полтора тому назад я перелистывал «Литературу партии «Народной воли»», изданную нашим Обществом политкаторжан и ссыльно-поселенцев. Там были перепечатаны все номера «Народной воли» от ее начала 1 октября 1879 г. еще при моей редакции и до последнего ее двенадцатого номера, появившегося в октябре 1885 г., когда я уже сидел в Петропавловской крепости.

В одном из промежуточных и более коротких номеров этого органа, называвшихся «Листками «Народной воли»», мне бросилось в глаза объявление, посланное мною же в июле 1880 года из Женевы, куда я временно уехал в самом конце февраля 1880 года, главным образом для того, чтобы отвезти туда мою первую жену Ольгу Любатович, готовившуюся стать матерью, так как ей нельзя было оставаться на это время в России, потому что ее везде разыскивали жандармы, чтоб заточить в тюрьму или казнить. И с этим обстоятельством я соединил задачу организовать в Женеве серьезный научно-революционный толстый журнал.

Приведу теперь только что упомянутое мною объявление, напечатанное на странице 162 * «Литературы «Народной воли»».

> «В последнее время в Женеве приступлено к изданию *«Русской Социально-Революционной Библиотеки»* при сотрудничестве *Л. Гартмана, М. Драгоманова, П. Лаврова, Н. Морозова, И. Павловского* и др.
>
> Появилась уже первая книжка издания: «18 Марта 1871 года» соч. П. Лаврова» [109].

Названные здесь «сотрудники» были на самом деле официальными редакторами, хотя в месте печатанья, в Женеве, были только я и Драгоманов и на мне лежали все организационные дела. А перелистывая далее «Литературу «Народной воли»», я вдруг увидел в тексте ее 8-9 номера, вышедшего 5 февраля 1882 года, еще такой документ, написанный Марксом и Энгельсом:

«Предисловие, написанное Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом к предпринятому «Русской социально-революционной библиотекой» переводу «Манифеста Коммунистической партии» [110].

«Первое русское издание «Манифеста Коммунистической партии» появилось в начале 60-х годов в переводе Бакунина[111] (издание «Колокола»).

* В журнале ошибочно: 178. *Ред.*

В то время Запад мог смотреть на русское издание «Манифеста» только как на литературный курьез; в настоящее же время такой взгляд невозможен»...

«То было время, когда Россия представляла последний надежный оплот общеевропейской реакции. Совсем другое теперь»...

«Во время революции 48—49 годов»... «Царь был провозглашен шефом европейской реакции. В настоящее же время он сидит пленником революции в Гатчине [112], а Россия является авангардом революционного движения в Европе»...

Лондон, 21(9) января 1882 г.

Карл Маркс, Ф. Энгельс

Я здесь привел лишь отрывки из помещенного в «Листке «Народной воли»» предисловия Маркса и Энгельса, потому что оно слишком длинно для напечатания целиком, да и говорит в остальном лишь о предметах частного интереса, уже ушедших в область истории, а мне нужны только те места, которые характеризуют общее отношение Маркса и Энгельса к деятельности «Народной воли» для того, чтобы сделать краткий абрис отношения к нему самих народовольцев.

Не раз при разговорах с некоторыми современными историками народовольческого движения я говорил им, что было бы напрасно считать однородною идеологию всех народовольцев и в особенности судить о ней по «Программе Исполнительного комитета» [113], составленной Львом Тихомировым, хотя под нею и напечатано в примечании:

«Заявляем полную свою солидарность с этой программой.— *Ред.*».

Уже сама необходимость написать такое примечание показывает, что этой солидарности автору пришлось достигнуть не без труда.

Дело в том, что мы принимали людей в свою организацию не по деталям их идеологии, а по энергии и готовности жертвовать своей жизнью в борьбе с общим врагом, и доказательством этого служит то, что наши главные деятели: Александр Михайлов, Кибальчич, Желябов, Перовская и другие, не написали в «Народной Воле» ни одной строки, и общий и принципиальный разговор, в котором главным образом спорили лишь Тихомиров да я, а все другие старались только нас согласовать, был лишь один раз, по поводу этой самой «Программы Исполнительного комитета».

Потом же, после получения Тихомировым согласия на ее напечатание, никто не вспоминал более о ней.

Но это еще не значит, что у нас тогда совсем не интересовались теоретическими вопросами социологического характера,— ими интересова-

лись, но к ним относились так же спокойно, как, например, к вопросам о происхождении солнечной системы или жизни на небесных светилах. Большинство одинаково сочувствовало Бакунину, Лаврову, Михайловскому, Лассалю, Марксу и Энгельсу. А из немногих теоретиков одни, как Тихомиров, считали как бы долгом верности своему прошлому симпатизировать более народничеству, другие же, как я, допускали и эволюцию в своих теоретических представлениях. На меня еще до возникновения «Народной воли» огромное влияние произвело чтение «Капитала» Маркса.

И до тех пор я много читал по политической экономии — и Адама Смита, и Рикардо, и Джона Стюарта Милля,— но ясно чувствовал, что все они ходят вокруг чего-то основного, но не в состоянии его сформулировать. И вот наглядное выражение Маркса, что «товар есть откристаллизировавшийся полезный труд», объединило для меня все формы продуктов в их трудовой ценности, которую до Маркса смешивали с рыночною ценою, тогда как она производит на деле лишь приливы и отливы на уровне трудовой ценности в зависимости от колебаний спроса и предложения на данный продукт. Я понял, что только с этого момента политическая экономия стала действительной наукой, и вывел из основных положений Маркса дальнейшие последствия, в результате которых появилась первая программная трещина между мною и Тихомировым.

Отсюда очевидно, как захотелось мне, во время пребывания за границей в 1880 году, привлечь и Маркса к сотрудничеству с нами в только что основанной при моем участии «Социально-революционной библиотеке».

В конце концов я поехал в Лондон, побывав по дороге и у Лаврова, который очень сочувственно отнесся к моему замыслу, но познакомил меня с Марксом не он, а мой товарищ по «Народной воле» Гартман, который часто бывал у Маркса.

На второй же день после моего приезда он отправился со мной к Марксу [114] по лондонскому метрополитену, ходившему еще на локомотивах. Приехав в предместье, то по крышам домов, то в тоннелях, мы увидели наконец хорошенький беленький коттедж, где Маркс жил в те дни со своей дочкой Элеонорой. Я помню хорошо первое впечатление этой поездки. Mister Marx in? (Дома мистер Маркс?) — спросил Гартман молоденькую домашнюю работницу, когда она отворила выходящую на улицу дверь, после того, как мы три раза ударили в нее висящим молоточком, заменяющим в Англии звонок.

Она ответила Гартману, как знакомому, что Маркс еще находится в Британском музее, но дочка его дома. Почти тотчас же после нашего входа в приемную вышла и она, хорошенькая и стройная девушка немецкого типа, напоминавшая мне романтическую Гретхен.

Мы начали разговор по-английски, но она, заметив, что я, затруднившись сказать какое-то английское слово, употребил вместо него французское, сейчас же перешла на французский язык, на котором уже и продолжались все наши разговоры.

И вот здесь мои воспоминания начинают двоиться: то мне кажется, что мы и с Марксом виделись в тот же день, то, наоборот, представляется, что Элеонора, просидев с нами с полчаса, сказала, что он возвратится поздно, и мы виделись на следующий день.

Но я хорошо помню, что мое первое впечатление от Маркса было определено фразой: как он похож на свои портреты!

После того как мы поздоровались и уселись вокруг небольшого стола с диваном у стены, я, смеясь, сказал ему это.

Он тоже засмеялся и ответил, что это ему часто говорят и что как-то курьезно чувствовать себя человеком, на которого не портрет его похож, а он сам похож на свой портрет.

Оказалось, что он меня уже ждал с большим интересом, потому что Гартман, которому я предварительно написал о своем приезде и о замысле побывать у Маркса, уже несколько дней назад предупредил его об этом. Маркс мне сказал, что очень будет рад дать мне даже не одну статью для «Социально-революционной библиотеки» и снабдит выбранную нами его статью небольшим предисловием, как только мы пришлем ему корректуру ее перевода. Узнав, что я могу остаться в Лондоне лишь три-четыре дня, он пригласил меня побывать у него еще раз до отъезда и обещал приготовить мне несколько своих и Энгельса книжек.

Маркс был в то время действительно совсем таким, каким он представлен на его портретах, которые принадлежат тому времени. Он показался мне скорее среднего роста, но довольно широкого сложения, был очень приветлив с нами обоими, но сразу чувствовалось во всех его движениях и словах, что он вполне понимает свое выдающееся значение.

Никакой мрачности или замкнутости, о которой я от кого-то слыхал, я в нем совершенно не заметил.

В то время в Лондоне был такой туман, что во всех домах горели лампы, в том числе и у Маркса, и я даже ясно помню, что у него светилась лампа с зеленым абажуром, но и при этом освещении я хорошо рассмотрел и его, и его кабинет, в котором три стены были уставлены книгами, а на четвертой были какие-то портреты.

Кроме его и Элеоноры, никто к нам не выходил, и у меня составилось впечатление, что в то время в его домике не было других членов семьи Маркса. Элеонора же все время выбегала к нам и, сидя на кушетке несколько в стороне, принимала участие в разговоре, причем нам приносили

по чашке чая с бисквитами, и разговор продолжался главным образом о наших народовольческих делах.

Маркс чрезвычайно интересовался ими и говорил, что наша борьба с самодержавием представляется ему и всем европейцам чем-то совершенно сказочным, возможным только в фантастических романах.

Просидев с полчаса, мы с Гартманом не хотели его задерживать и отправились домой.

Но когда через два дня я снова зашел к нему перед отъездом, я тоже провел с ним и с дочерью некоторое время и при прощании он мне вручил приготовленные для меня пять или шесть книжек и снова обещал написать к той, которую мы выберем, предисловие, как только мы пришлем к нему первую корректуру перевода.

Узнав, что я через две-три недели возвращусь в Россию, он крепко пожал мне руку с пожеланием счастливого возвращения оттуда.

Мы оба обещали переписываться друг с другом, но это не осуществилось.

Возвратившись в Женеву, я нашел там письмо Перовской о том, что ряд готовящихся событий требует моего быстрого возвращения.

Я собрал нужные вещи и поехал, но 28 февраля при переходе границы около Вержболова был арестован под именем студента Женевского университета Локиера и перевезен в Варшавскую цитадель, где узнал о событиях 1 марта [112] посредством стука в стенку от сидевшего рядом товарища Тадеуша Балицкого.

Я был уверен, что теперь меня казнят, как только откроют мою фамилию, и не раз ощупывал пальцами шею, стараясь представить, как около нее будет стягиваться петля. И это, конечно, случилось бы, если бы арестованные в то самое время Перовская, Желябов, Кибальчич и другие не встали впереди меня на дороге к эшафоту.

Заключенный сначала в Алексеевский равелин Петропавловской крепости, а потом в Шлиссельбург, я до самого своего выпуска не знал, чем окончились мои переговоры с Марксом.

Не знал я этого и после, вплоть до 1930 года, когда в присланном мне издании Общества политкаторжан «Литература «Народной воли»» я вдруг увидел «Предисловие» Маркса к «Манифесту Коммунистической партии» в издававшейся при моем участии «Социально-революционной библиотеке», и это навеяло на меня рой воспоминаний.

Я вспомнил свои свидания с Марксом и его дочерью, вспомнил, как, уезжая спешно из Женевы в Россию, я отдал книжки Маркса кому-то из оставшихся там соредакторов, не помню уже — Драгоманову или Павловскому, или начавшему тогда серьезно изучать «Капитал» Маркса Плеханову

(хотя он в то время был еще «деревенщиком», как мы тогда называли партию «Черного передела», и не состоял в редакции «Социально-революционной библиотеки», но очень сближался с нею), и как я поручил выбрать и перевести что-нибудь из статей Маркса, а затем попросить у него и обещанное предисловие.

Я вспомнил и мое последнее прощание с ним, как он и его дочка Элеонора крепко жали мне руки, желая успеха в нашей опасной борьбе и нового приезда к ним из России в Лондон с победою, и дали даже адрес для переписки на имя кого-то из знакомых.

Особенно же отрадно было мне прочесть в только что приведенном мною предисловии Маркса:

«Царь был провозглашен шефом европейской реакции, а в настоящее время (т. е. благодаря деятельности «Народной воли») он сидит пленником революции в Гатчине, а Россия является авангардом революционного движения Европы».

Это были почти буквально те слова, которые сказал мне Маркс на прощанье, только вместо «в Гатчине» он сказал: «в Царском Селе».

Впервые опубликовано в журнале «Каторга и ссылка» № 3, 1933 г.

Печатается по тексту журнала

Н. А. МОРОЗОВ

У КАРЛА МАРКСА

В декабре 1880 года я поехал в Лондон и вместе с моим товарищем по «Народной воле» Львом Гартманом, который часто бывал у Маркса, отправился к нему по лондонскому метрополитену, ходившему тогда еще на локомотивах. В пригородном хорошеньком беленьком коттедже Маркс оставался в те дни только со своей дочкой Элеонорой.

— Mister Marx in? (Дома мистер Маркс?) — спросил Гартман молоденькую домработницу, когда она отворила выходящую на улицу дверь, после того как сделаны были по ней три удара висячим молотком, заменявшим тогда в Англии звонок.

Она ответила ему, как знакомому, что Маркс еще находится в Британском музее, но дочка его дома.

Почти тотчас же после нашего входа в приемную вышла и она — хорошенькая стройная девушка немецкого типа, напоминавшая мне романтическую Гретхен или Маргариту из «Фауста».

Мы начали разговор по-английски. Но, заметив, что я, затруднившись сказать какое-то английское слово, употребил вместо него французское, она сейчас же перешла на французский язык, на котором и продолжались все наши разговоры.

Она повторила, что отец ее ушел в Британский музей и возвратится только вечером. Посидев с нею с полчаса, мы ушли и пришли в условленный час на следующий день.

Я хорошо помню, что первое мое впечатление от Маркса было: как он похож на свой портрет! И после того как мы поздоровались и уселись вокруг небольшого столика, с диваном у стены, я, смеясь, сказал ему это. Он тоже засмеялся и ответил, что это ему часто говорят и что как-то курьезно чувствовать себя человеком, на которого не портрет его похож, а он сам похож на свой портрет.

Он показался мне скорее среднего роста, но довольно широкого сложения и был очень приветлив с нами обоими, но сразу чувствовалось во всех его движениях и словах, что он вполне понимает свое выдающееся значение. Никакой мрачности или замкнутости, о которой я от кого-то слышал, я в нем совершенно не заметил. Правда, в то время в Лондоне был такой туман, что во всех домах горели лампы, в том числе и у Маркса, и даже — ясно помню — с зеленым абажуром. Но и при этом освещении я хорошо рассмотрел и его, и его кабинет, в котором три стены были уставлены книгами, а на четвертой висели какие-то портреты.

Кроме Элеоноры, никто к нам не выходил, и у меня составилось впечатление, что в то время в этом домике не было других членов семьи Маркса. Элеонора же все время выбегала к нам, и, сидя на кушетке несколько в стороне, принимала участие в разговоре, причем нам принесли по чашке чая с бисквитами.

Разговор шел главным образом о наших народовольческих делах. Маркс чрезвычайно интересовался ими и говорил, что наша борьба с самодержавием представляется ему, как и всем европейцам, чем-то совершенно сказочным, возможным только в фантастических романах.

Когда я дня через два снова зашел к Марксу перед отъездом из Лондона, я снова провел с ним и с его дочерью некоторое время и при прощании он вручил мне приготовленные для меня пять или шесть книжек. Он обещал мне написать и предисловие к той, которую мы выберем для печати, как только пришлем к нему первую корректуру нашего перевода.

Узнав, что я через две-три недели возвращаюсь в Россию, он крепко пожал мне руку с пожеланием счастливого возвращения оттуда. Мы оба обещали переписываться друг с другом, но это не осуществилось. Возвратившись в Женеву, я нашел там письмо Перовской [извещавшее меня], что ряд готовящихся событий требует моего быстрого возвращения. Я собрал

вещи и поехал, но 28 февраля при переходе границы был арестован под именем студента Женевского университета Локиера и перевезен в Варшавскую цитадель, где узнал о событиях 1 марта посредством стука в стену от сидевшего рядом товарища Тадеуша Балицкого.

Заключенный сначала в Алексеевский равелин Петропавловской крепости, а потом в Шлиссельбург, я до самого своего выпуска в конце 1905 года не знал, чем окончились мои переговоры с Марксом. Не знал я этого и после, вплоть до 1930 года, когда в присланном мне издании Общества политкаторжан «Литература «Народной воли»» я вдруг увидел «Предисловие» Маркса к «Манифесту Коммунистической партии», изданному в основанной при моем участии «Социально-революционной библиотеке». И это навеяло на меня целый ряд воспоминаний.

Я вспомнил свои свидания с Марксом и его дочерью; вспомнил, как, уезжая спешно из Женевы в Россию, я отдал кому-то из оставшихся там сотрудников «Социально-революционной библиотеки» (кажется, Плеханову) его «Манифест» и остальные книжки для перевода на русский язык.

Особенно же отрадно было мне прочесть в только что упомянутом предисловии Маркса такие слова:

«Царь был провозглашен шефом европейской реакции. В настоящее же время» (т. е. в 1881 году) «он сидит пленником революции в Гатчине, а Россия является авангардом революционного движения в Европе».

Это были буквально те слова, которые он сказал мне на прощание.

Печатается по тексту газеты «Известия» № 260, 7 ноября 1935 г.

В. И. ИОХЕЛЬСОН

ИЗ ПОЯСНЕНИЙ К ПИСЬМУ Л. Н. ГАРТМАНА ОТ 25 АВГУСТА 1880 г. [115]

...Фотографии Маркса с его подписью по-французски я переслал с оказией в Петербург...

С Марксом и Энгельсом Гартман был на ты. Когда Гартман был выпущен французами в Лондон, Маркс устроил для него банкет, и он и Энгельс пили с ним брудершафт. Когда я приехал в Лондон, Маркс был уже настолько болен*, что я не мог его посетить; но я обедал с Гартманом у Энгельса, от которого у меня сохранилась фотографическая карточка с надпи-

* Очевидно, осенью 1881 года. *Ред.*

сью. Энгельс, как и Маркс, отрицательно относились к революционным вспышкам в Германии, считая их гибельными для организационного роста социал-демократического движения, но сочувствовали русскому террору [116], как форме политической борьбы с оплотом европейской реакции — русским абсолютизмом.

Печатается по тексту журнала «Былое»
№ 21, 1923, стр. 150

Г. В. ПЛЕХАНОВ

ИЗ СТАТЬИ «ПЕРВЫЕ ШАГИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ»

Систематическая пропаганда социал-демократических идей в рядах русских революционеров началась только летом 1883 г., когда в Женеве образовалась первая русская социал-демократическая группа «Освобождение Труда» [117]. И первым литературным произведением этой группы была брошюра автора этих строк: «Социализм и политическая борьба».

Разумеется, эта брошюра предназначалась для распространения в России, и по пути в Россию ей предстояло преодолеть все препятствия, которые русское правительство чинило (да собственно и сейчас еще чинит, несмотря на пресловутый манифест 30 октября 1905 г.) проникновению в нашу страну подобного рода литературных произведений.

Но как ни велики были эти препятствия, главное затруднение, которое новой группе необходимо было преодолеть, состояло в другом. Оно заключалось в упорной предубежденности огромного большинства тогдашних русских революционеров против всего того, что связано было с именем социал-демократии.

Эта предубежденность была хорошо известна Марксу и Энгельсу. Когда Аксельрод и я, вскоре после Парижского международного конгресса в 1889 г. [118], в Лондоне встретились с Энгельсом*, он нам сказал, что, пожалуй, было бы осторожнее с нашей стороны, если бы мы не называли себя социал-демократами. «Ведь и мы тоже,— прибавил он,— сначала называли себя не социал-демократами, а коммунистами».

Однако мы были убеждены в том, что сумеем заставить умолкнуть все клеветы против социал-демократии, распространявшиеся ее «социально-революционными» противниками. Кроме того, название социал-демократии

* См. настоящий сборник, стр. 91. *Ред.*

имело в наших глазах немалое практическое значение. Если русский сознательный пролетарий будет называть себя социал-демократом, то он легче будет понимать, что речь идет об его идейных единомышленниках, когда он будет читать в газетах об успехах социал-демократии в соседней с нами Германии. Ибо сведения об этих успехах проникали даже в находящуюся под гнетом цензуры русскую печать. Мы изложили Энгельсу наши соображения, и он нашел их основательными.

Чтобы объяснить немецкому читателю происхождение предубеждения русских революционеров против социал-демократии, я вынужден дать характеристику обоих течений, существовавших в нашем движении до образования группы «Освобождение Труда». Одно из этих течений связано с именем П. Л. Лаврова, другое — с именем М. А. Бакунина. Что касается Лаврова, то он всегда относился с большим уважением к Марксу и Энгельсу и *никогда* не выступал ни *против социал-демократии* вообще, ни против германской социал-демократии в частности. Но он *никогда* также не защищал ее от нападок анархистов. «Друг Петр»,— как назвал его Энгельс в своей направленной против него статье «Об эмигрантской литературе» в газете «Volksstaat» [119],— был эклектиком до мозга костей и не в состоянии был занять определенную позицию в происходившей в Интернационале борьбе между бакунистами и марксистами. В своей газете «Вперед!» он наивно сокрушался о том, что социал-демократы не идут рука об руку с анархистами. Эти смехотворные ламентации по поводу борьбы социал-демократов с анархистами и послужили поводом к вышеупомянутой полемической статье Энгельса в «Volksstaat».

Лавров обеими ногами стоял на почве *утопического социализма.* Его взгляд на историю был чисто *идеалистический.* В его многочисленных социалистических произведениях нет ни одной попытки дать анализ тогдашних *экономических отношений* России. Его тактика главным образом упиралась в пропаганду *«чистого социализма».* Всякая мысль о революционной пропаганде пугала его как опасное отклонение от мирной *пропагандистской деятельности.* Этой причины вместе с его неисправимым эклектизмом было совершенно достаточно, чтобы его влияние на русскую революционную молодежь быстро пришло к концу*. И по мере того, как падало влияние Лаврова, росло влияние Бакунина.

Если Лавров не считал нужным анализировать экономические отношения России, то Бакунин, признавший себя сторонником *исторического материализма, положил этот анализ в основу* своей программы и тактики. Беда была лишь та, что его анализ не имел ничего общего с материалистическим пониманием истории.

* Тогдашние революционеры рекрутировались почти исключительно из рядов учащейся молодежи. *(Примечание автора.)*

Он исходил из коммунистических инстинктов, якобы присущих русскому народу и получивших будто бы свое выражение в великорусской сельской общине. Для того, чтобы эти коммунистические тенденции имели плодотворные последствия, необходимо было только разрушить государство, которое являлось помехой на пути к дальнейшему развитию общины. Поэтому Бакунин объявил беспощадную войну государству, не делая при этом никакого различия между русским полицейским государством и «правовыми» государствами Запада. Более того: он был того мнения, что введение конституционного строя в России принесет только вред народу, так как конституционный строй расчистит путь для свободного развития *капитализма* и тем самым ослабит коммунистические стремления крестьянства.

Революционеры должны разрушить государство. Чтобы подготовить народ к разрушению государства, революционеры должны были приступить к его воспитанию в этом направлении. Лучшим воспитательным средством в глазах Бакунина являлись беспрестанная *агитация* и организация местных бунтов. Но для того, чтобы вести такую агитацию, нужно было исходить не из принципов «чистого социализма», пропагандой которых занимались сторонники Лаврова, а из «ближайших нужд» и «непосредственных требований» народной массы.

Эти взгляды Бакунина сделались учением народников-бунтарей, господствовавшим среди русских революционеров во второй половине семидесятых годов прошлого столетия...

Достаточно было нескольких лет агитационной *практики*, чтобы от *теории* бунтарей не осталось камня на камне. Наши тогдашние революционные теоретики,— к числу которых принадлежал и пишущий эти строки,— метались в безнадежных противоречиях. Этих противоречий нельзя было преодолеть, не сломав хребта самому бакунизму.

Но это было нелегко. Русские революционеры слишком срослись со старыми теориями.

Начались усиленные попытки заштопать все прорехи старой теории; с особенным увлечением занялся этим Лев Тихомиров, бывший тогда одним из выдающихся публицистов партии «Народной воли», а ныне ставший главным редактором архиреакционной газеты «Московские ведомости». Однако не все могли удовлетвориться «улучшенной» таким образом теорией. Это в особенности трудно было для тех, кто в силу своего «нелегального» положения должен был покинуть Россию и получил возможность ближе познакомиться с западноевропейским рабочим движением и западноевропейским *научным социализмом*.

К числу тех, кто находился в таком положении, принадлежали Вера Засулич,— одна из основоположниц нашего терроризма, которая, однако, никогда не признавала его единственным средством борьбы,— затем

П. Аксельрод, Л. Дейч, В. Игнатов и я. Каждый из нас принес с собой из России опыт, приобретенный в течение нескольких лет революционной агитации, и более или менее ясное сознание того, что этот опыт находится в резком противоречии с теорией бунтарей. Это сознание было особенно мучительно, и каждый из нас испытывал настоятельную потребность привести в порядок свои революционные идеи.

Сначала мы были рассеяны по разным странам Западной Европы; но достойно внимания то, что как бы мы ни были удалены друг от друга,— так, например, Аксельрод жил некоторое время в Яссах, а я — в Париже,— наши умственные интересы всегда сосредоточивались в одном и том же направлении — в направлении социал-демократической теории, т. е. марксизма. Тот, кто не пережил вместе с нами то время, с трудом может представить себе, с каким пылом набрасывались мы на социал-демократическую литературу, среди которой произведения великих немецких теоретиков занимали, конечно, первое место. И чем больше мы знакомились с социал-демократической литературой, тем яснее становились для нас слабые места наших прежних взглядов, тем правильнее преображался в наших глазах наш собственный революционный опыт. Лично о себе могу сказать, что чтение «Коммунистического Манифеста» составляет эпоху в моей жизни.

Я был вдохновлен «Манифестом» и тотчас же решил его перевести на русский язык. Когда я сообщил о моем намерении Лаврову, он отнесся к нему равнодушно. «Конечно, следовало бы перевести «Манифест»,— сказал он,— но вы сделали бы лучше, если бы написали что-нибудь свое». Я не торопился выступить сам и предпочел сначала перевести «Манифест».

Теория Маркса, подобно Ариадниной нити, вывела нас из лабиринта противоречий, в которых билась наша мысль под влиянием Бакунина. В свете этой теории стало совершенно понятным, почему революционная пропаганда встречала у рабочих несравненно более сочувственный прием, чем у крестьян.

Самое *развитие русского капитализма*, которое не могло не волновать бакунистов, так как оно разрушало общину, приобретало теперь для нас значение новой гарантии успеха революционного движения, ибо оно означало количественный рост пролетариата и развитие его классового сознания.

Last not least *: эта теория превращала в революционную заслугу то, что с точки зрения правоверного бакунизма являлось изменой революции,— именно *борьбу за политические права, стремление к ниспровержению абсолютизма.*

* — Последнее, но не менее важное. *Ред.*

Эта теория указывала также, какие условия необходимы для успешности этой борьбы. Из нее вытекало, что абсолютизм только тогда будет обречен на смерть, когда направленное против него движение превратится в *классовое движение* пролетариата, которое будет более или менее энергично поддержано также движением других классов или слоев, выдвинутых ходом экономического развития на общественную арену. Таковы были те выводы, которые я изложил в вышеупомянутой брошюре «Социализм и политическая борьба», эпиграфом для которой я взял слова «Коммунистического Манифеста»: «всякая классовая борьба есть борьба политическая»...

Печатается по тексту Сочинений Г. В. Плеханова, М., 1927, т. XXIV, стр. 174—179

Г. В. ПЛЕХАНОВ

ИЗ СТАТЬИ «БЕРНШТЕЙН И МАТЕРИАЛИЗМ»

...В 1889 г. я, побывав на международной выставке в Париже, отправился в Лондон, чтобы лично познакомиться с Энгельсом [118]. Я имел удовольствие в продолжение почти целой недели вести с ним продолжительные разговоры на разные практические и теоретические темы. Однажды зашел у нас разговор о философии. Энгельс резко осуждал то, что Штерн весьма *неточным образом* называет «натурфилософским материализмом». «Так, по-вашему,— спросил я,— старик Спиноза был прав, говоря, что *мысль* и *протяжение* не что иное, как два атрибута одной и той же субстанции?» — «Конечно,— ответил Энгельс,— старик Спиноза был вполне прав».

Если мои воспоминания меня не обманывают, при нашем разговоре присутствовал известный химик Шорлеммер; был при этом еще и П. Б. Аксельрод *. Шорлеммера уже нет в живых, но другой из наших собеседников еще здравствует и в случае нужды, конечно, не откажется подтвердить точность моего сообщения...

Печатается по тексту Избранных философских произведений Г. В. Плеханова, М., 1956, т. II, стр. 360

* См. настоящий сборник, стр. 92. *Ред.*

П. Б. АКСЕЛЬРОД

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ [120]

В первое воскресенье после нашего приезда в Лондон * Степняк сказал нам: «Ну, нужно вести вас к Энгельсу. Для меня ведь он здесь даром пропадает».

Нечего говорить, что к Энгельсу мы шли полные благоговения, и в этом отношении я и Плеханов ничуть не уступали друг другу.

У Энгельса по воскресеньям всегда собирались друзья и товарищи. Мы застали здесь: Эдуарда Бернштейна, уже вернувшегося после Парижского конгресса [118] в Лондон, где было его постоянное местожительство; Эвелинга с женой (Элеонорой Маркс, дочерью Карла Маркса); Шорлеммера, профессора химии в одном из английских университетов, участника революции 1848 года, после поражения которой он эмигрировал из Германии.

Шорлеммер был близким другом Маркса и Энгельса, постоянно проводил с ними каникулярное время, освежаясь душой в беседе с ними. Летом обыкновенно он уезжал вместе с Энгельсом на остров Уайт. Между прочим, Шорлеммер немало помог Энгельсу в изучении химии, за которую Энгельс принялся, готовясь подвергнуть критике систему Дюринга **.

Энгельс знал со слов Каутского, Бернштейна и Степняка о группе «Освобождение труда» [117] и о нас с Плехановым. Он читал по-русски и был знаком с «Нашими разногласиями» Плеханова [121]. Принял он нас очень любезно, ласково.

Ему было уже за 70 лет ***. Слава, окружавшая его имя, ни в малейшей степени не отразилась на той сердечной простоте, которой он всегда отличался. При первой встрече с Энгельсом мы мало говорили с ним о политических вопросах. Общий разговор носил скорее шутливый характер.

Елена Демут, которая заведовала хозяйством в доме Энгельса, как раньше заведовала хозяйством в доме Маркса, усердно угощала нас — уже не помню, чем именно, но, кажется, там был большой пирог, а также пунш и пиво.

Демут когда-то служила в доме родителей жены К. Маркса и с тех пор не расставалась с семьей Маркса, деля с нею и радость и горе. Либкнехт рассказывал, что, когда Маркс, увлекшись шахматами, засиживался слишком поздно с товарищами, Елена Демут заявляла категорически:

— Ну, довольно играть. Спать пора.

* См. настоящий сборник, стр. 91. *Ред.*

** К изучению химии Энгельс приступил раньше предпринятой им критики Дюринга. *Ред.*

*** В 1889 г. Энгельсу не было еще и 69 лет. *Ред.*

И Маркс подчинялся, не пытаясь протестовать.

Когда мы уходили от Энгельса, было уже поздно. Шел сильный дождь. Энгельс вышел в переднюю провожать нас.

Ну, однако,— шапокляк и без зонтика,— заметил он, обращаясь ко мне.

Плеханов тут же, в передней, рассказал ему всю историю моего шапокляка.

Энгельс просил нас заходить к нему, и с этого дня вплоть до нашего отъезда из Лондона мы бывали у него чуть ли не ежедневно...

Наши беседы вращались вокруг теоретических и политических вопросов и касались крупных фактов и революционных деятелей, в частности Бакунина и Лассаля...

Помню еще, что Энгельс с большим вниманием следил за разыгравшимся во Франции делом Буланже. Он считал авантюру этого предприимчивого генерала, задумавшего нечто вроде бонапартистского переворота во Франции, весьма опасной для демократии и очень радовался тому, что эта затея провалилась...

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. VI, 1928 г.

Печатается по тексту журнала

Н. С. РУСАНОВ

МОЕ ЗНАКОМСТВО С ЭНГЕЛЬСОМ[122]

...С именем Сергеевского для меня связаны личные воспоминания, представляющие, однако, и некоторый общественный интерес. Этот псевдоним я избрал для своих очерков по русской экономической жизни, которые я писал в 1890—1891 гг. для официального органа немецкой социал-демократии «Vorwärts» *, тогда как Лавров писал там же статьи на чисто политические темы под именем Семена Петрова. Нас пригласил сотрудничать в этой тогда очень оппозиционной социалистической газете старый Либкнехт,— Лаврова непосредственно, меня через Лаврова. И вот приблизительно каждые две недели появлялись в «Vorwärts» вперемежку лавровские и мои статьи, которые, насколько мы могли судить издали, пользовались вниманием социалистической читающей публики в Германии.

На долю одной из моих статей выпал даже в силу некоторых обстоятельств особый успех. Дело в том, что я дал уже несколько статей в «Vorwärts» об истинном экономическом положении России, в том числе и о голоде, и, подводя итоги им, сделал тот общий вывод, что обездолившее народ самодержавие, хотя и против воли, будет вынуждено запретить вывоз хлеба

* Здесь и ниже название газеты автор приводит в русской транскрипции. *Ред.*

из России — до такой степени было отчаянно положение десятков миллионов населения. Но наше правительство чрезвычайно усиленно опровергало всякие слухи о возможности такой меры, так как боялось, что это повредит его финансовой тактике усиленных займов, которые оно заключало за границей, особенно же во Франции.

Случилось так, что в одном и том же номере «Vorwärts» — если не ошибаюсь, в августе 1891 года,— были помещены моя статья в виде передовой за подписью [123], перепечатка еще недавних официозных русских опровержений и телеграмма из Питера о внезапно изданном декрете относительно «временной приостановки вывоза хлеба, муки и т. п. пищевых средств за границу». Редакция откликнулась на эту телеграмму в своем политическом бюллетене. С видимым удовольствием она комментировала тот факт, что между тем как русские официальные и дружащие с ними правительственные круги в Германии продолжают еще обманывать европейское общественное мнение относительно размеров голода и уверять, будто всякие толки о предстоящем запрещении вывоза лишь злостные выдумки врагов царского правительства, «наш сотрудник Сергеевский», со свойственным, мол, ему знанием дела, заранее вскрыл эту обманную тактику страуса. Он может гордиться тем, что его предвидения оправдались самым блестящим образом, так как его выводы в статье, присланной им несколько дней тому назад и напечатанной нами сегодня, блистательно подтверждаются печатаемой нами в этом же номере телеграммой из Петербурга.

С тех пор за русским товарищем Сергеевским установилась среди читателей «Vorwärts» репутация серьезного и добросовестного корреспондента. Это мне пришлось испытать на себе несколько месяцев спустя, весной 1892 г. * в разговоре с Энгельсом, у которого я был в Лондоне по поручению моих товарищей и при следующих обстоятельствах.

На мрачном фоне погибавшей тогда от голода народной России была лишь одна светлая, все увеличивавшаяся и разгоравшаяся полоса: пробуждение общественного интереса и рост оппозиционной мысли. Голод заставил встрепенуться многих, которые еще недавно не могли нахвалиться самодержавной Россией, где мудрое правительство удовлетворяет, мол, так хорошо все истинные потребности страны. А сопротивление царской власти малейшему проявлению общественной самодеятельности, помогавшей голодающим, только усилило это оппозиционное настроение. В социалистических же и революционных кругах пробуждалась надежда, деятельно помогая народу, собирать в то же время на этой почве все живые силы страны для низвержения царского деспотизма. В этом смысле политический переворот был бы, думали мы, лучшим лекарством и против настоящего голода,

* У автора ошибочно: 1882 г. *Ред.*

и особенно против его повторения в будущем. К сожалению, идейная рознь между народовольцами или, выражаясь обще, народниками, и начинавшими приобретать некоторое политическое значение марксистами мешала дружному напору на врага народа, прогресса и цивилизации. В том и другом лагере говорилось охотно о необходимости совместной деятельности и даже о временном союзе. Но как только дело доходило до осуществления этого желания на практике, так сейчас же люди начинали сводить теоретические счеты и расскакивались в разные стороны.

И вот среди вожаков немецкой социал-демократии, которая внимательно следила за ростом голода и оппозиции в России, возникла мысль способствовать практическому сближению братьев-врагов. Бебель особенно настаивал на этом плане, и от комитета социал-демократической партии было сделано предложение и группе «Освобождение труда», и нашему кружку избрать уполномоченных для обмена мыслей, причем Бебель высказывал готовность, если этого пожелают русские товарищи, присутствовать на совещании [124].

Сначала, казалось, дело пошло на лад, и встреча, для которой предполагалась посылка Плеханова от марксистов, а пишущего эти строки — от нашего кружка, должна была состояться в Лондоне, на квартире у Энгельса. Не знаю в точности, почему этот план расстроился. Но на совещание не явились ни Плеханов, ни Бебель, и в назначенный срок у Энгельса был только я.

Признаться, я был лишь наполовину огорчен этим обстоятельством, так как скептически относился к возможности работать вместе с группой «Освобождение труда» при той идейной вражде, которую она обнаруживала к нам, а вместе с тем моя поездка позволяла мне познакомиться с таким крупным человеком, каким был Энгельс [125]. Некоторые подробности этого свидания навсегда врезались в мою память.

Меня ввели в большую светлую комнату довольно обширной квартиры, помещавшейся недалеко от какого-то парка *. В ней сидели двое-трое мужчин за кружками эля, а поодаль, у окна, молодая женщина. Мне сказали, что то была Каутская. Мужчины говорили между собой то по-немецки, то по-английски, а один из них, пожилой, высокий, с не по росту маленькой головой, большой, уже сильно седой бородой, обрамлявшей энергичное, темное лицо, поднялся при моем приближении с места и, услышав мою фамилию, подошел ко мне и крепко пожал руку:

— Я — Энгельс... ** Вас знаю немного заочно. Мне уже писал о вашей поездке мой друг Лавров,— сказал по-английски высокий мужчина и спросил, на каком языке я предпочитаю говорить с ним.

* — Риджентс-парка. *Ред.*
** Здесь и ниже отточие поставлено автором. *Ред.*

Я ответил, что по-французски, и вдруг почувствовал непреодолимое желание высказать Энгельсу свое глубокое уважение к нему. В то время я уже не был марксистом, но во мне улегся и мой воинствующий антимарксизм. И я мог оценить значение исторической личности, стоявшей передо мной у стола.

— Гражданин Энгельс, позвольте русскому социалисту выразить чувство искреннего восхищения человеком, который был достойным другом великого Маркса и который до сих пор является духовным главой социалистического Интернационала... Лично я еще в годы ранней молодости читал вашу работу о положении английского рабочего класса*, и она произвела на меня сильнейшее впечатление, а с тех пор я, как и все социалисты в мире, с величайшим интересом прислушиваюсь к вашему мнению и знакомлюсь с каждой вашей новой вещью, как только она выходит... В вас я вижу живое продолжение, вижу воплощение Маркса...

Высокий человек с маленькой головой засмеялся и остановил меня жестом руки:

— Та-та-та, молодой товарищ... Полноте, к чему этот обмен любезностями между нами, социалистами? Нельзя ли попроще? У вас горло должно было пересохнуть от этого ораторского упражнения... Присаживайтесь-ка к столу и промочите его вот этой кружкой пива,— и Энгельс посадил меня рядом с собой.

Тем временем гости ушли, и мы остались вдвоем с Энгельсом, если не считать молодой женщины, которая сидела у окна и, по-видимому, вся ушла в разборку писем, брошюр, книг, лежавших перед ней на круглом столике.

Энгельс очень внимательно расспрашивал меня о сведениях, которые мы, русские социалисты, получаем из голодающей России, осведомлялся о планах «группы Лаврова», как он назвал нас, и, в общем, был очень любезен, за исключением некоторых поворотов разговора, когда он чересчур подчеркивал «истинную социалистическую деятельность Плеханова и его друзей» и противопоставлял ей «политический романтизм» их противников...

— Нет, за исключением немногих лиц, вы, русские, еще слишком отстали в понимании общественной эволюции собственной страны. Для вас политическая экономия все еще абстрактная вещь, потому что до сих пор вы не были достаточно втянуты в водоворот промышленного развития, которое выбьет из вашей головы всякий отвлеченный взгляд на ход экономической жизни... Теперь это положение вещей меняется... Шестерня капитализма уже крепко врезалась местами в русскую экономику... Но вы в

* *Ф. Энгельс.* «Положение рабочего класса в Англии». *Ред.*

большинстве случаев не отказались еще от архаических понятий... Впрочем, повторяю, это не ваша вина; сознание отстает от бытия...

Вдруг Энгельс быстро встал и воскликнул:

— Да вот, я кое-что прочту вам из старой русской библиотеки Маркса...[126] Большинство его русских книг я роздал в другие учреждения и людям, которые могут лучше пользоваться ими... Но некоторые вещи я оставил у себя...

И дружески Энгельс попросил меня пройти с ним в соседнюю комнату. То было такое же светлое, такое же обширное помещение,— судя по длинным, приделанным к стене шкафам, библиотека. Энгельс по-прежнему быстро подошел к одной из полок, с мгновение поглядел на нее, сразу, не колеблясь, достал с нее в старом переплете книгу и показал ее мне: то было одно из первых изданий пушкинского «Евгения Онегина».

В аппарате моей, тогда хорошей, памяти словно кто-то нажал кнопку. Мне захотелось показать Энгельсу, что и мы, жертвы «политического романтизма», кое-что читали и кое-что знаем:

— Дорогой гражданин, вы хотели, очевидно, что-то отсюда мне прочитать? Позвольте мне самому прочитать вам цитату, с которой вы собирались познакомить меня.

Энгельс бросил искоса на меня дружелюбно-насмешливый взгляд:

— Сделайте одолжение,— и Энгельс протянул мне книгу. Я сжал в руках томик и продекламировал наизусть:

...Читал Адама Смита
И был глубокий эконом,
То есть умел судить о том,
Как государство богатеет,
И отчего, и почему *
Не нужно золота ему.
Когда *сырой* ** *продукт* имеет.
Его отец понять не мог ***
И земли отдавал в залог.

— Donnerwetter!.. Potztausend!.. **** — воскликнул несколько раз по-немецки Энгельс.— Черт возьми, вы угадали... Верно, верно: эту именно цитату я и хотел прочитать вам. Но что навело вас на это?

— Ассоциация идей.

— Какая?

— Вы хотели, очевидно, процитировать мне нечто, касающееся неизбежной отсталости русской мысли, вытекающей из отсталости русской

* У Пушкина эта строка звучит так: «И чем живет, и почему». *Ред.*
** У Пушкина: «простой». *Ред.*
*** У Пушкина: «Отец понять его не мог». *Ред.*
**** — Черт возьми! *Ред.*

жизни. Когда я увидел в ваших руках томик «Евгения Онегина», я сейчас же припомнил, что Маркс привел как раз эту цитату — и притом по-русски — в своей «Критике политической экономии»,—

Его отец понять не мог
И земли отдавал в залог, [127] —

чтобы показать, что идеи буржуазной политической экономии не могут быть применены к обществу, основанному на труде крепостных...

Насмешливое выражение глаз у Энгельса сменилось совсем дружелюбным:

— О, да вы очень внимательный читатель, гражданин Русанов... А когда вы читали «Критику»?

Разговор перешел у нас на распространение идей Маркса в России, и я рассказал Энгельсу, как рано я лично, вследствие различных благоприятных обстоятельств, мог познакомиться с главнейшими сочинениями его знаменитого друга *...

Энгельс с большим интересом вслушивался в мой рассказ и перебил его лишь словами:

— И, однако, вы не с Плехановым?

Я чувствовал в этом вопросе известное раздражение. Я знал, что члены группы «Освобождение труда» [117] очень несочувственно говорили о «Кружке старых народовольцев» своим единомышленникам-марксистам на Западе и возбуждали в них большое недоверие к нам, как к утопистам и заговорщикам старого типа, целиком пропитанным мелкобуржуазными идеями. Я ответил Энгельсу в самых общих чертах и постарался, насколько мог, указать, в чем заключалось различие в наших взглядах.

Разговор перешел снова на Россию и на ее современное положение. И скоро у нас с Энгельсом вышло разногласие в оценке какого-то факта русской экономической жизни. Едва подавляя, как мне показалось, чувство досады, Энгельс воскликнул:

— Вы должны были бы прочитать по этому поводу статью некоего Сергеевского в «Vorwärts» [123]. Он довольно часто пишет в этой газете... Видимо, знающий человек... И он как раз говорит [то же], что говорю я... Вы не видали статей Сергеевского?

Я испытывал чувство немалого замешательства, но вместе с тем и известного удовлетворения, и после минутного колебания сказал, признаюсь, не особенно храбро:

— Видел... Даже сам их писал... Сергеевский из «Vorwärts» — это я. Это мой псевдоним, который я выбрал по совету Лаврова для некоторых своих вещей...

* — К. Маркса. *Ред.*

Энгельс разразился громким хохотом:

— Право, не поймешь вас, русских: у вас, должно быть, в мозгу перегородки. Тот же самый человек совсем умен в одних вещах и...

Энгельс на секунду остановился.

— Не стесняйтесь, гражданин: совсем глуп в других. Не так ли? — улыбаясь заметил я.

— И ровно ничего не соображает в других вещах, казалось бы, относящихся, однако, к одной и той же области,— закончил Энгельс.

Мне пришлось защищать Русанова от авторитета Сергеевского и указать Энгельсу на причину кажущегося противоречия между статьями Сергеевского и моей теперешней оценкой вопроса, из-за которого у нас вышло разногласие. Энгельс просто упустил из виду одно обстоятельство, которое заставляло меня иначе смотреть на предмет нашего спора.

Дружески расставаясь со мной, Энгельс высказал сожаление, что у нас не состоялось свидания с Плехановым и Бебелем [124], и выразил надежду, что союз русских марксистов и народовольцев все же состоится на почве борьбы с голодом и оппозиции правительству. Он передал мне для Лаврова небольшое письмо о том же по-французски, конец которого, кокетничая своими действительно редкими филологическими способностями, он написал по-русски... [128]

Печатается по тексту книги:
Н. С. Русанов. «В эмиграции», М., 1929,
стр. 193—198

А. М. ВОДЕН

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ [129]

БЕСЕДЫ С ЭНГЕЛЬСОМ

III

К середине марта 1893 г. я заработал (уроками математики в Лозанне) столько денег, что мог осуществить свою давнюю мечту пожить в Лондоне. У меня была и вполне определенная цель: работа по истории английской философии, которую целесообразнее всего было окончить в Британском музее.

Когда я попросил Г. В. Плеханова дать мне рекомендации — и притом не только к лондонским русским,— он предложил мне дать письма не только к Степняку и Бернштейну, но и к самому Энгельсу [130].

Поблагодарив за оказываемую мне честь, я попросил указаний, как мне лучше подготовиться к разговорам с Энгельсом; но Г. В. Плеханов немед-

ленно приступил к examen rigorosum * по философии истории Маркса и по философии истории Гегеля; по субъективистам-народникам, настаивая на непридирчивом и сжатом изложении; по второму тому «Капитала», когда ассистентка — Вера Ивановна ** — возопила, что следует дать мне передышку; по Прудону (без пользования «Нищеты философии»); наконец, по Фейербаху, Бауэру, Штирнеру, Тюбингенской школе [131], Штраусу и, как десерт, по всему Гегелю, причем выяснились некоторые разногласия в понимании отношения «Феноменологии» к «Логике». Вера Ивановна присутствовала на этом «всенощном бдении»; она приписала Георгию Валентиновичу намерение установить такую программу-минимум для русских марксистов вообще; но Георгий Валентинович считал это для тогдашнего времени утопией и по отношению к товарищам, имевшим в виду литературную деятельность. Георгий Валентинович считал хорошим предзнаменованием, что я невольно переходил на немецкий язык; я выразил сомнение, чтобы на русском языке кто-либо когда-либо мыслил философски; но Вера Ивановна опровергла меня ироническим указанием не только на украинского мудреца Сковороду, но и на Флеровского-Берви.

На следующий день Г. В. Плеханов дал мне письмо к Энгельсу *** и напутствовал в путь-дорогу. Я настойчиво советовал Георгию Валентиновичу немедленно подготовить почву напечатанием в «Neue Zeit» резкой по существу, сжатой и сдержанной по тону статьи, в которой резюмировалась бы суть конфликта с народниками-субъективистами. Я считал очень существенным, во-первых, чтобы эта статья, появившись во время моего пребывания в Лондоне, поставила Энгельса лицом к лицу с фактом начавшейся полемики и побудила его высказаться; во-вторых, я имел основания ожидать, что кто-нибудь из русских марксистов заденет русских народников-субъективистов в немецкой печати, а тогда я предпочитал, чтобы это сделал именно Г. В. Плеханов, и притом сразу по существу; я уверял его, что такая статья немедленно распространилась бы в России и в оригинале, и во множестве переводов, и оказалась бы ферментом, что о ней был бы прочитан ряд рефератов в Петербурге... Г. В. Плеханов утверждал, что не стоит обращать внимания европейских читателей на русских народников-субъективистов. В этом нежелании Г. В. Плеханова вовремя ясно и определенно взять на себя инициативу принципиального выступления против народничества в научном органе европейской социал-демократии я усматривал — и продолжаю усматривать — главную причину того, что не только мне, но

* — суровому экзамену. *Ред.*

** — Засулич. *Ред.*

*** Г. В. Плеханов не сообщил мне, что̀ именно он писал Энгельсу, так что я прочел это письмо только тогда, когда оно было показано мне в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса за несколько дней до его напечатания в журнале «Под знаменем марксизма». *(Примечание автора.)*

и самому Плеханову при его свиданиях с Энгельсом во время Международного цюрихского конгресса и затем в Лондоне не удалось убедить Энгельса принципиально выступить против русских народников-субъективистов или хотя бы по конкретному поводу определенно высказаться против них в печати: ведь если сам Г. В. Плеханов не считал стоящим по существу дела ориентировать читателей «Neue Zeit» о своих методологических разногласиях с народниками-субъективистами, то и Энгельс, с своей стороны, мог счесть не стоящим вмешаться в перебранку между русскими.

Кроме того, Г. В. Плеханов просил меня сделать для него в Британском музее побольше выписок из «Святого семейства». Мне он дал ряд чрезвычайно ценных советов относительно целесообразнейшего моего пребывания в Лондоне.

В Лондоне я прежде всего очутился без денег: у меня вытащили кошелек, когда я, выйдя с вокзала Виктория, отдыхал в Гайд-парке. Это принудило меня сразу явиться в бюро «Free Russia», где я застал В. Черкезова, который был так любезен, что помог мне найти дешевую комнату и даже кредит. Деньги мне немедленно выслали в долг из Парижа, а затем из России.

Врученное мне запечатанным письмо Г. В. Плеханова к Энгельсу [130] я отправил в тот же день, прибавив от себя просьбу указать, если он считает возможным, когда я мог бы его видеть с наименьшим ущербом для его занятий. Я писал по-английски; Энгельс отвечал и писал свои дальнейшие письма * по-английски же.

В ожидании ответа от Энгельса я побывал у Степняка; он дал мне рекомендацию в Британский музей; впоследствии, когда я получил возможность прожить в Лондоне четыре года (1896—1900 гг.), меня рекомендовала Элеонора Маркс-Эвелинг, а после ее смерти билет для входа в читальный зал возобновлялся автоматически, хотя я и предлагал новую рекомендацию.

Степняк проявил глубокий интерес к деталям жизни Г. В. Плеханова и В. И. Засулич. Он просил меня поддержать его давнюю просьбу, чтобы Георгий Валентинович совсем переселился в Англию; он находил, что

* К сожалению, я был вынужден сжечь эти письма Энгельса ко мне в Париже осенью 1893 г., когда меня — за несколько минут до появления агентов — предупредили об обыске. Этот обыск был вызван, по всей вероятности, тем, что как раз перед этим я получил из Лондона на свое имя от «Free Russia» большую посылку, вызвавшую к себе интерес французских чиновников, и притом не только таможенных, хотя я и констатировал, что присланные издания — преимущественно 1870-х годов — представляют только антикварный, а не актуальный интерес. Обыскивавшие агенты грозили мне высылкой за находившиеся у меня *монографии по истории Великой французской революции* и нашли предосудительным ношение мною синих очков, придающих «нигилистическое выражение» моей физиономии. Я потребовал указания на закон, который воспрещал бы во Франции изучение основных фактов французской истории, а относительно цвета очков пригласил гг. агентов сопровождать меня в глазную клинику для выяснения вопроса, чьими указаниями мне следует в данном случае руководствоваться. *(Примечание автора.)*

Женева и ее окрестности для Г. В. Плеханова вреднее русской каторги, что можно было бы жить и не в самом Лондоне, а на острове Уайт, который Маркс предпочитал в климатическом отношении Алжиру; что в Лондоне Г. В. Плеханов нашел бы несравненно более подходящую арену для своих организаторских талантов; что он был бы там очень полезен против влияния П. А. Кропоткина; что сам он присмотрелся бы к конкретному массовому рабочему движению...

За три месяца (от конца марта до начала июля 1893 г.), которые мне тогда удалось провести в Лондоне, я побывал у Энгельса — всякий раз по его особому (устному или письменному) приглашению — не менее десяти раз. Я должен констатировать, что мало с кем я чувствовал себя все время от первого визита до прощания так просто и естественно, как с Энгельсом. Дорогой я придумывал обороты речи, подыскивал наиболее подходящие конструкции; но все это оказалось совершенно излишним: обаяние его как собеседника не мешало мне чувствовать себя в его присутствии самим собой, а не объектом извращений моих мыслей, производимых — без всякой надобности, просто из любви к искусству — как виртуозами в этом деле, упоминаемыми в I и II главах этих воспоминаний, так и их последователями, усвоившими себе если не их знания и талантливость, то во всяком случае вышеуказанную виртуозность. Поэтому, говоря с Энгельсом, я имел редкое счастье: можно было думать не о том, какую именно ересь или бессмыслицу соблаговолит навязать мне собеседник, а о самом предмете. Это сразу само собой установилось. Почувствовав, что в разговорах с Энгельсом в самом деле можно и должно lasciare ogni sospetto *, так как с ним я абсолютно гарантирован от попыток сделать вид, что мою аргументацию можно подвести под заранее заготовленную этикетку, к чему сводятся — столь «плодотворные» для выяснения вопросов по существу — типичные русские дискуссии, я перестал «mit den Worten kämpfen» **. По причинам самоочевидным я предпочитал слушать Энгельса; но говорить приходилось и мне, и не только отрывочными фразами, а и периодами: мне не только пришлось резюмировать марксистскую и народнические точки зрения на ряд теоретических программных вопросов; но Энгельс допустил меня к рукописям Маркса, лишь удостоверившись,— не «экзаменом», как Плеханов, а в непринужденном разговоре,— что я способен интересоваться деталями истории немецкой мысли. Кроме того, Энгельс многим интересовался о России: не только экономикой, а и идеологиями: что̀ именно и как читают из Маркса в России, какова обычная подготовка читателей «Капитала» ***,

* — оставить всякий страх (*Данте.* «Божественная комедия»). *Ред.*

** — «бороться со словами». *Ред.*

*** Энгельс не считал целесообразным начинать изучение политической экономии с «Капитала», так как Маркс имел в виду читателей, имеющих некоторую подготовку. О популярных изложениях «Капитала» отзывался неодобрительно. *(Примечание автора.)*

кого читают из утопистов, выражал интерес к провинциальным и столичным разновидностям русского либерализма, к конкретным формам толстовства, к народнической беллетристике и к русской литературной критике, классических представителей которой он в самом деле высоко ставил.

В своем — очень приветливом — первом письме Энгельс сообщил мне, что ждет меня к себе в любой из ближайших дней вечером. Когда я явился к нему в первый раз, он прежде всего познакомил меня со своим огромным котом и стал расспрашивать о Плеханове, о Вере Ивановне, о Лаврове, о котором отзывался с добродушной иронией. Он выразил высокое мнение о таланте Плеханова («не ниже Лафарга или даже Лассаля») и осведомился о его литературных планах; признал целесообразными и работы по истории французского материализма, и статьи о русской народнической беллетристике. Затем он выразил свое убеждение, что для русских социал-демократов необходимее всего серьезно заняться аграрным вопросом в России; что эта область исследований обещает по существу новые результаты, существенные и для истории форм землевладения и землепользования, и для применения — и проверки — экономической теории, особенно учения о дифференциальной ренте, при освещении огромного материала. Он упомянул, что ждет со дня на день труда своего уважаемого русского корреспондента Даниельсона, но при всем уважении к нему не думает, что его книга окажется исчерпывающей вопрос. Энгельс упомянул, что он считает чрезвычайно желательным, чтобы именно Плеханов занялся этим основным для России вопросом, и притом именно в серьезном исследовании, а не в полемических статьях. Я хотел тут же передать пожелание Плеханова, но появился Бернштейн, немедленно пригласивший меня зайти к себе. Я собирался удалиться, но был удержан на ужин, во время которого Энгельс рассказывал эпизоды из домартовского периода и из 1848 года. Прощаясь, Энгельс предложил мне продолжить разговор об аграрном вопросе в России в ближайшем будущем, обещав уведомить, когда ему удастся выполнить неотложнейшую задачу: написать несколько писем.

В следующий раз он прямо спросил меня, не дал ли мне Плеханов к нему определенных поручений? Я передал пожелания Плеханова *, представив дело так, что Плеханов вынужден защищаться и защищать от извращений со стороны народников основные положения марксизма и практические выводы из них. Энгельс с улыбкой процитировал по поводу жалоб Плеханова на полемику против него: «Quis tulerit Gracchos

* Разговоры происходили преимущественно на немецком языке; феноменальная добросовестность мышления Энгельса проявлялась, между прочим, в том, что в своих записках ко мне Энгельс иногда спешил делать поправки, если, наведя точнейшие справки, обнаруживал, что в предыдущем разговоре неточно цитировал. Например, приписав Ткачеву по существу бакунистские мысли, Энгельс поспешил написать мне, что, раздобыв первоисточники у Мендельсона, он убедился, что смешал того и другого Konfusion rat'a [путаника], помню, что он употребил это немецкое обозначение в английском письме. *(Примечание автора.)*

de seditione querentes?» * и даже добавил по-русски: «Кто Плеханова обидит, не обидит ли всякого сам Плеханов?» Я уверял, что Плеханов на меня производит впечатление кроткого агнца, ведомого на заклание; к тому же дело идет о весьма небезразличных в практическом отношении выводах из того или иного взгляда на экономическое развитие России в ближайшем будущем... Энгельс выразил предположение, что полемика с народовольцами могла бы вестись не столь резко, но что он, конечно, не компетентен судить о реальном содержании, скрывающемся за русскими партийными лозунгами. Я поспешил констатировать, что народовольцы негодуют на Плеханова в сущности за речь на Парижском международном конгрессе [132] и за проницательность, проявленную им по отношению к Тихомирову; Энгельс сказал, что речь на Парижском конгрессе и ему, и многим товарищам понравилась, но выразил убеждение, что отождествлять Тихомирова с народовольцами — хотя бы с Г. Лопатиным — нельзя. От меня Энгельс пожелал услышать сжатое резюме точки зрения народников. Я — по совету Г. В. Плеханова — начал с В. В. **. Энгельс выразил сомнение, можно ли — без полемических преувеличений — выводить за одни скобки с В. В. не только активных народовольцев, но и его корреспондента Даниельсона, предложив мне воздержаться от суждения об этом экономисте до прочтения его труда [133], экземпляр которого обещал дать. Я упомянул, что идеализация отживших форм, держащихся благодаря круговой поруке, мешает выяснить реальные перспективы разрешения аграрного вопроса в России. Энгельс спросил, жил ли я в деревне и где, а затем выразил мнение, что, может быть, некоторые иллюзии относительно будущего неизбежны для борцов. Я упомянул, что ведь идеализация «трудового хозяйства», артелей, разных видов домашней промышленности препятствует ясной постановке вопросов, связанных с неотложной повседневной борьбой против эксплуатации многочисленных жертв домашней индустрии. Энгельс заинтересовался конкретными данными и скоро признал, что, раз народники в самом деле идеализируют домашнюю индустрию, против этого бороться не только можно, но и должно; но что это, вероятно, можно в значительной степени делать и в цензурных рамках, по конкретным поводам, выясняя, что следует, на местах.

Затем Энгельс чрезвычайно удивил меня своим скептическим отношением к перспективам развития русской промышленности. Терпеливо выслушав то, что на моем месте, вероятно, сказал бы всякий русский марксист 1890-х годов на эту тему, Энгельс выразил — очень серьезно — свое убеждение, что, если бы, чего он не желает, очень не желает, ни для России, ни для Германии — война надолго отрезала Россию от ввоза из-за

* «Разве терпимо, когда мятежом возмущаются Гракхи?» (*Ювенал.* Сатира вторая). *Ред.*
** Псевдоним В. П. Воронцова. *Ред.*

границы, то вам, русским, горьким опытом пришлось бы убедиться, что своими силами вы долго еще не сможете обойтись в производстве почти всех товаров. Я недоумевал, что слышу это от него. Энгельс пояснил, что вовсе не отрицает ни наличности капитализма в отдельных районах, ни неизбежности его дальнейшего развития, и что этого достаточно для конкретного обоснования социал-демократической программы, что он, конечно, приветствует выступления русских рабочих и уверен, что они сыграют решающую роль при свержении самодержавия; но что это его убеждение вряд ли нуждается в повторении, так как оно вытекает из точки зрения, проводимой Марксом и им во всех их произведениях, так что никаких сомнений относительно этого ни у кого, сколько-нибудь знакомого с этими произведениями, быть не может. Я заметил, что Плеханову, несомненно, будет особенно приятно услышать именно это, так как народники отрицают целесообразность пропаганды между рабочими. Энгельс усомнился в возможности этого, так как должны же они понимать, что административно высылаемые рабочие — лучшие пропагандисты и агитаторы в деревне, но заметил, что эти тактические вопросы следовало бы предоставлять решать товарищам на местах. Затем Энгельс сказал, что ему известно, что многие русские считают его немецким шовинистом, славянофобом, но что следовало бы понимать, что дело вовсе не в желании увековечить экономическую зависимость России от Германии, а в том, что, по его, Энгельса, убеждению — а он думал над этим вопросом — внешние рынки для сбыта продуктов русской промышленности надолго малодоступны, а внутренний рынок расширится при переходе помещичьих земель к крестьянам, что это — основной вопрос будущего России; что русский социал-демократ, достойный этого имени, обязан уметь обосновать — и притом не цитатами из Маркса, а продумав вопрос, как это сделал бы Маркс,— программу экспроприации земель, прежде всего помещичьих, так как иначе неизбежен стихийный захват и разгром имений, вопрос же с выкупом или без выкупа фактически будет — каковы бы ни были программы — разрешен в зависимости от реального соотношения сил. А что дальше будет, зависит главным образом от успехов рабочего движения на Западе к тому времени.

Затем Энгельс сказал, что ждет от меня «обычного» вопроса о смысле письма Маркса в «Отечественные Записки» [65] и недоумевает, что же в этом письме неясного, так как Маркс совершенно ясно высказал свое и его, Энгельса, убеждение в важности совпадения достижения власти социал-демократией на Западе с политической и аграрной революцией в России. А кроме того Энгельс желал бы, чтобы русские — да и не только русские — не подбирали цитат из Маркса и его, Энгельса, а мыслили бы так, как мыслил бы Маркс на их месте, и что только в этом смысле слово

«марксист» имеет raison d'être *. Относительно же шансов совпадения достижения западноевропейской социал-демократией власти и аграрно-политической революции в России он (Энгельс) должен признаться, что именно этот вопрос его всего более тревожит, а именно: осуществится ли то и другое без европейской войны? Вот вопрос вопросов всемирной истории. От его разрешения зависит прежде всего: сумеет ли, то есть сможет ли, немецкая социал-демократия как следует использовать достижение ею власти, что произойдет в том случае, если власть достанется ей не в результате европейской войны; а в противном случае Энгельс не может без ужаса думать, что ждет и западную социал-демократию, и Россию, хотя и уверен, что политического господства буржуазии в Германии нельзя представить себе. В следующий раз Энгельс попросил меня сжато резюмировать методические ** разногласия между Плехановым и народниками. Он поморщился при упоминании о «субъективном методе в общественных науках», Лаврова разрешил не излагать, сближение дарвинизма с оперетками Оффенбаха и еще кое-что из Михайловского признал не лишенным остроумия, но когда я воспроизвел плехановские отзывы о трудах Н. И. Кареева [79], Энгельс подвел меня к одному из книжных шкафов, показал экземпляр диссертации Кареева о крестьянском вопросе во Франции, полученный Марксом от автора, сказал, что и Маркс, и он лично признали этот труд очень добросовестным и «eine bahnbrechende Leistung» ***, и посоветовал мне — да и Плеханову — принять это к сведению, какова бы ни была неясность почтенного историка в принципиальных и даже методологических вопросах. Я был вынужден признать, что Энгельс прав, и сделал соответствующие выводы. Энгельс сказал, что он с интересом прочитал бы «sachliche» (по существу) возражения против народников-субъективистов в «Neue Zeit», но что по этому поводу он не считает стоящим выступать; комментировать письмо Маркса в «Отечественные Записки» считает совершенно излишним ввиду самоочевидности смысла этого письма для всякого непредубежденного читателя и недостаточности какого бы то ни было комментария для читателей предубежденных: комментарий вызвал бы новые разногласия, стороны опять апеллировали бы к нему же и т. д.

В следующий раз зашла речь о ранних произведениях Маркса и Энгельса. Сперва Энгельс очень смутился, когда я выразил интерес к этим ранним произведениям, и упомянул, что ведь и Маркс писал в студенческие годы стихи, но что эти стихи вряд ли могут кого-либо интере-

* — право на существование. *Ред.*
** — то есть методологические, философские. *Ред.*
*** — «пролагающим путь произведением». *Ред.*

совать *... Затем он спросил, какие именно ранние произведения Маркса и его интересуют Г. В. Плеханова и его единомышленников и чем, собственно, вызван этот интерес? Неужели недостаточно отрывка о Фейербахе, по его, Энгельса, мнению, наиболее содержательного из этого «старья»?

Я привел все эти аргументы Г. В. Плеханова в пользу наискорейшего издания всего философского наследия Маркса и их совместных трудов. Энгельс сказал, что он не раз слышал об этом от некоторых немцев, серьезности интереса которых к этому «старью» он не имеет никакого основания не доверять, но что он предлагает мне дать ему искренний ответ на вопрос, что важнее: чтобы он, Энгельс, затратил остаток жизни на издание заброшенных ими рукописей, имеющих отношение к публицистам 1840-х годов, теперь ни для кого, кроме специалистов, в сущности не интересных, или чтобы он, по выходе III тома «Капитала», занялся изданием рукописей Маркса по истории теорий прибавочной стоимости? Я молчал, а он резюмировал мне вкратце содержание этих рукописей Маркса (IV тома «Капитала») [98]. Затем он выразил интерес: кого преимущественно читают в России из философов, кроме «модных философов» вроде Шопенгауэра? Когда я упомянул о неокантианцах, он спросил меня, читал ли я Риля, каково мое мнение о Когене и Наторпе? Когда я упомянул о насмешках Риля над натурфилософией Гегеля, он оживился и прочел блестящую лекцию по натурфилософии, выясняя, какое богатое содержание кроется под неуклюжими и вычурными формулировками. Я воспользовался моментом, казавшимся наиболее благоприятным для того, чтобы побудить Энгельса все же извлечь из незаслуженного забвения хотя бы существеннейшее из ранних работ Маркса, так как одного «Фейербаха» мало. Энгельс сказал, что для того, чтобы в самом деле вникнуть в эту старую историю, нужно заинтересоваться самим Гегелем, а им теперь не интересуется ни один человек, точнее говоря, «ни Каутский, ни Бернштейн».

Затем Энгельс рассказал о личных отношениях с братьями Бауэрами; о «Die Posaune des jüngsten Gerichts über Hegel» [134]... отозвался пренебрежительно **.

В следующие дни Энгельс приглашал меня являться с утра и, вооружив лупой, предоставил читать одну за другой рукописи Маркса: «Святого

* Когда я давал Г. В. Плеханову подробный отчет о разговорах Энгельса со мною, он объяснил это непонятное для меня смущение Энгельса его предположением, что речь идет о его поэтических произведениях, которые будто бы грозил раскопать кто-то из немцев. *(Примечание автора.)*

** В 1895 г. Г. В. Плеханов убеждал П. Б. Струве способствовать выходу русского перевода этого остроумного памфлета. Тогда П. Б. Струве перечитал его со мной почти целиком. Читал он гегельянские конструкции очень выразительно, несравненно лучше меня. *(Примечание автора.)*

Макса»[135], более подробную критику философии права Гегеля, части немецких идеологий *.

Потом Энгельс признался, что, оставляя меня одного над манускриптами с лупой и заходя иногда, он предполагал, что найдет меня спящим над рукописями, или, что если я симулировал интерес, то буду достаточно наказан скукой и не выдержу и сбегу. Однако он находил меня занятым чтением рукописей, переписанных более четко, или расшифровыванием почерка Маркса, по достоинству оцененного еще трирским преподавателем латинского языка, и оказывал помощь в этом и тогда для меня не легком занятии. Сначала я очень стеснялся занимать время изумительно деликатного человека, но я не мог не видеть, что Энгельс оживлялся, вспоминая дела давно минувших дней... К «Святому семейству» он дал устные пояснения, которые разрешил передать Г. В. Плеханову. Разрешил он и резюмировать «Святого Макса» *без* цитирования чего бы то ни было на память. На дом он давал мне — к негодованию В. Черкезова и П. А. Кропоткина — номера «Deutsche Jahrbücher» и «Deutsch-Französische Jahrbücher».

Когда я констатировал поразительное сходство некоторых взглядов «свободных» и «критических критиков» с идеологией русских субъективистов, Энгельс объяснял это сходство не бессознательным воспроизведением немецких домартовских идеологий русской интеллигенцией, а главным образом непосредственным усвоением этих идеологий Лавровым и даже еще Бакуниным.

Когда я собирался уезжать из Лондона, я получил в ответ на свое прощальное письмо к Энгельсу любезное приглашение[136] еще раз зайти к нему. Тогдашний разговор особенно запечатлелся в моей памяти. Спросив, интересуюсь ли я историей греческой философии, Энгельс предложил изложить мне первое философское произведение Маркса и — без рукописи, но очень подробно — изложил содержание докторской диссертации Маркса[137], цитируя наизусть не только Лукреция и Цицерона, но и множество греческих текстов (из Диогена Лаэртского, Секста Эмпирика, Климента). Затем Энгельс обратил мое внимание на то, что и во взгляде Эпикура на причинную связь, обычно истолковываемом как отсутствие у Эпикура желания вызвать в своих последователях стремление в самом деле rerum cognoscere causas **, можно при всей наивности и неуклюжести первоначальных формулировок, усматривать призыв к разностороннему исследованию причинных связей, лишь бы они не противо-

* Страницы, относящиеся к Бруно Бауэру, Энгельс тогда же отложил для себя, желая перечитать их в связи с занимавшей его тогда мыслью написать более подробный обзор критики первоисточников истории раннего христианства после Бауэра. Для меня он считал достаточным сказанное о Бауэре в «Святом семействе». *(Примечание автора.)*

** — познать причину вещей. *Ред.*

речили основному постулату. И Энгельс выразил недоумение, почему продолжают удовлетворяться историей материализма Ланге, не сумевшего указать на существеннейшее даже в точке зрения Канта.

На мой вопрос: был ли Маркс когда-либо гегельянцем в собственном смысле слова, Энгельс ответил, что *именно диссертация* о различии между Демокритом и Эпикуром дает возможность установить, что в *самом начале* своей литературной деятельности Маркс, в совершенстве усвоив себе гегелевский диалектический метод и еще не будучи вынужден ходом своих занятий заменить его материалистическим диалектическим методом, уже обнаруживает полную самостоятельность от Гегеля * в самом применении гегелевской диалектики, и притом именно в той сфере, где Гегель, несомненно, всего сильнее: в истории мышления. Гегель дает не реконструкцию имманентной диалектики системы Эпикура, а ряд пренебрежительных отзывов об этой системе, а Маркс дал именно реконструкцию имманентной диалектики эпикуреизма, которого он вовсе не идеализировал, выяснив малосодержательность его по сравнению с системой Аристотеля. Энгельс детально выяснил мне глубокое различие в этом отношении между *сразу* обнаружившим такую самостоятельность по отношению к Гегелю Марксом и не эмансипировавшимся от ученического отношения к Гегелю Лассалем.

Философию Энгельс определял как учение о мышлении, утверждая, что все остальное представляет лишь исторический интерес и давно уж является каким-то пережитком. От попыток выразить суть марксизма в терминах рилевского критицизма Энгельс не ждал ничего хорошего...

Энгельс упомянул, что Маркс имел в виду продолжать заниматься историей греческой философии и даже впоследствии беседовал с ним на эти темы, не обнаруживая при этом одностороннего предпочтения по отношению к материалистическим системам, но останавливаясь преимущественно на диалектике у Платона, Аристотеля и из философов нового времени — у Лейбница, Канта.

На прощанье Энгельс вручил мне экземпляр «Очерков» Н.—она ** [133] При этом Энгельс упомянул, что сам он еще не имел времени как следует

* Г. В. Плеханов находил, что мне следовало бы, когда Энгельс заговорил о материалистах Демокрите и Эпикуре, перевести разговор на «более интересных» французских материалистов XVIII века. Я констатировал, что не мог отказать себе в наслаждении услышать от Энгельса изложение *первой* философской работы Маркса. Должен сознаться, что именно этому разговору с Энгельсом (я отстаивал традиционный взгляд на основании известных мне тогда первоисточников и литературы предмета) я обязан возрождением во мне серьезного интереса к греческой философии. Энгельс выразил, между прочим, желание, чтобы я установил и сообщил ему, проводится ли в литературе предмета точка зрения, сколько-нибудь приближающаяся к взгляду Маркса. *(Примечание автора.)*

** Впоследствии некоторые товарищи (Гинзбург-Кольцов и другие) говорили мне, что я должен был бы поспешить Н.—она перед Энгельсом изобличить; но ведь Н.—она я прочел уже в Лозанне, где и читал о нем — на французском языке — рефераты; кроме того, я a priori полагал, что Энгельс способен оценить аргументацию Н.—она не только лучше меня, но и не хуже Гинзбурга-Кольцова. *(Примечание автора.)*

прочесть это исследование, но заранее ждет обращений к нему по этому поводу от Плеханова и т. д. Выразив свое неизменное намерение соблюдать нейтралитет в этом и вообще аналогичных случаях, Энгельс высказал откровенно, что он руководится *не только* теми соображениями, которые он обыкновенно приводит, мотивируя свой отказ вмешаться.

Энгельс просил меня передать Плеханову, что он не одобряет стремления без крайней надобности обострять конфликт с революционными народниками, что он (Энгельс) не может симпатизировать намерению поскорее добиться осуществления в России противопоставления: здесь — правоверные марксисты, там — только оттенками различающаяся «реакционная» масса, считая такое *предельное* противопоставление политически нецелесообразным для России в 1893 году. Я был вынужден констатировать, что такие соображения вряд ли подействуют на Плеханова и тем более на непосредственно провоцируемых народниками социал-демократов в России; привел образчики народнических «возражений». Энгельс спросил, как относится сам Плеханов к вопросу о диктатуре пролетариата. Я был вынужден признать, что мне Г. В. Плеханов неоднократно выражал свое убеждение, что, конечно, когда «мы» будем у власти, никому, кроме «нас», никаких свобод «мы» не предоставим.., но что для того, чтобы в России для социал-демократов имело смысл в самом деле стремиться к захвату власти, по его (Плеханова) мнению, конечно, чрезвычайно желательно, чтобы русские социал-демократы могли использовать опыт немецких товарищей. А на мой вопрос, кого следует разуметь точнее под монополистами свобод, Плеханов ответил: рабочий класс, возглавляемый товарищами, правильно понимающими учение Маркса и делающими из этого учения правильные выводы. А на мой вопрос: в чем заключается объективный критерий правильности понимания учения Маркса и правильности вытекающих из него практических выводов, Г. В. Плеханов ограничился указанием, что все это, «кажется, достаточно ясно» изложено в его (Плеханова) сочинениях. Осведомившись, мог ли я лично в самом деле удовлетвориться столь объективным критерием, Энгельс выразил предположение, что применение такого рода критериев может или привести к обращению русской социал-демократии в секту с неизбежными и весьма нежелательными практическими последствиями этого, или вызвать в русской социал-демократии или, по крайней мере, среди русских заграничных социал-демократов ряд расколов, от которых может не поздоровиться и самому Плеханову. Затем Энгельс упомянул, что за последнее время и до него доходят слухи о все учащающихся трениях между Плехановым и другими русскими заграничными социал-демократами, вызывающих серьезные опасения за будущность русской партии. Энгельс сказал, что он не считает возможным меня об этом расспрашивать, так как я, ве-

роятно, счел бы своим долгом солидаризироваться с лидером, каковы бы ни были мои личные впечатления. Я констатировал, что я мало видал русских в Швейцарии и в Париже, но что, по словам Плеханова, дело идет о том, что от него требуют, чтобы он писал только элементарнейшие брошюры.

Тогда Энгельс сказал, что Плеханов представляется ему русским аналогом Гайндмана *. А затем, по мнению Энгельса, целесообразнее было бы, если бы Плеханов отстаивал свои взгляды так, как он делал это в «Социализме и политической борьбе» [117], воздерживаясь от полемических преувеличений. Я упомянул, что Плеханов неоднократно ссылался на образ действий Маркса и Энгельса в аналогичных случаях, но Энгельс утверждал, что Маркс и он прибегали к беспощадной полемике, только исчерпав все способы кроткого увещания: например, с Виллихом и Шаппером, с лассальянцами, с бакунистами, с Мостом; указал на аналогичный образ действий с «молодыми» [138]. Энгельс говорил, что он вовсе не против полемики вообще, но он считал бы для русских чрезвычайно важным, чтобы они воздерживались от пользования отравленным оружием, а, в частности, от выдавания возможной в будущем эволюции направлений за непосредственную актуальность.

В частности он (Энгельс) не только не одобряет выдавания всех народников за реакционеров, но ставит на вид, что он лично не только ничего не имеет против предполагаемого сотрудничества Эвелингов в петербургском органе народников, но и сам сотрудничал бы в этом органе, если бы это допустила цензура. В заключение Энгельс сказал, что он надеется, что скоро в самой России выдвинутся энергичные вожди, что вообще из-за границы руководить политическим движением невозможно, что он лично воздерживается от вмешательства во «внутренние дела» немецкой социал-демократии, хотя и не одобряет кое-чего в «Vorwärts» и т. д.

Плеханову Энгельс поручил мне передать дружеский совет: заняться главным образом достойными его научными трудами, особенно по аграрному вопросу, но не в форме полемики, а по существу. При этом Энгельс упомянул, что русские вообще очень обидчивы и что, например, Степняк, которого он не смешивает с его entourage **, перестал бывать у него из-за пустячного недоразумения.

* Г. В. Плеханов принял эту характеристику,— которую Энгельс разрешил мне ему передать, когда я поставил на вид, что ведь Плеханов заинтересуется отзывами Энгельса о нем и вряд ли удовлетворится похвалами его литературному таланту,— за комплимент: ведь Гайндман отстаивает незыблемость марксизма. Но у Энгельса сравнение политического деятеля с лидером социал-демократической федерации не было комплиментом. Наоборот, в сравнении с Лассалем Г. В. Плеханов не усматривал ничего для себя лестного. *(Примечание автора.)*

** — окружением. *Ред.*

На прощанье Энгельс пожелал мне в моей научной и литературной деятельности не торопиться [с] печатанием своих работ и всегда иметь в запасе больше аргументов, чем непосредственно приводимые. Я констатировал, что избранная мною, как основная специальность, история логики по существу исключает возможность иного отношения к делу.

Я привел только существеннейшее из того, что мне говорил Энгельс. У него — особенно за ужином — я встречал его обычных собеседников (и собутыльников) и приезжавших в Лондон деятелей... Особенно запечатлелась в моей памяти ночь первого мая 1893 года. Уехал я — с Мендельсонами — от Энгельса уже на рассвете, Maitrunk * был восхитителен. Пели «Марсельезу» — классическую, французскую: в Лондоне, в устах вождей международного социализма, этот гимн звучал иначе, чем в тогдашней Франции. А когда я, как-то безотчетно, стал напевать: «Wohlan, wer Recht und Wahrheit achtet...» **, Энгельс шепнул мне: «Зачем вы бормочете эту лассальянскую подделку?» и предъявил мою вышеупомянутую рукопись [139]..., удовлетворившись, однако, моим объяснением ее происхождения.

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. IV, 1927 г.

Печатается по тексту журнала

Ш. РАППОПОРТ

ВОСПОМИНАНИЯ О ФРИДРИХЕ ЭНГЕЛЬСЕ

Это было в 1893 году. Прусское правительство, чтобы достойно почтить тогдашнего наследника царского трона, позднее царя Николая Второго, изволившего удостоить Берлин своим полувысочайшим визитом, арестовало дюжину русских революционеров, в том числе мою жену Фанни Ратнер и меня (а также, между прочим, тогдашнего *левого* социал-демократа Парвуса), с целью высылки в 24 часа из столицы, где будущий царь не мог терпеть наше присутствие.

Заметьте, что непосредственно до ареста и высылки почти каждый из нас получил «печатное» предложение поступить за 400 марок в месяц на «службу» к гостеприимному прусскому правительству в качестве «осведомителя». В случае принятия предложения мы оказались бы достойными жить в городе, осчастливленном присутствием полувысочайшей особы.

* — майский напиток. *Ред.*

** Слова немецкого перевода «Марсельезы». *Ред.*

Тем, которые указали на дверь прусским шпионам, власти открыли настежь двери тюремного дома на Alexanderplatz, а затем и самой Пруссии.

Оттуда я решил через Берн поехать в Лондон, чтобы поработать в Британском музее. П. Л. Лавров мне дал короткую, но очень лестную для меня рекомендацию к Фридриху Энгельсу [140], который за два года перед тем отпраздновал вместе с мировым социализмом свой семидесятилетний юбилей (Фридрих Энгельс родился в 1820 г. *).

Я поспешил, конечно, по приезде в Лондон воспользоваться письмом П. Л. Лаврова. Энгельс тогда жил 122, Regent's Park Street, в особняке. Он меня принял очень любезно и так легко, по-товарищески заговорил, как будто мы были давнишние знакомые. Мне было тогда 27 лет, и я был известен лишь в интимном кругу молодых народовольцев. Ничего я тогда еще не напечатал, и меня, конечно, приятно поразил такой неожиданно радушный, почти фамильярный прием. В первый же визит Энгельс сказал мне следующее: «Вот мы сидим здесь, и я не уверен, что вот-вот не откроется дверь и не зайдет Герман Лопатин». Это был намек на неоднократные бегства из царской тюрьмы и ссылки знаменитого революционера и друга Маркса и Энгельса, который в то время находился в Шлиссельбурге [141].

Тогда же меня Энгельс пригласил зайти к нему в один из ближайших вечеров. Когда я к нему явился во второй раз, он меня пригласил к себе наверх, в свой рабочий кабинет-библиотеку. Там я застал — в этот или следующий раз, не помню — Э. Бернштейна, Элеонору Маркс, ее мужа Эвелинга, Минну Каутскую, одного австрийского товарища.

Энгельс поражал своей оживленностью, бодростью, свежим юмором. Высокого роста, стройный и здоровый на вид, он скорее походил на старого студента, всегда готового пошутить, поспорить за стаканом вина или пива, чем на семидесятидвухлетнего вождя и теоретика мирового пролетариата. Его речь была живая, даже бурная, пересыпанная остротами и едкими замечаниями о книгах, событиях и личностях.

Вспоминаю следующие разговоры и замечания. Будучи тогда в философских вопросах настроен скорее антимарксистски (я примыкал к группе молодых социалистов-революционеров, вместе с Хаимом Житловским), я добивался ответа у Энгельса на вопрос: «Как надо понять отношение между «базисом» и «надстройкой»? Есть ли между ними «статическое» отношение или «динамическое»?».

В ответ Энгельс направился к одной из полок своей громадной библиотеки и преподнес мне физику Кирхгофа, указывая на то место, где «статика» рассматривается как «один из случаев» динамики.

* — 28 ноября. *Ред.*

Не помню уже, по поводу какого выражения или замечания «о недостаточной обоснованности» Марксовой философии Энгельс даже рассердился и едко заметил, что «подобные мысли могут появиться лишь в голове русского студента». Но Энгельс немедленно смягчился, заметив: «Чего вам еще надо? У вас есть *«Капитал»* Маркса, Моисей и пророки! Изучайте!», и предложил мне при ближайшем свидании поставить ему какой-угодно вопрос из области происхождения «идеологии», обещав показать экономическое и материалистическое происхождение данной идеологии.

Когда я явился на следующий раз, я попросил Энгельса объяснить мне «материалистический базис» пуританского движения в Англии. Ни на минуту не задумываясь, он мне, в течение по крайней мере часа времени, читал лекцию о тогдашнем экономическом положении Европы. Не помню теперь ни частностей, ни общего хода мыслей Энгельса, одно лишь наверное помню: культ воскресения у пуритан связывался им с крайней бережливостью английских буржуа.

Когда Энгельс кончил свою «лекцию», в высшей степени живую и занимательную, где факты и мысли лились целым непрерывным потоком, он меня спросил: «Ну, убеждены ли Вы теперь?» Я со смелостью молодого читателя «в оригинале» Канта, Гегеля и других светил немецкой философии самоуверенно ответил: «Все эти связи *возможны*, но надо еще доказать, *необходимы* ли они?» На этот раз Энгельс не рассердился и, вероятно, махнул рукой на молодого кантианца как на безнадежного идеалиста.

Мы в этот или другой вечер перешли на другие темы. Я, как ярый социалист-революционер, добивался мнения Энгельса насчет заявления старого Либкнехта на Эрфуртском съезде (см. протокол, стр. 206 [142], кажется) о том, что «революционное заключается не в средствах, а в цели. Насилие в течение уже тысячелетия является реакционным фактором» (цитирую на память) *. Энгельс категорически заявил свое несогласие, сказав: «Маркс и я всегда оставались революционерами». И прибавил сердито: «Либкнехт может все сказать». (Интересно сопоставить это замечание с отношением Маркса и Энгельса к старому Либкнехту, которое не всегда было благоприятным.) Слова эти меня поразили, и я часто себе их мысленно повторял.

Другой раз говорили о Бакунине. Энгельс заявил с симпатией: «Он понимал Гегеля», но прибавил: «В борьбе был готов на *все* средства» (он при этом проявил явно отрицательное отношение к методам борьбы Бакунина).

* Речь В. Либкнехта и следующие ниже высказывания Энгельса автор цитирует по-немецки. *Ред.*

О Лаврове: «Он наш друг, но он милый эклектик. Он нас хотел даже с Бакуниным примирить».

Энгельс хорошо отзывался о Г. В. Плеханове, противопоставляя его боевую готовность и ясность мысли примиренчеству Лаврова.

Об Ог. Конте: «Ein Esel!» * (а я в ужасе). Приблизительно то же о Лотце и современной ему немецкой философии и очень неважный отзыв о Дж. Ст. Милле. «После Гегеля никто ничего положительного (или другое в этом смысле выражение.— *Ш. Р.*) не дал в «Логике»».

О Марксе: «Все оригинальные мысли, вся наша доктрина принадлежат Марксу. Я ничего особенного не открыл» (таков смысл, если не буквальное заявление).

Когда я спросил, когда появится третий том «Капитала», Энгельс мне преподнес огромный том рукописей и предложил прочесть хоть одну строчку. Я ничего не мог разобрать, почерк был совсем неразборчив. «Вы понимаете теперь,— сказал Энгельс,— сколько у меня трудностей при одном установлении текста».

Других разговоров не помню. Больше не удалось видеть великого мыслителя и прекрасного человека. Я помню также, что он тогда изучал русскую экономическую литературу,— если не ошибаюсь, по вопросу об общине.

Когда я приехал в следующий раз в Лондон, великого друга Маркса уже не было в живых.

Париж, 23/X. 1927 г.

P. S. Заканчивая мои отрывочные воспоминания, за верность которых я ручаюсь, так как часто мысленно их воспроизводил,— я вспоминаю еще следующее.

«Маркс и я,— говорил Энгельс,— никогда не хотели называть себя социал-демократами, предпочитая название *коммунистов*. Мы уступили лишь полицейским условиям Германии»,— «Вечерняя лондонская пресса продана американским капиталистам».— Энгельс очень дурно отзывался о круге, в котором вращался «prince» ** Петр Кропоткин. О русской революции, о русских марксистах говорил с большим уважением, выше я уже упомянул о Плеханове. Энгельс жаловался на ослабевающую память, замечая при этом, что «память имеет определенную емкость» и что новые знания вытесняют старые. Мы вкратце касались русского движения. У меня осталось впечатление, что все свои надежды он тогда возлагал на Г. В. Плеханова и его группу.

Впервые опубликовано в журнале «Летописи марксизма», кн. V, 1928 г.

Печатается по тексту журнала

* — «олух!». *Ред.*
** — «князь». *Ред.*

Р. М. ПЛЕХАНОВА

ИЗ РУКОПИСИ «МОЯ ЖИЗНЬ» [143]

...Между тем Георгий Валентинович работал не покладая рук, тут, в Божи, он заканчивал свою работу о «Родбертусе-Ягецове» [144], штудировал Маркса, но, не имея некоторых работ учителя, мечтал о том, что если попадет в большой город, то найдет их в библиотеке. Я помню, что он мечтал о том, что найдет «Святое семейство» и «К критике» *... Оставить Божи и переехать в университетский город это было его и моей мечтой.

Маркс, жизнь его, мечта о встрече с ним, о разговоре с ним не покидали Георгия Валентиновича. Ранней весной дошло до нас известие, что Карл Маркс заболел, и что, возможно, он покинет гибельный Лондон и приедет лечиться на берег Женевского озера в Монтре или Кларан.

Перспектива увидеть учителя, обменяться с ним мыслями вызвала большую радость и волнение в наших душах. Георгий Валентинович часто говорил об этом счастливом моменте, о вопросах, которые он надеется выяснить себе с помощью учителя.

Наступило 1 апреля **, и В. И. Засулич и Л. Г. Дейч решили сыграть с Георгием Валентиновичем безжалостную шутку. Они приходят из Фонтанивана к нему в Божи на квартиру и объявляют, что Маркс приехал, что они добились свидания с ним и что он их ждет в такой-то гостинице. Георгий Валентинович, страшно занятый, погруженный до такой степени в работу, что не следил ни за названием месяца, ни за числами, дал себя уверить в том, что наступил желанный день, когда он сможет повидать учителя и заговорить о разных вопросах социалистической теории и практики. Да не только он, но я и Теофилия *** были далеки от мысли, что близким друзьям пришло на ум сыграть с ним жестокую шутку, и мы с интересом ждали возвращения Георгия Валентиновича и наших друзей от неожиданного и многообещающего свидания.

Георгий Валентинович оделся как можно приличнее и пошел в сопровождении друзей. По дороге он затрагивал ряд вопросов, о которых намерен поговорить с учителем, между прочим, сколько мне помнится, среди этих вопросов фигурировал крайне близкий сердцу Георгия Валентиновича вопрос о русской общине, может ли она, если сохранится от начатого разрушения, стать исходным экономическим моментом будущей социалистической организации. Путь до мнимой гостиницы, где компания должна была найти учителя, оказался очень интересным благодаря вопро-

* *К. Маркс.* «К критике политической экономии». *Ред.*
** По-видимому, 1882 года. *Ред.*
*** — Полляк. *Ред.*

сам, затронутым Георгием Валентиновичем. Но, увы! Незадолго до цели, друзья вынуждены были сообщить Георгию Валентиновичу, что над ним была сыграна первоапрельская шутка! Понятно, что я лично была очень возмущена этой шуткой, Теофилия негодовала, только Георгий Валентинович был спокоен и сам шутил над собой...

Тут произошло крайнее недоразумение со стороны французского правительства. Оно выслало Георгия Валентиновича под предлогом, что он — вредный анархист, а между тем в середине 1894 года, то есть за несколько месяцев до его торжественного и смешного проезда через Францию, появилась его работа в социал-демократическом издании «Vorwärts» — «Анархизм и социализм» [145], побившая наголову анархические теории.

Работа эта наделала много шуму, имела колоссальный успех, была в течение 95—96 года переведена на все европейские языки и появилась также на еврейском языке. В это время, т. е. в 1895 г., она переводилась на английский язык Элеонорой Маркс-Эвелинг, и в 1895 г. появилась в органе «Weekly Times and Echo». В письме к Георгию Валентиновичу Элеонора писала [146] об удовольствии, доставленном ей этой работой; она увидела в ней, писала она, «la férule de mon père» *. На французском языке она появилась в социалистическом журнале «Le Devenir social» в мае этого же года. Но несмотря на появление этой работы, приказ об изгнании Плеханова из пределов Франции был отменен только много лет спустя. Французское правительство не скоро простило Георгию Валентиновичу его цюрихской речи, произнесенной на интернациональном конгрессе в 1893 году [147]. В этой речи Георгий Валентинович выразил свое возмущение по поводу союза республиканской Франции с русским деспотом, Франции «Великой французской революции» с русским абсолютизмом.

Наш глубокий интерес был вызван рассказами Георгия Валентиновича о жизни Веры Засулич, Сергея Кравчинского, о встречах с Энгельсом, Элеонорой Маркс-Эвелинг и некоторых членах семьи Энгельса. Он жил тогда вместе с д-ром Фрейбергером и его женой, бывшей Луизой Каутской. Отношение Энгельса к последней было глубоко отеческое. Георгий Валентинович был очарован заботливостью и добротой этого закадычного друга Маркса. Свою отеческую доброту он проявил и по отношению к Вере Ивановне Засулич, всячески заботясь о ее здоровье, о том, чтобы она лучше питалась, направлял д-ра Фрейбергера выслушать

* В данном случае — «руку моего отца». *Ред.*

ее легкие и лечить, запрашивал Георгия Валентиновича, не нуждается ли она в материальных средствах, и готовый из своих средств уделить ей нужное [148]. Об этом он говорил с Георгием Валентиновичем и писал ему.

Отеческое и любовное отношение к Элеоноре Маркс удивило и восхитило Георгия Валентиновича, а Элеонора сама произвела глубокое впечатление: умная, образованная, деятельная она пользовалась большой симпатией в передовых кругах лондонской интеллигенции, а в рабочих кругах, она была обожаема. Георгий Валентинович рассказал о том, как Элеонора во время стачки у докеров [149] с женщинами из «Армии спасения» спускалась, несмотря на опасность, в глубокие приморские трущобы, чтобы поддержать стачечников собранными ею деньгами, пищевыми продуктами, одеждой, узнать об их положении и нуждах.

Вынужденное пребывание в течение всего 1894 г. в Лондоне [150], несмотря на тяжелые условия жизни, несмотря на климат сырой и холодный, сильно подняли дух Георгия Валентиновича. Разговоры с Энгельсом о вопросах теории и практики марксизма оставили неизгладимый след в душе Плеханова, и, как мы узнали от Веры Ивановны, и Георгий Валентинович произвел крайне благоприятное впечатление своим умом, разносторонними знаниями на учителя. К этому времени относится сказанное Энгельсом ему и близким: «Я знаю двух только человек, которые поняли и овладели марксизмом, эти двое: Меринг и Плеханов»...

Публикуется впервые *Печатается по рукописи*

П. Д. БОБОРЫКИН

ИЗ КНИГИ «СТОЛИЦЫ МИРА

(ТРИДЦАТЬ ЛЕТ ВОСПОМИНАНИЙ)»

...Судьбе угодно было, чтобы в Лондоне, а не в Париже жил, работал и умер тот немецкий еврей, который придал социализму научно-философское обоснование и повлиял всего больше на умы и воззрения теперешних вожаков социализма и во Франции, и в Германии, и в других странах.

С Марксом я не имел случая познакомиться в сезон 1868 года. Тогда о нем и в Лондоне говорили — даже в радикальных кружках — не особенно часто.

О нем, как личности, о его семействе, домашней обстановке, привычках, вкусах, диалектике, выходках темперамента — я много слыхал от

одного из наших ученых социологов *, который подолгу живал в Англии в 70-х и 80-х годах.

От него узнал я, еще до смерти Маркса, что он успешно занимался русским языком [61], слышал и то — как мой знакомый застал его раз с русским романом в руках. От русского приятеля получил я и письма к старику Энгельсу, надолго пережившему своего друга и руководителя, Маркса. Энгельс считался всегда как бы *alter ego* ** знаменитого социалиста, его лейтенантом и знаменоносцем.

Энгельса я нашел в самом Лондоне, в отдаленном тихом квартале, в небольшом трехэтажном доме. Он жил, как человек с хорошим достатком, да и никогда не знал, кажется, нужды и заброшенности эмигранта.

Это был — в июле 1895 г. [151] — старик хорошего роста, державшийся довольно прямо, не очень седой, с головой крупных размеров, неправильными, но скорее симпатичными чертами лица и добродушно-игривой усмешкой бесцветных глаз. В Германии вы встречаете таких отставных профессоров.

Хотя я отрекомендовался ему по-немецки, но разговор почему-то пошел на французском языке. Энгельс говорил на нем свободно и с довольно приятным акцентом. Сидели мы в его обширном, светлом кабинете-библиотеке, вмещавшем не одну тысячу томов... Поговорили мы сначала о нашем приятеле — и вообще, о России; Энгельс много знал о русских делах и разные слова, вроде «земство» и «община»,— произносил старательно и чисто. Старик разговорился и приказал подать бутылку красного вина.

Разумеется, речь зашла об учении Маркса... Тут сейчас же зазвучала у Энгельса непоколебимая вера в безусловную истину того, что̀ его учитель установил, как роковой всемирный закон общественного развития. Все держится на экономических устоях. И нет в мире никаких явлений, вплоть до творчества и изящного искусства, которые не были бы прямыми продуктами материальных экономических причин.

Не желая вступать в принципиальный спор, я усомнился, чтобы одни только бытовые хозяйственные условия — заработок и кусок хлеба — сделали, например, то, что из немцев создалась первая музыкальная нация. Другие нации — французы и англичане, не приобрели таких же способностей — и в сходных экономических условиях.

Энгельс пришел в волнение.

— Такого вопроса не разрешишь в полчаса! вскричал он.

«Конечно,— подумал я,— но надо марксистам быть всегда приготовленными к подобным возражениям».

* — М. М. Ковалевского. *Ред.*
** — второе «я». *Ред.*

На прощанье Энгельс подарил мне свою немецкую брошюру. И, когда я прощался с ним,— глядя на этого, еще очень бодрого и бойкого старика — никак не ожидал, что к осени того же года он уже будет лежать под землею.

И теперь, кажется, нет в живых уже ни одного *такого* alter ego Маркса, каким был Энгельс.

Печатается по тексту книги: П. Боборыкин. «Столицы мира (Тридцать лет воспоминаний)», М., 1911, стр. 385—387

Ф. М. КРАВЧИНСКАЯ

О ВСТРЕЧАХ С ФРИДРИХОМ ЭНГЕЛЬСОМ [152]

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ АКАДЕМИКА И. М. МАЙСКОГО

...Я довольно часто встречался с Фанни Марковной, бывал в ее квартире, рылся в библиотеке, оставленной ей покойным мужем *, и любил слушать ее рассказы о делах и людях прошлого. Из этих рассказов старой революционерки мне особенно нравился один — об ее встречах с Фридрихом Энгельсом, и я хочу воспроизвести его здесь.

Как сейчас, предо мной встает маленькая, скромная квартирка Фанни Марковны... Тихо потрескивают полудогоревшие угли в камине... И в полумраке комнаты ровный голос хозяйки вдумчиво и неторопливо передает захватывающую повесть дальних, дальних лет...

— Однажды после нашего поселения в Лондоне,— вспоминала Фанни Марковна,— мой муж получил письмо от Г. В. Плеханова, находившегося тогда в Швейцарии. Плеханов, с которым Сергей Михайлович был хорошо знаком, писал, что в Лондоне живет Энгельс, и настоятельно советовал нам навестить его **. Мы решили последовать совету Плеханова тем более, что и нам самим было очень интересно встретиться с Энгельсом. Устроить это было легко. Энгельс был человек чрезвычайно доступный. В будни он много работал и жил довольно уединенно, но по воскресеньям любил видеть людей. В праздник дом Энгельса был открыт для всех желающих: каждый запросто приходил и садился за длинный стол, стоявший в самой большой комнате квартиры.

Фанни Марковна поправила уголь в камине, и, когда огонь вновь ярко запылал, продолжала:

* — С. М. Кравчинским (Степняком). *Ред.*
** См. настоящий сборник, стр. 212. *Ред.*

— Вот в одно из таких воскресений мы с мужем отправились к Энгельсу. С нами пошла дочь Маркса Элеонора, бывшая замужем за английским социал-демократом Эвелингом. Эвелинги были своими людьми в доме Энгельса. Когда мы вошли, за столом сидело уже человек двадцать — все социалисты, писатели, политики. Компания была очень интернациональная, говорили на разных языках. На одном конце стола, в роли председателя, восседал Энгельс, который мне очень понравился с первого взгляда. Он был душой общества. Между присутствующими шли горячие споры. Они шумели, кричали, обращались к Энгельсу за разрешением вопросов. Энгельс охотно отвечал,— то по-английски, то по-немецки, то по-французски. На другом конце стола сидела домоправительница Энгельса — Ленхен *, полная немка, с очень милым и приятным лицом, которая только тем и занималась, что каждому вновь пришедшему накладывала побольше мяса, салата и других яств. Не скупилась Ленхен и на вино. Вся атмосфера в доме Энгельса была простая, товарищеская, немножко богемистая, но вместе с тем высоко интеллектуальная. Вы чувствовали, что находитесь в гостях у большого человека, который живет и интересуется большими проблемами.

Фанни Марковна остановилась на мгновенье и затем, с легкой улыбкой на лице, вновь заговорила:

— В то время я еще не знала ни одного иностранного языка. Это меня очень стесняло и делало застенчивой. Случилось так, что Энгельс, желая оказать внимание Степняку, посадил нас рядом с собой: меня справа от себя, а Сергея Михайловича слева. Я была в отчаянии и старалась как можно ближе жаться к Элеоноре Маркс, сидевшей с другой стороны от меня. Больше всего я боялась, как бы Энгельс не заговорил со мной,— что я тогда стану делать?.. Вдруг Энгельс обратился ко мне и стал декламировать по-русски. Хотя с тех пор прошло много времени, я точно помню, что он декламировал.

Мы все учились понемногу,
Чему-нибудь и как-нибудь,
Так воспитаньем, слава богу,
У нас немудрено блеснуть.
Онегин был, по мненью многих
(Судей решительных и строгих),
Ученый малый, но педант...

— Энгельс продекламировал еще две строфы **,— продолжала Фанни Марковна,— и вдруг, лукаво посмотрев на меня, закончил:

* — Елена Демут. *Ред.*
** См. настоящий сборник, стр. 125. *Ред.*

...Зато читал Адама Смита
И был глубокий эконом,
То есть умел судить о том,
Как государство богатеет,
И чем живет, и почему
Не нужно золота ему,
Когда *простой продукт* имеет.
Отец понять его не мог
И земли отдавал в залог.

— Произношение у Энгельса было прекрасное,— говорила Фанни Марковна,— декламировал Пушкина он чудесно. Я захлопала в ладоши и воскликнула: «Да Вы отлично владеете русским языком, давайте говорить по-русски». Однако Энгельс покачал головой и с улыбкой ответил: «Увы! — на этом кончаются мои познания в русском языке».

Фанни Марковна снова остановилась и некоторое время сидела с таким видом, как будто бы она унеслась куда-то далеко, далеко от сегодняшнего дня. Я не нарушал ее молчания. Потом она тряхнула головой, точно сбрасывая с себя чары неведомого волшебства, и уже более обыкновенным голосом воскликнула:

— Ведь вот, почти тридцать лет прошло с тех пор, а я вижу наш первый визит к Энгельсу, как если бы все это происходило вчера!

Я спросил Фанни Марковну, что было дальше.

— Дальше? — откликнулась она.— Ну, вскоре после того Энгельс зашел к нам в гости с ответным визитом. Видно было, что знакомство может наладиться, и оно действительно наладилось. В дальнейшем Сергей Михайлович не раз встречался с Энгельсом. Они много беседовали, нередко спорили, бывали между ними и недоразумения. Мне лично, однако, с Энгельсом пришлось сталкиваться не так часто... Глубоко врезалось мне в память последнее свидание с ним. Это было уже много позднее, в середине 90-х годов, незадолго до смерти Энгельса.

Фанни Марковна подбросила угля в камин и, помешав его железной клюкой, вновь села на свое место.

— Когда умерла Ленхен,— продолжала она,— стал вопрос, кто будет теперь заботиться об Энгельсе. Ему было уже под семьдесят, он часто болел, за ним требовался хороший уход. Вскоре место Ленхен заняла Луиза Каутская, которая к тому времени разошлась со своим мужем. Когда я познакомилась с Каутской, то как-то сразу почувствовала к ней антипатию. Мои чувства вполне разделяла Вера Засулич, которая тогда жила в Лондоне и часто бывала у Энгельса. В дальнейшем мы с горечью должны были убедиться, что наше отношение к Каутской ею вполне

заслужено. Каутской не хватало мягкости и деликатности, в которых нуждался Энгельс. Она слишком много думала о себе и слишком мало об Энгельсе. Это с особенной силой обнаружилось, когда в начале 1894 года Каутская вторично вышла замуж. Вскоре у Каутской родилась дочка. Вместе с мужем * и дочкой она жила у Энгельса, но интересовалась не столько Энгельсом, сколько своей семьей. В один прекрасный день Каутская решила, что дом, который до того занимал Энгельс, теперь чересчур мал, что Энгельса надо перевезти на новую квартиру. Энгельсу этого страшно не хотелось. Он жил в своем доме 25 лет, привык к нему, знал в нем каждый уголок и легко находил здесь все нужные ему книги, материалы, рукописи... А самое главное — в этом доме Энгельс принимал Маркса. Не трудно представить себе чувства Энгельса в связи с проектом переезда на новое место. Но он был болен, беспомощен, деликатен — и Каутская в конце концов добилась своего: она перевезла-таки Энгельса в другой дом. Энгельс старался крепиться, но для нас с Засулич было ясно, что переселение только расстроило Энгельса и усугубило его тяжкую болезнь: у него ведь был рак горла. Мы с Верой готовы были плакать, но ничего не могли поделать.

Фанни Марковна вздохнула, опять немного помолчала и затем закончила:

— Последний раз я видела Энгельса при очень грустных обстоятельствах. Как-то раз к нам заходит Каутская и говорит, что вечером ей нужно уйти, а дома никого нет, не пойду ли я подежурить у постели больного Энгельса? Конечно, я охотно согласилась. Тот вечер я действительно провела с Энгельсом [153]. Он очень обрадовался мне и начал рассказывать о дорогих ему вещах: показывал кресло, на котором обыкновенно сидел Маркс, давал мне читать письма Маркса, достал фотографии, на которых он был снят вместе с Марксом. Вообще, все существо Энгельса было переполнено глубочайшей любовью к Марксу, он без конца вспоминал о различных эпизодах его работы с Марксом, об их встречах, беседах, совместных поездках или прогулках за город. Я слушала Энгельса почти с благоговением, но сердце у меня разрывалось от горя. Я видела, что Энгельс очень болен, и что за ним нет того ухода, который ему так нужен. Ушла я от Энгельса в тот вечер со слезами на глазах. Спустя несколько недель Энгельс умер... Мы с Сергеем Михайловичем были на его похоронах.

Я слушал рассказ Фанни Марковны, затаив дыхание. Мне казалось, что ее устами говорит сама история...

Печатается по тексту книги:
И. М. Майский. «Путешествие в прошлое», М., 1960, стр. 122—126

* — Фрейбергером. *Ред.*

Ф. М. КРАВЧИНСКАЯ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ [152]

Плеханов был знаком с Сергеем Михайловичем и вел с ним переписку. Однажды Сергей Михайлович получил от него письмо, в котором он, между прочим, писал: «Вы живете в Лондоне. Что Вы там делаете? Знаете ли Вы, что там живет Энгельс? Такие люди рождаются не так часто. Поэтому требую от Вас обязательно познакомиться с ним и прислать мне отчет. Это возмутительно, что Вы до сих пор не были у него, надо непременно к нему пойти» *.

Энгельс жил в большом доме, всегда открытом по воскресеньям для всех желающих его видеть. В его большом холле всегда по воскресеньям его можно было застать окруженным со всех сторон социалистами, критиками, писателями. Все, кто хотел видеть Энгельса, мог запросто приходить к нему.

Ф. М. Степняк со своим мужем (к ним присоединилась еще дочь Маркса — Маркс-Эвелинг) пошли в одно из воскресений к Энгельсу.

Очаровательный старик — говорит Фанни Марковна — произвел на меня наилучшее впечатление. Я была очень застенчивая, на мое несчастье он посадил меня близко от себя. Я все прижималась поближе к дочери Маркса, стараясь избежать разговора с Энгельсом, а он, естественно, как любезный хозяин, стал меня угощать. На иностранных языках я не говорила и, поэтому, хотела только одного — чтобы меня оставили в покое. Энгельс говорил по-французски, по-немецки, по-английски. Говорили на всякие, главным образом, политические темы, спорили. А на другом конце стола, как и всегда, сидела его экономка Елена ** — толстая немка, очень приятная на вид, которая только то и делала, что всякому вновь приходящему гостю подкладывала довольно «либеральные» порции мяса, салата и вина. Между присутствующими шли ожесточенные споры, они горячились, шумели, обращались к Энгельсу за решением вопроса. Вдруг Энгельс обратился ко мне и, учитывая мои незнания иностранных языков, заговорил по-русски. Он стал цитировать из Пушкина:

V

Мы все учились понемногу,
Чему-нибудь и как-нибудь,
Так воспитаньем, слава богу,
У нас немудрено блеснуть.

* См. настоящий сборник, стр. 212. *Ред.*
** — Демут. У автора: Эмма. *Ред.*

Онегин был, по мненью многих
(Судей решительных и строгих),
Ученый малый, но педант;
Имел он счастливый талант
Без принужденья в разговоре
Коснуться до всего слегка,
С ученым видом знатока
Хранить молчанье в важном споре
И возбуждать улыбку дам
Огнем нежданных эпиграмм.

VI

Латынь из моды вышла ныне:
Так, если правду вам сказать,
Он знал довольно по-латыни,
Чтоб эпиграфы разбирать,
Потолковать об Ювенале,
В конце письма поставить *vale* *,
Да помнил, хоть не без греха,
Из Энеиды два стиха.
Он рыться не имел охоты
В хронологической пыли
Бытописания земли:
Но дней минувших анекдоты,
От Ромула до наших дней,
Хранил он в памяти своей.

VII

Высокой страсти не имея
Для звуков жизни не щадить,
Не мог он ямба от хорея,
Как мы ни бились, отличить.
Бранил Гомера, Феокрита;
Зато читал Адама Смита
И был глубокий эконом,
То есть умел судить о том,
Как государство богатеет,
И чем живет, и почему
Не нужно золота ему,
Когда *простой продукт* имеет.
Отец понять его не мог
И земли отдавал в залог.

Процитировал он это наизусть на прекрасном русском языке. Я захлопала в ладоши, но Энгельс сказал: «Увы, этим кончаются мои познания в русском языке».

* — будь здоров. *Ред.*

Этот человек произвел на меня неизгладимое впечатление: такой гостеприимный, открытый. Через несколько дней Энгельс пришел к нам с обратным визитом. Сидел мало, видимо хотел только завязать знакомство. Больше я его в большой компании не встречала. С моим мужем они виделись, собирались, беседовали на разные политические темы, бывали у них иногда и споры, и недоразумения.

У меня к Энгельсу — рассказывает далее Фанни Марковна — было, пожалуй, сентиментальное отношение, и это отношение разделяла и Вера Засулич, с которой мы были друзьями. Мы иногда собирались с ней и, говоря о нем, готовы были плакать. Когда экономка Энгельса Елена умерла, ему нужно было кого-нибудь взять на ее место. Это место заняла Каутская, которая в это время разошлась с мужем и вышла замуж за доктора *. Я тогда познакомилась с ней и сразу же почувствовала к ней антипатию. Появление Каутской в доме Энгельса было несчастьем для него. У Каутской были дети, и она решила, что квартира, в которой Энгельс прожил 25 лет, стала мала. Каутская перевезла его в новый дом. Энгельс тогда был очень болен, и переезд только усугубил его болезненное состояние. До этого Энгельс жил в доме, где он знал все,— где он сейчас же мог найти все книги, брошюры Маркса. В этом же доме он встречался с Марксом, туда же к нему приходила дочка Маркса. Это был его собственный дом, а Каутская перевезла его в новый дом с площадкой и все его книги сложила в новое место. Но Энгельс был болен и ничего не мог сделать. Его нужно было лелеять; не следовало менять квартиры. Это было жестоко в отношении Энгельса.

Как-то Каутская зашла к нам и сказала, что Энгельс болен, а ей нужно было идти куда-то. Она просила меня пойти к нему на несколько часов. Я пошла в этот «новый дом» с ненавистью. Я пробыла у Энгельса часа три [153] и, глядя на него, просто страдала. Он обрадовался, когда узнал меня, и начал показывать мне все кресла, на которых сидел когда-то Маркс. Он показывал мне также письма К. Маркса, его фотографии, какие-то карикатуры на него. Все это Энгельс показывал с величайшей любовью; я же глядела на него и страдала, так как когда я впервые встретила его, он был тогда такой цветущий, теперь же он был больной и беспомощный. За ним, наверное, плохо смотрели. У него была опасная болезнь,— он страдал раком горла. Однако до самых последних дней Энгельс интересовался всеми событиями и много писал. Вера Засулич часто ходила к нему и делилась со мной впечатлениями. Все, кто любил его, приходили к нему, проводили у него много времени, но все знали, что он обречен.

Впервые опубликовано с сокращениями в сборнике: «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», М., 1956 г.

Печатается полностью по рукописи

* — Фрейбергера. *Ред.*

II

ПИСЬМА

Г. А. ЛОПАТИН — П. Л. ЛАВРОВУ

В ПАРИЖ

Брайтон, 6 июля [1870 г.]

Во-первых, я намерен поблагодарить Вас за пересланные письма; во-вторых,— попросить Вас бросить прилагаемое письмо, *не*франкированным, в первый почтовый ящик; в-третьих,— сообщить Вам, что, немедленно по получении Вашего письма, я писал в Петербург и просил разузнать — почему Ваша корреспонденция подвигается вперед так вяло; в-четвертых, я хочу сказать Вам, что я был уже в Лондоне. Остается мне увидеть еще Америку, и тогда я могу сказать, вместе с Симеоном: «ныне отпущаеши раба твоего, Владыко; яко видеша очи мои»... и пр. [154]

Все же сие сице бе: во-первых, я подумал, что врученная мне посылка, будучи передана через два месяца, произведет очень мало эффекта; а, во-вторых, билет от Брайтона до Лондона и обратно стоит 6 ш. 6 п., сумма не слишком большая по сравнению с тем, что истрачивается ежедневно человеком на всем пространстве земной поверхности. Итак, я отправился и сделал визит Марксу, в чем теперь нисколько не раскаиваюсь, потому что это знакомство оказалось одним из приятнейших, сделанных мною.

Во-первых, я опасался, что у меня не хватит сюжетов для разговора с этим светилом, и потом я втайне недоумевал,— на каком языке, кроме языка знаков,— я могу объясняться с ним? Все эти опасения оказались напрасными: в оба моих визита (из которых последний продолжался 10 часов сряду) разговор не прекращался ни на минуту. Маркс говорит по-французски не бог знает как, то есть произносит плохо и говорит довольно медленно, вследствие чего я его понимаю отлично. (Я вообще

ужасно люблю и умею разговаривать по-французски с немцами и англичанами.) — Что же касается до меня, то я считаю, что по отношению к лингвистике я его побил наголову. Судите сами, он умеет говорить вдруг только на *одном* языке; я же говорил единовременно на *четырех* языках, мешая с восхитительной развязностью слова романского, германского, славянского и саксонского происхождения в одну большую кучу; к грамматике я отнесся с полнейшим презрением и постарался свести ее на очень небольшое число самых простых и самых необходимых форм. Недостаток условных грамматических красот я старался заменить беглостью речи и различными выражениями лица и всего тела, соответствующими сюжету разговора.— Впрочем, Маркс утверждает, что он понимает меня отлично, и его жена и дочери уверяют, что они никогда не воображали, чтобы можно было создать такой понятный и выразительный язык при помощи таких простых средств.

Во-вторых, я всегда опасаюсь у разных знаменитостей слишком сухого приема. Опять приятное разочарование! Я не могу сказать, что я встретил у Маркса *любезный* прием, потому что это значило бы сказать слишком мало: обращение его под конец было скорее *сердечное,* чем любезное. А жена его объявила мне, что она сочтет себя обиженной, если, приехав в Лондон, я вздумаю остановиться в отеле: что в их доме я всегда найду для себя отдельную комнату; «никто Вас не стеснит: Вы можете бродяжничать, если хотите, хоть целый день и возвращаться домой только ночевать.— Потом: до тех пор, пока Вы не выучитесь по-английски настолько, чтобы вести экономно собственное хозяйство, Вы должны знать, что за нашим столом Вы всегда найдете накрытый, в ожидании Вас, лишний куверт» и пр. Согласитесь, что все это очень мило?

Сегодня я получил от него новый номер «Народного дела» и очень милую записку по поводу последних известий о суде над парижскими собратьями [155].— В заключение он спрашивает: не желаю ли я, чтобы он приискал для меня место клерка в какой-нибудь лондонской конторе? «Профессия переводчика отвратительна,— говорит он,— профессия коммерсанта дала бы Вам куда более благоприятные возможности использовать свободное время для занятий и пропаганды...» * — Я отвечаю, что, во всяком случае, я не решусь ответить на подобный вопрос *сразу.*— Что Вы думаете об этом?

В следующий раз я попробую изобразить в общих чертах материальные условия здешней жизни, насколько я успел присмотреться к ним. А теперь мне нужно ответить еще на несколько писем.— Итак, пока до свидания!

Лопатин

* Слова Маркса Лопатин цитирует по-французски. *Ред.*

Г. А. Лопатин — П. Л. Лаврову, 20 июля [1870 г.]

Из Петербурга пишут, что дело о стачке кончилось: 4 приговорены к семидневному аресту, а 60 — к трехдневному. На съезде фабрикантов были подняты *радикалами* вопросы о сокращении рабочего дня и об ограничении работы детей.

Полностью публикуется впервые *Печатается по рукописи*

Г. А. ЛОПАТИН — П. Л. ЛАВРОВУ

В ПАРИЖ

Брайтон, 20 июля [1870 г.]

Как Вам не стыдно, Петр Лаврович, начинать войну по такому нелепому поводу? * Да еще в XIX столетии! Посмотрите на нас, англичан: почему же мы не делаем таких возмутительных вещей! Стыдитесь!..

Сию минуту получил Ваше второе письмо и, против своего обыкновения, начинаю отвечать с конца.— Первоначальная мысль о журнале принадлежит Вашему покорному слуге, который высказывал ее в разговоре с Жуковским, Озеровым и многими другими. Только для осуществления этой мысли я ставил очень много предварительных и неизбежных, по моему мнению, условий: известный выбор сюжетов, известный способ трактовать их, обилие «русских» сотрудников, организация пропаганды и пр. и пр.— На настояния Жуковского я отвечал, что, при нынешнем положении вещей, основание подобного журнала я считаю едва ли возможным; а ведение его при помощи умственных ресурсов одной только эмиграции считаю совершенно немыслимым. Кто будет в нем работать? Кроме Вас, пожалуй Жуковского (как репортер по делам Интернационала, компилятор и переводчик), да нескольких «мелкотравчатых» (в подобных же ролях),— я не знаю, куда обратиться за сотрудниками! — Корифеи, вроде Бакунина, Огарева, Мечникова и К°, не стоят как *корифеи* и ломаного гроша! — Вы спрашиваете моего мнения касательно Вашего участия в этом издании, буде оно все-таки состоится? Я отвечу на это, по своей несчастной слабости, несколько пространно.— 1. Общественная польза, приносимая каким бы то ни было литератором, есть произведение их Внутренней Стоимости его произведений на Степень их Распространенности.— 2. Из арифметики Бертрана, а также и из свидетельства других авторитетов, мы знаем, что при данной сумме двух множителей произведение бывает наибольшее, когда множители равны между собою.— Вывод:

* См. настоящий сборник, стр. 134. *Ред.*

выгоднее холостить до некоторой степени Ваши мысли и полученных таким образом меринов «малой печати» отсылать на продажу на обширный Российский Рынок, чем оставлять их жеребцами и быть принужденным держать их постоянно, без всякого употребления на Женевской Конюшне.— Прибавочное соображение: не забудьте, что при первом счастливом случае Вы (как и я) подойдете под амнистию; следовательно, не резон закрывать себе в будущем возможность приносить пользу в более широких размерах, чем теперь.— Общий вывод: пишите, если это не отымет времени во вред работам «для Внутреннего употребления» и если Вам будет гарантирована тайна Вашего участия в журнале. Последнее обстоятельство имеет некоторое значение еще и потому, что Ваши будущие сотрудники выкидывали уже в своей жизни, а может быть выкинут и еще разные странные курбеты, ответственность за которые, по закону солидарности между сотрудниками журнала, может коснуться до некоторой степени и до Вас.— Вот мое личное мнение. Но так как «человеку свойственно заблуждаться», то я не стану долее убиваться, стараясь довести Вас до убеждения в его правильности.

Теперь возвращусь к началу Вашего первого письма и отвечу на оба письма по пунктам.

Посланная мною вещица действительно не дошла по назначению. Произвожу строжайшее расследование.

Оказалось, что книги мне были посланы на имя Куна (Rue aux Ours, 16).— Я писал ему: не знаю только, поймет ли он мое письмо. Я забыл присовокупить, чтобы он навел справки в почтамте: может быть книжный магазин переврал адрес (Рун, Бун и т. п.), и книги валяются на почте.

Относительно английских книг скажу следующее: и здесь и в Лондоне я видел такие же склады печатного старья, как и на набережной Сены. Тут можно иной раз натолкнуться на хорошие вещи. Но для того, чтобы найти именно то, что Вам надо, нужно особенное счастье. В самых лучших книжных магазинах я видел надписи: «продается за 2 шилл. 6 пенсов, прежняя цена: 3 шилл.» и т. п. Но, сколько я заметил, такие сбавки (*всегда* ничтожные) делаются лишь на сочинениях, готовых выйти вскоре новым изданием (напр. Диккенс).— Впрочем, это только моя догадка. До сих пор я еще не в состоянии разговаривать в магазинах: я указываю пальцем на то, что мне нужно, и затем делаю ряд выразительных и соответствующих случаю жестов, продавец отвечает тем же. Вы легко поймете, что такой язык очень мало способен выражать сколько-нибудь комплицированные идеи. Когда поселюсь в Лондоне, я с удовольствием приму на себя роль Вашего комиссионера по покупке книг и, конечно, постараюсь устроить это дело как можно выгоднее.

Вы совершенно правы относительно моих взглядов на «Народное дело». Но мне его было нужно не для себя. Я очень жалею, что Вы истратились на пересылку его; так как из Женевы я получил целых два экземпляра.

Адрес Сажина сообщите, хотя я и не тороплюсь переплыть океан.

Поссорился или не поссорился Нечаев с Бакуниным, но по многим причинам мне плохо верится в его отбытие в *Англию*. Во всяком случае я совершенно равнодушен к его жребию; за себя же не опасаюсь, так как за границей эти господа похожи на медведей с вырванными зубами и ногтями.

Мне лень развивать подробно начало и истинные причины неудовольствий между Марксом и Бакуниным. Я совершенно согласен с Вами, что в разных местах следует идти разными путями к достижению одной и той же цели. Согласен также, что подобные личные дрязги очень вредят всякой партии, всякому делу. Но за роль примирителя не возьмусь ни за что, так как я убежден в полной бесполезности всякой попытки их примирения там, где дело коренится гораздо глубже, чем в различии взглядов и теоретических *убеждений*. Я, впрочем, уже пробовал играть эту роль примирителя в Женеве и знаю все ее сладости.

Бакунину я писал всегда через Наталию Герцен (Compagne Baumgartner, St Jean La Tour); и Вам предлагаю сделать то же. Можете написать также ему через редакцию «Колокола» (покойного). Он живет в Локарно.

Хотя я не сразу догадался, кого Вы разумеете под именем Марии, но по здравому размышлению решил, что Вы говорите, вероятно, о своей собственной дочери, (известной мне доселе лишь под именами Марьи Петровны и Манечки); и потому напишу куда следует и что следует. Скажите, как был получен вексель: в страховом или в простом письме? на предъявителя или на имя? на настоящее имя или на псевдоним? При получении потребовались ли какие-нибудь формальности или удовольствовались предъявлением одного только конверта? Вы понимаете, что для меня все это не лишено интереса.

Я ничего не имею против переписки через меня, буде сочтете это удобным. Скажу только, что не сегодня, завтра, я могу покинуть Брайтон и переселиться в Лондон; а при новом капризе судьбы могу так же неожиданно покинуть и Лондон.— До сих пор я получаю письма из России через континент. Я надеюсь, что наша Федора * не ввяжется в эту войну?

Я горько сожалею, что Sa Petite Majesté ** медлит с присылкой письма вследствие преувеличенного уважения к грамматическим убеждениям Народа, (воплощенного на этот раз в моем лице).— И потом, когда же кто

* — то есть Россия. *Ред.*
** — Ее маленькое Величество. *Ред.*

бы то ни было осмеливался обращать внимание на грамматические ошибки Величеств, больших и маленьких?!

Вы негодуете на меня за жестокость, с которою я решился коснуться до Вашего больного места, сиречь до почерка. Но это был «cas d'urgence» * — Обратите зато внимание на то, с какой поспешностью я отдаю справедливость Вашим достоинствам. Недавно получаю письмо от Элпидина, в котором он, между прочим, жалуется горько на неаккуратность россиян. Я отвечал ему: «в этом отношении, мой милейший, Вы совершенно правы. Я знаю только двух аккуратных русских: П. Л. Лаврова — в Париже и Германа Лопатина — в Брайтоне. Все остальные (включая сюда и Вас), пользуются в этом отношении моим полнейшим презрением». И после этого Вы находите слова, чтобы упрекать меня в жестокости и несправедливости!

Салют и братство! *Лопатин*

Полностью публикуется впервые *Печатается по рукописи*

Г. А. ЛОПАТИН — П. Л. ЛАВРОВУ

В ПАРИЖ

Лондон, 7 августа [1870 г.]

Я вижу, Петр Лаврович, что Вы сознательно не боитесь бога, а потому и не отвечаете мне до сих пор на мое первое лондонское письмо и тем повергаете меня в «бездну сомнений». То мне кажется, что мое письмо не получено Вами, хотя я послал его еще 1-го августа и бросил его в ящик вместе с десятком других писем, на одно из которых я уже получил ответ, хотя оно было надлежащим образом надписано и снабжено законною маркою... То мне кажется, что Вы больны, потому что, когда Вы здоровы, Вы бываете всегда педантически регулярны, но я гоню от себя эту мысль прочь, как слишком неприятную. В конце концов я не знаю, что подумать. Пожалуйста, ответьте мне, хотя в нескольких словах на это письмо, немедленно по его получении. На случай неполучения Вами предыдущего письма, сообщаю Вам еще раз свой адрес: 10. Thornhill Street, Caledonian road, London N. Mr Hollington (carman), for Mr H. L.

Письмо Ваше, адресованное на poste restante **, я получил, но так как единственный вопрос, заключавшийся в нем, уже был разрешен в моем последнем письме, то я не спешил отвечать, дожидаясь получения от Вас ответа на мое первое послание из Лондона.— На случай, если Вы не по-

* — «крайний случай». *Ред.*
** — до востребования. *Ред.*

лучили этого послания, еще раз повторяю: что Ваше письмо к Бакунину отослано мною по назначению немедленно по его получении; что письмо, полученное Куном, не было франкировано и заключало в себе известие о получении маленькой посылки, отправленной мною в Петербург (резная игрушка!); что пересылку мне моих книг лучше всего поручить или тому книжному магазину, где Вы чаще всего покупаете, или Куну, который, как мастеровой, должен быть знаком с искусством упаковки, которая Вас самих очень бы затруднила; что я прошу Вас взять на себя расходы, которые сделал или сделает Кун: при встрече сочтемся; и, наконец, что я премного обязан Вам за Ваши хлопоты относительно этих книг, и жду случая оказать Вам какую-нибудь услугу в этом роде.

Маленькие несчастья продолжают преследовать меня неутомимо.

Как только я вышел из дому (в Брайтоне), пошел дождь и шел весь день, не переставая. Под этим дождем, без зонтика и пальто, я странствовал по Лондону с половины девятого утра и до позднего вечера, отыскивая логовище. Едва-едва отыскал, и то черт знает как далеко, комнату за 4 ш. в неделю (т. е. 20 франков в месяц).

Прихожу к Марксу. Он спрашивает меня: «надеюсь, Вы не надолго сюда? потому что мы собираемся к Вам в Брайтон: доктора велели мне поехать на несколько недель на море, и я предпочел Брайтон, так как я и моя семья рассчитывали там на Вас, как на веселого собеседника».— Теперь он переменил план и едет не в Брайтон, где жизнь, по моим описаниям, показалась ему слишком дорогою, а в Рамсгет: во всяком случае, я остаюсь опять горьким сиротою.

Лондон хочет, кажется, поддержать передо мною свою репутацию: я еще не видал солнца на этой неделе: то туман, то дождь. Потаскавшись по Лондону, я начинаю изменять свой взгляд на Османа. Париж и в дождь очарователен; а Лондон в дождь ужасно похож на шлюху с затасканным подолом.

Трачу на жратву по $1^1/_2$ ш. в день и в каждый данный момент голоден как собака. Обусловливается это в настоящую минуту не незнанием английского языка (я достаточно насобачился, чтобы торговаться и не давать себя в обиду), а всем складом здешней жизни.

Перо отвратительное: едва пишет; есть хочу смертельно; а потому до свидания! — (Дождь льет как из ведра.)

Поклоны: Sa Petite Majesté * и Куну (буде его увидите).

Лопатин

Публикуется впервые *Печатается по рукописи*

* — Ее маленькому Величеству. *Ред.*

Г. А. ЛОПАТИН — П. Л. ЛАВРОВУ

В ПАРИЖ

Лондон, 8 августа [1870 г.]

Сейчас получил Ваше письмо и отвечаю немедленно, хотя я писал Вам вчера, но я очень уж рад, а потому презираю экономию трех пенсов и нескольких минут времени. Говорят, что цена каждого предмета познается лишь во время лишения оного, я могу сказать, что по отношению к Вашим письмам мною уже было приложено это мерило ценности. Не шутя, я крепко беспокоился о том, что с Вами там делается,— и потому очень благодарен Вам за Ваше письмо.

Прежде всего позвольте поздравить Вас с переменою бумаги: это значительно улучшает внешность Ваших эпистолярных произведений, хотя и придает им в то же время несколько больший вес, независимо от их внутренней вескости; но тем не менее я не понимаю, зачем Вы прилепили две марки вместо одной, так как письмо Ваше, вместе со вложением, не превышает веса законной единицы.

Сначала я немного испугался, прочитав, что Вы не были еще у Куна: но узнав, что Вы писали ему, я совершенно успокоился, так как вся штука заключается для меня лишь в том, чтобы мои книги не поехали в Брайтон. Если Кун еще не отсылал их, то, я думаю, будет лучше, если он адресует их так: Mr H. Lopatine, at Mr W. Hollington, 10. Thornhill Street, Caledonian road, London, N.— England.— Это даст мне возможность получить их с почты без посредства моего хозяина. Нечего говорить, что, чем скорее он сделает это, тем нежнее будет благодарственное послание, которое я ему отправлю по получении этих книг.

Очень благодарен за пересылку женевского письма. Тут вышло маленькое qui pro quo *, так как то же лицо и в тот же день написало мне другое письмо по моему лондонскому адресу, полученное мною единовременно с Вашим. Я твердо надеюсь, что это, наконец, последнее письмо, полученное Вами для меня, исключая разве писем из Ставрополя, которые, впрочем, приходят не особенно часто.— Я писал, между прочим, в Ставрополь: «Слово Batignolles означает часть города, (как например «Плющиха»), а потому ставить перед ним «Господин» есть совершенно излишняя вежливость, не требующаяся даже в Париже; слово же Boudin отнюдь не есть христианское имя, которое можно было бы так легкомысленно опустить перед словом Batignolles, но... и т. д.»

Вы пишете: «я не знаю, желали ли Вы пересылки письма Бакунину в С.-Петербург или нет»,— и пр. Но, боже мой, я нарочно послал письмо

* — недоразумение. *Ред.*

мое к Л. открытым для того, чтобы Вы его прочли, хотя, может быть, я и забыл упомянуть об этом в моем письме к Вам. Я нарочно писал разные вещи в этих двух письмах для того, чтобы не заставить Вас скучать, читая два раза одно и то же.

Я почти убежден, что Нечаев в Лондоне; что же касается до Серебренникова, то в этом нет ни малейшего сомнения, так как он искал здесь случая представиться Марксу и вступить в Интернационал. Маркс обратился за рекомендацией ко мне. Я отвечал, что я лично не знаю этого господина, но имя его известно мне следующим образом... и т. д. (Впрочем, известного ночного визита я не рассказывал.) Уезжая, Маркс просил Генеральный Совет быть сдержанным по отношению к этому мальчику.

Вы ошибаетесь, думая, что я не прочел Вашего письма к Бакунину. Выражение «10 минут» есть гипербола. «Через 10 минут по получении» означает: «через несколько минут по получении, по прочтении и по написании соответствующего обстоятельствам письма к Наталии Герцен».— Мне помнится, что я даже писал Вам (или, по крайней мере, намеревался писать) кое-что по поводу этого письма. Я писал Вам, что я совершенно согласен с Вами в том, что в разное время и в разных местах следует действовать совершенно различно для достижения одной и той же цели. Но что, по моему мнению, Вы трактуете стремления Бакунина с излишнею терпимостью и благосклонностью; так как выраженные им идеи и планы имеют в виду известное место (Россию) и известное время (настоящее), а потому для обсуждения их целесообразности и практичности следует стать именно на эту точку зрения и рассматривать их не просто «в пространстве и во времени», но в *определенном, данном* пространстве и *данном* времени, т. е. с точки зрения их соответственности с поставленной ими себе целью — и пр.— Вы говорите, Вы ожидали вопроса с моей стороны.— Я не помню теперь Вашего письма во всех подробностях, но я знаю, что, будучи согласен с Вами в общем, при личном свидании я стал бы спорить относительно некоторых деталей.— Но я не помню, чтобы мне хотелось предложить Вам какой-нибудь *вопрос,* так как Ваше изложение мне показалось совершенно ясным.

Элпидин пишет мне: «Колокольщики (или, по-Вашему, «пономари») адресовались к Лаврову, прося того посодействовать своим талантом в прекратившемся «Колоколе». Огарев сам говорил (не мне), что Лавров обещался писать туда».— Хотя эта фраза так же плохо сочинена, как и вообще все письма Элпидина, но она показывает с достаточною ясностью, что «шила в мешке не утаишь».— (Нет надобности говорить, что всякие мои «выдаванья» женевцев должны оставаться «между нами».)

Вы меня неправильно поняли относительно «Комитета».— Я думал, что я рассказывал Вам, что я называю в шутку «Комитетом сопротивления»

простой конверт с разными бумагами (видами), отданный мною на сохранение одному из моих санкт-петербургских друзей. В этот же «Комитет» поступила и вещица, приготовленная мною в Женеве и усовершенствованная в Париже. Я слышал от Озерова, что у Домбровского была целая масса отставок и т. п. полезных бумаг. Я слышал также, что он хорошо знаком с техникой изготовления таких вещей (удивительного мало!) — а потому я желал поболтать с ним о таких сюжетах: я мог напомнить ему кое-что; а потому он не стал бы много женироваться со мною.— Видите ли: у меня наклевывалось было одно дельце, для которого все это могло бы пригодиться. Я намеревался потолковать с Вами об этом деле, если бы оно пошло в ход, и даже приехать для этого в Лапариж,— но так как оно сорвалось, то я предпочитаю, чтобы оно утонуло в Лете.— Вам толковать об этом с Д., по-моему, не стоит: во-первых, он может постесняться Вас, а во-вторых, не следует даром пугать дичь, если она не нужна сию же минуту.

Мне очень жаль, что мы так далеко друг от друга и не можем поэтому поговорить о Ваших семейных делах, которые интересуют меня почти так же, как мои собственные. Я совершенно согласен, что переписываться о подобных предметах почти невозможно. Мне самому ужасно хотелось бы поболтать с Вами о некоторых обстоятельствах, потому что редко с кем я чувствую себя до такой степени непринужденно, как с Вами, но я бросил самую мысль об этом, так как всякие тонкие психологические (не психиатрические ли?) сюжеты требуют подробнейшего, обстоятельнейшего развития, и письменное изложение таких вещей требует более времени и терпения, чем сколько у меня есть их.

Мне крепко жаль, что дела герцогини* идут плохо. Но французы успели уже получить несколько добрых затрещин; так что, может быть, это поведет к миру гораздо скорее, чем можно было бы ожидать сначала.— Вы, вероятно, лишены удовольствия сопоставлять между собою телеграммы обеих враждующих сторон: это очень приятно.— Прусские телеграммы получаются гораздо ранее и составлены гораздо обстоятельнее.— (В последнем деле более 4000 *нераненых* французов взято в плен, отбито 30 пушек, 6 митральез и 2 орла.)

Магазин Черкесова еще существует, судя по моим сведениям.

Книги Торнтона еще не читал и ничего о ней не слыхал. Впоследствии я расскажу Вам, как трудно достать здесь порядочное чтение. Теперь же я уклоняюсь от ответа на Ваш вопрос: «как мне живется в Лондоне?»,— из опасения оскорбить Ваш слух градом «скверно-матерных» слов. Вчера, окончив письмо к Вам, пошел пообедать, или лучше сказать

* — то есть Франции. *Ред.*

поесть, потому что я не видал еще в Англии «обеда».— Промотался под дождем больше часу, обошел больше дюжины кофеен и столовых: все заперты по случаю воскресенья. Булочные, лавки торговцев сыром оказались также запертыми. Мне угрожала смерть Уголино [156]. Наконец я усмотрел, что у одного торговца одна половинка двери немного приотворена. Я стремительно ворвался туда, приобрел кусок хлеба и сыру и сожрал их, запивая их водою и обливая их мысленно горькими слезами.— «Ну, жисть! Когда ты только похудшаешь?!».

Если пришлете брошюру о процессе в Блуа (буде выйдет), премного обяжете.

Таинственная буква N, вероятно означает Nord, на других улицах, по крайней мере, я вижу NW, SW и т. п. аналогические знаки. Я знаю только, что на всех письмах, адресованных в Лондон, *всегда* ставятся эти буквы.

Перо мое приводит меня в отчаяние. Но, оглядываясь на все написанное мною, я вижу, что я могу со спокойной совестью покончить с письмом и считать с настоящей минуты, что Вы у меня в долгу, а не я у Вас.

Лопатин

Писем из России *не* получаю.

Полностью публикуется впервые *Печатается по рукописи*

Г. А. ЛОПАТИН — П. Л. ЛАВРОВУ

В ПАРИЖ

Лондон, 30 августа [1870 г.]

Отвечаю Вам на Ваше письмо немедленно, хотя еще вчера писал Вам, сбитый с толку нелепой редакцией телеграммы, которую я притом прочел в сумерках, под разговор неотвязчивого enfant terrible *, навязанного мне на шею Озеровым. Вот Вы, я думаю, удивились этому приглашению, написанному ради скорости в такой категорической форме?

Теперь к делу. Я ни в каком случае не мог бы согласиться на Ваше предложение ранее четырех, пяти месяцев, и вот почему: мне предлагали много раз переводить «Капитал» Маркса; я постоянно отказывался; но в последнее время, когда я прочел почти всю эту книгу, я увидел, что я могу перевести ее, особенно если взять во внимание проживание в одном

* — баловня. *Ред.*

городе с автором. К тому же перевод Л. Блана сорвался, я был без работы, а за «Капитал» мне предлагают около 1000 рублей с правом получить вперед хоть всю сумму. (Понятно, я не возьму ничего.) — Итак, я взялся, дал обещание и до окончания этой работы не могу взяться ни за что другое.

Нечего говорить, что это есть *единственная* существенная причина моего отказа. Нечего говорить, что я бы ухватился за Ваше предложение более, чем с радостью, не спрашивая об условиях. Я вижу в этом предложении пропасть приятных сторон: во-первых, большое удовольствие работать вместе с Вами и жить в одном месте (это не комплимент); во-вторых, по Вашим словам, работа была бы разнообразна, а это как нельзя более подходит к моим вкусам; в-третьих, разнообразное, разнохарактерное, разноязычное чтение, затем, разговоры по поводу прочитанного, принесли бы мне пользу не в одном лишь материальном отношении.— И прочее, и прочее, и прочее. Что касается до переезда в Париж, то, хотя, конечно, дело это было бы удобно для меня теперь менее, чем когда-нибудь; но ради таких соображений все это можно было бы как-нибудь устроить. (Я мог бы, например, номинально отбыть в Новый Свет.) Об условиях я тоже не говорю, так как это последнее дело для меня; Вы знаете, я человек умеренный.

Итак, вот каковы дела. Я Вас попрошу, Петр Лаврович, не говорить *никому* о том, что я перевожу «Капитал». По разным причинам для меня это очень важно. (Между прочим, например, Жуковский никогда не поверит, что я взялся за этот перевод лишь недавно, через долгое время после того, как, несмотря на все мои усилия, ему положительно отказали в этой работе и написали мне, что предпочитают лучше оставить мысль об издании этого сочинения, чем опять входить в сделку с Бакуниным, Жуковским и К^{0}, хотя бы и через меня.)

Я надеюсь, что Вы все-таки напишете мне, в чем будет состоять работа: я не болтлив, когда не желаю болтать (если тут нужен секрет), а дело меня крепко интересует.

Луи Блан такая же старая баба, как и остальные парижские радикалы, о которых я не могу думать без раздражения.

Я рад, что Мария пристроилась (хотя я не бог знает как симпатизирую ей лично): со времени моего отъезда из России я по себе знаю, что значит жизнь старой «девственницы»: головокружения (как в 3-м отделении), головные боли, мигрени и т. п. неизведанные прелести являются одна за другой; волосы выпадают чуть не клочьями. Сообщите имя бельгийца, буде узнаете.

От Герцен Вы не передавали мне ранее ничего. А слыхали ли Вы, что Романская секция (Женева) исключила из своей среды Бакунина, Жуков-

ского, Перрона (их друг), Сутерланда [157] (по женевским сплетням, незаконный сын Огарева).— Воздерживаюсь от комментариев.

Кланяйтесь Анне Павловне *. Желаю, чтобы в Ваш дом не попадали бомбы и чтобы Париж был взят поскорее, без длинных проволочек, которые только мучат душу. А право, приезжали бы Вы в Лондон?

Лопатин

Полностью публикуется впервые *Печатается по рукописи*

С. А. ПОДОЛИНСКИЙ — П. Л. ЛАВРОВУ

В ПАРИЖ

Гаага, 7 сентября, 9½ часов вечера [1872 г.]

Сегодня вечером конгресс кончается, только что было последнее публичное заседание, а теперь идет последнее закрытое [158].

Впрочем, завтра будет еще митинг в Амстердаме, на который я также думаю поехать. Сегодня утром в закрытом заседании было решено, что Совет в 1872—1873 году будет находиться в Нью-Йорке, и были названы имена 12 членов, из которых он будет состоять. Имена американские и мне неизвестны. Эти 12 человек имеют право присоединить к себе еще 3. Конгресс решил, кроме того, что местом будущего конгресса будет Швейцария, город же предоставляется назначить Совету.

Как видите, принципиально, хотя и с уступками, Маркс победил, но я удивляюсь, что такой умный человек, как он, мог дорожить такой внешней стороной победы, когда уже из всех фактов видно, что общественное мнение склонилось в противную сторону. Если Маркс действительно думает на время или совсем оставить практическую деятельность, то он лучше бы сделал, если бы уступил там, где, как он сам видит, он, несмотря на все старания, мог достигнуть только чисто формального результата. По крайней мере он с честью сошел бы со сцены, если остался бы на ней на равных правах с другими, между тем как теперь он подвергается целому граду обвинений, отчасти справедливых. Конгресс был заключен двумя голландскими речами к публике и речью Брисме о всестороннем значении ассоциации. Одна из голландских речей была очень хорошо встречена, речь же Брисме имела, как говорят французы, «un succes foux» **, да и действительно он хороший народный оратор, да и его внуши-

* — Чаплицкой. *Ред.*
** — «бешеный успех». *Ред.*

тельная и в то же время крайне симпатичная фигура не могла не произвести самого хорошего впечатления. Затем были зачитаны разные письма, приветствия и прочее.

Перехожу к моему общему заключению: несмотря на то, что особенных неприятностей на конгрессе не произошло, что бо̀льшая часть делегатов вели себя хорошо и лично производят хорошее впечатление, я все-таки недоволен конгрессом, не потому что на нем все же ясно выказались несогласия (последнее, по моему мнению, еще не особенного рода), но потому, что высказалась ясно давно подозреваемая мною общая слабость Международного общества. Есть вещи, как, например, недостаток цифр в отчетах, которые на человека сколько-нибудь скептического действует очень плохо, а цифры избираются слишком старательно. Помимо этого есть, конечно, и другие признаки слабости, о которых слишком длинно было бы распространяться. Если напишете в Брюссель poste restante *, то я еще получу письмо.

Публикуется впервые *Печатается по рукописи*

Г. А. ЛОПАТИН — П. Л. ЛАВРОВУ

В ЦЮРИХ

Париж, суббота, 22 ноября [1873 г.]

Я не думаю остаться здесь долее двух суток; таким образом, свободного времени у меня не слишком много, а потому, оставив в стороне всякие лясы, перехожу прямо к отчету по отношению к взятым мною на себя поручениям:

1. *Линеву.* По взятым мною справкам оказалось, что Чернецкая распродалась и *уехала в Англию*, но адреса ее там никто из женевцев не знает. Говорят, что она продавала почти совершенно новые русские шрифты, как металл, по какой-то безбожно низкой цене.

2. *Смирнову.* У Гольденберга был. Требуемые Вами книжки *отосланы* в самый день моего приезда. Надеюсь, что Вы уже получили их?

3. *Редакции вообще.* Оказывается, что Трусов поступил с Вами так же мазурнически, как и Вы поступили с ним, т. е. он уверил Вас, что у него *есть* и уже *набирается* рукопись, которая ему только еще *обещана.* Оказывается, что Маркс давным-давно обещает Утину (ergo ** Трусову) *какое-то* неизданное сочинение Чернышевского [159]. О *названии* этого сочинения

* — до востребования. *Ред.*
** — следовательно. *Ред.*

Трусов узнал впервые из *Вашего* письма. Он давал мне понять, что Вы *выманили* эту вещицу у Маркса. Вообще, он рассказал мне всю переписку с Вами, как по поводу типографии, так и по последнему делу,— не подозревая, что я уже был в Цюрихе. Я не выводил его из заблуждения, хотя и не врал прямо. Без нужды не выдавайте меня.

4. *Ей же.* Я разыскал тот кёнигсбергский адрес, о котором я говорил. Я и Элпидин получили его из одного и того же источника. Элпидин уже пользовался им. Он сладился с этим человеком просто *письменно.* Он брал с него, *как кажется,* около 40 франков за тючок, заключавший в себе около 50 экземпляров Чернышевского. Деньги эти он брал за одну только *комиссию,* т. е. за то, чтобы провезти вещи через *оба* кордона и сдать их на железную дорогу, как кажется, в Ковно. К нему вещи присылались обыкновенным порядком, *франкированными,* а он сдавал их в России в отсылку *не*франкированными. Расписку (на *вымышленное* имя) он присылал Элпидину, а тот отсылал ее в С.-Петербург знакомому, который являлся с ней на железную дорогу и получал вещи, без предъявления пасса, без вскрытия посылки и вообще без всяких формальностей. Неудобства этого пути, по словам Элпидина, таковы: *a.* посылки (всего 4 тюка) были доставлены несколько *поздно; b.* деньги за комиссию были вытребованы *вперед; c.* немец вздумал *поднадуть* Элпидина, начав уверять, что ряда велась не на франки, а на талеры, и (хотя книги находились уже в России) прислал квитанции не ранее, как выторговав прибавочные 10 талеров на 4 тюка; *d.* письма свои немец никогда *не франкирует,* что очень злит Элпидина; *e.* оказалось, что из тюков он отбавил экземпляров по 7 книжек всякого сорта, которые, вероятно, *продал в свою пользу.* Зато неисчислимые удобства этого пути заключаются в следующем: *a.* путь сухопутный, т. е. *постоянный,* держащийся круглый год; *плотин* на нем не рвется никаких; *b.* дело будет стоять на чисто *коммерческом* основании, независимо от усердия, преданности и самопожертвования сочувствующих редакции людей; *c.* дело будет *чистенькое,* т. е. Вы будете иметь сношения с настоящим *купцом,* а не с заправскими *контрабандистами,* с которыми мы и говорить-то не умеем; *d.* посылки будут доставляемы *прямо* в С.-Петербург, так что Вы избавляетесь от всяких хлопот и забот и ограничиваетесь простою отсылкою Ваших книжек в Кёнигсберг самым законным образом; *e.* при этом способе Вам нет нужды иметь *своего* человека ни у первого, ни у второго кордона; нет нужды поселять у границы какого-нибудь желторотого молокососа, который проживет целую уйму денег, наделает кучу неловкостей, сгубит себя, утратит товар и испортит путь; и вся эта история будет повторяться периодически.

По-моему, Вам следует написать так: «Милостивый государь! Я книгопродавец-издатель, нуждающийся в доставке в С.-Петербург книг, которые

не совсем удобно пересылать по-обыкновенному. Один из моих друзей рекомендовал мне Вас за человека честного, верного и аккуратного. Мои условия таковы: *a.* я плачу за комиссию *по 1 франку с книжки**; *b.* в Кёнигсберг доставляю книжки *на свой счет; c.* в России Вы будете сдавать их на железную дорогу *нефранкированными*, расплачиваться за пересылку будет получатель при получении их в С.-Петербурге на железной дороге; *d. половину* денег за комиссию плачу всегда *вперед*, а *половину по получении* мною *квитанции; e.* книжки должны быть переправлены *не позже месяца* по получении их Вами от меня; *f.* книжки будут доставляемы Вам четыре раза в год, приблизительно по 1000 экземпляров, так что *обе стороны* имеют всякий интерес вести дело аккуратно и быть довольными друг другом».— Я уверен, что этот последний пункт уничтожит в корне даже те неудобства, на которые жаловался Элпидин, т. е. запаздывание и надувательство в денежных расчетах.— На случай посылаю Вам деловые письма этого немца к Элпидину, которые я, по лености, даже не пересмотрел и которые Вы по прочтении возвратите мне.— Еще было бы лучше, если бы сладкоглаголевый немец — Линев съездил туда лично и обладил бы все дело на словах. Но чтобы не прокатиться даром, все-таки следовало бы сначала обменяться хотя парою писем и ехать туда уже прямо с товаром.— Еще одно слово: я пишу все только для Вас *трех,* я *желал бы,* чтобы Вы не говорили обо всем этом *даже со своими.* Также, пожалуйста, не дайте как-нибудь понять Элпидину, что я передал все это дело прямо в Ваши руки вместо того, чтобы вести его самому и держать редакцию в постоянной зависимости от себя и от него, что, вероятно, для него было бы гораздо приятнее. Впрочем, я дам прочесть это письмо также и Идельсон, так как, насколько я мог заметить, редакция не имеет секретов от нее и так как я в своих доверенностях привык постоянно полагаться на свои первые впечатления. [Я, кажется, говорил Вам, что этот немец (собственно говоря, еврей) имеет в Кёнигсберге гостиницу? Это делает личные сношения еще удобнее.]

5. Я собрал также сведения о своем прежнем *морском пути.* Как я ожидал, он действует и до сих пор с полнейшей аккуратностью. К сожалению, главный воротила в этом деле — мой большой приятель — умер, а второстепенные агенты совсем не знают меня; так что тут приходится вести дело через Элпидина. Впрочем, я имею достаточно авторитета по отношению к Элпидину, чтобы заставить его, когда это понадобится, передать все дело в мои руки.— Кроме этих двух адресов, которые всегда были столько же мои, сколько и его, я добыл от него *еще два* морских адреса, принадлежащих лично ему. Один из них *уже попробован* однажды и может быть облажен

* — приложить образчик. *(Примечание автора.)*

письменно, другой еще *не испытан* и требует *личного* свидания. Но так как до весны эти адреса никуда не годятся, то я и не вхожу в дальнейшие подробности.— Я надеюсь, Петр Лаврович, что, прочитав все сие, Вы не будете более говорить, что не стоило ездить в Женеву, и согласитесь со мною, что даже *глупые* и *грубые* элементы могут быть употреблены с пользою, другими словами, что всякая лошадь может быть отпрукана и наезжена в какую-нибудь упряжь. Впрочем, это последнее замечание будет понятнее для Линева, с которым мы имели как-то рассуждение о лошадях.

6. Впрочем, что касается до *морских* путей, то, живя в Лондоне, я, вероятно, устрою еще один путь, для которого у меня есть уже заручка в С.-Петербурге.

7. Я забыл сказать, что если у Вас не найдется в С.-Петербурге никого, кто бы вызвался ходить на железную дорогу получать тюки, то я достану Вам на время такого человека. Он будет правильно получать их и передавать их, кому Вы укажете.

Надеюсь, что все данные мне поручения выполнены аккуратно и я заслужил благодарность отечества и по крайней мере редакции «Вперед!»; я надеюсь также, что редакция возьмет на свою душу совершенные мною ради нее обманы и т. п. грехи, между прочим и бесчисленные вермуты, выпитые мною при ведении переговоров?

Что касается до моих собственных дел, то их я обделал гораздо хуже, чем Ваши поручения. А именно: я не достал ни одной брошюры по поводу известного спора. Я сильно подозреваю, что вследствие повальной муторофобии, свирепствующей между нашими радикалами, я был принят за агента Маркса и мне просто *не хотели* дать этих брошюр ни даром, ни за деньги.— Я также не нашел в книжных лавках и тех изданий, которые мне нужно было достать тоже «по поручению». Одним словом, во всем, что не касалось *Ваших* дел, мне не повезло.

Ваше поручение, Петр Лаврович, на счет золотых шаров передано мною по назначению.

Так как я уезжаю завтра или послезавтра, то не успею написать корреспонденцию отсюда, а пришлю ее из Лондона или из Парижа по возвращении моем обратно. В Лондоне постараюсь выручить известную рукопись и пришлю ее тотчас же.— Зину насчет корреспонденции поторопил. (Она в настоящую минуту пишет ее.)

В Бельгарде ныне очень строго насчет виз. Даже женевских негоциантов, снабженных пассами, возвращают назад за неимение виз. Россияне хором требовали, чтобы я провизировался. Французский консул тоже уверял меня, что меня не впустят во Францию без визы. Но я отвечал, что я не согласен платить 10 франков за какую-то каплю чернила, что я майор и что я выгляжу таким пай-мальчиком, по отношению к которому всякие подо-

зрения нелепы, что *меня* не остановят. Такая самонадеянность, по обыкновению, раздражила всех, но, опять-таки по обыкновению, вывезла меня как нельзя лучше: я так развернул и подал пасс, что со мной даже не заикнулись о визе.

Однако прощайте.
P. S. На адресе.

Публикуется впервые *Печатается по рукописи*

Г. А. ЛОПАТИН — П. Л. ЛАВРОВУ

В ЦЮРИХ

Париж, 1 декабря [1873 г.]

Ты победил, галилеянин! Другими словами: радуйтесь, Петр Лаврович; я достаточно наказан за то, что не послушался Вашего доброго совета и не предупредил Маркса о своем приезде. Оказывается, что как раз накануне моего прибытия в Лондон, он выехал с Тусси в Йоркшир, частью для поправления собственного здоровья, главным же образом для поправления здоровья дочки, которая что-то шибко разболелась. Я не пожелал преследовать его так далеко и через двое суток повернул оглобли назад. Вчера я вернулся в Париж совершенно распростуженный: кашель, насморк, боль в глотке, хрипота, головная боль, тошнота, головокружение и т. д. и т. д. Таким образом, моя поездка в Лондон в том, что касается до меня лично, почти совершенно не удалась; но что касается до Ваших поручений, т. е. до собрания разных сведений и справок, то они выполнены мною довольно удовлетворительно. Итак, перехожу к отчету о Ваших поручениях.

1. *Редакции вообще.* Не помню, говорил ли я Вам, что *некто* пожертвовал 800 фр. (сумма положена на депозит г-на Жеманова) на издание какого-нибудь из сочинений Чернышевского, но с тем непременным условием, чтобы книжку набирал именно Трусов. Элпидин и Трусов порешили издать «Кавеньяка» [160] и ту еще неизданную статью, которую Маркс передал Утину и которая валяется у него чуть ли не два года. Хотя Утин и уверял, что он готов издать «Письма без адреса» очень скоро, но так как они уже провалялись у него так долго, так как Вы тоже намерены издать их немедленно и так как Вы, по-видимому, имеете средства на это, то я порешил отобрать статью у Утина. Я пришлю ее Вам на днях, после того как перечту ее еще раз сам. Если бы я мог подавать советы в типографском деле, то я посоветовал бы издать эту брошюрку в маленьком формате, не-

много большем, чем книжка обыкновенного русского паспорта, приблизительно, например, в таком, в каком изданы «Résolutions du Congrès Général de la Haye» [161]. Я бы с удовольствием продержал последнюю корректуру, если бы Вы не нашли в этом ничего неудобного с Вашей точки зрения.

2. *Петру Лавровичу*. Средняя цена домов в той местности, где живут Марксы, колеблется между 30 и 40 фунтами в год, считая и налоги. Но миссис Маркс видела дома и в 25 ф. в год, конечно, в закоулках более глухих, чем их вилла. Эти сравнительно дешевые домики имеют также три этажа или, лучше сказать,— четыре, если считать и нижний этаж. Впрочем, как Вы увидите ниже, Вам, может быть, будет лучше устроиться подругому, чем нанимать себе целый дом.

3. *Смирнову*. По поводу Вашего дела! Я заходил к моей прежней хозяйке и спрашивал ее, не возьмет ли она жильца на хлеба за недорогую цену? Она отвечала, что если жилец такой же аккуратный в расплате, как Вы (т. е. *я*), и если он человек неприхотливый, то она возьмет его шиллингов за 12 или за 14 в неделю (сразу определить цены она не может). Обещается постараться, чтобы он был спокоен и доволен. Таким образом, Вы видите, что в самом дорогом случае Вы заплатите тут около 70 фр. в месяц, т. е. менее той суммы (75 фр.), которую Вы поставили мне как последний предел. Место это известно Петру Лавровичу; это не бог знает как далеко от Британского музея и других интересных для Вас мест, а также и от рабочих кварталов. Комната не ахти какая, окошко выходит во двор и на конюшни; убранство далеко нероскошное, но я жил и чувствовал себя хорошо; пища тоже очень простая, но здоровая, хорошо изготовленная и сытная (я не раз обедал у хозяев). Хозяйка — женщина безусловно честная и очень добрая. Я видел, как ухаживала она за одним своим больным жильцом, который и умер у нее на руках. Ко мне она очень расположена. Марксы рассказывают, что она приходила к ним справляться обо мне и, узнав о моей жалостной судьбе, пролила приличные случаю слезы. Когда я пришел к ней, она моментально отправилась в сундук и достала оттуда четыре пачки газет и письмо, которые были получены в мое отсутствие и которые она бережно сохраняла целых три года на тот случай, если я вернусь и потребую их. Не правда ли, славная черта английских нравов? *Расплата* по-английски, т. е. *за неделю вперед*. Таким образом, если место и условия окажутся подходящими для Вас, Вы можете считать квартиру почти что нанятой.

4. *Редакции вообще и Линеву в частности*. По поводу разных типографских дел зашел я прежде всего к Юнгу. Когда я предложил ему ряд вопросов по бумажке, врученной мне Линевым, то я был не мало сконфужен уверением Юнга, что все эти вопросы уже были предложены ему

письменно, под приличными номерами, и что он тогда же немедленно отвечал на них, за теми же номерами. Смущенный молчанием, последовавшим за его ответом, он писал-таки, спрашивая, получено ли его письмо? и получил ответ утвердительный. По поводу этого я осмеливаюсь почтительнейше заметить, что редакции следовало бы показать мне предварительно всю переписку с Юнгом, чтобы я мог знать, какие еще подробности и в какой мере остались невыясненными. Вот что он говорит о типографии, где Вам предлагалась комната: *a.* типография находится в Сохо, что представляет много удобств; *b.* комната отдается и до сих пор; *c.* она находится *в одном этаже* с типографией; *d.* помещение для бумаги тоже найдется; *e.* типография берется за печатание Ваших работ; *f.* шрифт парижский и английский имеют одну и ту же высоту; *g.* хозяин платит за помещение 25 фр. в год; с Вас он возьмет половину этой суммы.— Юнг дал мне рекомендательную записку к хозяину типографии, чтобы я мог посмотреть собственными глазами помещение и поговорить о ценах за печатание и т. п. Но что касается до помещения, то я имел уже о нем достаточное понятие; что же касается до справок о ценах, то я предпочел собрать их через Врублевского, так как он говорит по-русски и так как я не чувствовал себя в силах перевести на басурманский язык такие выражения, как «двойная форма» и т. п., о которых я и по-русски-то имею представление самого неопределенного свойства.— К сожалению, я застал Врублевского дома только во второй раз, в самый день моего отъезда, а между тем сведения, которые он мог мне дать по этому поводу сразу, без собирания справок, оказались не особенно подробными. Он сказал мне, что за печатание одного листа в 1000 экземпляров (простая, а не двойная форма) с него брали 1 фунт, считая тут и плату за бумагу. Больше он мне ничего не сказал путного. Чтобы собрать более подробные сведения и добыть прейскуранты, мне приходилось остаться еще на сутки, но это было уже чересчур; тем более, что и эти сведения и эти прейскуранты чрезвычайно легко добыть письменно через того же Врублевского или через того же Юнга; Юнг в особенности любезно предлагал свои услуги. Говорит: «пусть Петр Лаврович только приезжает, дня на три на четыре, и он и весь типографский штат легко могут устроиться на временных диванах; я помогу ему в этом, а в течение этих трех дней мы отыщем и квартиру и типографию и все на свете». Но вот что, по-моему, особенно интересно: Врублевский занимает во втором этаже прекрасную комнату, совершенно меблированную, освещенную с двух сторон и снабженную тремя газовыми рожками с приличными колпаками; газ он имеет право жечь, сколько в душу влезет; прислуга от хозяев. Кроме этой комнаты, он нанимает еще одну большую комнату на нижнем этаже (бывшую лавочку), имеющую одну дверь на улицу, а другую во двор. Комната эта освещается одним окном сбоку, а другим сверху. Кроме того, в ней есть шесть газовых

рожков. Эта-то комната и есть типография Врублевского. Дом, в котором Врублевский нанимает эти две комнаты, находится в нескольких шагах от Эйнджел, центральное положение которого слишком известно Петру Лавровичу. Представьте же себе: за всю эту благодать Врублевский платит всего 10 шиллингов в неделю! Если он желает жечь газ в лавочке, то платит за это по шесть пенсов в неделю с рожка.

Надеюсь, что собранных мною справок совершенно достаточно, чтобы видеть, что и в Лондоне можно устроиться, относительно говоря, не бог знает за какую сумму.

В одном из писем, полученных мною из С.-Петербурга, мне пишут о погроме, произведенном у одного из господ, занимающихся обучением рабочих; прилагаю выписку из этого письма *, но не советую давать ей гласности.— Прилагаю также выписку из другого письма, заключающую некоторые из замечаний, полученных мною по поводу Вашей книжки.— Некогда писать больше; надо искать квартиру.

Затем вотирую себе благодарность отечества и остаюсь

Всемилостивейшего моего государя

штабс-капитан *Копейкин*

P. S. Заметьте, что я не имею еще ни одной строчки от Вас! Корреспонденцию устрою, когда найму квартиру и усядусь за свой собственный стол.

P. P. S.— Еще одно слово: Врублевский знает только двух поляков, набирающих по-русски; оба работают у него, но он готов ссудить их Вам.

Публикуется впервые *Печатается по рукописи*

Г. А. ЛОПАТИН — П. Л. ЛАВРОВУ

В ЦЮРИХ

Париж, 5 декабря [1873 г.]

Дорогой Петр Лаврович, вчера получил Ваше письмо и спешу сегодня же ответить на него хотя в нескольких словах, потому что расписываться в длину, ей-богу, некогда!

Кажется, что по поводу «Писем без адреса» [159] у нас вышло маленькое недоразумение. Вы и ранее говорили мне, что намерены напечатать их в

* Упомянутых здесь и ниже выписок из писем не обнаружено. *Ред.*

виде прибавления к «Вперед!». Но я под словом «прибавление» понял особую брошюрку, имеющую общего с журналом только одну фирму. Дело в том, что я имею un mandat impératif * со стороны лица, раздобывшего для меня эти корректурные листы, напечатать их: во-первых, *отдельной брошюркой*, и, во-2-х, как можно *скорее*. Несоблюдение последнего условия со стороны Маркса, Утина и К^0, т. е. двухлетняя затяжка издания, и дали мне приличный предлог вытребовать манускрипт от Утина. Поэтому меня немало смутили Ваши слова, что отдельные оттиски будут выпущены в свет лишь *«через некоторое время»* по выходе 2-й книжки. Я также думаю, что первоначальный владелец корректурных листов будет неприятно поражен тем, что статья эта появится первоначально в журнале, где она, так сказать, затеряется в массе другого материала; между тем как она, хотя бы только с исторической или чисто библиографической точки зрения, заслуживает отдельного издания. Все это тем неприятнее, что первый хозяин манускрипта ** не замедлит узнать и об известных 800 фр. и о том, что Утин не прочь был издать манускрипт *немедленно* и притом *отдельной брошюркой*, как это он толковал мне словесно. Мое личное положение во всей этой истории будет довольно неловкое. Сделайте милость, голубчик, выручите меня как-нибудь! И почему бы Вам не отпечатать этой статьи особой брошюркой, с надписью на обложке: «издание редакции «Вперед!»»? Ответьте мне на этот вопрос поскорее; так как в случае несогласия с Вашей стороны я должен буду списаться с С.-Петербургом, а мне не хотелось бы откладывать этого дела в долгий ящик.— Формату я тоже придаю большое значение в деле распространения издания. Если бы брошюрка была издана в формате русского паспорта или известного «Песенника» (Гольденберга), то ее можно было бы рассылать в обыкновенных письмах. При Вашем шрифте в брошюрке ни в каком разе не будет более полутора печатных листов. Я не думаю, чтобы при ничтожности разделяющего нас расстояния пересылка корректуры, под бандеролью, могла бы представить какое бы то ни было практическое затруднение. Я не нахожу, чтобы корректура у Вас была недостаточно внимательна; но в некоторых случаях я нахожу ее несколько своеобразной. Неудивительно, что после всех волнений, которых мне стоило приобретение манускрипта, я забочусь даже и о внешности издания, по отношению к которой я всегда был немного педант. Впрочем, в случае чего я готов и поступиться *этой* просьбой; во всяком случае, я надеюсь, что Вы не усмотрите в ней ничего неприятного или обидного для редакции?

Посылаю Вам начало корреспонденции [162], чтобы Вы не подумали, что я хочу совсем отлынуть от нее. Через несколько времени пришлю и окон-

* — наказ, поручение. *Ред.*
** — Н. Ф. Даниельсон. *Ред.*

чание, где сообщу все, что знаю о Щапове, Кувязеве, Николаеве, Страндене, Ермолове, Юрасове, Васильеве, Загибалове, Шаганове, Климове, Дядине, Ишутине, Худякове, Федосееве, Марксе, Маевском, Кузнецове, Николаеве, Успенском, Прыжове, Обручеве, Васильеве и Баллоде. Видите, сколько имен! Что касается до «Не-Наших» [163], то я положительно не успею написать о них ко второй книжке журнала. Хотите верьте, хотите не верьте,— но я до сих пор еще и не начал своего перевода. К своим тридцати письмам еще и не приступал. Из Петербурга от меня каждый день требуют разных сведений, а я отвечаю только одним красноречивым молчанием.— Так как сведения, сообщенные мною в моей корреспонденции, не совсем свежи, то я советую Вам сделать к ней такую оговорку: «Корреспонденция эта была получена нами уже после отпечатания «внутреннего обозрения» первой книжки, а потому не могла быть помещена ранее, как во второй книжке». Из тона корреспонденции Вы увидите, что я старался скрыть, что она писана *мною.* Я имею на это много причин, но распространяться о них теперь некогда, да и не стоит.— Предоставляю на Ваше собственное благоусмотрение решение вопроса о том, насколько полезны подобные корреспонденции для упоминаемых в них лиц, и не могут ли они повести к каким-нибудь неприятным последствиям для этих лиц; не составляет ли *забвение* самой лучшей услуги, какую мы только в состоянии им оказать? и т. д. Я не берусь решать эти вопросы.— Я предоставляю Вам также полную carte blanche * по отношению ко всем изменениям, которые Вам угодно будет сделать в моей корреспонденции, за исключением, конечно, фактической стороны.

Вы желали иметь подпольные произведения московской прессы? Я получил два из них. Первое (in quarto) есть тот же «мученик Николай», только озаглавленный просто: «Как жить по закону природы etc.» и начинающийся словами: «иди же в народ...», а потому я и не посылаю Вам его. Второе прилагаю здесь. После просмотра Вы возвратите мне его вместе с письмами кёнигсбергского жида к Элпидину. Как видите, ни одно мое письмо к Вам не обходится без более или менее увесистых приложений.

Если бы Вы сказали, что Вы не писали мне за неимением времени, за многочисленностью и разнообразием занятий, я нашел бы такое возражение вполне веским и безусловно удовлетворительным. А то ведь выдумали же Вы, Петр Лаврович, будто Вы не знаете моего адреса! Побойтесь бога! «Устыдися, Сидоне! рече море». Вы отлично знали, что я остановлюсь у Корали. Вы отлично знали, что письмо, адресованное к Корали, разыскало бы меня всюду, где бы я ни был. Призываю Вас раскаяться и взять назад Ваши слова. Впрочем, в настоящую минуту я могу сообщить Вам мой

* — свободу действий. *Ред.*

собственный адрес, приобретенный мною лишь третьего дня, вот он: г-н Лопатин, 29 Rue Gay-Lussac, Hôtel Gay-Lussac, Chambre № 47. Paris.— Как видите, я прописался на собственное имя. Я даже написал сначала в графе — «Ваше общественное положение» — эмигрант, а в графе — «Место, откуда Вы прибыли» — Иркутск, но, подумавши, решил, что это ненужное ни к чему шутовство, а потому переправил эмигранта на студента и Иркутск на С.-Петербург. Видите, как я становлюсь благоразумен и осторожен! — Ну, прощайте.

Лопатин

P. S. Подолинского видел только на одну минуту. Сегодня, вероятно, увижусь с ним толком. Но я видел его раза три бегущим по улице с Идельсон, а потому не думаю, чтобы между ними дело шло на разрыв. А впрочем, аллах их ведает! — Послания Вашего к парижанам еще не читал.— Разъяснения истории с шифрованным посланием жду в следующем же Вашем письме. Все сие пишу на особой страничке и притом вверх ногами, так как Вы, может быть, не найдете нужным передавать эти места на прочтение в Бюро редакции.

Поклоны.

Публикуется впервые — *Печатается по рукописи*

Г. А. ЛОПАТИН — П. Л. ЛАВРОВУ

В ЛОНДОН

[Париж], 27 октября [1874 г.]

Отсылаю немедленно корректуру.— Посылаю две выписки из писем Зины. *Щекотливое* письмо переписал *сам.*— Я вкладываю все это в корректуру в той уверенности, что свертки, адресованные на *Ваше* имя, вскрываются *Вами.*— Список книг Зине послан немедленно. Не можете ли Вы сообщить мне: *какие* русские журналы и газеты получаются при редакции и есть ли надежда, что они будут продолжать высылаться в будущем году? Или об этом тоже надо хлопотать? Это спрашивает Зина.— В известиях из Иркутска есть не мало неверностей. Например: Черкезов был отправлен в Томск *вовремя.* Но его *снова привозили* в Москву и допрашивали по поводу распространения им запрещенных произведений печати *на месте ссылки.* Теперь его заслали куда-то *дальше.*— Каторжным дается довольствие *натурою.* Если же оно и заменяется иногда («в пути следования» или по личной просьбе) *денежным* довольствием, то в Сибири *нет* дачи менее

гривенника в сутки. Я это знаю хорошо. А потому история о *2 к.*— вздор. Довольствие *собственной* пищей тоже *не* запрещено ни законом, ни обычаем.— Я убежден, что фразы о *поляках* в *такой редакции* произведут самое неприятное впечатление на польскую демократическую прессу. Автор точно *завидует* полякам или *досадует*, что им больно уж хорошо. Вы наживете себе врагов вместо друзей в польском лагере ни за понюшку табаку. Автор написал бестактную фразу; а редакция, по-видимому, проглядела ее (поправьте, если можно).— Что это за «Osten»? — Я уверен, что Ваша «программа» [164] имела бы *большое* распространение, а не 50 читателей, хотя бы Вы вручили ее только *двум хохлам.* Между прочим, и мои дамы сильно зарились на нее; так что я имел тайное поручение задержать ее для переписки во время пересылки.— Я не понял, почему Вы полагаете, что мое присутствие на «совещании» могло бы быть *вредным* в каком бы то ни было случае? Вы, кажется, опасаетесь, что я *нападу* на Ваших *единственных* активных друзей и *раздражу* их? Это опасение неверно. В *практических* делах я считаюсь с жизнью, какова она есть, и действую с *тактом*, стараясь быть как можно более *осторожным* и провести свою идею самым мягким образом. Это *только Вам* я говорю иной раз об этих людях таким *простым* языком.

Энгельс прислал мне сам свою статейку [165]. В письмах, которыми мы обменялись по этому поводу, он уверяет, что он старался быть сдержанным и не хотел всерьез использовать данное положение. «...Однако это совершенно не входило в мои намерения. Напротив, я смягчил настолько, насколько это было возможно, потому что после того, как я внимательно прочитал памфлет «Русской социально-революционной молодежи» [166], я действительно больше не мог иметь претензий к нашему другу * за его необычайно резкие и действительно не имеющие оправдания выражения, которые он употребил в отношении нас. Что касается меня, *мы квиты*, и я готов пожать ему руку в любой момент, если он отнесется ко всему этому так же легко, как я» **. Я надеюсь, что ни он, ни Марксы, ни ***Юнг*** (особенно), ни даже Ваши (хотя это мало существенно) не узнают, что я сообщал Вам отрывок из *частного* письма, писанного *мне* о *Вас?*

Деникер стоит в Вене вследствие полученного им письма, ожидая выяснения арестов в Астрахани (его родина) и в Санкт-Петербурге между его близкими приятелями. Пишет, будто арестован Чайковский (то же сообщает Дементьева, и это, по-видимому, вернее его нахождения за границей). Пишет, что в Санкт-Петербурге арестован какой-то Литошенко (прилагаю факсимиле, ибо разобрать не мог: такой бабий почерк!) и Шмаков (последнее известие не имеет за себя никаких *верных* ручательств).

* — П. Лаврову. *Ред.*
** Слова Энгельса Лопатин цитирует по-английски. *Ред.*

Говорят, он ужасно *доволен* Вашим приемом (Вы не насмешничали над ним, как я, а толковали *серьезно* и *по душе*, до чего весь этот люд большой охотник); и все говорит, что он *постарается* помочь, чем может (могу тоже) *...

Полностью публикуется впервые *Печатается по рукописи*

Г. А. ЛОПАТИН — П. Л. ЛАВРОВУ

В ЛОНДОН

[Париж], 19 декабря [1875 г.]

Вчера вернулся из Женевы. Сегодня весь день писал в С.-Петербург, так как отъезд помешал мне ответить на очень важное письмо оттуда, касавшееся между прочим моих денежных дел (говоря к слову, денег у меня в настоящую минуту почти нет, но Зина получила свое жалованье). Не сердитесь, что не писал из Женевы: у меня не было собственного угла, где бы приткнуться со своими мыслями; я не писал даже Зине, даже в С.-Петербург, как ни важно было для меня это последнее письмо. К тому же мои письма к Вам могли быть приняты за «донесения». (Мое молчание наделало в С.-Петербурге переполоху между моими приятелями.) Чтобы поскорее сообщить Вам новости, я нарочно передал их Розалии Христофоровне **, проездом через Берн. Беда, как скучно и трудно рассказывать. А съездить к Вам не по средствам. К тому же Вы скоро увидите Н. ***, от которого и узнаете все на свете. Меня вызывали вот для чего: товарищи Кл. желают вызвать его из Сибири, так как он им нужнее в С.-Петербурге, но он не трогается с места без моего согласия; так они желали, чтобы я скрепил их последнюю телеграмму. Но все это *строго между нами.* Не подавайте и Н. виду, что Вы знаете об этом. Для всех, кроме Вас, я ездил просто повидаться с Н. По-видимому, слияние между Вашими и радикалами на практике осуществилось уже вполне. Н. деятельно занят организацией и разъезжает и собирает единицы, рассеянные в провинции и за границей. Все печатное дело хотят, по-видимому, сосредоточить в Лондоне, у Вас. Гольденберга закроют. Им, кажется, недовольны. Н. страшно раздражен против Кравчинского за его письмо к Вам. Говорит, что эти взгляды *его* и что он не имел права выдавать их за взгляды кружка и в частности Кл. Они говорят, что Кравчинский испортился, зазнался за границей. Его вызвали из

* На этом письмо обрывается. *Ред.*
** — Идельсон. *Ред.*
*** Очевидно, М. Натансона. *Ред.*

Италии в Женеву для намыливания ему головы. Его ждали там в пятницу или субботу. После свидания с ним Н. едет немедленно в Лондон, вероятно, через Париж. Он сообщил между прочим, что перед его отъездом Вам было выслано 500 руб., я изумляюсь, что они до сих пор не получены. Боюсь, что вместо векселя их вздумали послать на руках или контрабандно. Я знаю, что таким образом *заблудились* две суммы (в 800 и 300 руб.), посланные «Работнику». Впрочем, в разговоре с Н. Вы не упоминайте ему об этих двух суммах. Вообще, как можно меньше подавайте виду, что Вы знаете что-нибудь через меня: пусть сам рассказывает. Постарайтесь сойтись с ним: он человек очень влиятельный между своими, неутомимый и энергический. Особенно славится он по денежной части: в нужную минуту он всегда добудет нужную сумму, хотя бы пришлось вырыть ее из-под земли. Элпидин просит попросить у Вас экземпляр Ваших изданий для женевской библиотеки, т. е. и толстые томы и газету; газету, если можно, библиотека желала бы получать в двух экземплярах: одного (личного элпидинского) не хватает на желающих. В библиотеке много читателей из «общества», которые скрывают свои имена и берут «Вперед!» только тогда, когда в комнате нет публики. Адрес: Bibliothèque Russe 98, Rue de Rhône, Genève.

Если на Durham Road получатся письма на имя G. Stone, Вы будьте так добры, что распорядитесь переслать их мне, не вскрывая, так как там могут быть не одни корреспонденции, но и личные письма ко мне. Спасибо за портреты. Почем Вы заплатили за них? Кажется, за копии с меня брали по 2 шилл., так что с пересылкой я буду должен Вам около 9 шилл. Ответьте, и я внесу эту сумму во франках в кассу Юнга.

Получил письмо от Маркса [128]. Он послал мне окончание французского издания «Капитала», но оно не дошло до меня. Сегодня или завтра напишу ему сам.— Очень может быть, что Н. будет называть себя в Лондоне, как и в Женеве, Марковым, хотя у Вас это будет совсем не у места. Avis * — Первый номер «Набата» должен появиться на днях, а может быть уже и появился. Общество, собранное Ткачевым и Элпидиным, выбрало комиссию для приведения в порядок документов и составления доклада, но он еще не готов. Я виделся с Ткачевым. Он теперь очутился в порядочном уединении. Все время проводит почти исключительно с Турским, да с Ждановым, о нравственности которого ходили в мое время в Москве самые ужасные слухи. Росс тоже разорвал с ним. В библиотеку Росс тоже не вмешивается ни в одну. Он показался мне не таким страшным, как на портретах. Впрочем, он теперь обуян духом терпимости и любви: даже во «Вперед!» кое-что очень подхваливает. Не советую Вам нападать на него в присутствии Н.

* — Предупреждаю. *Ред.*

(хотя они и не особенно сошлись): сочтут за личное озлобление. Он жмется теперь к народникам. Собирается в Россию (строго между нами).— Ваши письма перечитал только здесь. О журналах и газетах я уже написал сегодня в С.-Петербург. Жаль, что Ноэль * не составил списочка тех изданий, которые уже получались и которые желательно бы было получать. Я предупреждал его, что мой приятель — человек забывчивый.— О Ваших делах тоже писал еще раз сегодня.— Социологию издает *один* патрон, без Крема.— Юнг почти наверное не поедет в Берн: денег мало. № 23 получил, прочел только передовицу, которая мне понравилась, да свои корреспонденции. В «Из Иркутска» [167] я позабыл сделать сноску к Березовскому: «по справкам, забранным по нашей просьбе нашими с.-петербургскими приятелями, этот господин уже приехал туда и поселился на Б. Морской. №№ дома и квартиры мы не могли разобрать».— Ну, да это вздор. Чем трудно наклеить дюжину вот таких [ ] карточек на дюжину №№? Впрочем, это тоже неважно. Какую «бабу» Вы похерили? Это попадью-то? Ну, бог с Вами.— Желательно было бы узнать что-нибудь поподробнее о польском скандале. Были ли замешаны в него и русские? Кому писали Маркс и Энгельс по этому поводу? — Женевцы очень интересуются запиской Ткачева к Вам (я говорил им о ней со слов *самого* Ткачева): им хотелось бы видеть ее раньше составления своего доклада. Но это едва ли ловко. Простите беспорядочность изложения и могущие быть упущения. Спешу отправить письмо как оно есть. Что вспомню после, напишу в другой раз. Я нарочно передал все Розалии Христофоровне под свежим впечатлением, чтобы она могла передать поскорее. Пока прощайте. Поклоны.

P. S. Что это 6-й выпуск Спенсера не появляется до сих пор?

На стр. 375 5-го выпуска есть такая фраза: «the priest offered a hymn to thee, o Soma, for great strength and food». Как думаете, что значат последние слова: 1) за твою великую силу и питательность? или 2) прося у тебя силы (здоровья) и пищи?

Там же, на стр. 400, есть фраза: «Ten long snows the Coyote is in falling». Как следует понимать ее? 1) есть ли здесь snow какая-нибудь мера времени или пространства? или ее следует перевести так: 2) через десять толстых слоев снега пролетел Койот? или же так: 3) десять раз принимался идти снег, и шел подолгу, а Койот все летел вниз?

Полностью публикуется впервые — *Печатается по рукописи*

* — В. Н. Смирнов. *Ред.*

Г. А. ЛОПАТИН — П. Л. ЛАВРОВУ

В ЛОНДОН

[Париж], 28 февраля 1876 г.

Какая же такая потеря времени в том, чтобы встретить Вас на станции? Бог с Вами! — Что касается до того, какой поезд взять и в каком часу явиться, то все эти вопросы Вы легко можете выяснить себе еще в Лондоне, рассмотрев внимательно дорожный указатель. Если же явитесь неожиданно, то лучше приезжайте прямо к Зине (5, Rue Soufflot au 3ème, parte à droite)! Я там бываю чаще, чем у себя. С чего Вы взяли, что я живу в 28, Rue d'Ulm? Это — «дела давно минувших дней». Я живу в 25, Rue Gay-Lussac, au 5ème au dessus de l'entresol. Там тоже будут даны приличные распоряжения.

Не побываете ли Вы перед отъездом у Маркса? Месяца два тому назад Фриц* прислал ему XXIII-й том «Податной комиссии» (8, кажется, книг[168]) с просьбой вернуть ему эти книги по прочтении через меня. А меня он просил доставить их ему через какого-нибудь верного путешественника, так как книги не принадлежат ему и хозяин не знает, что они ездили за границу. Маркс пишет, что он покончил с ними[128]. Так не привезете ли Вы их с собой мне? Дело в том, что в конце марта или начале апреля я мог бы их отправить с одним барином, а до того времени я успел бы прочесть их сам. Вы возьмете их только в таком случае, если он *совсем* окончил их.— № 1 «Journal of Mental Science» получен в С.-Петербурге, «Nature» начала получаться с №, помеченного 17 февраля. Не можете ли Вы написать в ее редакцию, чтобы она послала снова первые недошедшие номера, буде они уже вернулись назад, или же выслала вторично эти №№ (если они не возвращались) и написала бы Вам, сколько ей надо приплатить за это. Вы отдадите ей, что следует, а я расплачусь с Вами здесь. Это уж последнее распоряжение по этой части, о котором я прошу Вас.— Представьте себе, я получил в ответ на мои письма две фирменные бумаги от с.-петербургского почтамта, которыми он уведомляет меня, что неправильно заадресованные мною письма доставлены по новому данному мною адресу. Не прогресс ли это?! Конечно, у меня есть полный экземпляр «Вперед!».— Кто это помешался на Вашем журнале? Вот теперь Вам придется отвечать на страшном суде перед богом как писателю известной Крыловской басни! — Что это Вы вздумали болеть? Надеюсь, что у Вас, как у всех нервных субъектов, внезапно налетевшая болезнь и прошла также внезапно и что Вы теперь совсем здоровы? — Прилагаю «официальное отношение» в «Правление по книжному делу». До свидания.

Публикуется впервые *Печатается по рукописи*

* — Н. Ф. Даниельсон. *Ред.*

Г. А. ЛОПАТИН — П. Л. ЛАВРОВУ

В ЛОНДОН

[Париж], 1 марта 1876 г.

Очень рад, что Ваше здоровье поправилось.— Конечно, если вы *обманете* и приедете *ранее* назначенного срока, то это не сочтется за обиду.— Но мне кажется, что взглянув в указатель, заметив часы отхода поездов и разницу цен, можно заранее предвидеть свое решение.— Газеты Вам будут приготовлены. Кроме того, один из Ваших заграничных поклонников приготовил Вам маленький сюрприз в виде книжки, которую Вы давно желали иметь.— Вы, кажется, поняли меня так, что «Nature» стала получаться с №, помеченного 17 *января*, между тем как она стала приходить с №, помеченного 17 *февраля*; так что недостает №№ от 1 (буде он был), 6, 13, 20, 27 января и от 3 и 10 февраля, т. е. от 6 до 7 №№ (я сомневаюсь в существовании № от 1 января).

Мне помнится, что в XXIII томе не более 8 книг.— Я буду покупать теперь не «Rappel», а «Les Droits de l'Homme» (орган наш и других наикрайнейших). «Rappel» будет покупать Юнг, так что «Вперед!» будет получать три французских газеты. До свидания.

Маркс пишет [128], что Вы привезете мне его index raisonné *, который он собирался приложить к французскому переводу «Капитала».

Публикуется впервые — *Печатается по рукописи*

Г. А. ЛОПАТИН — П. Л. ЛАВРОВУ

В ПАРИЖ

[Верне-Монтрё], 17 апреля [1878 г.]

Во-первых, простите за бесконечное и неприличное молчание. Главная причина его лежит, по обыкновению, в душевных настроениях, о которых, право, не стоит распространяться.

Получил я на днях письмо от Энгельса [169], в котором он пишет между прочим: «Передайте от меня большой привет Лаврову. Я с удовольствием отметил, что его прекрасная статья в последнем выпуске «Вперед!» была переведена в «Vorwärts», она произведет соответствующее впечатление [170]. К сожалению, у меня немного побаливает глаз, и это мешает мне читать по-русски, от русского шрифта у меня всегда болят глаза; будем надеяться, что болезнь не затянется» **.

* — указатель содержания. *Ред.*
** Слова Энгельса Лопатин цитирует по-французски. *Ред.*

Я отвечал ему, что я не знаю, какая статья «Вперед!» была переведена на немецкий, но я знаю, что там не было ни одной Вашей статьи, так как Вы оставили редакторство и не сотрудничаете довольно давно.— Писал он мне для того, чтобы спросить у меня карточку осужденных женщин по процессу 50-ти [171] для альманаха Бракке на 1879 г. Он требует от меня также статейки об этом процессе или о русском движении последнего времени, страниц в 16 большого формата, с платой в 160 марок = 200 фр. Я передал это предложение сегодня, вместе с письмом Энгельса, Ноэлю *. Он лучше знаком с биографией 50-ниц, чем я; у него есть под рукой материалы по процессу, который он уже обрабатывал однажды, наконец, ему легче писать по-немецки, чем мне по-французски или по-английски. Я советовал ему дать статейку в лист с небольшим о всех процессах последнего времени, со времени возникновения «народничества», то есть о ходе развития социалистического движения в России за последние годы (ну, хоть с возникновения «Вперед!»). Не знаю, согласится ли он. Было бы странно отказаться; ведь это входит в его специальность. Если он откажется, обращусь к Аксельроду. Я, конечно, не имел и мысли тревожить этим Вас. Это было бы неловко. Энгельс мог и сам обратиться к Вам. Очевидно, что он считал это слишком мелким для Вас, то есть делом так называемых «молодых людей». К тому же и плата чересчур уж скромна для Вас. Да и Вы никогда не согласились бы, при Ваших теперешних планах и занятиях. Надеюсь, что я рассудил верно и не сделал неловкости, обратившись прямо к Ноэлю? Не правда ли? — Энгельс пишет, что в Англии видны все признаки приближающегося промышленного и торгового кризиса, который достойно завершит все частные европейские крахи: австрийские, прусские, русские и т. д. Пока сильно страдают две главные отрасли производства: хлопчатобумажная и железоделательная. Возможно, что общий крах отсрочится до августа или сентября.

Набатчики говорят, что следующий их номер (за много месяцев зараз) появится в виде «томика». Обещаются дать биографию Бетти Каминской, якобы написанную Бардиной и якобы очень интересную [172].— Видел я у них сам довольно подробный и довольно интересный отчет о деле Фомичева в Одессе.— Конечно, как только появится их книжка, я ее пришлю Вам немедленно, если только получу для себя. Прокламацию «К народу», конечно, не присылайте: что за охота спешить с прочтением глупости.— Я видел экземпляр прокламации (о Никонове), развешанной в Ростове, Одессе и Харькове: с типографской стороны она очень хороша. Бумага плоха. Видел у Григорьева.— При мне Эльсниц получил с проезжей опять кучу корреспонденций из России. Большая часть опять «вопли», малосодержа-

* — В. Н. Смирнову. *Ред.*

тельные и требующие сокращений. Но видно, что их поддерживают из России.— О разных перипетиях дела Засулич Вы, конечно, знаете из «Северного вестника»: по-видимому, в толпе убит брат Семяновского (осужденного «вперёдца»). Говорят, полицейские не стреляли, а убит он ошибкою из студенческого револьвера.— Фамилиант и Куликовский, говорят, освобождены.— Уехал ли Флотов? — А Драгоманов так и не пишет ни слова.— «Томик» «Набата», говорят, появится через неделю, но я плохо этому верю.— Турский беспрерывно рыщет по разным городам Европы (Лондон, Брюссель, Ницца, Вена и т. д.); денег у них явно пропасть; я все спрашиваю Григорьева, какие бумажки они теперь делают? Он говорит: «клевета!» — Капитану * предлагают теперь работу в типографии Трусова. Очевидно, что его хотят поставить на Герцена, ибо обещают верную работу в течение $1^1/_2$ года. Но Элпидин просил меня держать это в секрете; поэтому не говорите об этом ни Миллеру и никому другому. Это чисто коммерческая, а не тенденциозная типография, так что он мог бы работать там. Я передал ему сегодня это предложение через Ноэля.— Вообще, сегодня я собрался с мужеством и написал массу писем: Элпиде, Капитану, Ноэлю, Энгельсу, Жуевичу и Вам.— Письмо Жуевичу, ради экономии, посылаю через Вас: оно не спешное, и не беда, если будет передано не сейчас, а когда он придет к Вам на лекцию.— Писал ли я Вам, что Кулябко живет в Лейпциге и пишет там «политическую экономию» в 15 листов, а может быть и больше? Возможно, что Вы правы касательно связи парижских арестов с Гольдштейном. Здешние теперь думают то же. Г-жа Гольдштейн писала сюда, что ее ищут. Но здешние говорят, что ищут по карточке Вебершу.— Возможно, что шпион Педуссо, а не Цанарделли: ведь известие шло от *набатчиков*. Но мне помнится, что партия Косты распускала когда-то подобные обвинения против Цанарделли.— Говорят, что Куликовский и Фамилиант уже выпущены.— О Лобстере ничего не слыхал. Жаль бедняжку! — О деловитости хохлов рассказывают иной раз забавные вещи. Говорят, один из них доставил в Киев сколько-то «громадских» изданий, не утратив их, против обыкновения, в дороге и не бросив со страху в венской (?) гостинице (как Домантович). Затем он пишет жалобно Драгоманову: «Что же мне теперь с ними делать?! Напишите, ради бога, скорее!». Жаль, что я забыл его имя.— Очень Вам благодарен за расплату в R. Battoir. Гирш брал мой адрес, вероятно для пересылки письма Энгельса: конверт был из Парижа и заадресован рукой Гирша, хотя от него самого не было ни слова. При случае отберите у него Кальбарля. Но только *при случае*.— Ради бога, не забудьте уведомить меня, если Вырубов действительно очутится «крестным отцом»: это будет так пикантно, так очаровательно! —

* — М. И. Янцыну. *Ред.*

В начале апреля я стал было опять получать «France»; получал дней десять, а затем опять перестал, при случае бросьте, пожалуйста, в голову Вороповичу Вашим столом и матерным словом. Но сами все-таки газет мне не высылайте: я изворачиваюсь еще кое-как. Реклю вернулся, но я его еще не видел. Ужасно рад, что в «Отечественных Записках» появилась интересная статья [173].— Ну, больше у нас новостей нет и говорить не о чем. Поэтому дружески обнимаю Вас за себя и за Зину и умолкаю.

Г. Л.

Полностью публикуется впервые — *Печатается по рукописи*

М. М. КОВАЛЕВСКИЙ — П. Л. ЛАВРОВУ

В ПАРИЖ

Лондон, 27 августа 1879 г.

Многоуважаемый Петр Лаврович!

Не писал Вам все это время, предпочитая переписке личное свидание. Надеялся быть в Париже в течение августа. По причине затянувшихся работ принужден пробыть в Лондоне еще с месяц. Не знаю, имел ли я случай благодарить Вас за Вашу статью о Лекки. Она была прочтена всеми с большим интересом и вызвала в каждом из членов редакционного бюро весьма понятное желание почаще видеть имя Столетова на страницах «Критического Обозрения» [174]. Не сделаете ли Вы чего-нибудь для скорейшего удовлетворения этого желания или лучше сказать этой потребности?

Наш общий приятель Маркс на время отлучался из Лондона, прожил в Джерси с дочерью *, теперь уехал в Рамсгет, куда приглашает и меня. Я, вероятно, побываю у него на днях. В июле мы очень часто виделись и нередко беседовали о Вас. Что поделывает Иван Сергеевич Тургенев и не надеется ли он обрадовать москвитян и петербуржцев новым приездом в Россию? Вырубов, слышу я, уехал в свое имение. Не имеете ли известий о Лопатине [67]? Я имею честь перепроводить Вам мою книгу [175] и очень был бы рад иметь Ваше суждение о ней.

Прося Вас принять уверение в своем глубоком к Вам уважении, остаюсь

Ваш *М. Ковалевский*

Публикуется впервые — *Печатается по рукописи*

* — Элеонорой. *Ред.*

Н. В. ВАСИЛЬЕВ — В. Н. СМИРНОВУ

В ЛОНДОНЕ

Лондон, 15 ноября [1879 г.]

Сейчас только сообразил (экой..!) *, что может быть непутное дело писать на своего рода «документиках». Виноват.

Только что получил письмо от Маркса [128], зовущее в воскресенье в 2 часа на обед. Здесь произойдет представление, т. е. в смысле ознакомления с почтенным семейством.

Новости коммерческие: получил 2 ф. ст. за 8 уроков. Все ученики довольны, кажется, уроками — да я готовлюсь и преподаю систематически и, кажется, не скучно.

Публикуется впервые — *Печатается по рукописи*

Л. Н. ГАРТМАН — П. Л. ЛАВРОВУ [176]

В ПАРИЖ

Лондон, понедельник [15 ** марта 1880 г.]

Добрый друг Петр Лаврович!

Сейчас получил Ваше письмо и рекомендацию к Марксу [177].

Можете ли поверить, что *рекомендация к Марксу*, т. е. не суть рекомендации, которую я не читал, ибо не понимаю, а самый факт рекомендации к Марксу меня *огорошил.*

Когда я писал Вам, я слышал имя Маркса и Моста, слышал бессознательно, ибо не знать, кто тот и кто другой, я не мог.

Добро бы, думаю я, к Мосту, ну а к Марксу — это что-то уже крупное и очень крупное.

Премного благодарен Вам. Я хочу воспользоваться пребыванием в Лондоне, чтобы все внимание свое напрячь на саморазвитие, и, если я лишен здесь Ваших указаний и мнений, то благодаря Вам же, приобретаю новую помощь столь же сильную, как и Ваша.

После этого я могу уже с бо́льшей уверенностью сказать, что вернусь в Россию с большим и более основательным запасом знаний, чем выехал из нее.

От своей просьбы относительно присылки «Вперед!» я отказываюсь, ибо не хочу, во-1-х, лишать Вас, а, во-2-х, сам могу достать его в Британском музее, билет в который я достал уже. Относительно Васильева скажу Вам, что его в Лондоне уже нет, а где находится склад — я еще не узнал.

* Слова в скобках написаны неразборчиво. *Ред.*

** В рукописи число указано неразборчиво, видимо 15 марта, которое приходится на понедельник. *Ред.*

С Либерманом я уже познакомился, но не как Гартман, а как Сомов, теперь же познакомлюсь с ним окончательно, благодаря Вашему письму.

Что сказать мне относительно желания Жюля Лаффита?

С моим адресом поступите как знаете, ибо я здесь-то уже никак не боюсь ничего. Но что касается московского дела [178], то это не моя воля. Кто знает: может быть питерцы находят более удобным молчать об этом? У меня есть, т. е. я могу найти лишь одну причину, которая побуждает молчать: то, что неизвестно людям непосвященным, представляется более грандиозным делом и, следовательно, рекомендует социалистов как силу.

Конечно, можно написать и в этом духе, но все же — я покорный слуга моих питерских товарищей, и все, что может вызвать во мне сомнение относительно их одобрения — все это я не трону.

У меня есть тема не менее интересная, чем самое московское дело. Тема эта — нравственное и экономическое состояние России — как я это лично наблюдал. Многие факты заслуживают внимания. Я Вам об этом не говорил, но не потому что хотел скрыть, а просто за недостатком времени. Такую же статью я приготовлю и пошлю «Voltaire». Ее я предназначаю исключительно для денег.

Но и в этом случае я не дерзаю сделать ничего самовольно. Чувство товарищества в общем деле развито у меня, может быть, не нормально; но лучше я ошибусь в эту сторону, а не в другую. Я желал бы прислать мою статью Вам или кому Вы укажете на просмотр; на просмотр в тех видах, чтоб не вкралось ничего, могущего заслужить такое неодобрение. Ради этой статьи я и просил «Вперед!», Петр Лаврович! *Если Вам случится* писать в [Женеву *], передайте от меня поклон Вере Ивановне и Кравчинскому. Относительно 1000 экземпляров скажу опять: делайте, как знаете, Вашему мнению я доверяю безусловно и Вас послушаюсь, ибо судить сам об этом не могу. Что скажете, то и сделаю, а сам мнения своего высказывать не буду. К репортеру «Voltaire» в Лондоне не думаю идти, ибо переписываясь с редактором, я, наверное, уже не скажу ничего неосторожного, а разговаривая с репортером — это еще вопрос.

Мой адрес: 42, Wharton Street. King's cross road Street. John Soomoff. Я живу против Линева.

Вы можете писать мне прямо по моему адресу.

Но у меня есть еще одно дело до Вас. Прошу простить мне: длинным письмом я отнимаю у Вас время.

На 18 число я приглашен на банкет в память Коммуны [179]. Приглашен не как Гартман, а как Сомов. Фамилию свою я намерен скрыть, но может статься, будут догадки. Против этого я, конечно, не гарантирован.

* В этом месте рукопись повреждена. *Ред.*

На банкете будет наверное несколько сот коммунаров.

Некоторые виды, хотя ничуть не эгоистичные (в этом, я надеюсь, Вы мне поверите), толкают меня на то, чтобы сказать несколько слов на этом банкете. К сожалению, я не успел написать моей речи *вполне* (т. е. докончить ее) и послал ее в Париж с Преферанским. Он должен показать ее Вам.

Хотелось бы сделать что-либо полезное для России. Но надо сказать меньше, сжато, ясно и во французском духе.

Если Вы одобряете мой план, исправьте мою речь, измените, дополните и, если не будет времени, поручите Кл — ку * перевести и послать мне обратно к 17 числу утром.

Преферанский увез отсюда Chromograph. Он предназначает его для России, но не будет ли он полезен для Вас при ваших работах. Вместо печатания, дорого стоящего, Вы в несколько минут можете снять произвольное число оттисков. И дешево и мило. Образцы работы Chromograph'а также увидите у Преферанского. А в случае понадобится новый желатиновый слой, я вам вышлю, ибо стоит он недорого.

Жму Вашу руку

Глубокоуважающий Вас

Алхимик **

Публикуется впервые *Печатается по рукописи*

Л. Н. ГАРТМАН — П. Л. ЛАВРОВУ

В ПАРИЖ

[Лондон, между 23 и 28 марта 1880 г.]

Добрый друг Петр Лаврович!

Писать Вам у меня есть много о чем, но едва ли успею написать все, что имею. Сегодня получил Ваше письмо вместе с бумагами, полученными Вами из Министерства. Прошу Вас сжечь все, что осталось у Вас из бумаг. Но я вновь и вновь усердно прошу Вас прислать мне Вашу заметку по поводу русского движения, т. е. письмо Ваше в Россию, с которого я снял копию и лишился ее; 2-ое — проект Интернационала.

Постараюсь Вам характеризовать сперва мое положение. Можете ли поверить: со дня, когда у меня был репортер «Voltaire» Петилло (23 числа), я получил 8 писем от разных репортеров с просьбой доставить им возможность меня видеть. Агент «Central News» просто до бесстыдства надое-

* Имя расшифровать не удалось. *Ред.*

** Псевдоним Л. Гартмана. *Ред.*

дает, так что сегодня я ему посылаю грубейшее письмо, после коего он, вероятно, не будет приставать. Всем репортерам я вежливо отказываю, но репортера «Voltaire» я *принял* (!!!!) и сообщил нечто. Вы прочли наверное. Я не получил 50 фунт. ст. за статью, а мне предлагают 50 фунт., если я напишу что-либо о московском деле [178] или хотя бы о пребывании в Париже. Но согласитесь: писать о московском деле и притом в «Central News». Это последнее есть не более как агентство, собирающее новости и рассылающее их в газеты; это, проще сказать, лавочка мелочная, в которую идут люди, чтоб что-либо продать. В этом случае каждому будет понятно, что я продаю свое дело, если отдаю статью о московском деле или о пребывании в Париже в «Central News». Я, конечно, отказался от предложения, не желая компрометировать себя и русских социалистов.

Был у Маркса. Принял меня очень любезно и говорил, что желал бы видеть меня поскорее. Говорил с ним немного. Тут же была его дочь *, и потому больше переливали из пустого в порожнее, но я сказал, что имею много о чем переговорить.

Вы видите, Петр Лаврович, что шум обо мне не унимается: все кричат и кричат и, кто знает, может быть крик продлится еще недели 2. Я был 18 марта на французском банкете [179], и меня встретили там с таким сочувствием, что мне просто было совестно за себя. Чуть ли не на руках носили. Посетил я *своего сотоварища по службе — президента банкета.* (Ведь я был избран помощником президента и по уходе последнего восседал на его месте.) Курьез. Посетил Брусса, Дарделя — оба французы и народ очень хороший. Сделал еще массу визитов к французам, и везде меня принимали очень хорошо. Во всех вообще визитах я соблюдаю английский обычай посылать по почте письмо с карточкой. Так я сделал и с Мостом, но он сам пришел ко мне. Был он у меня и другой раз. Он просит меня характеризовать ему настоящее русское движение и цели революционеров. Вам известна, конечно, статья Бебеля во «Freiheit» [180]. Я сильно затрудняюсь, ибо нахожусь между двух огней. С одной стороны, террористы со своим недавним воззванием: «дайте нам конституцию и мы положим оружие» [181], со своей программой в «Народной Воле» № 3, с другой стороны — народники. Вывертываться приходится. С Бруссом вел продолжительный разговор о планах французских социалистов, с Мостом же не говорил. Получил сегодня письмо от Маркса [128], в коем просит прийти на будущей неделе. Тогда узнаю его мнение о русском и французском и немецком движении. До каких курьезов доходят люди, можете судить уже по тому, что репортер «Voltaire» спрашивал моего мнения относительно современных политических комбинаций и того, как они могут разрешиться.

* — Элеонора Маркс. *Ред.*

Мост пристает ко мне с просьбою, чтоб я сказал на немецком собрании речь и дал ее во «Freiheit». С одной стороны — это чуть ли не выше сил моих, ибо надо сказать не фразы, которые я говорил на французском банкете, а что-либо существенное, в видах пропаганды; с другой стороны — сделать это существенно необходимо.

Вы, конечно, понимаете, что огромная известность, слава, которою я пользуюсь теперь, вовсе мною не заслужены. Но что же поделать, ведь не я ее вызвал! Мне остается теперь быть только крайне осторожным и в затруднительных случаях просить помощи товарищей; ибо, если я поставлю себя плохо, выйдет скандал для всех русских социалистов.

Но я хочу воспользоваться положением, чтобы сделать возможно больше в видах пропаганды. Находите ли Вы меня способным, чтоб приняться за дело, о коем мы говорили с Вами в Париже, т. е. насчет Интернационала? Я начну с французов, а с немцами подожду. В этом случае я буду, как говорится, точным исполнителем всех Ваших указаний, ибо вполне разделяю Вашу программу.

Подожду еще недели две, три и, очень может быть, прилечу к Вам в Париж на один, два дня. Считаю существенно необходимым переговорить лично с Вами и Жоржем *. Что Вы на это скажете?

Был я у г-жи Дориалли. В первый раз, когда я ходил к ней, я не застал ее дома. Я ходил к ней тогда, имея нужду в записке ее к редактору «Daily News», чтоб поместить свое опровержение. Повторяю, я не застал ее дома и, когда я возвратился, я увидел, что в газетах напечатано уже мое опровержение. Я получил от нее письмо, где она просит прийти к ней, назавтра. Я был во второй раз, но уже цели прямой не было. Я говорил ей, зачем собственно я к ней приходил и что если она имеет знакомство, то может мне сделать облегчение в другом случае, дав мне письмо в «Daily News», чтоб я мог поместить туда мою статью. Хотя я и понимал, что в последнем случае ее письмо не может иметь серьезного значения, но сказал, имея в виду Ваше письмо к ней.

Впрочем, теперь я могу уже иметь доступ в какую угодно редакцию, и больше мне ничего не нужно.

Сегодня я был на Главной почте, где нашел много писем с выражением сочувствия, адресованных «Мейеру — Гартману до востребования». Тут же письма репортеров, корреспондентов.

Теперь расскажу Вам о мистификации. Но прошу не писать об этом никому в Лондон, а что не надо этого говорить в Париже — Вы и сами понимаете. «Central News» по прибытии моем в Лондон послало от себя две визитных карточки: одну к Мосту, другую к Рейтеру — немецкому со-

* — Г. В. Плехановым. *Ред.*

циалисту. Карточки были посланы в тех видах, что если они найдут меня, то передали бы эти карточки мне. Тогда-де, если я явлюсь в агентство «Central News», не будет сомнений в моей личности. Один из немцев социалистов украл ту карточку у Моста и с подложной рекомендацией от Моста явился в «Central News», и в результате — статья. Вот и все. Но дело в том, что без скандала не обойдется. Имя мистификатора известно «Central News», и, следовательно, пойдет молва о социалисте-мошеннике на весь мир. Нет возможности остановить скандал, остается лишь ждать его. Мост, как видите, может быть сильно скомпрометирован. Я не могу писать Вам бóльших подробностей, ибо *писать* опасно о таких вещах, но когда увидимся, расскажу.

Но что мне сказать о немцах-социалистах здешних? Хуже их трудно кажется и найти. Это что-то не имеющее ничего общего с русскими революционерами, тем более по нравственности.

Вот Вам факты:

Вчера приходит ко мне некто Гарри Каулиц — немецкий социалист — сотрудник «Freiheit», недавно прибывший в Лондон и сидевший в берлинской тюрьме. Он принес мне рекомендацию от Моста. Разговор он начинает насчет статьи, которую бы они, редакторы «Freiheit», желали бы иметь от меня. Он высказывает свой план: мы, т. е. он и редакция, пошлем-де эту статью в берлинские, венские, английские, французские газеты и в один день с ними напечатаем ее у себя. Таким образом мы заработаем много денег, часть которых можете взять и Вы, т. е. я. Я говорю ему, что это похоже очень на мелочную продажу, на торговлю совестью человека, что это компрометирует меня и я не хочу этого. Но это не унимает его. На следующий день он приходит ко мне с агентом «Central News» и уговаривает меня написать для «Central News» статью. Это-де единственное средство избавить социалистов-немцев от скандала. Агент мне говорит: он был обманут немцами-социалистами и оттого он потерпел нравственно и материально, он скомпрометировал себя тем, что его сообщение оказалось мистификацией, и, чтобы поправить свою репутацию, он должен опубликовать все детали дела, т. е. обмана, которого жертвою он сделался (прибавлю, что устами я Вам рассказал не все: самое грязное я не пишу). Но, говорит агент, он может заменить эту публикацию имен и их обмана кое-чем иным, если только я ему пособлю. Если я ему дам хотя маленькую статейку, то он, поместив ее во все журналы, как сообщение от «Central News», восстановит свою репутацию и преследовать немцев, оглашать скандал не будет.

Как ни скандально для меня отдавать свои статьи в «Central News», однако же я не рискнул тут прямо отказать, имея в виду, что я могу избавить социалистов от скандала. Я не сказал ни да ни нет,— подумаю-де.

После этого, вечером, опять приходит ко мне Каулиц и поет уже так. Вы отдайте вашу статью (ту, которая предназначается, чтобы избавить немцев от скандала); вы отдайте ее, говорит он, нам, немцам. Мы пошлем дубликаты ее в другие французские и немецкие газеты, их подлинник отдадим в «Central News», так что сразу и избавимся от скандала и *заработаем для «Freiheit»* деньгу. Я объясняю ему, что если он и тут думает делать *гешефт*, то я ничего не напишу. Вечером в тот же день узнаю следующую штуку немцев: в их предположении было запутать меня в скандал и этим способом вывернуться. Не правда ли, хорошие люди?

Но это еще не все.

В первый визит Моста с Каулицом он поднимает разговор о том, чтобы я сказал речь в немецком клубе. Они просят меня в таком случае уведомить их о том по крайней мере за 2 недели. Зачем? — спрашиваю я. А вот зачем: они наймут зал, разошлют повсюду объявления, пригласят стенографов, репортеров, с коих за позволение войти в зал возьмут приличную плату, назначат плату за вход в зал, а речь заранее разошлют в английские, французские, берлинские и венские газеты, так чтобы она была напечатана и у них, во «Freiheit», и во всех столицах. Они заработают деньгу. А за что же возьмете вы с репортеров и стенографов деньги? — спрашиваю я. Ну, в таком случае репортеров не надо, или пусть делают, как знают.

Ну, есть ли тут хоть доля чувства собственного достоинства, чувства гордости своим положением, как социалиста? Я пишу только Вам и никому больше, ибо боюсь огласки, скандала.

Жму Вашу руку.

Л. Гартман

В воскресенье я переезжаю на другую квартиру. Моя хозяйка узнала, что я Гартман, и боится меня и гонит с квартиры. Немедленно по переезде пришлю Вам мой новый адрес.

Публикуется впервые *Печатается по рукописи*

С. А. ПОДОЛИНСКИЙ — П. Л. ЛАВРОВУ

В ПАРИЖ

Монпелье, 24 марта 1880 г.

Посылаю Вам, Петр Лаврович, мою работу «о труде» [182], которую я только теперь получил. Будьте так добры, пришлите мне адрес Маркса: я хочу ему послать, так как вещь прямо к нему относится и несомненно вызвана в моем уме теорией прибавочного труда.

Вчера я получил от Малона письмо. Не надеясь, видно, на Вашу статью, он просит меня взяться за эту работу. Если он откажется, то напишите мне, и я возьмусь тогда только за Украину и Польшу. Жму Вашу руку.

С. Подолинский

Публикуется впервые *Печатается по рукописи*

Л. Н. ГАРТМАН — С. Л. КЛЯЧКО [183]

В ПАРИЖ

Лондон, 5 мая 1880 г.

Друг и голубчик Клячко!

Приготовьтесь, вооружитесь терпением, чтобы выслушать меня до конца. И *прежде чем прочитаете это письмо, удержитесь распространять фотографии.*

В половине марта я получил от П. Л. Лаврова письмо некоего англичанина Кокера, живущего в Лондоне и адресовавшего свое письмо на имя Засулич в Женеву. Он предлагает Засулич устроить в Лондоне Комитет русских революционеров для сбора пожертвований в пользу русского революционного движения. Письмо это, посланное от Засулич к Петру Лавровичу на его усмотрение и решение, переслано им мне в тех видах, нельзя ли что-либо сделать. Конечно, Петр Лаврович высказал мне свое мнение, находя, что дело устройства Комитета было бы хорошее. Это — первое, что подало мне повод к работе с целью создания Комитета. Женевцы, заведя со мною энергичную переписку, выработали уже план организации Комитета, выработали план его работы. В Лондоне я переписался неоднократно с Кокером, говорил об этом много раз с Марксом, с Рансимэном и его другом — редакторами двух еженедельных изданий, с которыми я здесь близко сошелся, говорил с Юнгом и с десятком других людей. Передам Вам дело в подробности. Я пишу Вам, хотя письмо это относится столько же к Вам, как и к Петру Лавровичу. В сущности, я бы хотел писать ему особо, но это было бы повторением одного и того же два раза. Я прошу Вас по прочтении этого письма сделать все, что необходимо, и сейчас же переговорить с Петром Лавровичем, передав ему это письмо. Пока, полагаю я, желательно было бы, чтобы все, что я пишу, было известно лишь Вам да Петру Лавровичу и больше никому. Я никому не писал и не буду писать об этом в Париж. Каждый раз, как я узнавал, что Дориалли едет в Париж, я шел к ней

и рассказывал подробности дела, чтоб она передала их Петру Лавровичу, но до сей поры она не уехала и до сей поры я не писал.

Вот сущность дела: Кокер на мой вопрос ответил, что лучше всего рядом публикаций в английских и французских газетах объявить об основании в Лондоне Комитета русских революционеров, цель учреждения коего — сбор пожертвований на помощь русскому социально-революционному движению, ссыльным, заключенным и т. д. Помимо непосредственного сбора пожертвований надо вести лекции публичные о России, о социалистах, о народниках, о взаимоотношении между ними и правительством русским. Англичане, конечно, будут смотреть на это дело, говорит Кокер, как на благотворительное, и не замедлят жертвовать и платить за вход на лекции по 5—10 фунтов. Кокер не сомневается, что этим путем можно бы в течение 2—3 недель получить 10 тысяч фунтов. В Комитете должны участвовать одни русские: Засулич, как председатель, Лавров, я, Кропоткин и другие; денежная отчетность — публичная. Полезно рядом с лекциями вести издание брошюр, журнальных статей, фотографий казненных и их биографий и т. д. Все это было бы принято всеми, с кем я ни говорил и о коих я упоминал выше; а между этим — все англичане придавали полную веру возможности получения такой суммы, как 10 тысяч фунтов. 15 мая будет 2 месяца, как я изо дня в день возился с этим делом, бегая по разным людям и знакомым, коих у меня теперь прорва. Между тем оставался один вопрос, который предстояло решить и решить который нельзя было положительно. Мне писали из Швейцарии: не верим, чтобы сочувствие Англии к социалистам было столь постоянно, не было бы вызванным лишь временными явлениями — взрывом Зимнего дворца [184] и моим делом [178]. Посему, де, не надеемся и на хорошую получку денег. Кропоткин говорил, что не хочет ехать из Швейцарии, когда дело еще столь неопределенно. Засулич говорит, что не может ехать, ибо больна. Петр Лаврович взялся за Русскую социально-революционную библиотеку; между тем победа либеральной партии окончательно обескуражила женевцев, швейцарцев, и они решили отложить было Комитет до более удобного времени. К тому же представлялись еще и другие трудности: Петр Лаврович находит, что если Маркс и Кропоткин будут в одном деле, то они не уживутся. Это уразумел и я, когда поближе узнал Маркса.

Третьего дня, т. е. 3 мая, вечером часу в восьмом я получил сразу 3 письма из Женевы, Шамбери и Кларана. Точно определяю время, ибо это важно, чтобы показать Петру Лавровичу, уяснить ему последующее. Все три письма были согласны, одинаковы по характеру, по духу, по сущности предложения, выраженного в них. В них предлагалось разузнать здесь, в

Лондоне, у сведущих людей — англичан, насколько бы удобно было, полезно для социалистов России, в денежном отношении, *издавать в Лондоне газету*, примерно, под именем «Нигилист». Вечер 3 мая, весь вчерашний день и весь сегодняшний (теперь полтретьего ночи) я употребил на беготню по городу, был у 2-х моих близких знакомых редакторов, был у Маркса, у Юнга и у 5 лиц еще. Не упоминая, ради сокращения изложения дела, *кто* что мне говорил, я скажу лишь, что говорили мне *здесь в Лондоне* и что писали мне из Швейцарии, иначе не буду высказывать отдельных мнений каждого спрошенного, а выскажу все мнения (кроме мнения Маркса) в общей массе. Мнения, для облегчения изложения буду передавать как положения:

1. Назовете ли газету *«Нигилист»* или иным именем — не так важно, но нигилист — имя интересное Западу, и потому желательно употребить его.

2. Газета будет еженедельная. В случае не окажется на первое время возможности выпускать ее еженедельно, не повредит делу выпускать первые 4, 5 номеров каждые две недели, а потом еженедельно.

3. При газете образуется *«бюро»* для сбора пожертвований. Впоследствии, через 2, 3 месяца, когда ожидается перемена политических обстоятельств в Англии, или при удобном моменте, вызванном делами в России, бюро преобразуется в Комитет и организует публичные лекции.

4. Бюро учреждается как агентура газеты и как место сбора пожертвований, в Париже у П. Л. Лаврова и в Женеве при «Révolté».

5. Впоследствии, смотря по местным условиям, эти бюро могут также организоваться как комитеты и вести лекции.

6. Газета «Нигилист» есть агент русской социально-революционной партии.

7. Об этом должно быть опубликовано в газетах Парижа, Лондона и Женевы.

8. Конечно, цели существования 3-х бюро и газеты — чисто денежные — на помощь революционному делу России, на помощь сосланным и заключенным, на издание теоретических и народных книг и периодических изданий, внутренних и заграничных.

9. В этих видах и в видах внушения доверия обществу Запада к нам денежные отчеты газеты и 3-х бюро должны публиковаться.

10. Газета не имеет целью проводить идеи социализма. Ее цель — показать Западу истинную картину состояния России, ее классов, партий, взаимных их отношений и т. д.

11. Она должна, вместе с тем, преследовать цель — вызвать сочувствие Запада к социалистам, или (если не брать этого термина) к партии борцов против русского правительства. Она должна, посему, ударять на чувства людей.

12. Она имеет тесную связь с Парижем, Женевой и Россией, публикует новости из России — одновременно с английскими газетами, а новости революционные и раньше их. Она получает из России все подпольные тамошние издания, прежде чем они вышли там в свет, и публикует их в одно время с публикацией их в России. То же по отношению к русским изданиям в Париже и Женеве.

13. «Нигилист» следит за периодическими изданиями Парижа, Лондона и Женевы и все, касающееся России и помещенное в них, или подтверждает, уясняет, исправляет, опровергает.

14. В случаях особенной важности она получает телеграммы о новостях из России.

15. «Нигилист» должен поставить себя так, чтобы Запад видел в нем близкого к русскому движению, чтобы Запад видел в нем лучший, правдивейший источник сведений о России и новости, особенно революционные, черпал бы не от своих петербургских корреспондентов, а от «Нигилиста».

16. «Нигилист» заключает в себе фельетон, как особый отдел. Это будет что-либо переводное с русского: рассказ, роман, легенда и т. д. и т. д.

17. В случае расширения распространения «Нигилиста» он принимает пестрые объявления.

18. «Нигилист» выходит с фотографией в каждом номере. Фотографии (или обыкновенные или по способу Вюдбюри) казненных, умерших, сидящих в тюрьмах и т. д. и т. д. и их биографии.

19. Как приложение к «Нигилисту», выходят гравюры или литографированные картины, изображающие наиболее бьющие на чувство минуты жизни социалиста (сюжеты, конечно, не определены еще), крестьянина, рабочего и т. д. и т. д.

20. В случае, если местные кружки найдут удобным, желательно, чтобы и в Париже и в Женеве стал бы выходить «Нигилист», который может даже представлять чистейшую копию одного и того же оригинала. В таком случае все 3 «Нигилиста» выходят в один и тот же день и в один час.

21. Формат «Нигилиста» — это «Pall Mall Gazette» с 8 страницами (т. е. тетрадка с 8 страницами такой ширины, как этот лист, на коем я пишу, но подлиннее).

22. Рядом с газетой или предшествовать, или то и другое вместе будут выпускаться в свет брошюры такого же рода, какой программы держится газета, и вообще хотя почему бы то ни было, лишь бы можно было ожидать успеха. Брошюры украсятся фотографиями. Брошюры, выпущенные в свет до издания газеты, будут служить для добычи средств (2 брошюры уже готовятся в Женеве).

23. Газета должна получать все издания революционные подпольные из России и русские из Женевы и Парижа. Должна получать русские газеты, телеграммы какого-либо агентства, английские, французские и швейцарские газеты.

24. Кто будет редактором? Единогласное мнение всех — Засулич. Под ее подписью выйдут первые брошюры, выйдут первые статьи газеты. Передовицы будет составлять Кропоткин, который приедет сюда (решено окончательно) к 5 июня; Засулич приедет к 20 июня.

25. Никто, кроме русских, не может писать в газету, быть членом бюро и т. п.

26. В случае передовица не должна будет, по обстоятельствам, представлять живого интереса минуты, может она писаться в Париже Петром Лавровичем или в Женеве кем-либо.

27. Как составители статей главнейшие предполагаются с уверенностью в том: П. Л. Лавров, Кропоткин, ... *, Стефанович, Морозов, Плеханов, Вы и другие. Как составители отдела *разных* мелочей — живущие в Лондоне.

28. Как переводчики статей — предполагаетесь Вы, Чайковский, Кропоткин, Дориалли (если будет здесь), мисс Маркс — с французского оригинала (дала согласие и сама вызвалась на это), Линев — в случае некем заменить его и наемный кто-либо в случае понадобится; наконец, Броше — очень хороший переводчик.

29. Администрация, то есть хозяйственная часть — [Смирнов] ** и кто еще будет в состоянии. (Желательно — насколько это будет возможно — снять это дело с Линева. Во всяком случае это может быть его единственным делом.)

30. Самая важная часть — это чтобы тон, характер статей соответствовал духу английскому. В таком разе люди, нуждающиеся в том или желающие, получат помощь Маркса (дано положительное обещание). Энгельс, друг Маркса, будет пособлять тоже.

31. Говорить об организации сношений с Парижем и Женевой пока еще нечего — Вам и Петру Лавровичу надо быстро рассмотреть это дело.

32. Сношение с Россией, об организации и планах этих сношений, [об упоминаемых] ** наших просьбах и т. д. в Россию написано 4 раза из Женевы *вполне подробно и точно* $1^1/_2$ недели назад.

33. Из Женевы начнут приезжать через месяц.

34. Статьи для газеты будут готовиться на месте, в Женеве и в Париже, и присылаться в газету или в переводе или в оригинале.

Особенно светлыми очами смотрит на дело Маркс. Впрочем, нет человека здесь, который бы сомневался в успехе газеты. Маркс говорит, что

* Имя написано неразборчиво, возможно, Дейч. *Ред.*
** Слово в скобках написано неразборчиво. *Ред.*

газета вызовет громадный к себе интерес, что первый номер надо сделать стереотипным и выпустить в 15 тысяч экземпляров. В случае требования — 2-й выпуск. Цена номера с фотографией не менее 3 пенсов, если не 4. Он предложил мне познакомить меня с Энгельсом, его другом, чтоб я мог пользоваться помощью последнего, о чем он сам будет просить его. Я долго говорил с Марксом по поводу средств на издание. Завтра утром назначено у меня свидание в типографии, где печатался «Вперед!». Все переговорю завтра же, все узнаю, все определю. Пойду с Линевым. Смету составлю в пятницу. В воскресенье пойду к Марксу. Вопрос об этом поднял сам Маркс. Он просил меня составить поскорее примерную смету издания и прислать поскорее ему. Из всего вижу, что он рассчитывает достать нам средства у Энгельса. Мнение Маркса о величине выпуска газеты и цене ее разделяют и другие. Юнг, с коим я сегодня вечером говорил о Комитете (о газете не хотел говорить, ибо знаю Юнга, как врага Маркса), говорил, что может достать денег. Он ходил со мною сегодня же вечером для этой цели к одному своему приятелю — крупному богачу, пособляющему здесь крупными суммами немцам (прежде прибывавшим; новым тоже дал денег), но мы не застали его дома. Рансимэн — редактор, с коим я близко, дружески сошелся, и его товарищ, тоже редактор, предложили в помощь нам *«время, труд и деньги»*. Завтра я с ними вновь увижусь.

Должен кончить работу, ибо иначе письмо это не придет к Вам вовремя. Первый номер желательно было бы выпустить в конце мая, хотя бы и не приехал из Женевы никто. При помощи Маркса, Рансимэна и многих других, при заготовке материала в Женеве и Париже это, кажется, удастся.

Теперь просьба: 1. Петр Лаврович и Вы обсудите дело, не откладывая его. Скорее и скорее. Напишите без недомолвок, но полностью.

2. Желательно знать, будет ли Петр Лаврович, Вы и Чайковский участвовать, в какой мере.

3. Будет ли Чайковский в состоянии приехать сюда, если это понадобится, если на это добудем денег? Какие работы он может взять на себя?

4. Можете ли Вы, Клячко, приехать сюда? Сколько времени надо Вам, чтобы собраться, от момента, когда приезд Ваш потребуется? Ваша роль, как знающего английский язык, кажется мне более определенна.

5. Что Петр Лаврович полагает относительно всего высказанного выше? Чем бы он мог участвовать, желал бы участвовать?

6. Попросите князя *, не передавая ему, если будет можно, сути письма, не может ли он приняться за рисовку пары картин, чтобы приготовить их хотя в 2 недели? Сюжеты — сами выберете. [Виды лица, с виселицей и

* — П. Кропоткина. *Ред.*

окружающее ее]* — этот сюжет считают здесь наиболее подходящим. Размеры желательно тоже немалые. Впрочем — сами разберете.

7. Последняя и самая важная просьба: приостановите продажу фотографий, вам заказанных, постарайтесь получить обратно все фотографии, какие Вы раздали уже кому-либо, постарайтесь, чтобы фотографии не попали в какой-либо журнал, чтобы не попали в Лондон. Подождите недели 2 и выпустим в одно время и здесь — с газетой и у Вас — отдельно. Пришлите мне, сколь возможно, скорее штук 10 кабинетных фотографий, все негативы на стекле, о коих Вы пишете, все подлинные фотографии. Я получил фотографии новые, которых у Вас нет, то есть иных лиц. Особенно прошу Вас устроить дело с фотографиями, прислать мне, сколь возможно, скорее все по части фотографий, а штук 10 из них — кабинетных фотографий. Не поленитесь сделать, переговорить с кем нужно, обсудить все поскорее. Жду ответа.

Целую Вас, друг,

Ваш *Л. Гартман*

Полностью публикуется впервые *Печатается по рукописи*

Л. Н. ГАРТМАН — П. Л. ЛАВРОВУ

В ПАРИЖ

Лондон, 8 мая 1880 г.

Добрый друг Петр Лаврович!

Садясь за стол, читаю Ваши письма. Просто испугался, что я наделал. Вы пишете о присылке избирательного листка, и вдруг я молчу так долго! Ну, дело испорчено и непоправимо. Остается только писать Вам теперь, хотя оно, может быть, и поздно. Поверьте, состояние мое было такое, что черт возьми. Теперь я свободен, исправился и опять буду отвечать по совести.

Ниже избирательный листок, а теперь о мелочах. Либерман брошюры получил. Присланные для Маркса брошюры, т. е. вырезки из «Отечественных Записок», возвращаю. Жду от Вас же вырезки из январской книги «Отечественных Записок» для Маркса — «Задолженность русского землевладения» [185]. Получили ли мое открытое письмо с адресом моим?

* Слова в скобках написаны неразборчиво. *Ред.*

Не откажите прислать мне программу Р.С.Р.Б.*, и если можно, то в 2-х экземплярах, второй — для Маркса. Первую программу, что Вы прислали мне уже давно, он взял у меня и не отдал, да я получил ее из Женевы и возвратил Вам, согласно Вашему желанию.

Будет ли мне возможно получить от Вас Вашу Коммуну? [109]

Кланяйтесь от меня Дориалли.

Жму Вашу руку.

Л. Гартман

Публикуется впервые — *Печатается по рукописи*

Л. Н. ГАРТМАН — П. Л. ЛАВРОВУ

В ПАРИЖ

Лондон, 12 мая 1880 г.

Добрый друг Петр Лаврович!

Оба Ваши письма от 8 и 9 мая я получил. Отвечу сразу на все. Последние дни, исключая субботы, я получаю в день по 10, 12 и сегодня 18 писем. Потому и целую неделю ничего, кроме писем, не пишу, не занимаюсь. Самое важное в конце, теперь же ради уяснения этого важного сообщу Вам отношения мои к разным лицам. Первое дело — женевцы. В своих письмах они категорически заявили, что Кропоткин приедет через месяц, что они обязываются доставлять статьи для «Нигилиста» и вышлют мне все русские подпольные и женевские издания. Что же вышло? Вместе с Вашими письмами я получаю и от них. Кропоткин *отказывается* ехать, приедет, *может быть*, через 3 месяца. Мы, говорят они, берем на себя (Дейч, Стефанович, Морозов, Плеханов, Засулич) приготовлять статьи для «Нигилиста», но за аккуратность не ручаемся.— Именно то, что Вы писали. Я ставил условием, чтобы они прислали мне русские подпольные и женевские издания, *и они обязались*, а прислали только «Общину» за 78 год. Дело, как видите, повернуло в другую сторону. Однако они горячо настаивают на том, чтобы издавать «Нигилиста», и уговаривают меня взяться за это дело вместе с Линевым и Марксом. Кстати сказать: желал бы, чтобы все, что говорю о лицах, осталось бы лишь между нами. До сей поры смущал меня Линев. Этот человек, когда раз в 2 недели затратит полчаса на то, чтобы написать для меня английское письмо, намекает мне, *что желал бы получить с меня плату за труд*. Это какая-то скотина. Когда речь шла о газете, о Комитете, он держал себя просто подло. С таким человеком трудно уживаться и трудно что-либо сообща предпринимать. По крайней

* — Русской социально-революционной библиотеки. *Ред.*

мере вижу, что ни уступчивость, ни настойчивость с ним не пособит и вести дело с ним нельзя. Его может вполне заменить Клячко.

Кстати сказать Вам: на днях получил от питерцев (прямо от них) письмо. Вот что они пишут: «С тобою какой-то шпион. *Это факт*. Всякое слово долетает до здешних ушей». Вот слова их непреувеличенные, неуменьшенные. Только два лица, с коими я вижусь постоянно: Либерман и Линев. Первого никоим образом не подозреваю. Второго — могу. Ни тот, ни другой не пользуются особым доверием и немного интересного слышали от меня, разве только пустое. Кроме этих 2 лиц, есть еще Брусс и Маркс и Броше. Ни того, ни другого, ни третьего подозревать немыслимо. Удивительная алчность Линева к деньгам дает повод подозревать его. Можно бы было предположить, например, такую штуку, что Либерман болтает обо мне другим, но не может он болтать уже потому, что буквально ничего не знает. Не знаю, почему (ибо серьезной причины нет к тому), но только у меня не было до сей поры и нет охоты говорить с ним о каких-либо вещах. Он даже о «Нигилисте» и Комитете ничего не знает еще. Что интересного я получаю, я тоже не показываю ему. Быть может, причиною таких отношений (вовсе, впрочем, не натянутых, а дружеских) есть его связи с немцами, на коих я смотрю не так-то хорошо.

Мисс Маркс дает мне уроки английского языка, я ей — русского, Маркс учится читать по-русски. Какие-то причины есть к тому, что Маркс особенно любезен ко мне. Теперь я хожу к нему 4 раза в неделю, и, если я не приду иной раз, он зовет меня письмом. Масса удивительных курьезных обстоятельств, фактов показала бы Вам яснее мои с ним отношения, но говорить о них не стоит. Гуляя вчера по парку, он высказал следующее о «Нигилисте». Он советует завести тесные сношения с Россией, запастись книжным материалом и тогда начать издавать «Нигилист». Выписывать сюда людей, редактора — по его мнению неудобно: если «Нигилист» провалится, то потерплю я один, в том же случае, если приедут сюда для «Нигилиста» люди, то пострадают они еще больше меня: им вновь надо искать потерянную работу, вновь тратиться на проезд, через третье лицо, говорит он, Вы (т. е. я) будете сносно объясняться по-английски и мочь переводить с английского. Тогда при помощи Лаврова, некоторой помощи женевцев вы будете в состоянии вести «Нигилист». Я (т. е. он) пособлю, что понадобится, по части согласования духа статей с характером англичан, по части литературной отделки перевода и вы (т. е. опять-таки я) вместе с моею (его) дочерью справитесь с редактировкой «Нигилиста». Он упоминал опять и о том, чтобы никто из англичан не имел ни малейшего влияния на характер статей и журнала, чтобы не исказить русского духа.

Теперь Вы видите, как и что я могу сделать, с кем вести дело, когда начать, каковы мои теперешние средства и т. д., посему пройду молчанием

все, что Вы пишете о «Нигилисте» и Комитете. Особенно Ваше второе письмо очень важно для меня. В нем Вы проводите рубрики журнала. Я сохраню его ради будущей работы. Как для Вас ни тяжело будет впоследствии и как ни тяжело теперь читать массу писанного мною, но надо будет еще не раз к Вам обратиться. Теперь же еще рано. Я займусь теперь добычей материала, сношениями с Россией, собственной подготовкой и т. д. Кстати сказать: если уже не сейчас, то через несколько дней из России будет за границей один из террористов. Скорее всего он будет в Швейцарии. Но вот еще одно — Либерман поедет в Россию. Это решено *окончательно*. Через 2 с лишним недели он получит от наших из России деньги. Не будет ли у Вас чего для пересылки? Подготовьте. Отъезд, как здесь, так и везде, держится в тайне.

От Дилка на днях получил приглашение в гости. Просил прийти к обеду. Некоторые обстоятельства и между ними обещание, данное редактору знакомому — быть у него в тот день и, во-вторых, желание Линева тащиться к Дилку вместе со мною, чего я не хотел, принудили меня послать Дилку телеграмму, что быть у него я не могу, но не теряю надежду увидеть его в другой раз. В письме ко мне он говорит, что был за границей и потому долго не отвечал.

Вот теперь о «Черном переделе». Я писал Вам уже о нем. Теперь прибавлю: женевцы просили продать его в Британский музей, но не говорили мне, что перепечатают его. Я было пообещал продать, ибо находил лицо, могущее рекомендовать «Черный передел», как действительно русское подлинное издание, Британскому музею. Вместе с «Общиной» получаю и я «Черный передел» — перепечаток. Будь он 2-ое издание — другое дело, но он издан не как 2-ое издание. Теперь мне уже боязно и продавать. А тем более боязно просить кого-либо рекомендовать. Ведь это обман и подделка? Однако же надо спустить его как-нибудь ввиду того, что он, то есть деньги за него, предназначаются для Русской социально-революционной библиотеки. Думаю устроить это так, чтобы продать какой-либо редакции лондонских газет, но при этом чистосердечно высказать, что уже есть перепечаток. Посему не желательно, чтобы в каких-либо газетах появились части, извлечения из «Черного передела», прежде чем редакция, которая его купит, не напечатает его. Об этом я буду говорить со своим знакомым редактором в будущую субботу (через 2 дня), а окончательно устрою дело не ранее конца будущей недели, т. е. 23 числа.

С Либерманом и Марксом было действительно курьезно. Маркс не отождествляет его с Гуревичем, а относится к Либерману с некоторым сомнением в доброкачественности его ввиду дружбы его (бывшей) к Гуревичу и, во-2-х, потому, что знает Либермана за болтливого человека. Ввиду поездки Либермана не стоит ничего предпринимать. Если удастся, если будет

к тому повод, я и сам объясню все Марксу. Вам, мне думается, писать об этом Марксу неудобно, ибо все же Либерман остается человеком болтливым, как считает его Маркс, и Вы это не пожелаете же опровергать.

Повторю еще: если дело с «Нигилистом» — что очень желательно — осуществится, я буду надеяться на Вас, на Вашу помощь и руководство.

Радует меня Ваше сообщение о ходе предпринятой работы для «Fortnightly Review». Радует потому, что этим путем мы начнем заявлять Западу о своем существовании. Тем временем, пока окончится Ваша статья, пока будет переведена и напечатана, окончу и я работу свою, от которой оторвался на $1^1/_2$ недели и за которую берусь завтра с утра опять. Жалко лишь то, что «бегуны» Ваши пропали, а книга драгоценная. Если бы Вы, по миновании надобности, прислали мне, как пишете «Дворянство в России», был бы очень благодарен Вам.

Брошюра, которая готовится в Женеве,— касается отношений правительства к социалистам. Точной программы ее не знаю.

Теперь еще одно последнее дело: у Вас, слыхал я, есть много фотографий наших социалистов. Я веду теперь подготовку по изданию группы фотографической. Хотелось бы получить побольше карточек, чтобы выпускать группу за группой. Как только первая партия начнет хорошо расходиться, на сборы с нее издам вторую группу и т. д. У меня есть фотографии: Соловьева, Осинского, Антонова, Чубарова, Виташевского, 2-х Ивичевичевых, М. Субботиной и Мышкина. Есть его маленькая визитного формата группа 6 или 7 женщин. Нет ли у Вас каких-либо карточек еще, особенно женщин, которые пользуются особенными симпатиями Запада. Если есть и женщины (в формате визитных карточек) из группы 7, то и их. Я бы скоро снял здесь с них негативы и возвратил бы Вам.

Не будете ли добры дать Клячко те №№ «Земли и Воли» и «Народной Воли», где описываются дела: одесское на Садовой улице, киевское, в коем участвовали Валерьян Осинский и другие, дела, где участвуют остальные из 9 упомянутых выше лиц. Также, где биографии их. Клячко выписал бы из них все, что необходимо, и прислал бы эти выписки мне. Нужно будет составить биографии.

Скажите мне, пожалуйста, где я могу достать себе тот № «Jahrbuch» *, который я читал и где есть Ваш обзор русского социалистического движения?

«Pall Mall» и «Saturday Review» пришлю.

Жму Вашу руку *Л. Гартман*

Ваши книги по сектантству, конечно, я получил. Благодарю.

Публикуется впервые *Печатается по рукописи*

* — «Jahrbuch für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik» № 1, 1879 год. *Ред*

Л. Н. ГАРТМАН — Н. А. МОРОЗОВУ

В ЖЕНЕВУ

Лондон, 14 мая 1880 г.

Друг Николай!

Твое письмо я получил. И у меня накопилось порядочно материала, о чем бы поговорить с тобою.

Но прежде скажу тебе о кое-каких вещах.

Тебе известно, что после дела в Зимнем дворце [184] русское правительство пробовало делать в нескольких местах заграничные займы, но это ему не удалось. Ротшильд, например, прямо требовал конституции в обеспечение нового кредита. Русское правительство испробовало сделать *внутренний заем,* предлагая 150 руб. за 100 и чуть ли не 8%. Заем *провалился* окончательно, несмотря на массу проделок, пущенных, чтобы провести людей и реализовать заем.

По этому поводу целые огромные статьи в лондонских газетах. Маркс видит в этом факте знамение приближающейся революции и заслугу исключительно террористической партии. Он даже просил меня от его имени заявить Лаврову и русским социалистам, что террор русский считает единственно логичным, единственно практичным и возможным и полезным делом в России в настоящую минуту [116]. Он читает программу [113], что ты мне прислал. Окончательно он еще не высказался, ибо не кончил ее, но говорит, что все программы русских террористов замечательны своею практичностью, благодаря которой партия террористов и пользуется такою силою и влиянием.

$1^1/_2$ недели назад женевцы прислали мне воззвание, иначе объявление, об образовании в Лондоне и в Женеве комитетов для сбора пожертвований в пользу сосланных и заключенных русских социалистов. Объявление было подписано: Бохановским, О. Любатович и Засулич. Дейч, Стефанович, Эпштейн, Кравчинский — говорится в письме ко мне, остаются совещательными членами без права голоса в Комитете. Этим голосом пользуются лишь подписавшиеся: Засулич, О. Любатович, Бохановский, и предлагается подписать и мне. Меня, значит, просят подписать, означить мой адрес, как Лондонское бюро, перевести на английский язык и объявить в газетах Англии, Северной и Южной Америки.

До сей поры если англичане и предлагали нам заняться сбором пожертвований, так, никак уже не прямо, а косвенно: сбором за лекции, за фотографии, за брошюры и т. д. Тут же в объявлении о фотографиях и брошюрах говорится мимоходом, а на первом плане сборы пожертвований и притом в такое время, когда ни одна лондонская газета не напечатает этого объявления, ибо все сочувствие Англии теперь на стороне русского

правительства. Я послал это объявление им обратно, прося сделать поправки в вышеизложенном смысле, то есть, чтобы сборы пожертвований отошли, хотя бы по виду, на второй план, а на первый план — сбор за брошюры и фотографии и впоследствии за лекции. Ввиду препирательств их, которые делали они до сей поры каждый раз, когда в моем письме упоминалось слово террористы, я счел полезным заметить им, что не мешало бы подписаться *тебе,* ибо я вижу среди подписавшихся и среди *совещательных членов* одних лишь чернопередельцев. Я говорил, что на этом я ничуть не настаиваю, а лишь упоминаю. Что же касается меня лично, то подписываться под объявлением, имеющим целью сборы *пожертвований в Англии,* где на всякое пожертвование смотрят с отвращением как на подаяние, откуда бы оно ни просилось, я не считаю удобным.

В ответ на это письмо получаю новое. Меня просят *не подписывать* объявления, просят дать какой-либо лондонский адрес для Комитета и сделать все необходимое для того, чтобы Комитет пошел в ход, чтобы объявление было напечатано в газетах. Что касается опубликования объявления в Северной и Южной Америке, то это мне удастся, ибо есть у меня к тому пути, а в Англии и в Лондоне — нет: время не то. Во всяком случае, отвечаю я, я сделаю все, что могу, и от подписи с радостью отказываюсь.

Пишу об этом тебе в тех видах, что и ты, может быть, знаешь что-либо по сему предмету.

Теперь о другом.

Мое участие в Русской социально-революционной библиотеке в качестве имеющего право голоса в избрании редакции я сравниваю с положением мебели в комнате. Но, уж если попал туда, то буду и я участвовать. Я предложил к избранию тебя, Лаврова, Плеханова. При баллотировке Лавров получает 7, ты — 4, Плеханов и я (!! я-то!) по 3 и Драгоманов 4. Не знаю уже, кто и из каких злостных видов вписал меня тут же. Тебе, конечно, это известно, т. е. результаты баллотировки, но сегодня Лавров пишет мне следующее.

Избран он и ты. Драгоманов от перебаллотировки отказался. Следовательно, остается Жорж * и я. Теперь люди думают снять с Жоржа его голоса и *наложить на меня,* то есть чтоб к тебе и Лаврову прибавить еще и меня. Говоря искренне, это может быть полезно в том отношении, что я буду тут мебель и не больше. Посему, рассуди ты, пожалуйста, как быть, и делай, как знаешь. Мыслимо ли меня брать в редакцию! Ведь я там, что есть, плох буду. Во всяком случае, если уже у людей хватит дури избирать меня, то я заявляю наперед, что буду следовать *твоей политике,* то

* — Г. В. Плеханов. *Ред.*

есть что моя политика такова, как и твоя, ибо я террорист и, следовательно, соглашение с другими партиями тут лишь в той мере, в какой эти другие партии не будут стремиться захватить орган в свои *исключительные* руки.

Но повторяю, что я в теоретических вопросах не смыслю ничего, и потому чувствую, что буду вреден. Посему прошу тебя не соглашаться на избрание меня и об этом написать куда следует.

Публикуется впервые *Печатается по рукописи*

Л. Н. ГАРТМАН — П. Л. ЛАВРОВУ

В ПАРИЖ

Лондон, 28 мая 1880 г.

Добрый друг Петр Лаврович!

Ваше письмо получил и немедленно же написал в Женеву. Но нужно Вам сказать, что именно с Плехановым у меня прервана переписка, ибо он человек, с коим я не могу ладить. Переписку наиболее энергичную и дружескую веду с Морозовым, Стефановичем и Дейчем. От Дориалли письмо получил, благодарю ее за труд, который она взяла на себя. И ей и Вам отвечу обстоятельно, но на днях.

Был сейчас у Маркса. Он просит меня просить Вас дать ему «Отечественные Записки» за два последних месяца. В одной из этих двух книг, т. е. за май и апрель, есть статья (забыл ее заглавие) относительно экономического положения России, которую ему и надо прочитать [186]. Он говорит, что выписывать ему из Питера очень долго. Если есть у Вас «Отечественные Записки» за апрель и май или Вы можете достать, не откажите прислать или на мое имя, или прямо на имя Маркса: 41, Maitland Park Road Haverstock Hill.

Определите и срок, когда возвратить, если только можете прислать.

Жму Вашу руку

Л. Гартман

Публикуется впервые *Печатается по рукописи*

Л. Н. ГАРТМАН — П. Л. ЛАВРОВУ

В ПАРИЖ

Лондон, 3 июня 1880 г.

Добрый друг Петр Лаврович!

Извините меня, добрый друг, что я Вам так долго не писал: я решительно не имел времени: если бросить свою работу, будешь голодать, как я уже голодал 2 недели вплоть до сегодня, пока получил некоторую сумму.

Отвечу Вам сразу на 4 письма Ваших от 20 мая, 21 мая, 28 и 31 мая.

Статистический сборник пришлю я Вам с Либерманом. С питерцами можно будет переговорить без посредства Либермана. На днях приедет в Женеву один человек; я с ним и переговорю обо всем письмами. Я рассчитываю завести тесные сношения с Россией, и это мне уже обещают. Я уверен, что питерцы будут аккуратны.

На днях возвращу Вам вырезки из книг о бегунах. Вы пишете мне о покупке для Вас некоторых книг. Я буду покупать их и присылать Вам, если не все сразу, то по частям.

2-й том* Маркса выйдет еще не скоро. Весь материал и для 2-го и для 3-го обработан, готов, но ввиду того, что из России к Марксу прибывают все новые и новые книги, притом очень ценные, он не хочет ограничиваться тем, что рассмотрел и обработал.

Теперь относительно Плеханова.

С получением Вашего первого о нем письма я писал в Швейцарию в духе примирения. Я вместе с Вашим письмом получил письмо и от Морозова, и он писал мне о разногласии по поводу помещения статьи о движении. Надо, однако, Вам сказать, что я с Плехановым не переписываюсь. Это один из самых ярых противников террора, и потому ко мне он относится политически, а не искренне. Я не думаю, чтобы Вы добились от Плеханова чего-либо мирным путем. Разделяют ли его взгляды Стефанович, Дейч, Кропоткин, Кравчинский и другие, я не знаю, но с ними сговориться легче. Морозов высказывал мне когда-то, что с Плехановым ужиться трудно и потому если не сейчас, то в другой раз, а Вы порвете с ним связи.

Вы пишете, согласен ли был бы я войти в редакцию с *Вами, Морозовым*, если понадобится. Отвечаю — *согласен*. Отвечаю потому так, что знаю и Вас и Морозова.

В Берне есть мой приятель по прозвищу Титыч, по имени Юрий Тищенко. Я писал ему, раз получил письмо; на другое же мое письмо он не

* — «Капитала». *Ред.*

отвечает. Я предполагаю, что он уже не в Берне, ибо он хотел уехать оттуда на лето в Цюрих.

Соня Каминер знает его адрес и будет знать новый, если посылаемый окажется негодным.

Schwitzerland. *Bern.* Mme Severin im Botanischen Garten für Mme Battner. Передать Юрию.

Адрес, как видите, очень сложный. О передаче Юрию писать по-русски.

Однако он, как я могу видеть, окончательно отбивается от всякого участия в делах эмигрантов. Это уже видно и из того, что он никому не пишет, ни в какие дела не вступает. Я говорю — от дел эмигрантов, но не от русских дел, с коими он остается тесно связанным. Я пишу ему сегодня и поговорю обо всем, что считаю нужным.

Извините за краткость. Просто неспособен писать.

Жму Вашу руку.

Л. Гартман

P. S. Еще одна просьба к Вам вдобавок ко всему, чем я Вам, должно быть, уже надоел. Может быть, среди книг Вашей библиотеки найдется и такая, как физика Гано и химия Менделеева на русском языке? Может быть, эти книги можно где-либо достать в Париже? Получив их, я мог бы считать себя некоторым образом *способным к труду,* ибо теперь без книг, без орудий труда я не могу заняться своей специальностью — гальванопластикой, чтобы составить себе из нее ремесло.

Я получу эти книги из России, но едва ли ранее $1^1/_2$ месяцев. Тогда я возвращу их Вам.

Л. Гартман

Публикуется впервые *Печатается по рукописи*

Л. Н. ГАРТМАН — П. Л. ЛАВРОВУ

В ПАРИЖ

Лондон, 20 июня 1880 г.

Добрый друг Петр Лаврович!

Ваше письмо я получил. Прошу извинить, что не отвечал немедленно, хотелось вдуматься в дело, а там и воскресенье подоспело.

Прежде всего скажу Вам о самом главном.

Как мне ни смешно очутиться вдруг редактором, но я очутился. Признаться, диву даюсь я, что никого нет в редакции из чернопередельцев.

Это даже наводит на мысль: не в самом ли деле программа их столь не соответствует обстоятельствам времени, что не находит поддержки среди эмигрантов. По крайней мере, Маркс не смотрит на партию чернопередельцев как на партию *живую* — употреблю это выражение, ибо то, что не может в настоящее время жить, т. е. работать, пропагандировать,— и не живет.

Я, признаться, не знаю, через какие периоды времени будет появляться на свет божий Р.С.Р.Б.*; полагаю же, что раз или два в год и не больше, ибо и на это средств не хватит, пожалуй.

Ваше мнение относительно роли редакции по отношению к авторам статей наводит меня на следующую мысль: может ли редакция ограничиваться рассмотрением статей только с 2-х точек зрения: насколько статья литературно годная и насколько она социалистическая. Конечно, по отношению к этим двум сторонам всякого труда достаточно мнения одного компетентного в этом лица, но, думаю, может быть еще и 3-ья сторона.

Представляю себе случай, когда Подолинский пожелает поместить в Р.С.Р.Б. статью, подобную той, которая помещена им в «Revue socialiste» [187], статья, конечно, и социалистическая и литературно годная, но она представляет еще нападки на партию террористов и притом самого грубого свойства. Смирнов не может обходиться без сильных выражений, когда говорит о террористах, а многие террористы не могут обойтись без ироний и едкостей, говоря о чернопередельцах. Плеханов, наверное, не пощадил бы террористов, дай ему только полную волю к тому в Р.С.Р.Б.

Говорю все это к тому, что в журнале, открытом для всех партий, не должно быть допускаемо нападок одной партии на другую. Я говорю лишь свое личное мнение, не выдавая его за неоспоримое. Я ничуть не хочу сказать, что критическое отношение партий к программе другой партии не уместно в Р.С.Р.Б., но где спокойная, неоскорбительная, не позорящая критика и где нападки — это можно видеть, лишь читая самую статью, и наперед нельзя установить споры. Представляю себе случай, когда террорист изберет для просмотра своей статьи террориста же Морозова, например, как террорист Морозов может не заметить ничего такого, что будет найдено неудобным для печати, когда будете просматривать статью ту Вы. И, конечно, террорист выберет прежде всего Морозова и обойдет Вас.

Я полагаю, что излишне читать каждому редактору каждую статью, предложенную для Р.С.Р.Б. Ваше мнение, как мнение беспристрастного человека, притом компетентного, вполне достаточно для меня, чтоб не читать статьи; но, повторяю, может быть, статьи, авторы которых, в видах того, чтоб статьи не прошли, с умыслом изберут для них того, а не другого

* — Русская социально-революционная библиотека. *Ред.*

редактора, зная, что он, по убеждениям своим, не может относиться к ним *не сочувственно.* Могут выйти из-за этого вещи, подобные тем, какие было начались уже с Плехановым (по поводу статьи Морозова). Тут я опять представляю себе, как обозленные одна на другую партии только обозлятся еще более, не дадут ходу журналу в России, или будут смотреть на него индифферентно и, что всего важнее, начнут точить друг на друга (т. е. партия на партию) зубы, чего, спасибо, теперь еще нет пока. Предполагаю, что журнал предназначается для России. Я знаю, что коноводы партий, по крайней мере чернопередельской, теперь за границей. Знаю, что они имеют в России огромное влияние и что в случае партия почтет себя обиженной *нападками в журнале со стороны другой партии, журнал не пойдет в России.*

Известно и Вам, с каким жаром читался «Вперед!» в России, как за него хватались, какие деньги платили за него. Известно опять Вам, что раздоры, вышедшие между Вами и народниками вовсе не вызваны резкими различиями в программах Вашей и их: эти различия не были настолько велики, чтобы вооружиться против Вас; однако же народники вооружились и искомый всеми «Вперед!» лежит на границе в количестве 50 пудов да в Румынии около того (уже продан с аукциона). Дело провалилось просто-напросто в силу личных неудовольствий на Вас некоторых самолюбивых чрез меру людей.

Теперь в России силой является партия террористов, силой уже потому, что она численностью больше чернопередельской и, во-вторых, потому, что на ее стороне все симпатии молодежи, все симпатии России. Хорошо ли это, плохо ли, не в том дело, но факт очевиден. Я полагаю, что, дав какой-либо партии преобладающее положение в журнале, в ущерб другой партии, мы сделаем больше вреда для дела, чем в том случае, когда все партии будут иметь место в журнале и не будут относиться враждебно одна к другой. Регулировать эти отношения партий, отношения, которые и выражаются в статьях,— вот в этом и дело редакции.

Каждая партия, естественно, желала бы иметь преобладающее значение в журнале, и желание это и справедливо и естественно, но *вредно.*

Думаю, что наибольшее количество статей пойдет в Р.С.Р.Б. со стороны впередовцев, ибо в других партиях, особенно у террористов, за границей нет достаточно людей способных писать. Значит, уже по самому количеству статей журнал выйдет как бы органом впередовцев, а это ничуть не плохо, не дурно; но если к тому примножаются нападки на террористов со стороны людей, подобных Подолинскому и Смирнову, то это уже иное дело.

Извините, что затрудняю Вас такою массою рассуждений. Я пишу их с единственною целью узнать Ваше мнение. Иначе я не мог бы выслушать

его, не развивши своей мысли. Я не уверен, что мои суждения верны, хотя все, что касается России и успеха журнала в ней, я считаю верным.

С другой стороны, если журнал будет выходить не более 2-х раз в год, не предстоит и надобности стесняться в просмотре статей, времени будет вполне достаточно, чтобы прочитать и 10 человекам.

Впрочем, даже смешно становится, когда подумаешь, что занимаешь себя разными правилами. Обыкновенно у нас идет без всяких правил да так, наверное, и пойдет.

Пришлите мне объявление в 2 или 3-х, если можно, экземплярах.

Относительно статьи, что готовите Вы для «Fortnightly Review», я думаю самое лучшее подписаться Вам, ибо ничего другого не придумаю. Ведь Ваша подпись во 100 крат будет крупнее моей, и, конечно, нужно нам не то, чтобы прошла какая-либо статья за *моей именно* подписью, а чтобы прошла статья. Суть в *статье известного свойства и рода.*

Либерман живет в: 21 Elder Street, Bishopsgate, E.

Ну вот что до сей поры у Вас нет секретаря, так это мне просто диво. Положим, не диво, что Вы сами не ищите его, ибо Вашу скромность я знаю, но ведь не мало есть в Париже бродячего люда, который видит, что Вы по горло в работе. Могли бы, кажется, и сами себя предложить в секретари.

Теперь скажу Вам о Сапере.

Он человек, как я вижу, очень уж обижен богом насчет ума-разума, но добр по душе и чести. Теперь, под конец, начинаю замечать, что он и самолюбив. Если он и рассуждает о высоких материях с важностью, то по глупости, конечно, и всякий, понимая это, так и смотрит на него.

Однако же, не могу судить, о чем он Вам мог писать относительно меня, хотя ради предосторожности, это бы знать мне не мешало.

Я с ним часто говорю о разных проектах, об устройстве мастерской переплетной, но говорил это просто ради препровождения времени, ничуть не думая осуществлять таких вещей. Он, должно быть, принял это серьезно и излагает Вам как наш общий проект.

Я заболел сильно и потому не мог уже питаться в харчевнях. В силу этого я сошелся с Сапером: он приготовляет домашний обед и притом мастерски, и я питаюсь более здоровой пищей. Впрочем, такие обеды обходятся значительно дороже тех, что в харчевнях, и я поневоле должен их прекратить. Может быть, Сапер рассказывал Вам о причинах моего перехода с квартиры на Wharton Street? Ну, это он знает не из моих рассказов, а из личных наблюдений, которых я особенно и не боялся и потому не стеснялся его.

От Дориалли я получил письмо.

Пишу ей завтра.

А вот что грустно, так это то, что Вам уже 57 стукнуло. Слишком много. Хоть Вы и бодрый муж, да работаете много и очень много, а потому, не дай бог и судьба, до революции не доживете. Маркс каждый раз делает какое-либо восклицание удивления, когда в разговоре упоминаетесь Вы и Ваша непомерная усидчивость в работе. Я бы не выдержал и года Вашей работы, а Маркс, наверное, теперь уже не жил бы на свете. Он работает не много и о таком усидчивом труде, как Ваш, не смеет и думать.

Жму Вашу руку и желаю Вам новый год жизни прожить получше старого и встретить на Руси что-либо, от чего бы забилось сердце и руки зачесались.

Ваш *Л. Гартман*

Публикуется впервые *Печатается по рукописи*

М. М. КОВАЛЕВСКИЙ — П. Л. ЛАВРОВУ

В ПАРИЖ

[Москва, сентябрь 1880 г.]

Многоуважаемый Петр Лаврович!

Весьма признателен Вам за присланную статью, которая будет напечатана в одном из ближайших номеров. Жаль бедного Лопатина[67]. Я несколько раз встречался с ним, и он всегда производил на меня впечатление необыкновенно энергичного, умного и образованного человека. Все сделаю, что могу, то есть очень мало. Связей у меня в Петербурге никаких, были некогда, да нет уже больше. На самого меня смотрят искоса и присылают опять за меня высочайшие выговоры ректору. Попрошу коекого, но наперед почти уверен, что кроме сожалений, а подчас, пожалуй, и обещаний, в ответ не получу ничего. Наш общий приятель * в Лондоне прислал мне недавно письмо[128], в котором высказывал свое удовольствие «Критическим Обозрением». Что Вы думаете о нем?

Ваш *Ковалевский*

Публикуется впервые *Печатается по рукописи*

* — К. Маркс. *Ред.*

Л. Н. ГАРТМАН — П. Л. ЛАВРОВУ

В ПАРИЖ

Лондон, 29 сентября 1880 г.

Добрый друг Петр Лаврович!

Получил Вашу пост-карту *. Она меня огорошила. По тону ее вижу, что слишком близко к сердцу приняли Вы то, что было писано ничуть ни для того, чтоб оскорблять Ваше чувство. Допускаю, что Вы могли усмотреть это; т. е. что письмо мое могло вызвать возмущение чувств, но это была лишь неумелая форма, в которую вылилось то, чего я и не хотел выливать, ибо ничего такого не чувствовал.

Нужно Вам сказать, что после первого же Вашего перевода я получил из редакции письмо, где мне сообщают, что перевод сделан «правильно, но не французом, и потому желательно, чтобы переводили французы». Вот и вся вещь и, полагаю, ничуть не заключающая в себе доли оскорбительного, коль скоро Вы сами писали мне, что свои собственные статьи Вы отдаете на просмотр французам. Что касается ошибок, то Вы же также писали мне о своем удивлении, что редакция не прислала Вам корректурного листа.

Но, словом, ей же ей ничего пошлого не хотел, не имел в виду сделать. Одно бессовестно с моей стороны: присылка двух статей одной за другою.

А чем тут мне оправдываться — не имею ничего. Остается факт, поступок, не способный пособить мне, чтоб отвертеться, а о действительных причинах и говорить нечего.

Так не так, но, когда бы Вы ни сделали перевода этой последней статьи, прошу Вас послать ее прямо от себя в редакцию с моею подписью.

Теперь это в сторону. Коротки ли, долги ли ни были поступки мои по отношению к Вам, вызвавшие Ваше возмущение (не понимайте же и этого в ироническом смысле!), но у меня есть дело, дело важное, о коем и хочу переговорить.

Была у меня уже давно мысль предпринять *на время* поездку в Америку. Мысль и осталась бы мыслью, если бы я и теперь сидел без средств к ее осуществлению.

2 недели назад я встретился у Энгельса с Марксом, Шорлеммером и некоторыми другими, среди коих были и американцы. Тут-то Маркс подал инициативу отправить меня в Америку на предмет агитации в пользу русской партии — конечная цель, конечно, деньги. Толковали, толковали, и два лица предлагают, наконец, мне средства, чтоб совершить поездку туда, жить там и месяца через 2, 3 вернуться назад. Итак, насчет средств для путешествия я обеспечен.

* — открытку. *Ред.*

Об этом знаю я, Чайковский, компания Маркса и питерцы, которым я написал неделю назад. С женевцами: ни с Морозовым, ни с Владимиром * я не предполагаю говорить об этом и буду держать в тайне.

Есть здесь американец, который едет в Америку в конце октября (я поеду в половине или конце ноября [188]). Он знаком с содержателями и состоит даже участником во многих нью-йоркских театрах и ручается за то, что я найду в них место для своих лекций. Как ни дико, по-видимому, звучит слово лекция в моих устах, но было принято и это во внимание, и общее мнение склонилось к тому, что недостатки произношения не будут особенно влиять на ход дел. Мне остается *заранее в Лондоне* написать 6, 7 речей, пару брошюр, книг — все конечно о России. Понятно, что перед буржуазией, от которой чаешь получить деньгу, нечего распространяться о социализме. Содержание статей, лекций — Россия, ее экономическое и политическое состояние. Кроме того, издам фотографии социалистов русских с биографиями их.

Для успеха дела необходимо, чтоб приезд мой в Америку стал бы известен ей и интересен.

Вот проект: Маркс, Энгельс, Вы (надеюсь), Юнг, Мост, пожалуй, Либкнехт, Шорлеммер, Рошфор (надеюсь), Феликс Пиа (надеюсь), Кошут — он в Америке (через одного его друга здесь), Ланкестер (надеюсь), Суинтон (дано обещание), Брэдло (обещаю хлопотать об этом, причем едва ли откажет) и Гарибальди старик (некоторые лица — его знакомые обещают также писать и надеются). Писал я и в Россию просьбу, чтобы прислали мне ордер от Исполнительного комитета для меня лично и прокламацию к американскому обществу. Просил также я и писем к некоторым из вышеозначенных лиц от имени Исполнительного комитета. Конечно, все рекомендации и в особенности те, которые даны будут на основании просьб Исполнительного комитета, будут опубликованы.

В какой мере оправдаются все надежды на эти прокламации Исполнительного комитета и рекомендации — не знаю, ибо самая важная из последних — от Гарибальди. Во всяком случае безусловно верно, что на ²/₃ все их ожидания оправдаются.

Примите во внимание еще то, что если я буду говорить речи в театре, то публикации самого театра разовьют дело огласки.

В этом последнем обстоятельстве счастливая случайность играет мне на руку. Вчера, например, получаю от американца — акционера нью-йоркских театров следующее предложение (заметьте, он не знает о моем намерении ехать в Америку): ехать в Америку, в 5, 6 городах говорить речи, выпускать в продажу свои сочинения. Он предлагает театральную

* — Иохельсоном. *Ред.*

сцену, как кафедру для меня, берет на себя расходы по всему делу, по устройству живых картин в театре из русской жизни и из деятельности социалистической и требует половину всех сборов.

Так не так, а вопрос о поездке в Америку дело решенное. Я тут ничего не теряю и достаточно уверен в успехе, чтобы не бояться компрометировать партию неудачей.

Все внимание мое теперь на подготовке дела, и, среди нее, большая часть времени, конечно, пойдет на изготовление речей, зубрение их, изготовление брошюр, книг.

Острого — русский фотограф в Швейцарии пишет мне и предлагает бесплатно приготовить 1000 экземпляров фотографической группы министерского формата. Он не знает, что я еду в Америку и, как я ему писал, фотографии назначаются для Англии.

Так вот же в чем дело: речи и книги.

Моя большая статья для «L'Intransigeant» готова наполовину — около 25 фельетонов. Перевод — дело не моего времени. Если печатание ее начнется и в половине октября, все же к концу ноября она будет окончена, и ее английский перевод послужит для целой поездки.

Речи свои я составлю частью сам, частью Чайковский берется писать. Он же напишет мне и одну речь.

Но этого недостаточно. У Вас ведь готова статья по истории России, что писали Вы для «Fortnightly Review»? Не согласитесь ли Вы и ее пустить со мною в Америку? Тогда она будет отпечатана особой брошюрой под Вашим именем, если хотите.

Вообще, надо мне к кому-либо обратиться за помощью, но так как я никому не хочу открывать своих намерений и не открою их, то и содействие достать трудно.

Только вот переводы всего этого возьмут времени много и, возможно, отодвинут поездку на декабрь.

Ну, жму Вашу руку

Л. Гартман

Ну что за ерунда с этими динамитами и взрывами яхты Ливадия и русского посольства в Лондоне!!

Тут на грош нет участия нигилистов — я убежден в этом.

Но как бы эти все вещи не потурили меня в Америку прежде, чем я сам пожелаю ехать!?

Публикуется впервые *Печатается по рукописи*

Л. Н. ГАРТМАН — Н. А. МОРОЗОВУ

В ЖЕНЕВУ

Лондон, 9 октября 1880 г.

Друг Николай!

И Литвинов и я пришлем тебе на днях статьи для Исторического Движения. Твое письмо и брошюру я получил. Позволишь ли ты мне издать ее на английском языке под твоим именем? Если позволишь, я издам ее вскоре, брошюрой же. Она мне нравится очень. № 3 «Народной Воли» хорош, но нет у меня страницы 7 и последующих. «Черный передел» — по отношению к России. Хороша статья Стефановича[189]. Она единственная, что дает цену №. Хороша статья Моста и иностранная хроника, но передовая статья... Кому нужны эти разглагольствования? Или тут что нового есть для партии чернопередельцев! Неладно одно то в «Черном переделе», что русский отдел мал. Оттого-то и № вял; но все окупается статьей Стефановича, которой Маркс и Энгельс не нахвалятся.

Чернопередельцы не соблаговолили прислать мне №. Пришли ты. Вот еще: «Общее дело» так мне очень понравилось: живой, интересный №. На издание Шеффле соглашаюсь без просмотров. Пишу на днях подробнее. Скажи: долго ли пробудешь за границей?

Публикуется впервые — *Печатается по рукописи*

Н. И. ЗИБЕР — П. Л. ЛАВРОВУ

В ПАРИЖ

Лондон, 31 октября 1880 г.

Многоуважаемый Петр Лаврович!

Спешу уведомить Вас, что рецензий на сочинения Шеффле[190], кроме приводимых Вами, я никаких не знаю или, по меньшей мере, не могу в настоящую минуту припомнить: кажется, что-то было на «Квинтэссенцию», но где, не могу сообразить. Работа моя[108] подвигается понемногу — Британский музей оказал и еще окажет мне в этом отношении большую помощь,— нашел в нем много интересного.— Относительно Рикардо тоже недавно получил сведения, что печатание его скоро будет окончено и что пора уже готовить приложения. Вы не ошиблись, сказав своему знакомому, что в приложения эти войдет самая суть моей диссертации, я действительно имею намерение поступить с ней таким образом. Пишу это вот еще на какой случай: на этих днях я получил из Берна сильно залежавшееся

письмо от Павловского, который просил уведомить его на Ваше имя, не могу ли я выслать свой экземпляр диссертации одному его знакомому. Дело в настоящую минуту в том, не лучше ли будет ему подождать выхода в свет нового издания Рикардо с моими приложениями? Послать ему свой экземпляр я конечно мог бы, но именно в настоящее-то время он мне и будет нужен для извлечения?

У Маркса я действительно до сих пор не был, главным образом потому, что во всяком новом месте мне нужно потратить много времени на ориентирование, а здесь и подавно, где к тому же от мрака и тумана все время находишься в каком-то полусознании. Притом я занят с раннего утра до семи часов вечера, и после этого хочу до изнеможения спать, чтобы как-нибудь отдышаться от вдохнутой в Музее копоти и дыма. Но быть у него я имел всегда в виду и не дальше как сегодня постараюсь исполнить это намерение. Вчера, между прочим, я был у Энгельса.

Когда именно я оставлю Лондон, я знаю только приблизительно,— через месяц-полтора, но буду ли ехать на Париж, не могу поручиться, потому что я нашел дорогу по времени почти такую же, а по издержкам гораздо более дешевую,— на Антверпен, Брюссель, Страсбург. До Парижа я-таки думаю добраться, но не теперь еще. Эту зиму ничего не могло устроиться, благодаря бернским занятиям жены, удержавшим ее на месте даже после выдержанного докторского экзамена.

Работа Янжула подвигается, но определенного срока выхода ее в свет он еще не назначил. Свою работу постараюсь напечатать не позже весны следующего года, если еще найду издателя.

Искренне преданый Вам

Н. Зибер

Публикуется впервые — *Печатается по рукописи*

Л. Г. ДЕЙЧ и В. И. ЗАСУЛИЧ — Г. В. и Р. М. ПЛЕХАНОВЫМ

В ПАРИЖ

[Женева], 10 марта 1881 г.

Любезные друзья!

Хотя вы, по обыкновению, не отвечаете на мое письмо, но я «великодушен», как вы, Жорж, выражаетесь, и пишу, не дожидаясь вашего ответа, не затем, чтобы «пристыдить вас», а вот по какому поводу.

Недели три тому назад мы задумали, чтобы Вера * обратилась к Марксу с письмом [191], в котором бы спросила его: какова судьба русской общины,

* — Засулич. *Ред.*

должна ли она распасться и прочее, и просила бы его написать специальную брошюру по этому поводу, которую мы издадим. Сегодня получился его ответ, брошюру он уже пишет для «Петербургского исполнительного комитета», так как [последний] его уже просил об этом же несколько месяцев тому назад. Чтобы вы не усомнились в верности слов Маркса в ответ на вопрос Веры, списываю вам [письмо] слово в слово... [192]

Впервые опубликовано в сборнике «Группа «Освобождение труда»» № 2, 1924 г.

Печатается по тексту сборника

Л. Н. ГАРТМАН — П. Л. ЛАВРОВУ

В ПАРИЖ

Лондон, 22 октября 1881 г.

Добрый друг!

Отправил Вам сегодня экспрессом две книги: «Военно-статистический сборник» и о раскольниках [193].

Маркса еще до сей поры не видел и не увижу его скоро: он в постели. Когда увижу, возьму у него Кельсиева 1 том, «Задолженность русского землевладения» — журнальную статью и вместе со статьей «Хлебные избытки», что у меня, пошлю Вам.

К моему огорчению, от Владимира * еще ни слова. Если до понедельника никаких слухов о нем не будет, пошлю телеграмму.

Ваш *Л. Гартман*

P. S. Посылка застрахована.

Публикуется впервые

Печатается по рукописи

Г. В. ПЛЕХАНОВ — П. Л. ЛАВРОВУ

В ПАРИЖ

[Кларан], 31 октября 1881 г.

Многоуважаемый Петр Лаврович!

Вчера вечером возвратился я из Женевы в Кларан, где меня застало Ваше письмо. Лишним было бы говорить о том, до какой степени меня обрадовало сообщенное Вами известие. Вы поздравляете меня с успехом; от всей души благодарю Вас, милый Петр Лаврович, тем более, что поме-

* — Иохельсона. *Ред.*

щением моей статьи, «успехом» я обязан Вам [194]. С тех самых пор, как во мне начала пробуждаться «критическая мысль», Вы, Маркс и Чернышевский были любимейшими моими авторами, воспитывавшими и развивавшими мой ум во всех отношениях...

Г. Плеханов

Впервые опубликовано в журнале «Дела и дни», кн. 2, 1921 г.

Печатается по тексту журнала

Г. В. ПЛЕХАНОВ — П. Л. ЛАВРОВУ

В ПАРИЖ

Кларан, [конец 1881 г.]

Многоуважаемый Петр Лаврович!

Прежде всего о деле финансовом.

Геринг я вышлю деньги на днях. Теперь полученные мною из редакции разошлись буквально до последнего сантима. Роза * не получает из дому вот уже второй месяц, понятно, что пришлось сделать здесь, в Кларане, значительные уплаты. Но на днях она получит деньги, и я первым делом постараюсь выслать Геринг и Вам, хотя Вы и писали мне, что обойдетесь до следующей получки. Теперь к другим вопросам.

«Манифест» я уже переводил [110], когда ко мне пришел Голдовский ** и начал меня упрашивать дать ему «Манифест» на два дня. Через два дня он будто бы должен получить свой экземпляр из Цюриха и тогда он мне отдаст свой, мой же — отправит сейчас же в Россию. Я поверил ему и отдал ему свой экземпляр. Теперь прошло уже полторы недели, а Голдовский все продолжает удивляться — почему не высылают ему его экземпляр из Цюриха. Господь его знает — есть ли он у него! С одной стороны, я, конечно, глупо поступил, выпустивши «Манифест» из рук; а с другой — как было не дать, когда человек заверяет честным словом, что отдаст через два дня? Ох, уж эти нигилисты! Сам я человек чрезвычайно неаккуратный, но насчет книг я держусь несколько иных правил. Для занимающегося человека — книга вещь неприкосновенная, и редкие сочинения положительно не нужно выпускать из дому. Если через несколько дней не получу экземпляр от Голдовского — придется писать самому в Цюрих, или просить Вас о высылке мне Вашего экземпляра. Как только последствия вторжения в мою работу нигилистического вандализма будут исправлены — я очень

* — Р. М. Плеханова. *Ред.*

** Псевдоним В. Иохельсона. *Ред.*

скоро окончу перевод и примусь за предисловие. Одно нужно сказать — неудобно здесь работать. Полное отсутствие какой-нибудь порядочной библиотеки. А я, живши в Париже, вблизи Национальной библиотеки и Ваших книг, ужасно в этом отношении избаловался. Написал ко всем своим знакомым, просил выслать что могут. На днях жду Рикардо. Собственно говоря, и к Вам у меня есть маленькая просьба, но я заранее прошу Вас не исполнять ее, если она хоть немного Вас стеснит. Мне нужно было бы книгу Ланге «Взгляды Милля на социальный вопрос» [195]. Она у Вас есть и, насколько мне известен ход Ваших работ, она Вам теперь не нужна. Так вот, если это Вас не стеснит — одолжите мне ее на время. Одно меня смущает,— это что Вам приходится довольно дорого платить за пересылку, но я повторяю Вам свою вторую просьбу,— не исполнять первой, если это исполнение Вас затруднит хоть немного. Книга Ланге мне нужна вот зачем. Вы знаете, что Родбертус является противником Рикардо по вопросу о ренте. Его возражения против последнего однако хотя и не имеют решительного характера, но все-таки довольно вески. В 1870 (если не ошибаюсь) году Родбертус задал несколько вопросов «сторонникам теории Рикардо»,— на которые он не получил ответа. Эти вопросы до такой степени ехидны, что невольно становишься в тупик. Я чувствую, что Родбертус не прав. Сам мог бы предложить ему несколько вопросов не менее, как мне кажется, ехидных, чем его вопросы «сторонникам Рикардо». Но открыть логическую ошибку в его доводах, когда он развивает свою теорию ренты, мне пока не удается. Ланге был тоже противником Рикардо, так вот, быть может, сопоставляя их обоих, т. е. Родбертуса и Ланге, я открою их ошибки или окончательно соглашусь с одним из них. Но это последнее могло бы быть лишь с большим трудом. Маркс называет теорию Родбертуса ошибочной, а его авторитет для меня очень важен. Я 100 раз подумаю, прежде чем соглашусь с неодобряемым им взглядом. Кстати, вышло или только что выйдет 3-е немецкое издание «Капитала»? [196]

Как жаль, что мне не пришлось послушать Вашей лекции о «Капитализме в России». Я, как Вам известно, держусь того взгляда, что это дело уже решенное, Россия «уже ступила на путь естественного закона своего развития» и все другие пути — мыслимые, быть может для каких-нибудь других стран, для нее закрыты.

Вы писали мне, что Вам пришлось делать много выписок, откуда Вы делали их? Какие источники были в Вашем распоряжении? Напишите, пожалуйста, об этом в следующем письме. В. В.* человек в высшей степени сомнительный, его данные едва ли достоверны, я убежден, что не успеет он дописать своей последней статьи [197] о невозможности в России ка-

* Псевдоним В. П. Воронцова. *Ред.*

питализма, как этот капитализм будет, как говорится, «ни для кого не тайной». Евгению * я написал. Павлу ** напишу.

Пока до свиданья, крепко жму руку. Роза и Полляк просят передать Вам их привет.

Г. Плеханов

Впервые опубликовано в книге «Литературное наследство» № 19—21, М., 1935 г.

Печатается по тексту книги

Г. В. ПЛЕХАНОВ — П. Л. ЛАВРОВУ

В ПАРИЖ

[Кларан, начало января 1882 г.]

Милый Петр Лаврович!

Вчера получил «Манифест Коммунистической партии». Дня два тому назад пришла книга Ланге [195]. Благодарю Вас за их присылку. Хотя я и получил от Голдовского его экземпляр «Манифеста», но Ваш — с предисловием авторов к новому изданию ***, чего нет в первом, а это очень важно.

Это предисловие навело меня на мысль попросить Маркса или Энгельса написать к нашему переводу новое, более полное предисловие. Как Вы об этом думаете? Издание выиграло бы через это очень немало. Если находите мою мысль исполнимой, то потрудитесь написать об этом Марксу, так как к Вашей просьбе он отнесется с гораздо большим вниманием, чем ко всякой другой. Сообщите, пожалуйста, мне о Вашем решении. Я думаю прибавить и к нашему изданию перевод Устава Международного Товарищества Рабочих и некоторые выдержки из «Первого Манифеста» этого Товарищества. Но ни того, ни другого у меня пока нет. Напишу Павлу в Цюрих. Занят я теперь буквально по горло.

Недавно получил письмо от Михайловского, в котором он торопит меня со статьей [144], Евгений и Вы торопите меня с «Манифестом». Ввиду этого Вы, Петр Лаврович, хоть не ругайте меня за неаккуратность в ответах и за медленность в переводе «Манифеста». Еще раз благодарю Вас за высылку Ланге.

Жму Вашу руку

Г. Плеханов

P. S. Роза и Полляк просят передать Вам их привет.

Впервые опубликовано в журнале «Дела и дни», кн. 2, 1921 г.

Печатается по тексту журнала

* Псевдоним Л. Дейча. *Ред.*
** — Аксельроду. *Ред.*
*** *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Предисловие к немецкому изданию «Манифеста Коммунистической партии». 1872 г. *Ред.*

Г. В. ПЛЕХАНОВ — П. Л. ЛАВРОВУ

В ПАРИЖ

[Кларан, середина января 1882 г.]

Многоуважаемый Петр Лаврович!

Прежде всего — мой обычный припев: извините за мое молчание. Охотно сознаюсь, что упорство, с которым я не отвечал Вам, «достойно лучшей участи!». Но что же прикажете делать? Целые дни сижу я за своей статьей, встаю со стула только совершенно усталый, а время отдыха я как-то не умею еще экономизировать, и оно пропадает даром, хотя я и мог бы воспользоваться им для переписки со своими знакомыми. Перевод «Манифеста» я все еще не окончил. Дайте мне немножко управиться со статьей, и я очень скоро представлю Вам рукопись «Манифеста». Я прошу и Вас, и все собрание редакции Р.С.Р.Б.* не выходить окончательно из терпения и повременить с «Манифестом». Мне не хотелось бы передавать перевод его в другие руки. Что касается другой моей работы, то она, как Вы знаете, еще в проекте, но мне кажется, что задуманный мною план будет удовлетворителен, по крайней мере, с точки зрения изложения сущности современных отношений рабочего к его эксплуататорам. Здесь, в Кларане, я останусь еще на довольно продолжительное время. Опять застрял, опять могу сказать словами псалмопевца: «Окружили мя тельцы мнози и тучны», т. е. мои кредиторы, опять надежда одна на «Отечественные Записки». В Цюрихе буду нескоро. Что касается до предисловия к «Манифесту», то ведь его мог бы написать и Энгельс **. Он такой же автор «Манифеста», как и Маркс, и, кажется, совершенно здоров и по настоящее время. Как Вы думаете, не обратиться ли к нему? Право, было бы очень и очень хорошо. Получаете ли Вы «Вольное Слово»? Здесь все считают его органом Игнатьева. Меня ужасно печалит сотрудничество там Павла ***. Правы или неправы обвинители *«Вольного Слова»,* это другой вопрос, но раз публика относится к нему подозрительно, то и на Павла падает некоторая тень. Здесь, в Кларане, все осуждают его. А написать ему я не решаюсь,— очень уже щекотливый вопрос. Да он и сам немаленький,— может и без моих указаний обойтись преблагополучно. Что у Вас новенького по части книжной? Прилагаю к письму к Вам записочку кассиру, прося его созвать собрание.

Крепко жму руку

Г. Плеханов

P. S. А главного-то и не написал! *«Манифест» будет готов недели через полторы.* Привет всем знакомым.

* — Русской социально-революционной библиотеки. *Ред.*
** См. настоящий сборник, стр. 197. *Ред.*
*** — Аксельрода. *Ред.*

Вчера вечером я написал Вам это письмо, а сегодня получил Вашу карту. Повторяю, перевод, по моим рассчетам, будет готов недели через полторы или, самое большее, через две. Со своей стороны, я вношу в собрание предложение относительно обращения к Энгельсу с просьбой написать предисловие. Не имея возможности внести его лично, я прошу Вас сделать это за меня. С Верой * я снесусь, хотя до сих пор я ничего подобного тому, о чем Вы пишете, от нее не слыхал. Впрочем, мы теперь переписываемся очень редко: они заняты «Красным Крестом»,— я статьею о Родбертусе [144]. Сейчас иду в Кларан и спрошу ее (Веру) обо всем. Как скоро она ответит, конечно, не знаю, но попрошу ответить тотчас же. Но сегодня у нас понедельник, и до среды ответ ее прийти ко мне, и через меня в Париж не может. Мой привет членам собрания.

Г. Плеханов

Впервые опубликовано в журнале «Дела и дни», кн. 2, 1921 г.

Печатается по рукописи

Г. А. ЛОПАТИН — М. И. ЯНЦЫНУ [198]

В ПЕТЕРБУРГ

Париж, 17 апреля 1883 г.

Смерть Маркса глубоко поразила меня не только как общественная, но и как личная потеря. Так и не удалось мне обнять его еще раз в жизни: Лафарг совсем расстроил меня, рассказав, в каких теплых выражениях вспоминал он всегда обо мне до самой смерти. Он прибавил, что старик всегда утверждал своим близким, что я был одним из немногих, понявших вполне и совершенно самостоятельно его теорию, и (бог ему судья!) единственным человеком, от которого он слышал новые, оригинальные идеи в экономической области. Вероятно, добрый старик вспоминал всегда одну нашу беседу **, с которой началась наша короткость, и во время которой я развивал ему предполагаемую аргументацию несуществующего 2-го тома ***. Писать о нем я не собираюсь: просто не чувствую себе эту задачу по силам. Но я сообщил все, что знаю о нем, одному лицу ****, которое пишет по-русски биографический и библиографический очерк его личности и жизни.

Полностью публикуется впервые

Печатается по машинописной копии

* — Засулич. *Ред.*

** См. настоящий сборник, стр. 49. *Ред.*

*** — «Капитала». *Ред.*

**** Очевидно, Н. С. Русанову (см. настоящий сборник, стр. 251—275). *Ред.*

Г. А. ЛОПАТИН — М. И. ЯНЦЫНУ [198]

В ПЕТЕРБУРГ

Париж, 25 мая 1883 г.

Сегодня получил письмо от Ноэля *. Я постараюсь ответить ему сегодня же. Оказывается, что Розалия Христофоровна ** уже у него в гостях. Вышла здесь брошюра К. Маркса «Наемный труд и капитал» [199]. Это просто перепечатка его статьи из «Neue Rheinische Zeitung», 1849 г., заключавшей в зародыше его теорию. По содержанию своему эта вещь могла бы спокойно появиться во внутренних русских изданиях. К сожалению, в заголовке брошюры стоит: «издание Русской социально-революционной библиотеки». Вот почему я все не решаюсь послать ее тебе, хотя она давно уже вложена мною в конверт. Скажи, желаешь ли ты, чтобы я послал этот конверт по твоему адресу? Или, быть может, ты пожелаешь получить его лучше по адресу Фрица ***? Весу в конверте $3^1/_2$ лота.

Публикуется впервые *Печатается по машинописной копии*

Г. А. ЛОПАТИН — М. Н. ОШАНИНОЙ [200]

В ЖЕНЕВУ

Лондон, 20 сентября [1883 г.]

...**** Не могу не поделиться с Вами результатом моего первого свидания с Энгельсом, думая, что некоторые из его мнений будут приятны для Вас.

Мы много говорили о русских делах и о том, как пойдет, вероятно, дело нашего политического и социального возрождения. Как и следовало ожидать, сходство взглядов оказалось полнейшее; каждый из нас то и дело договаривал мысли и фразы другого. Он тоже считает (как и Маркс, как и я), что задача *революционной* партии или партии *действия* в России в данную минуту не в пропаганде нового социалистического идеала и даже не в стремлении осуществить этот далеко еще не выработанный идеал с помощью составленного из наших товарищей временного правительства, а в направлении всех сил к тому, чтобы 1) или принудить государя созвать

* — В. Н. Смирнова. *Ред.*
** — Идельсон. *Ред.*
*** — Н. Ф. Даниельсона. *Ред.*
**** В варианте письма Лопатина, опубликованном в журнале «Голос Минувшего», этой фразе предшествует следующее начало:

«20-го сентября; четверг; непроглядный туман, сырость, мрак и прочие прелести Лондона; при этом кашель, насморк, тоска, беспокойство, душевный мрак и прочие прелести душевной непогоды.

Ваше благословение, мать честная игуменья, Марина Никаноровна. [Псевдоним М. Н. Ошаниной. *Ред.*]

Как видите из заголовка (несколько длинного), в сердце у меня мрак, а дела на руках пропасть. Прежде всего 14 (!) неотвеченных писем, из коих одно очень длинное и очень трудное, мучающее меня уже с давних пор. Затем, разные хлопоты на счет будущего, более или менее нужные визиты и свидания и пр., и пр., и пр. Тем не менее, несмотря на все это...». *Ред.*

Земский собор, 2) или же путем устрашения * государя и т. п. вызвать такие глубокие беспорядки, которые привели ** бы иначе к созыву этого Собора или чего-либо подобного. Он верит, как и я, что подобный Собор *неизбежно* приведет к радикальному, не только политическому, но и социальному переустройству. Он верит в громадное значение избирательного периода, в смысле несравненно более успешной пропаганды, чем все книжки и сообщения на ухо. Он считает невозможной чисто либеральную конституцию, без глубоких экономических перестроек, и потому не боится этой опасности. Он верит, что в *фактических* условиях народной жизни накопилось достаточно материала для перестройки общества на новых началах. Конечно, он не верит в моментальное осуществление коммунизма или чего-либо подобного, но лишь того, что уже назрело в жизни и в душе народа. Он верит, что народ сумеет найти себе красноречивых выразителей своих нужд и стремлений и т. д. Он верит, что, раз начавшись, это переустройство, или революция, не может быть остановлено никакими силами. Важно поэтому только одно: разбить роковую силу застоя, выбить на минуту народ и общество из состояния косности и неподвижности, произвести такой беспорядок, который принудил бы правительство и народ заняться внутренним переустройством, который всколыхнул бы спокойное народное море и вызвал бы всенародное внимание и всенародный *энтузиазм* к делу полного общественного переустройства ***. А результаты явятся сами собою, и именно те, которые возможны, желательны и осуществимы для данной эпохи.

Все это чертовски кратко, но обстоятельнее я теперь писать не могу. К тому же все это, быть может, не вполне понравится Вам, а потому спешу передать Вам с буквальной точностью другие его мнения, которые очень лестны для русской революционной партии. Вот они:

«Все зависит теперь от того, что будет сделано в ближайшем будущем в Петербурге, на который устремлены ныне глаза всех мыслящих, дальновидных и проницательных людей целой Европы».

«Россия,— это Франция нынешнего века. Ей законно и правомерно принадлежит революционная инициатива *нового* социального переустройства» ****.

«...Гибель царизма, уничтожив последний оплот монархизма в Европе, упразднив «агрессивность» России, ненависть к ней Польши и многое другое, поведет к совершенно иной комбинации держав, расшибет вдребезги

* В журнале: «устранения». *Ред.*
** В журнале: «привлекли». *Ред.*
*** В журнале: «перерождения». *Ред.*
**** Далее в журнале идет следующий абзац: «Немцы совершенно лишены революционной *инициативы*. По-своему, дело идет у них прекрасно. Но ждать от них почина нечего. Они могут быть подтолкнуты на революционный путь только другими народами; в данный исторический момент — Россией». *Ред.*

Австрию и вызовет во всех странах могучий толчок в сторону внутреннего переустройства» *.

«...Едва ли Германия решится воспользоваться русскими беспорядками, чтобы двинуть свои войска в Россию для поддержания царизма. Но если бы она сделала это, тем лучше. Это было бы гибелью ее нынешнего правительства и началом новой эры. Присоединение к ней балтийских провинций бессмысленно и неосуществимо. Подобные захваты противоположных (?) или прилежащих узких побережий и клочков и получившиеся отсюда нелепые формы государств были возможны только в XVI и XVII веках, а не теперь. К тому же ни для кого не тайна, что немцы составляют там ничтожное реакционное меньшинство». (Прибавляю этот пункт для Ю. П. ** ввиду ее ультрапатриотических мнений по этому пункту).

«И я, и Маркс находим, что письмо Комитета к Александру III [201] положительно прекрасно по своей политичности и спокойному тону. Оно доказывает, что в рядах революционеров находятся люди с государственной складкой ума».

Надеюсь, что все это достаточно лестно и приятно для Вас и что Вы поблагодарите меня за эти строки? Помните, я говорил, что сам Маркс никогда не был марксистом? Энгельс рассказывал, что во время борьбы Брусса, Малона и К° с другими Маркс говорил смеясь: «Могу сказать только одно: *что я не марксист!*»... [202] ***

Впервые опубликовано с сокращениями в книге: «Основы теоретического социализма и их приложение к России». Женева, март 1893 г., и в полном виде в журнале «Голос Минувшего» № 2, 1923 г.

Печатается по тексту книги, сверенному с текстом журнала

* В журнале: «развития» и далее следует абзац: *«Мне кажется,* что, по части «устранений», надо направлять все силы на «барина»: или его, или никого. После 1-го марта все остальное было бы слишком мелко» *Ред.*

** — Юлии Петровны, псевдоним Г. Ф. Чернявской. *Ред.*

*** В журнале далее следует окончание письма: «Я говорил Энгельсу, что у нас оказывается нужным *доказывать,* что Маркс не был *против* политической деятельности. Он немало смеялся этому и передал мне к слову несколько других подобных же курьезов.

Сегодня в «Daily News» говорят о последнем выпуске «Народной Воли». Хвалят бумагу и печать. Делают фактические выдержки. Но статью о еврейских беспорядках они поняли, как и я, в смысле прямого *сочувствия* им и даже, быть может, скрытого участия. Разница между евреем и жидом столь же мало понятна им, как и Вашему покорному слуге.

Ну, довольно. И то пишу торопясь, через силу, а потому не особенно понятно и складно. Многие вещи стоило бы развить обстоятельнее, но это значило бы писать для печати, что противно всем моим установившимся привычкам.

Пожалуйста, поторопитесь прислать адрес лица, проживающего в Швеции, ибо мне не хотелось бы заживаться здесь без толку. Недурно было бы иметь и какой-нибудь санкт-петербургский адрес. Но здесь я знаю, что я наталкиваюсь на почву непобедимого упрямства, а потому умолкаю.

Доброго здоровья.

Ваш *Г. Л.*

Поклон и все такое.

Богочеловека [Н. В. Чайковского. *Ред.*] еще не видал. Я откладываю это свидание до того момента, когда буду посвободнее. Слышал о возможности еще одного пути от другого человека, но и об этом после». *Ред.*

Г. А. ЛОПАТИН — П. Л. ЛАВРОВУ [203]

В ПАРИЖ

Лондон, [29], 30 сентября, [1, 2] октября [1883 г.]

Суббота, утро, Lockhard's cocoa-room.

Сию минуту получил Ваше письмецо. Сейчас же написал Литвинову, чтобы он узнал мне адрес Гольда. Этот последний действительно женат на англичанке. Пожалуйста, пришлите ко мне этого Савича. Я же кстати знаю его немножко (видел в Circle International *).

Не думаю, чтобы беседа с Энгельсом ** была удобна для печати. Ведь он говорил со мной, как с другом, не подозревая во мне интервьюера. В этом последнем случае он, конечно, смягчил бы многие выражения, а главное, постарался бы обставить их аргументами, которые у меня пропущены. Если Ваша бумага продается стопами, то мне ее не надо. Турецкое письмо получил. Спасибо за пересылку. Вчера стал отвечать на него; писал почти целый день и все же не окончил. Много нужно сказать в этот почти последний раз. За письмо к Зине *** еще не принимался. Вообще время уходит страшно быстро, хотя я не ленюсь, не хожу по гостям и не читаю ничего, кроме «Echo». Это страшно пугает меня, ибо скоро могут наступить морозы, которые закроют Балтику. Тусси не застал ни дома, ни в музее. Простите, что писано так грязно: такое уж местечко! Что за туманы! Что за мрак! Что за грязь! Страсти господни!

Воскресенье, 30. IX. 83. Посылаю Вам вырезку из «Echo». Это перепечатка из «Daily News». Не правда ли, какое горе и какой ужас?! — Прилагаю письмо к М. П. на счет «путей». Раз навсегда говорю: прочитывайте наперед сами все посылаемые мною через Вас открытые письма, чтобы мне не повторяться.— Вчера получил Handschel's. Значит мое письмо от 17-го дошло. Очень рад. Завтра вследствие этого отправлю свое письмо Фр. ****.— Вчера вечером пошел с Б. Ч. в здешний международный клуб. Видел там Гольденберга. Познакомился с тремя или четырьмя бесцветными личностями. Был у меня вчера Линев, но не застал дома.— Комарова говорила на днях Литвинову, что она была и в Румелии, и что Незлобин посодействовал удалению ее оттуда за «бездействие». Вообще, многое из ее болтовни не лишено интереса. Я умолял Литвинова записать наиболее существенное, хоть без всякой литературной обработки, просто в виде вопросов и ответов. Я бы сам охотно выполнил эту крайне легкую и забавную задачу; но мне, ей-богу, некогда: я и так пишу почти все время, когда бываю один. Он обещал. Только выполнит ли? — Ну, больше пока нечего сегодня

* — интернациональном кружке. *Ред.*
** См. настоящий сборник, стр. 200—202. *Ред.*
*** — Абсеитовой-Корали (жене Лопатина). *Ред.*
**** Возможно, Фрицу, то есть Н. Ф. Даниельсону. *Ред.*

писать. Я и то пишу Вам точно дневник. Сказки Щедрина прочел здесь. Забыл сказать в свое время: Энгельс говорил мне, что здесь все убеждены в том, что известный туркофил и русофоб Джонстон Батлер * истратил около 30 000 ф. ст. (по преимуществу *своих*) денег на фоментирование ** польско-русского революционного движения.

Понедельник. «Общее дело» получил. Благодарствуйте. Сказки прелестны. Надеюсь, что это *мой* экземпляр и что я не должен *возвращать* его? ...Итак, Плеханов и К° выступают издателями [204]. Я думаю, Вы очень довольны, что это «библиотека», а не *журнал?* Все же Вам следовало бы торопиться выпустить Ваш № 1, *ранее* появления брошюры Плеханова [117].

Вчера вечером собрал у Энгельса нужные Вам справки, которые оказались отрицательными. Он не знает никакой литературы по этому вопросу. И ему случалось читать разбросанные в разных гигиенах, анатомиях, терапиях и прочих заметки о том, что люди известного ремесла представляют много общих характерных особенностей *патологического* свойства. Но ему никогда не случалось читать, чтобы эти особенности были *антропологического* характера и связывали бы между собою этих людей в *разных* нациях (хотя бы и одной расы) в один общий антропологический тип.

Наскучив сидеть у него и гонимый тоскою одиночества, я забрел вчера попозже в здешний международный социалистический клуб, состоящий по преимуществу из рабочих. Главная масса их — голландцы и англичане (немцы имеют два своих собственных клуба); из т. н. «русских» я видел там, кроме Чайковского, только трех или четырех жидков. Я попал на диспут между хозяевами и явившимися к ним в гости двумя пасторами, принадлежащими к т. н. христианским социалистам. Заседание открылось речью одного из этих попов. Мой неисправимый характер сыграл и на этот раз со мною плохую шутку, окончившуюся, впрочем, довольно счастливо. Долго я слушал, как названные социалисты произносили свои скорее горячие, чем основательные опровержения, отбивались в частности, уклонялись в стороны и дозволяли легко побивать себя этим очень неглупым и ловким попам, блиставшим если не социалистическими знаниями, то диалектикою. Наконец, я не выдержал и ворвался в распрю. Извинившись за свой невозможный язык, я принялся устанавливать *принципы,* от которых так легко уклонялись обе стороны. Полемику же свою я сосредоточил на двух пунктах.

Я доказывал: 1) что во всяком практическом житейском деле, в том числе и в политике, нужно считаться всегда с реальностями, а не с фантомами, т. е. с действительным, ныне существующим исторически-сложившимся христианством, а не с воображаемым, *«чистым»,* первобытным хри-

* — Батлер-Джонстон. *Ред.*
** — возбуждение, раздувание. *Ред.*

стианством, которого никто не практикует и которое известно нам из очень недостаточных, недостоверных и взаимнопротиворечивых источников, в которые каждый может вложить (to read in) все, что ему угодно; 2) что столь отвратительное для них физическое насилие составляет — увы! — неизбежное зло в тех коренных переворотах общественного уклада, которые называются революциями. История учит нас, что при этом всегда наступает такой момент, когда правящий класс, не замечая вновь народившейся и растущей под ним новой общественной силы, упорно продолжает отказывать ей в правах, во власти и пр. и цепко держаться за свою привычку, привилегии, господство и пр.; а вновь выступающий на сцену общественный класс, сознавая (в своем развитом меньшинстве) свое бесправие и унижение, инстинктивно чувствуя свою растущую мощь и сильный сознанием поддержки со стороны всех остальных (менее развитых, но столь же заинтересованных) членов своего класса, становится нетерпеливым и старается добиться власти и прав путем физической борьбы, не дожидаясь того момента, когда новые идеи, войдя в сознание *всех* членов вновь выступающего на сцену общественного класса, сделают всякое сопротивление его противников бесполезным и смешным, а всякую борьбу с ними совершенно ненужною. (Конечно, я еще прежде установил *принципиальную* разницу между стремлением к общему счастью во имя христианского *сострадания* и любви к ближнему, или же во имя научно доказанных *прав* всех на доставляемые общежитием блага). *Как* я говорил, ведает один господь бог! Однако мне все время аплодировали, и моя речь имела несомненный успех: причем попы первые подали пример к горячим рукоплесканиям. Столь же успешно было и мое второе возражение, где я смело ворвался в область библейских текстов в вольном переводе на память со славянского на английский. По окончании заседания много незнакомцев (в том числе и попы) подходили пожать мне руку и выразить желание встретиться со мною на других митингах и диспутах, уверяя, что мой убийственный язык ничуть не мешает моей мысли ярко пробиваться из-под этого туманного покрова и говорить умом слушателей. Не мог не рассказать Вам этого курьеза, хотя этот рассказ отнял у меня больше времени, чем я ожидал. Ну, а затем прощайте.

От Вас нет сегодня письма. Но и я хитер: я не пошлю этого письма, пока не получу от Вас чего-нибудь. Обедаю сегодня у Гольда, а вечером иду к Энгельсу повидать Шорлеммера, который только что приехал, а уезжает завтра утром.

Вторник. Вашу воскресную карту получил только сегодня, а то бы я не задержал вчера моего письма. Что это Вам вздумалось опять хворать?! Признаюсь, Ваша записочка меня препорядочно встревожила. Надеюсь, что Вы позовете доктора и полечитесь как следует? Не будьте, пожалуйста,

упрямым и сделайте это.— Как это ни странно, но я и сам не могу похвастаться теперь состоянием моего здоровья. Независимо от насморка и кашля, с самого моего приезда сюда еще не было ни одного дня, чтобы мой желудок был в порядке. Серьезного ничего нет: болей тоже; но все же очень неприятно и с течением времени может повести и к худому. Вот сегодня, например, что-то подташнивает, чего не было раньше.— Вчера, вернувшись домой, нашел у себя на столе воскресный номер «Фигаро». Надо думать, что ко мне заходил какой-нибудь приезжий из Парижа, выехавший оттуда в воскресенье. Но *кто?* Просто ума не приложу!.. Спасибо за пересылку турецкого письма. Затем прощайте и, пожалуйста, поправляйтесь скорее.

Ваш *Г. Л.*

Полностью публикуется впервые *Печатается по рукописи*

М. М. КОВАЛЕВСКИЙ — П. Л. ЛАВРОВУ

В ПАРИЖ

Лондон [июль 1884 г.]

Многоуважаемый Петр Лаврович!

Очень рад буду увидеть Литвинова и исполнить Ваше поручение. На днях вышлю Вам корректуры: хотелось задержать их некоторое время, чтобы самому прочесть. Виделся несколько раз уже с Тусси Маркс и был у Энгельса. Обедаю у него с нею в пятницу. Благодарю Вас за присылку обоих томов «Народной Воли». Я прочел значительную часть статей, и содержание их мне понравилось. Внутреннее обозрение ведется очень недурно, а у автора воспоминаний о ссылке несомненный беллетристический талант. Вы знаете, конечно, что заметки Маркса о России, сделанные за последние годы, не войдут во второй том *. Чтобы Вам настоять на напечатании их хоть отрывками в Вашем издании? Заметки его по поводу Трудов комиссий [168] по налоговой реформе, по всей вероятности, весьма интересны. Если уполномочите меня, я, разбирая на днях с Энгельсом рукописи Маркса, мог бы попросить его об этом.

Ваш *М. Ковалевский*

P. S. Забыл сказать Вам главное, для чего и взялся писать письмо: видите, до чего доходит моя рассеянность. До отъезда своего я проэкзаменовал студентов и потому могу оставаться за границей хоть до августа. В се-

* — «Капитала». *Ред.*

редине августа мне нужно быть в Одессе на археологическом съезде. Следовательно, времени у Вас впереди немало. Рассчитываю пробыть недолго в Париже и подольше на Севере. Итак: Вы перешлете мне рукопись, а я доставлю ее кому следует.

Публикуется впервые *Печатается по рукописи*

С. М. КРАВЧИНСКИЙ — Ф. М. КРАВЧИНСКОЙ

В ЖЕНЕВУ

Лондон, четверг, 17 июля * 1884 г.

Милая моя девочка!

Мне очень грустно, что не могу послать тебе сейчас денег. На днях у меня будут 4 фунта или 5, из коих все что смогу пошлю тебе... А большая сумма будет в середине той недели — дней, значит, через 5. Но будет, наверное, задержка на несколько дней. Ты уж перетерпись и приготовляйся к отъезду. Ты ведь хочешь в самом деле поскорее ко мне приехать. Но честно ли говоришь? Мне ужасно хочется, чтоб ты как можно скорее была. Теперь у тебя предлог: за мной смотреть, потому что я в водоворот окунаюсь; знакомства и приглашения так и сыплются, хотя я и не стараюсь; напротив, мне некогда, да я и не могу пользоваться ими как следует по незнанию языка. Англичане же либо вовсе не понимают по-французски, либо очень плохо. Однако рассуждения после. Теперь расскажу про мисс Маркс ** и Бантинга.

К Энгельсу я пошел в 8 часов, в перчатках, но запросто. Не успел я позвонить и протянуть свою карточку, как на меня накинулась по-нигилистически высокая, смуглая и лохматая (не стриженая, а почти как ты, по-жидовски лохматая) барышня: — Вы Степняк? Вы Степняк? Да? (по-французски, чего не сохраняю во избежание ошибок, которые исказили бы ее прекрасный французский язык).

Я кланяюсь почтительно и утвердительно.

Волокут к Энгельсу — совсем по-нигилистически. Знакомимся.

Через пять минут должен прийти г-н Эвелинг (а не Айкинг). Это — жених, демократический оратор — это я, к счастью, узнал от Чайковского, иначе пропал бы.

Разговоры — ничего замечательного. Мисс Маркс сперва: она трещала больше других. Она очень живая, подвижная, даже вертлявая (не в худом смысле), а от живости характера. Довольно некрасива: крупные черты

* В оригинале ошибочно: 17 ноября. *Ред.*
** — Элеонору. *Ред.*

лица, но когда смеется и закидывает голову — очень мила. Вообще грациозна и довольно стройна. Лет 27.

Мне было очень забавно замечать в ней все родовые признаки жидовки и женщины, которые политическая экономия совсем не вытравила. После первых разговоров она рассказала мне все закулисные истории здешних социал-демократов: одни оказывались ангелами, другие злодеями. Эти злодеи взяли верх, и теперь они овладели «To-Day». Она оттуда вышла и жениха своего увела, и меня подбивала не писать им ни строчки. Я рассмеялся, конечно, и сказал, что меня это не касается, и моя политика — писать туда от времени до времени, пока журнал социалистический; что мне не хочется, чтобы имело вид, что я чураюсь социалистов и в одни буржуазные пишу. Что последнее было бы невыгодно мне ну и т. д., и стал смеяться над привычкой социалистов всегда друг другу хвосты кусать.— Это было, впрочем, в интимной беседе, когда мы с женихом шли к ней домой. Вообще очень приятно, что с ней, безусловно, запросто можно себя держать.

Жених меня в восторг не привел: фигура уж больно неказиста, но не глупый человек, хотя в талантливости сомневаюсь. Не нравится, что нежничают. Она — немного старая дева; едут медовый месяц путешествовать.

Энгельс очень умен и дьявольски образован. Как по-французски говорит! И вообрази, понимает даже миланский диалект: тридцать лет тому назад был в Милане три месяца и диалекта не забыл.— Очень умен. Я как-нибудь напишу о нем еще, очень интересные вещи он говорил.— Это все вчера.

А сегодня я только что от Бантинга. Обед отличный был: два мяса, две рыбы, одна птица, три вина и одно иоганисбергское, а пирожных четыре сорта, потом ягод и фруктов множество, в том числе бананы — приметь, что за вкусная вещь! Обед торжественный: во фраках и белых галстуках. Хозяин в сюртуке, потому что Уэртолл предупредил, что я буду не во фраке. Это очень любезно. Два гостя, которым меня по очереди представили, равно как и двум дамам, повторяя при этом каждый раз мою фамилию. Хозяин очень симпатичный пожилой джентльмен, бородатый, с бритыми усами. Через минут пять докладывают, что обед готов. Все встают: хозяин распоряжается: одну из дам отдает мистеру Слаггу, старшему из двух гостей, и тот взял ее под руку, торжественно ведет в столовую. Другая дама отдается мне. Ввожу по стопам Слагга; хозяин за нами и указывает каждому место: я оказываюсь у него по левую, дама — по правую; с дамой насупротив: созерцайте друг друга, а она совсем невозможная. Все это было очень чопорно и скучно, и у меня начался складываться скверный осадок. Но за обедом он рассеялся. Говорил, впрочем, больше не хозяин, а мистер Слагг, а потом мне пришлось, наполовину по-французски, наполовину по-английски (меня понимают совсем недурно). Слагг подверг меня

внимательному допросу относительно России, славянофильства, воинственных поползновений в Средней Азии, внутри страны и т. п. Потом оказалось, что он — один из лидеров в парламенте (депутат Манчестера) — это мне объяснило его любопытство. А пока я очень с большим удовольствием ему все излагал, потому что сейчас заметно было, что умный человек и много понимающий. А главное, не для разговора разговаривающий, потому что на мои слова он представлял возражения, указывал факты, противоречившие, по-видимому, и требовавшие разъяснения.— В конце обеда он встал и сказал, что ему нужно спешить, что он заговорился и опоздает в комиссию. Хозяин проводил его до улицы, пробыл довольно долго и, вернувшись, с сияющей миной сказал, что мистер Слагг остался очень доволен встречей и что ему было приятно, что мои слова относительно России подтвердили то, что он предполагал на основании книг и собственных размышлений. С этой минуты он со мной стал еще любезнее и на прощанье пригласил бывать у него: мой дом для Вас всегда открыт. Это мне было очень приятно, потому что было искренне сказано. Да, я еще не сказал, как я узнал, что Слагг — член парламента. Я как-то говорил Уэртоллу, что я был бы рад посмотреть на парламент. Ну вот он к нему и обратился. Мистер Слагг взялся с удовольствием, назначил день и обещал все показать. Кроме того, я забыл, что он тоже пригласил меня обедать и Уэртолла — этого для компании — уже этот раз к нему. (В палате самой перед осмотром там даром кормят, недорого). Это, милая моя, что-нибудь да значит, у англичан, да еще у члена парламента. Может статься, что там я опять встречу кого, даже, наверное, встречу и может опять придется с мистером Уэртоллом идти куда-нибудь.

Затем, придя домой, застал письмо от Хенли, который зовет меня к себе вечером в субботу и прямо пишет, что будет иметь удовольствие представить меня *нескольким* из своих друзей, которые уже слышали о моем приезде и хотят со мной познакомиться.— Итак, милая моя, je suis Camée *. Если не хочешь трепетаться, то постарайся скорее приехать. А пока пиши. Я тебе нарочно пишу часто, не дожидаясь ответов, чтобы переписку установить. А починка сюртука мне в 8 шиллингов вылилась. Черт знает, как дорого.

P. S. Напиши, сколько тебе нужно на отъезд: абсолютный минимум.

Полностью публикуется впервые *Печатается по рукописи*

* — я — камея. (здесь в смысле: предмет украшения). *Ред.*

С. М. КРАВЧИНСКИЙ — П. Л. ЛАВРОВУ

В ПАРИЖ

Лондон, [конец июля — начало августа 1884 г.]

Дорогой Петр Лаврович!

Не взыщите, что не писал долго: хотелось послать Вам Диккенсов Лондон, потому что на Литвинова плохая надежда, а денег не было.

Начну с новости: Мисс Маркс * выходит или лучше вышла замуж и по английскому обычаю уехала на месяц путешествовать. Муж ее — г-н Эдуард Эвелинг агитатор и оратор Демократической федерации [205]. Не знаю, знакомы ли Вы. Его очень хвалят. Мне он понравился: простой, как будто русский даже человек. Лет ему около 33—34 — молодой, значит. Если судить по их взаимному обращению, счастье супружеское обещает быть самым полным.

Затем, Ваши знакомые из Британского музея велели Вам кланяться.

В Музей я уже записался, т. е. получил билет. Нашел сокровища по русскому отделу: все главные периодические издания: «Отечественные Записки», «Вестник Европы», «Русская Старина», «Русский Архив», журналы всех министерств и капитальные сочинения по России: весь Костомаров, Соловьев, Сергеевич, Васильчиков и многие другие.

Тем не менее, если позволите, я оставлю у себя пока взятые главы из «Отечественных Записок»: буду держать их для вечерних работ, потому что в Музее только до сумерек.

Чего не нашел, так это земских изданий, которые в марксовской библиотеке имеются. Буду, значит, на них рассчитывать от Вас.

Кланяйтесь очень К. **, если он еще в Париже.

Письмом к Бизли еще не воспользовался, но уже слышал его на митинге в Гайд-парке. Нельзя сказать, чтоб большим оратором был. Одни банальности говорил — как, впрочем, и все ораторы, хотя от него можно было ждать большего.

Ну, до свидания. Не дадите ли поручений? Вы Литвинова какую-то бумагу просили купить, я слышал от товарищей. Так как я сам одержим бумажной слабостью, то понимаю эту слабость в другом и охотно Ваше поручение исполню. Напишите только, какую именно Вам нужно. Я сам несколько уже перепробовал, но не удовлетворен ни одной.

Жму Вашу руку

Ваш *Сергей*

Адрес: (временный. Когда переменю, напишу). Mr. S. Stepniak, 119, Prince of Wales Rd., Haverstock Hill, London, N. W.

Публикуется впервые *Печатается по рукописи*

* — Элеонора. *Ред.*

** По-видимому, Ковалевскому. *Ред.*

Г. В. ПЛЕХАНОВ — П. Б. АКСЕЛЬРОДУ

В ЦЮРИХ

Женева, [лето 1885 г.]

Дорогой Павел!

...Жаль, что мы не можем утешить Вас хоть тем, что нам в Женеве живется недурно. Если бы это было так! Но в действительности мы стоим над бездной всяческих долгов и неуплат, каждый день приближает нас к краю этой бездны, а за что ухватиться, чтобы не упасть — не знаем, да и знать не можем. Плохо! Ну, да унывать не нужно. Авось еще нам улыбнется счастье. А что страдаем мы не напрасно,— это Вы могли видеть из посланного Вам письма Благоева. Если так, то наша беда — еще полбеды... Прощайте, не поддавайтесь унынию, право же, мы еще расцветем и поедем с Вами в Лондон, чтобы явиться по начальству *. Само собою разумеется, что предварительно расплатимся с долгами, а то Фридрих Карлович ** может поставить нам на вид, что если собственность не есть кража, то тем более кража не дает права собственности на похищенные (или взятые в долг) продукты...

Впервые опубликовано в книге: «Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода», М., 1925, том I

Печатается по тексту книги

Г. В. ПЛЕХАНОВ — С. М. и Ф. М. КРАВЧИНСКИМ

В ЛОНДОН

Давос, [ноябрь 1887 г.]

Дорогой Сергей Михайлович и Фанни... (Я нахожусь в затруднительном положении Лаврова, который всегда забывает отчество своих знакомых), деньги я получил и очень благодарю за них, ибо первого числа мне нужно было расплачиваться, так что они пришли как нельзя более кстати. Очень благодарю также Фанни за письмо, которое мне доставило большое удовольствие. Вы советуете мне с Фанни знакомиться с англичанами, чтобы упражняться в английском языке. Но здесь это невозможно. Они живут и держатся совершенно отдельно. В их отелях даже прислуга английская. Это последнее обстоятельство, по-видимому, облегчает дело, потому что в крайности можно было бы беседовать и с прислугой, но отели-то эти очень дороги: меньше 12—15 франков в день за пансион там и цен нет. Чудаки ваши англичане, замечательные. Целый день они катаются с гор

* См. настоящий сборник, стр. 91—93. *Ред.*
** — Ф. Энгельс. *Ред.*

на маленьких санках,— и большие и малые дети. В особенности интересен некий мистер Грэндж, мужчина лет под 50, такого атлетического сложения, что очевидно, не грудная болезнь загнала его в Давос. Этот почтенный островитянин носит высокие сапоги и вместо сюртука и пальто какую-то белую фуфайку, на голове у него красуется вязаная фуражка, так что издали он напоминает петербургского дворника. Целый день он только и делает, что катается с горы, причем ложится грудью на санки и орет густым басом — Achtung! *, чтобы публика сторонилась с дороги. Я очень люблю чудаков всякого рода и уже начал было чувствовать глубокую симпатию к мистеру Грэнджу. Но, о разочарование! В воскресенье я встретил его около английской церкви. Мой мистер был одет самым изысканным образом, имел какой-то франтоватый или даже хлыщеватый вид и сопровождал в церковь свою супругу, нагруженную целыми двумя молитвенниками, из которых один, очевидно, предназначался для мистера Грэнджа. С этих пор он утратил для меня значительную долю своей прелести.

Что касается Энгельса, то я не понимаю, как это Вы, Фанни, упускаете случай познакомиться с таким замечательным человеком. Ведь такие люди родятся раз в столетие, как выразился один мой знакомый ростовский купчина про Бакунина. Павел ** вот тоже боится Энгельса и говорит, что теперь еще было бы *рано* ему с ним знакомиться. И эта боязнь напоминает мне одно примечание из «Капитала» [206]. Не помню уж по какому случаю Маркс касается там жизни какого-то святого. Этот святой (живший в эпоху Возрождения, по-видимому) воображал свое появление на тот свет в таком виде: «Кто ты?» — спрашивает голос. «Я христианин». «Лжешь»,— гремит судия мира,— «ты только цицеронианец» ***.

В таком виде и Павел воображает свое появление у Энгельса: «Ты кто? — Я марксист; ты лжешь,— гневается Фридрих Энгельс,— ты лишь полубакунист!» А Вы-то чего боитесь? За Ваше приглашение приехать к Вам в Лондон я очень благодарен и непременно им воспользуюсь, если только не буду вынужден очень быстро путешествовать к праотцам. На счет моего здоровья сказал бы Вам, что оно хорошо, если бы не знал, что всем грудным больным кажется, что оно очень недурно, даже незадолго до смерти. Несомненно, однако, что силы мои растут. Я много гуляю, аппетит у меня отличный. Скверная штука болезнь, мне всегда казалось, что нашему брату неприлично умирать в своей постели, а вот теперь, пожалуй, придется сделать это неприличие. Не подумайте, однако, что положение мое плохо и что меня осаждают мрачные мысли. Я просто не хочу разделять иллюзий грудных больных и потому, может быть, впадаю

* — Внимание! *Ред.*
** — Аксельрод. *Ред.*
*** Плеханов цитирует примечание из первого тома «Капитала» по-немецки. *Ред.*

в другую крайность. Но эта крайность не портит настроения моего духа, я никогда не дорожил особенно жизнью. Повторяю, в настоящее время мое здоровье недурно, кажется, все признаки говорят за полное выздоровление, но... ручаться нельзя. Ну, довольно об этом, пишите, Фанни, ей-богу, Ваше письмо доставило мне большое удовольствие. Если я не тотчас отвечаю, то единственно потому, что не хотел обременять Вас слишком частой перепиской.

Крепко жму Вам обоим руку

Ваш *Г. Плеханов*

Davos-Platz
Haus Beck

Публикуется впервые — *Печатается по рукописи*

В. И. ЗАСУЛИЧ — С. М. КРАВЧИНСКОМУ

В ЛОНДОН

Женева, 29 августа 1888 г.

Милый Сергей!

Посылаю 2 сборника *, один для Вас, а другой перешлите или передайте, пожалуйста, Энгельсу. Так давно не случалось ничего ему посылать, что я запропастила куда-то его адрес, а все-таки хочется послать ему «для комплимента», больше в виде любезности.

Не произносите приговора о моем Интернационале [251] по этим главам. Дальше у меня идет, право же, гораздо лучше. Тут всего какая-нибудь $^1/_7$ часть, а я так-таки и не умею начинать, как прежде не умела. В двух местах, где говорится о Тихомирове **, отразилось, как видите, наше прошедшее через два фазиса отношение к нему. Ваш ответ очень был бы нелишний. Мне кажется, вот о чем Вы могли бы прекрасно поговорить: это о том несчастном, лживом и жалком существовании, какое ведут, по его изображению, революционеры. Неопытных это очень может пугать. Ведь говорит человек опытный. О «благах монархии» пишет теперь по усиленной просьбе народовольцев Жорж.

Крепко целую Вас и Фаничку

Ваша *Вера*

Я, как видите, выбралась в Женеву (не доплативши).

Мой адрес: Chez M-m Cesar, N 12 route Caroline Plainpalais, Genève.

Жорж в Морне, простудился и немножко нездоров, но не похудел.

Публикуется впервые — *Печатается по рукописи*

* — Два экземпляра сборника «Социаль-демократ» за 1888 год. *Ред.*

** Подразумеваются статья Г. Плеханова «Неизбежный поворот» и его рецензия на брошюру Л. Тихомирова «Почему я перестал быть революционером». *Ред.*

Г. В. ПЛЕХАНОВ — С. М. КРАВЧИНСКОМУ

В ЛОНДОН

[Париж, 20 июля 1889 г.]

Дорогой Сергей Михайлович!

Я теперь в Париже, страшно устал; сегодня кончился конгресс [118]. Несколько дней я хочу остаться в Париже для осмотра выставки... Вас хотелось бы мне видеть всем сердцем, а Энгельса всей головой, но я не думаю, что дело поездки удастся, потому что нет денег. Если бы, паче чаяния, у Вас оказалась сумма, способная покрыть расходы, высылайте ее; я скажу большое спасибо и приеду немедленно *.

Адрес: 49, Boulevard Port-Royal, Mademoiselle Koneff (Коневой, 49 Пор-Рояль).

Крепко жму руку.

Впервые опубликовано в сборнике «Группа «Освобождение труда»» № 1, 1923 г.

Печатается по тексту сборника

В. И. ЗАСУЛИЧ — С. М. КРАВЧИНСКОМУ

В ЛОНДОН

Женева, [около 20 декабря 1889 г.]

Милый Сергей!

Пишу из Женевы, следовательно, с ведома «редакции» **, которая с отчаянным азартом строчит свою статью о Чернышевском. Деньги (даже 100 франков) Элеоноре Эвелинг уже посланы. 25 франков лишних, чтобы ее растрогать и чтобы она за нас старалась у Энгельса.

Рукописи Маркса были бы действительно шикарны для нас, и сотрудничество Энгельса тоже [51]. Относительно Вашего романа ***: ведь в лучшем случае нам от бога положены 4 книжки. Но большее и не обещают. А в романе не меньше (я не посмотрела) 20 листов. Разделить его на 4 книжки будет слишком много на каждую. А главное в эту первую он не поспел бы уже, если бы Вы и очень скоро прислали перевод. Едва успеем набрать все то, что уже имеется для нее. (Энгельсу уже придется для шику и почета дать место, но он не много, вероятно, напишет.)

Под извлечением Жорж понимал именно большие отрывки, связанные

* См. настоящий сборник, стр. 91. *Ред.*

** Подразумевается Г. В. Плеханов; его статья «Н. Г. Чернышевский» была напечатана в журнале «Социаль-демократ» №№ 1 и 2, 1890 год. *Ред.*

*** Речь идет о романе С. М. Кравчинского «Андрей Кожухов». *Ред.*

пересказом содержания, насколько это необходимо для понимания. Так делает «Вестник Европы» со всеми переводными романами Шпильгагена и других. Но Ваш роман целиком к такому способу передачи, по-моему, не подходит. Первые 4 главы, как Вы было предлагали, по-моему, тоже вовсе не самые интересные. А было бы прелестно, если бы Вы для второй книжки перевели или попытку освобождения, которая у Вас очаровательно рассказана. Или суд, приготовления отбивать приговоренных к смерти, неудача и казнь. Или последние главы: приготовление к покушению и само покушение.

Самая захватывающая по интересу была бы, по-моему, вторая тема. Но если начать с попытки освобождения, то так бы и было по 3 книжки по прелестной беллетристике. Моя статья «Революционная интеллигенция» * под заглавием принята и набирается. Жду с нетерпением Вашей на нее критики в письме.

Энгельсу от нас 1000 благодарностей. А срок к 1-му января. Если он перепугается, то к 7-му. Дольше откладывать даже для его статьи [51] нам будет невыгодно. Хотим непременно выпустить к сроку. Жоржа все продолжают гнать отсюда. Теперь он уже с неделю живет без дозволения отсрочки и его могут схватить и выслать. После выхода 1-ой книжки, по всему вероятию, наш журнал запретят. Надо будет переселять его или во Францию или в Англию. Не справитесь ли Вы пока на досуге, т. е. заранее, как можно будет там устроиться в Лондоне. Много ли там дороже, чем здесь, печатание, бумага и прочее. Словом, всякий типографский обиход.

Крепко Вас целуем

Ваша *Вера*

Публикуется впервые — *Печатается по рукописи*

В. И. ЗАСУЛИЧ — С. М. КРАВЧИНСКОМУ

В ЛОНДОН

Морне, [январь 1890 г.]

Милый Сергей!

Вы, вероятно, уже получили наши книги **. Неправда ли громадина? Вы просили 4, а послано 6 экземпляров, 2 лишних для Энгельса и Элеоноры ***. А когда же рукопись? Нам уже надо набирать вторую книжку.

* Статья В. Засулич «Революционеры из буржуазной среды» была напечатана в журнале «Социаль-демократ» № 1, 1890 год. *Ред.*

** Речь идет о журнале «Социаль-демократ», книга первая, февраль, 1890 год. *Ред.*

*** — Маркс-Эвелинг. *Ред.*

Нельзя ли устроить в Лондоне продажу? Не возьмет ли какой книжный магазин? У нас против отпущенной на книгу суммы вышел порядочный дефицит и очень бы интересно хоть отчасти покрыть его из продажи. Здесь, в Швейцарии, продажа идет, но ежели и все, кому полагается, купят, все же выйдет франков 150, не больше.

Жоржа * все еще не выгоняют окончательно. Вот теперь с выходом книги решится, удержимся ли мы здесь?

По всем видимостям, я на днях еду в Цюрих недели на $1^1/_2$, а потому в Морне не пишите, а ежели письмо — то в Цюрих на адрес Павла ** (33. Mühlegasse); а рукопись — в Женеву Жоржу.

Беллетристика у нас, как видите, не ахти какая. Жорж ее облюбовал за направление.

Ваша *Вера*

Публикуется впервые *Печатается по рукописи*

Н. А. КАБЛУКОВ — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

В ПЕТЕРБУРГ

Москва, 2 сентября 1893 г.

Простите, многоуважаемый Николай Францевич, что замешкался с ответом Вам. Но я, в сущности, попал в Москву лишь 3 дня назад, так как, въехав в нее 17 августа, через час уже выехал в деревню, где и пробыл почти две недели. Все, что Вы видели в «Русских ведомостях» писанное мною,— писано еще из-за границы. Из этого Вы уже знаете, что я был на конгрессе [207]. Вернулся вполне здоровым, здоров и сейчас, хотя и требуется осторожность, умеренность и аккуратность — т. е. все более или менее такие вещи, к которым в здоровом состоянии я не привык, но с которыми начинаю свыкаться; что делать! — ведь вот я и с заграницей так было свыкся, что, попав сюда, несколько дней не мог понять, где я и что со мной, и до сих пор мне все чудится, что я еще ничего хорошего не видел и не слыхал, но теперь как будто начинаю свыкаться и с этим. О Вашем возвращении и о Вас я имел сведения от Лихачева, который ранее еще в письме передавал мне и Ваш поклон — я это и понял так, что писать Вам нечего, а Вы извещаете, что благополучно прибыли туда, где дым нам даже сладок и приятен — говорят поэты.

* — Г. В. Плеханова. *Ред.*
** — П. Б. Аксельрода. *Ред.*

Виделся с Ф. Ф.* и беседовал с ним. Вашу книжку он получил [133], сообщил мне, что много с Вами переписывался по поводу ее, но читать ее не читал и теперь не скоро за то примется: 1, трудно ему читать по-русски — давно не читал, 2, некогда теперь — думает заняться 3-им томом **, а этот последний находится в таком положении: надо написать еще одну главу и Schlussredaktion ***. Чтобы это сделалось скоро — не особенно надеюсь, так как после моего свидания с ним он еще рассчитывал месяца $1^1/_2$—2 пробыть в Германии и Австрии, и за дело, конечно, примется, когда вернется к себе. Но успокоился я, с другой стороны, тем, что он на вид много свежее, чем был 11—12 лет тому назад, до сих пор имеет лишь бороду седую и вообще еще очень бодр и подвижен — авось и вывезет.

Впечатление конгресс на меня произвел очень сильное — растет новая сила, стройная, сознательная и спокойно уверенная в своем значении — хотя еще многому надлежит там перевариться и много исторических наслоений надо стряхнуть с себя, а все же наиболее стройности, стойкости, последовательности и умения проявляют англичане.

Виделся я и с Вашим старым знакомым ****, которым Вы так интересовались при нашем свидании,— весьма он рад был иметь сведения о Вас и весьма бы желал видеться с Вами. Материальное его положение, повидимому, не особенно завидно, но сносно, работает он усердно и рассчитывает на успешность и развитие своего дела. Кроме того, он мне сообщил по поводу одного Вашего общего знакомого (фамилию которого я, однако, забыл — но он говорит, что Вам это интересно знать — простите за забывчивость) — что тот нездоров — таковы были недавние и точные сведения.

И зачем это в «Вестнике Европы» дают место гг. Слонимским — как будто и не ко двору.

Жду от Вас весточки.

Ваш *Н.*

Публикуется впервые *Печатается по рукописи*

* — Федором Федоровичем. Так иногда называли Ф. Энгельса его русские корреспонденты. *Ред.*

** — «Капитала». *Ред.*

*** — окончательная редакция. *Ред.*

**** См. следующее письмо. *Ред*

Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОН — Н. А. КАБЛУКОВУ

В МОСКВУ

С.-Петербург, 4 сентября 1893 г.

А я все до последнего времени рассчитывал, что вот-вот приедете Вы, Николай Алексеевич, о многом хотелось поговорить, многое порасспросить, о чем писать подчас и не стоит...

Я все побаивался, как бы не отразилась на Вашем здоровье та экскурсия [207], которую Вам пришлось совершить. Поэтому появление Вашей корреспонденции от начала августа меня порадовало вдвойне; и как доказательство, что все обошлось благополучно, а также потому, что Вам пришлось быть свидетелем любопытного и поучительного явления.

Федор Федорович * совершенно прав, не читая «Очерков» [133]; действительно, для него в них нет решительно ничего нового, такого, что касается фактов, чтобы ему не было известно из писем. Хотя, конечно, было бы очень приятно узнать его мнение о некоторых главах, в которых, если и содержатся факты, может быть и такие, о которых я ему не писал, но мнение его интересно не о них, а о той группировке их, которая стремится доказать, так сказать исторически, происхождение прибавочной стоимости, например, IX глава 2-го отдела. Но мало ли что было бы приятно узнать! Пусть бы уже он покончил поскорее с 3 томом **. Но как будто и тут не предвидится конца краю... Написать еще одну главу, это бы еще куда ни шло, а вот Schlussredaktion *** меня пугает, о ней я слышу, по крайней мере, около 10 лет... А тут еще вздумал 7—8 недель остаться в Германии (не знаете зачем?), а там наступит зима, время для работ для него не особенно благоприятное: он любит раннюю осень. Хотя он и очень крепок и цветущ, но все мы под богом ходим... А я-то сидел и каждый день ждал, что вот-вот принесут первые листы ****.

Ах, как много хотелось бы порасспросить у Вас о Ваших впечатлениях; чего хотят сегодня представители собрания на конгрессе [207], это еще с грехом пополам нам известно, но чего они хотят иметь завтра, послезавтра, какими путями хотят они добиваться желаемого — вот те вопросы, которые крайне интересуют и Вас и меня и на которые Вы, может быть, имеете ответы.

Вы говорите, что виделись с моим старым знакомым, но так как фамилию его забыли, то по всему видно, что это Кудесников и что он сооб-

* — Ф. Энгельс. *Ред.*

** — «Капитала». В оригинале описка: 1. *Ред.*

*** — окончательная редакция. *Ред.*

**** С тех пор как я послал книгу, писем от него не имею. Боюсь, что конфузится писать, не прочтя книги, было бы жаль... *(Примечание автора.)*

щил Вам о болезни нашего общего с ним знакомого и знакомого К. В., а именно Шевла.

Признаюсь, меня бросило в краску от Ваших похвал в «Русских ведомостях». От всей души благодарю Вас за Ваше мнение, но до сих пор продолжаю сомневаться относительно научного значения этой работы. В ней, действительно, сделана попытка нарисовать общую картину современного состояния и указать, как и почему все совершающееся совершилось. Но с научной стороны, что же в этом нового? В некоторых случаях может быть нова группировка фактов, может быть, для нас, русских, вопрос тот или иной получает более полное освещение, и то только благодаря тому, что факты нам близки. Но что в этом нового с научной точки зрения? Как приложение теории, выработанной на фактах жизни нам чуждой, к явлениям нашей хозяйственной жизни эта попытка может еще иметь свое решение, но и только. Для иностранца, например, она может послужить только иллюстрацией теории, им отлично известной. А для нас, русских, такие попытки имеют значение, на мой взгляд, в том смысле, что приучают смотреть на явления общественной жизни не как на отрывочные, случайные, а как на отправления чего-то целостного, единого, нераздельного, это с одной стороны; а с другой,— знакомят с теорией не в абстрактных ее положениях, а на фактах нашей собственной жизни, жизни, следовательно, довольно-таки близкой нам, заставляют задумываться...

Такие попытки, впрочем, могут принести иногда пользу общественного самосознания и с другой стороны. Известно ли Вам, например, чрезвычайно важное открытие, которое сделано на днях в области экономической науки и которое, надо полагать, затмит собой все. Слушайте: «Освобождение рабочего времени, которое прежде было занято домашним производством, не могло ухудшить хозяйственное положение крестьян уже потому, что это производство не давало прямого заработка: *занятия, сами по себе не вознагражденные платою и не дающие заметной материальной выгоды, могут иметь большое нравственное значение, но они не играют роли при оценке экономического состояния трудящихся»*. Так что если теперь будет подниматься вопрос о том, на сколько времени хватает крестьянам своего хлеба, то Вы можете прямо сказать, что этот вопрос имеет только *нравственное* значение. Кто усомнится, находились ли Вы в здравом уме и твердой памяти, сошлитесь на авторитет Слонимского: «Вестник Европы», сентябрь, стр. 324. А вот еще один из множества перлов, рассыпанных так щедро в критическом исследовании названного автора: «Простейшие факты запутываются туманом ненужной фразеологии, принимаемой за анализ, *отделение орудий труда от производителя усматривается там, где просто нет рабочего скота* и ***надо достать его*** (!!), где, следовательно, «орудие труда» вовсе не ушло к капиталисту, землевладельцу. Отсутствие

у крестьян необходимых принадлежностей хозяйства по *разным случайным* и *внешним причинам* (и зачем только господа земские статистики посылали свои труды в «Вестник Европы»? Зачем они работали над какими-то комбинационными таблицами, когда это объясняется так просто и ясно), например, вследствие продажи за недоимки, выдается как будто за плоды внутреннего экономического процесса, происходящего в народном хозяйстве», стр. 326.

Так вот я и говорю, что попытки, вроде моей, могут принести и ту пользу, что от соприкосновения с ними обнаруживается вся пустота и бессодержательность кое-кого из публицистов-экономистов. Ведь надо было противопоставить что-нибудь фактам, они и выдвигают, что же они выдвигают?..

В. В.* говорил, что это он передал «Очерки» для редакции С — у**, и хотя знал его за человека храброго и стремительного, но никак не ожидал, что рецензия появится недели через три по получении книги...

Хотя и отрицательная, но польза пока все-таки, как видите, есть. Но не враги опасны. Опасны друзья вроде В. В. Читали Вы его новую книгу «Наши направления»? [208] В ней он только мельком отзывается о первых, прилагая к ним эпитет «прекрасно»,— но по содержанию книги именно этот автор требует самого строгого критического анализа его положений и выводов. Однако продолжать нет времени.

Были ли Вы на Низен? *** Как проводили время? Беседовали ли с Лихачевым? Писали ли доктору Б. Даниловой, о которой я Вам говорил при свидании и что из этого вышло? Кажется, после моего отъезда наступила отвратительная погода, дождь, холод. По крайней мере так сообщает мне один знакомый с Люцернского озера.

Ваш *Н. Ф. Даниельсон*

Публикуется впервые *Печатается по рукописи*

В. И. ЗАСУЛИЧ — Л. Г. ДЕЙЧУ

Цюрих, [осень 1893 г.]

Прошлое письмо я писала больная и совсем не в духе и мало рассказывала о Цюрихе [207] (о празднестве там). А видела я там массу интересного народа. Начать хоть с Фридриха Карловича [Энгельса]. Он был у нас,

* Псевдоним В. П. Воронцова. *Ред.*
** — Слонимскому. *Ред.*
*** — горы в Швейцарии. *Ред.*

то есть у Павла *, раза три. Совсем простой, ласковый такой старик. Уж на что я трусиха на незнакомых людей, а и то с ним сразу освоилась. Впрочем, особенно интересных разговоров с ним не было: о том, как поступали голландцы (на конгрессе), как ведут себя французы,— а ведут они себя глупее глупого,— и т. п. текущие темы...

Впервые опубликовано в сборнике «Группа «Освобождение труда»» № 4, 1926 г.

Печатается по тексту сборника

В. И. ЗАСУЛИЧ — Л. Г. ДЕЙЧУ

Морне, [лето 1894 г. **]

Мне, кажется, нельзя будет здесь остаться, а куда попаду, еще не знаю. Кажется, что некуда попасть, кроме Англии. Проклятые ученики разных географов [209] такие штуки вытворяют, что скоро нигде на свете жить нельзя будет. И ведь герои при этом. Как обезьяна — совсем бы человек, только смысла ей недостает. Так и они: совсем герои, только без смысла. Впрочем, не только без смысла, а в противность всякому смыслу: приносят огромную пользу тем, кому желают вредить (впрочем, и действуют-то они в большинстве случаев при помощи и по подстрекательству агентов тех, кому желают вредить), и страшный вред тому, чему не должны бы желать вредить,— движению. Это его худшие враги. Чуть что случится в Париже, местные власти бросаются на иностранцев, а так как во всей верхней Савойе, кроме нас с Жоржем, никого нет, то на нас. Такие мне пришлось сцены пережить, каких и в России никогда не случалось. У нас делают, что прикажут, но от себя не прибавляют ни грубости, ни ненавистничества, а здесь именно это от себя. Ты это и сам испытал во Фрейбурге. Затруднительное предвижу я положение в Лондоне, если придется туда попасть. Я очень люблю Сергея и, вместе, очень дорожу хорошими отношениями с такими хорошими немцами, как Энгельс и его друзья, а между тем компания Сергея в ссоре с немцами. Вначале Сергей был с ними, в особенности с Элеонорой Маркс-Эвелинг (она — премилая баба, я с ней в Цюрихе познакомилась, совсем простая, умная, деловая), в огромной дружбе. Их (т. е. Сергея и его К°) предприятием Энгельс очень увлекался и даже нас туда тащить старался [210]: он думал, что они приобретут большое влияние на общественное мнение. Но понемногу выяснилось, что никакого влияния они не имеют и иметь не будут, что все застыло на нескольких десятках сентиментальных старушек, нескольких тоже десятках попов

* — Аксельрода. *Ред.*
** В сборнике «Группа «Освобождение труда»» ошибочно: апрель 1895 г. *Ред.*

и 2—3 заблудших «эксцентричных» членов палаты. Эта почтенная, но не имеющая значения компания дает деньги на очень вялую и составленную по английским же газетам газетку. Компания эта желает нам всего того, что [уже] есть в Англии, но для нее очень *шокинг* желать чего-нибудь, чего там нет. А между тем и среди англичан есть очень много народа, желающего многого того, чего там нет, и именно с этим народом в дружбе Энгельс, Элеонора и др. А наши подлаживаются к своим английским попам и до такой степени, что, когда раз на их собрание пришел и хотел заговорить, выразить сочувствие один очень видный английский рабочий, желающий лишнего, попы и старушки лишили его слова, не зная, что̀ он скажет,— просто за его известные взгляды,— а наши промолчали. Компания Сергея говорит, что их с немцами поссорил Мендельсон. Я об этом спросила Элеонору. Она отвечала: «как он мог бы нас поссорить, когда мы с Сергеем были во 100 раз ближе, чем с Мендельсоном; но с тех пор, как он, Сергей, сжился с благочестивыми и умеренными англичанами, мне нельзя бывать у него, так как он боится англичан. Если меня заставал у него кто-нибудь из его англичан, он так конфузился, так терялся, что бывало слишком обидно и за себя и за него как представителя русских».

Если бы меня поставили в необходимость выбрать между теми и другими, я выбрала бы немцев. Ради пустейшей газетки не стоит и просто унизительно ставить себя в такое фальшивое положение, в какое поставили себя Сергей и К⁰.

У Жоржа умерла третья маленькая дочка (4 л.); он очень тоскует по ней и с тех пор все хворает.

Впервые опубликовано в сборнике «Группа «Освобождение труда»» № 4, 1926 г.

Печатается по тексту сборника

В. И. ЗАСУЛИЧ — Г. В. ПЛЕХАНОВУ

В ЖЕНЕВУ

Лондон, среда [28 ноября 1894 г.]

Обед у Фридриха Карловича * был парадный [211]. Индейка ростом с 2-годовалого ребенка. На всяком приборе букеты и билетики, кому прибор. Посылаю мой билетик, показывающий старание старика писать по-русски. Гостей, кроме тех, что и вы встречали у него, были всего только Моттелеры. Скука мне была весьма основательная. Приглашена опять на такую

* — Ф. Энгельса. *Ред.*

скуку под Новый год *. Обещала быть, но уж не знаю — не заболеть ли? В действительности-то у меня нездоровье какое-то бывает после беготни, вот сегодня, а то ничего, здорова...

Впервые опубликовано в сборнике «Группа «Освобождение труда»» № 4, 1926 г.

Печатается по тексту сборника

В. И. ЗАСУЛИЧ — Г. В. ПЛЕХАНОВУ [212]

В ЖЕНЕВУ

Лондон, 31 декабря 1894 г.— 1 января 1895 г.

Милейший Георгий Валентинович,— это в самом деле хорошее учреждение — писать в субботу, если когда без обману: встаешь в понедельник и уже знаешь, что внизу лежит письмо. Опять пишу Вам пред уходом к Фридриху Карловичу встречать Новый год. Положим, там, вероятно, будет шампанское, но, тем не менее, меня просто страх берет перед путешествием. Погода (все хвалят), но, по-моему, просто ужасная. Очень ясно, ни тени тумана, но мороз, скользко и страшный ветер. Уж пора бы идти, а я принялась писать, именно чтобы выиграть время. Я ведь и не говорила, чтобы Кот ** был плох. И например, последняя глава, которую я сейчас читала — об Arbeitsrente ***, мне очень понравилась своей историчностью: из нее выходит, что когда (en grand **** в истории) средства производства принадлежат производителю, то для получения с него прибавочной стоимости он, производитель, сам более или менее кому-нибудь да принадлежит (не свободен), то государству (на Востоке и у нас), то феодалам. Нет, Кот-то недурен, но Фридрих Карлович из излишнего почтения все же выпустил его в публику неумытым и непричесанным.

1895 год, 1 января

Поздравляю с Новым годом! Проснулась я нынче совершенно несчастной. Вчера от Фридриха Карловича всей компанией 2 часа пришлось бежать пешком: конки уже не ходили. А ветер при морозе был такой, как в Женеве в самую страшную бизу. Сегодня у меня с $1/2$ дюжины болезней. Зубы болят, голова и полспины болят, вдобавок кашель бередит и голову и спину. Ну, зато теперь праздники прошли, и можно будет недели 2 ровнехонько никуда не показываться. Вчера немцы все старались острить

* См. следующее письмо. *Ред.*
** Так В. И. Засулич называла III том «Капитала». *Ред.*
*** — трудовой ренте. *Ред.*
**** — в целом. *Ред.*

и рассказывать смешные анекдоты. В особенности старался немец, который сидел недалеко от Вас на социалистическом обеде — что-то вроде Шоу называется он. Я и понимала их и переводили-то мне, а все-таки никак не могла схватить, чем они смешны. Должно быть, как и еврейские, они смешны только на родном языке. Пришла я поздно, и подле Фридриха Карловича места были заняты, так что я села далеко. Со своей обычной любезностью он сейчас, как отъели, приволок стул и сел подле меня. Я решила заговорить о Коте и для подготовки завела разговор о безнадежности и никуда негодности здешнего социализма. Он принялся renchérir * эту же тему: здесь и всеобщее избирательное право не будет иметь никакого значения. Рабочие им не воспользуются. Для самостоятельного участия в выборах надо тратить деньги или труд, как в Германии, а английский рабочий пальцем не пошевелит и копейки не даст, раз не рассчитывает получить от этого прямой денежной выгоды. Счастье Германии, что политическая буржуазная революция в ней так запоздала, что досталась на долю уже проснувшемуся рабочему классу. Это не дает немецкому рабочему классу уйти в чисто ремесленную борьбу, как английскому, поддерживает в нем общественные, политические интересы. То же счастье предстоит и России. По нашим словам, в ней рабочий класс читает, просыпается, следовательно, примет сознательное участие в политическом освобождении. Это как раз подвело меня к тому, что мне хочется ему изложить. Ну, мол, а без нас с Германией? Не подсказывают ли его же собственные, Энгельсовы, примечания и добавления [213], что анархия в производстве уменьшается — кризисов-то с 1867 года нету и на прежний фасон больше не будет? — Schwindel ** был результатом незнания капиталистами того всемирного рынка, на который они производили. Теперь телеграфы, быстрота сообщений и прочее сделали то, что рынок они знают и уж не фантазируют, что, сколько ни производи, где-то кто-то купит. Маркс говорит, что, сосредоточившись в руках очень крупных капиталистов, производство должно задремать (einschlummern), перестать гоняться за Extraprofit'[ом] ***, следовательно, перестать усиливать производительность труда, «уширять» производство и прочее. Вот это самое и делают (и делают сознательно) картели. Сосредоточивши целую отрасль производства в своих руках, поделивши между собой рынок, картель не имеет никаких резонов впасть в Schwindel и очень мало резонов усиливать производительность труда. Конечно, картели только облегчают планомерную организацию производства захватившим власть пролетариатом, да у английского-то пролетариата нет никакой психологической возможности такого захвата и орга-

* — развивать. *Ред.*
** — производственный и торговый ажиотаж, аферизм. *Ред.*
*** — сверхприбылью. *Ред.*

низации, и английская жизнь an und für sich * вовсе не идет к развитию этой психологической возможности. Но это я Вам излагаю, а ему-то только что собралась с духом начать, как было заявлено, что всего 5 минут остается до Нового года и надо готовить стаканы. Так я и не созналась в чтении Кота. Шампанского не было, а какая-то кислятина. Сегодня утром я получила money order ** на 39 шилл., и опять в сомнении, от кого? Положим, Павлу даже и не суметь так послать, но от Вас это слишком много, ведь «на комод» Вы еще не могли получить (ой, как голова болит, пока писала о Коте было забыла о ней. А Вы не думайте, что меня эти мысли огорчают. Ни на волос,— я «саморазлагающегося» капитализма никогда не любила, а эти мысли увеличивают для меня значение идеологии). Напишите, Вы ли послали, а то я в сомнении,— не осмеливаюсь идти получать. На ордере говорится не давать, кто не скажет имени. А вчера Элеонора спросила Ваш адрес, чтобы послать Вам 15 шилл., которые, она думает, получатся на этой неделе, так как начато печатание в «Weekly Times» Ваших анархистов [145].— Я ей сказала, что Вы их мне предназначили; она, конечно, ничего против этого не имеет. Таким образом, я становлюсь ужасно богата. Могу Вам вернуть часть, а коли не надо, так куплю себе даже стеганое пуховое одеяло, а то стало по ночам страшно холодно, и я натаскиваю на себя все платья, не исключая парадного. Непременно пришлите «Неделю». Злиться на противников для человека очень полезно. Верну Вам ее в целости вместе с Котом, на котором не найдете ни одного портрета моего пальца, я как только замечаю такой палец, сейчас его вылизываю.

Ваша *Вера*

Впервые опубликовано в сборнике «Группа «Освобождение труда»» № 4, 1926 г.

Печатается по рукописи, сверенной с текстом сборника

А. КОНОВ — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ [214]

В ПЕТЕРБУРГ

Берлин, 25 февраля 1895 г.

Милостивый государь!

Намереваясь перевести на немецкий язык Ваши «Очерки пореформенного хозяйства» [133], я обратился к г-ну Фридриху Энгельсу с просьбой высказать его мнение по этому поводу. К моему большому удовольствию, г-н Энгельс самым благоприятным образом отозвался как о Вашей книге,

* — сама по себе. *Ред.*
** — почтовое извещение о деньгах. *Ред.*

так и о намерении перевести ее на немецкий язык. Он не только готов рекомендовать издание перевода Дицу в Штутгарте, но выразил, кроме того, намерение написать в «Neue Zeit» статью [215], в которой, указав на выдающиеся достоинства Вашего исследования, отметит и пункты разногласий своих с конечными его выводами.

Мне остается теперь просить Вас, милостивый государь, сделать все те указания, какие Вы найдете необходимым в интересах возможно лучшего выполнения предпринятой мною работы. Быть может, Вы найдете нужным на основании Ваших позднейших статей сделать какие-либо дополнения или изменения в тексте Вашей книги.

Готовый к услугам

А. Конов

Публикуется впервые *Печатается по рукописи*

В. И. ЗАСУЛИЧ — Л. Г. ДЕЙЧУ

[Лондон, лето 1895 г.]

Дорогой брат, давно что-то от тебя нет писем. Я продолжаю поживать в Лондоне, все на той же квартире. Очень мало кого видаю, да теперь же и все на даче...

Фридрих Карлович *, бедный, очень болен: какой-то нарыв на шее затяжной не проходит и почти не дает ему спать второй месяц, что страшно его истощает. Едва ли выживет. Очень жаль его: он не только Фридрих Карлович, но и очень хороший человек. Едва ли кто заменит его и приобретет когда-нибудь то общее доверие, каким он пользуется и так разумно всегда употребляет. В нем удивило меня еще то, что в 75 лет в его уме не замечается ничего окаменевшего (мне это особенно кидалось в глаза по сравнению с русскими полустариками; в Швейцарии-то я, кроме своих, только с молодежью встречалась). Обо всяком явлении он судит на основании его самого, так сказать, а не по запомненной еще в молодости мерке, а это, право, редко бывает...

Впервые опубликовано в сборнике «Группа «Освобождение труда»» № 4, 1926 г. *Печатается по тексту сборника*

* — Ф. Энгельс. *Ред.*

III

СТАТЬИ, БИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

ИЗ СТАТЬИ «РУССКАЯ ВЕТВЬ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ»[216]

...Ограничиваясь на первый раз этими пояснительными словами, мы отсылаем читателя к ознакомлению с программой и уставом Русской секции. Вместе с тем, мы обращаем его внимание на письмо К. Маркса. Оно написано им в ответ на приглашение Русской секции быть ее представителем при Главном Совете. Нам не к чему распространяться о том, какие мотивы руководили общим собранием в его единодушном обращении к К. Марксу. Его имя слишком хорошо известно всем тем из русских, которые сколько-нибудь следят за социальным движением. Маркс был одним из первых основателей Международного Товарищества Рабочих, и он всегда ратовал против того всероссийского и всеславянского *земского* царизма, которому пели восторженные гимны наши великие патриоты и наши отчаянные революционеры старой эмиграции. Он всегда ненавидел русское императорство и давно уже ждал пробуждения русского народа, изучая его социальный быт на его собственном *русском* языке! Мы рады были случаю выразить Марксу признательность русских социалистов за его труды, столь полезные для всех нас, и мы рады его согласию быть нашим представителем при Главном Совете, потому что в этом согласии выражается полная солидарность его воззрения с нашим на пользу и необходимость водружения интернационального знамени в России...

Впервые опубликовано в газете «Народное дело» № 1, 15 апреля 1870 г.

Печатается по тексту газеты

В. И. ТАНЕЕВ

ИЗ РАБОТЫ «МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБЩЕСТВО РАБОЧИХ» [217]

II

Знакомый в мельчайших подробностях с положением рабочего класса в Европе, Маркс задумал основать такое общество, в состав которого вошли бы городские и сельские рабочие всей Западной Европы; которое могло бы поддерживать их при неимении работы, во время стачек и в других затруднительных обстоятельствах, и посредством которого рабочие могли бы изменить существующий экономический порядок, взять в свои руки землю и другие орудия производства и пользоваться вполне продуктами своего труда, не отдавая из них большей части землевладельцам, фермерам и хозяевам промышленных предприятий.

III

Маркс воспользовался всемирной выставкой *, которая происходила в том же году в Лондоне. На выставку собрались рабочие разных стран. Они постоянно сходились между собою, рассуждали о своем положении и изучали устройство рабочих союзов, основанных в Англии для поддержания стачек и имеющих для этого большие запасные кассы. 5-го августа был устроен международный праздник рабочих, на котором английские рабочие прочли адрес, обращенный к французским. В этом адресе говорилось, что рабочие разных национальностей имеют одни и те же цели, которых нельзя достигнуть без борьбы, и что для этой борьбы необходим международный союз рабочих. Праздник кончился тем, что участвовавшие условились образовать в своих странах комитеты, посредством которых рабочие всей Европы могли бы находиться в постоянных сношениях между собою, действовать заодно и помогать друг другу. Так возникло Международное общество и стало организовываться медленно, но прочно, под руководством Маркса. Он не хотел подвергать нового общества тем опасностям, каким всегда подвергаются тайные общества, и приступил к его устройству открыто и публично, стараясь придать ему характер правильного и законного учреждения. Сотрудниками Маркса были: столяр Оджер, портной Эккариус (немец), инструментальный мастер Дюпон (француз), часовщик Юнг (англичанин) и несколько других рабочих...

Печатается по тексту книги:
В. И. Танеев. «Детство. Юность. Мысли о будущем», М., 1959, стр. 482—483

* Имеется в виду Всемирная промышленная выставка 1862 года. *Ред.*

Г. В. ПЛЕХАНОВ

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОТ ПЕРЕВОДЧИКА [110]

(ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ «МАНИФЕСТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ» 1882 ГОДА)

Имена Карла Маркса и Фридриха Энгельса пользуются у нас такою громкою и почетною известностью, что говорить о научных достоинствах «Манифеста Коммунистической партии» значит повторять всем известную истину. Вместе с другими сочинениями его авторов «Манифест» открывает новую эпоху в истории социалистической и экономической литературы, эпоху беспощадной критики современных отношений труда к капиталу и чуждого всяких утопий, научного обоснования социализма. Едва ли нужно поэтому объяснять мотивы, побудившие «Русскую социально-революционную библиотеку» издать «Манифест» на русском языке. Достаточно сказать, что вышедший в шестидесятых годах русский перевод его представляет собою теперь библиографическую редкость в полном смысле этого слова [111]. Кроме того, в перевод этот закралось, как нам кажется, несколько неточностей, мешавших правильному пониманию мыслей авторов. Мы решились сделать новый перевод этого великого, хотя и необъемистого, произведения, которое разошлось в огромном количестве экземпляров во всех цивилизованных странах и несомненно получило бы еще большее распространение, если бы образованные представители господствующих классов продолжали интересоваться наукой даже в том случае, когда выводы ее противоречат их интересам и предрассудкам.

Нам казалось, что издание русского перевода «Манифеста Коммунистической партии» не только полезно, но и необходимо теперь, когда русское социалистическое движение окончательно уже выступило на путь открытой борьбы с абсолютизмом, и вопрос о значении и задачах политической деятельности нашей партии становится жгучим практическим вопросом. Взаимная зависимость и связь политических и экономических интересов трудящихся указаны в «Манифесте» с полною ясностью. Авторы его сочувствуют «всякому революционному движению против существующих общественных и политических отношений» [218]. Но отстаивая ближайшие, непосредственные цели всякого революционного движения, они в то же время не упускают из виду его «будущности». Поэтому «Манифест» может предостеречь русских социалистов от двух одинаково печальных крайностей: отрицательного отношения к политической деятельности, с одной стороны, и забвения будущих интересов партии — с другой. Люди, склонные к первой из упомянутых крайностей, убедятся в том, что «всякая классовая борьба есть борьба политическая» и что отказываться от активной

борьбы с современным русским абсолютизмом значит косвенным образом его поддерживать. С другой стороны, «Манифест» показывает, что успех борьбы всякого класса вообще, а рабочего в особенности, зависит от объединения этого класса и ясного сознания им своих экономических интересов. От организации рабочего класса и непрестанного выяснения ему «враждебной противоположности» его интересов с интересами господствующих классов зависит будущность нашего движения, которую, разумеется, невозможно приносить в жертву интересам данной минуты.

Основания этой организации русского рабочего класса могут быть заложены уже в настоящее время. Русское социалистическое движение не ограничивается уже пределами того слоя, который принято называть учащейся молодежью, мыслящим пролетариатом и т. п. Рабочие наших промышленных центров, в свою очередь, начинают «мыслить» и стремиться к своему освобождению. Несмотря на все преследования правительства, тайные социалистические организации рабочих не только не разрушаются, но принимают все более широкие размеры. Вместе с этим расширяется социалистическая пропаганда, растет спрос на популярные брошюры, излагающие основные положения социализма. Было бы очень желательно, чтобы имеющая возникнуть русская рабочая литература поставила себе задачей популяризацию учений Маркса и Энгельса, минуя окольные пути более или менее искаженного прудонизма.

Правда, у нас до сих пор еще довольно сильно распространено убеждение в том, что задачи русских социалистов существенно отличаются от задач их западноевропейских товарищей. Но не говоря уже о том, что окончательная цель должна быть одинакова для социалистов всех стран, рациональное отношение наших социалистов к особенностям русского экономического строя возможно лишь при правильном понимании западноевропейского развития. Сочинения же Маркса и Энгельса представляют собою незаменимый источник для изучения общественных отношений Запада.

Скажем теперь несколько слов о «приложениях», помещенных нами в конце книги. В своем предисловии к немецкому изданию 1872 года авторы «Манифеста» указывают на опыт Парижской Коммуны, «показавшей, что рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и воспользоваться ею для своих собственных целей» [219]. При этом они ссылаются на брошюру «Гражданская война во Франции», в которой вопрос о развитии и значении современной государственной власти рассматривается подробнее. Ввиду того, что русское издание этой брошюры [220] теперь уже совершенно разошлось, мы решились приложить к «Манифесту» перевод указанного авторами места из «Гражданской войны во Франции». Что касается Устава Международного Товарищества Рабочих, то мы считали

его интересным дополнением к «Манифесту» потому, что это знаменитое Товарищество представляет собою в высшей степени плодотворный опыт международной организации рабочего класса на началах, впервые развитых в *«Манифесте Коммунистической партии»*. Несмотря на непродолжительность своего существования, Международное Товарищество Рабочих сделало свое дело, скрепивши братскими узами солидарности социалистические партии всего мира.

Печатается по тексту брошюры: «Манифест Коммунистической партии Карла Маркса и Фр. Энгельса». Женева, 1882, стр. III—V

П. Л. ЛАВРОВ

НА МОГИЛУ КАРЛА МАРКСА ОТ РУССКИХ СОЦИАЛИСТОВ [221]

От имени всех русских социалистов шлю последний прощальный привет самому выдающемуся из всех социалистов нашего времени. Угас один из величайших умов; умер один из энергичнейших борцов против эксплуататоров пролетариата.

Русские социалисты склоняются пред могилой человека, сочувствовавшего их стремлениям во всех превратностях их страшной борьбы, борьбы, которую они продолжают и будут продолжать, пока не восторжествуют окончательно принципы социальной революции. Русский язык был первым, на котором появился перевод «Капитала» — этого евангелия современного социализма. Студенты русских университетов были первыми, кому довелось услышать сочувственное изложение теорий могучего мыслителя, которого мы теперь потеряли. Даже те, кто расходился с основателем Международного Товарищества Рабочих в практических организационных вопросах, всегда бывали вынуждены все же склониться пред всеобъемлющими знаниями и высокой силой мысли, сумевшей глубоко вскрыть сущность современного капитала, эволюцию экономических форм общества и зависимость всей человеческой истории от этой эволюции. Даже самые яростные противники, которых он встретил в рядах революционных социалистов, не могли, однако, не внять великому революционному призыву, который Маркс и Ф. Энгельс *, друг всей его жизни, бросили тридцать пять лет тому назад:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

* При переводе данного обращения на немецкий язык Энгельс опустил свою фамилию. *Ред.*

Смерть Карла Маркса пробудит скорбь у всех, сумевших понять его мысли и оценить его влияние на нашу эпоху.

Я позволю себе прибавить, что эта смерть пробудит еще более тяжкую скорбь у тех, кто знал этого человека в его личной жизни, а особенно у тех, кто любил его как друга.

П. Лавров

Париж, 15 марта 1883 г.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 19, стр. 352—353

Л. Г. ДЕЙЧ

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА [199]

(ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ РАБОТЫ К. МАРКСА «НАЕМНЫЙ ТРУД И КАПИТАЛ»)

Карл Маркс, автор настоящей брошюры, к переводу которой мы приступили еще при его жизни, скончался 14 марта, от грудной болезни, на 65 году жизни, в добровольном изгнании, в Лондоне, и 17 числа похоронен на кладбище Хайгет, в той же могиле, в которой 15 месяцев назад погребена была его жена.

Со смертью Маркса цивилизованный мир лишился одного из гениальнейших мыслителей нашего столетия,— великого ученого, сделавшего громадные вклады в разные отрасли общественных наук. Обладая колоссальными знаниями и необыкновенным критическим талантом, К. Маркс сделал многое не для одной лишь чистой науки. Своим неустанным трудом на пользу эксплуатируемых масс, своей беспощадной критикой существующего буржуазного строя, этот великий мыслитель-революционер, давший научную подкладку современному социализму и основавший «Международное Общество Рабочих» *, оказал такую услугу делу освобождения пролетариата, какая не выпала на долю ни одного из его предшественников. Естественно, поэтому, с какой скорбью проводили в могилу своего великого борца сотни тысяч рабочих тех стран, в которых социализм пустил свои корни. Понятно также, почему буржуазное общество с таким холодным равнодушием прочитало краткие сообщения своей прессы о смерти этого гениального ученого, которому, вероятно, лишь с торжеством пролетариата будет отведено место наряду с Ньютоном и Дарвином.

* — Международное Товарищество Рабочих. *Ред.*

Сожаления русских социалистов, по поводу смерти Маркса, вполне выразил П. Лавров в прощальном адресе *, посланном им к похоронам его **. Хотя имя этого великого человека пока почти еще не известно русскому рабочему люду, но передовая часть нашей интеллигенции глубоко чувствует всю тяжесть этой незаменимой потери; она вполне сознает громадную важность его великих заслуг; она, так же как и западноевропейские социалисты, обязана многим великому своему учителю.

Но, как во всем цивилизованном мире, так и в России, истинное сознание громадной важности теорий Маркса, время всеобщего и исключительного господства его учения собственно еще впереди. Теперь, к сожалению, даже среди социалистов очень немногие, сравнительно, вполне усвоили все глубокое значение основных принципов великого учителя. А между тем вне основательного знакомства с учением творца современного социализма, вне глубокого понимания господствующего антагонизма классов, так ясно развитого Марксом в его сочинениях, не может быть *серьезного* рабочего движения, скажем больше,— не может быть сделано *серьезного шага* по пути к освобождению пролетариата. Вот почему, мы целиком присоединяемся к желанию, высказанному переводчиком «Манифеста Коммунистической партии», чтобы «русская рабочая литература поставила себе задачей популяризацию учения Маркса и Энгельса» ***.

Отчасти таким изданием можно считать и настоящую брошюру. В предлагаемой статье Маркса «Наемный труд и капитал», помещенной в редактировавшейся им в Кёльне «Новой Рейнской газете» от 7 апреля 1849 г., довольно популярно изложены некоторые принципы учения Маркса, впоследствии подробнее и законченнее развитые им в главных его сочинениях. Для некоторого ознакомления читателя, совсем незнакомого со значением Маркса в науке, мы сочли полезным привести в переводе выдержку из статьи Ф. Энгельса, в которой, между прочим, очень популярно объясняется также происхождение прибавочной стоимости, что может служить дополнением к принципам, развитым в статье «Наемный труд и капитал». Как дополнение к этой статье, мы также нашли полезным приложить к ней перепечатку тех страниц «Капитала», недоступного многим читателям, в которых Маркс указывает на дальнейшую судьбу современного капиталистического строя.

В заключение, мы назовем главнейшие сочинения Маркса и Энгельса, изданием которых на русском языке — в переводе и популяризации,— по нашему мнению, была бы оказана незаменимая услуга нашему социалистическому движению:

* См. настоящий сборник, стр. 233—234. *Ред.*
** См. № 13 «Социал-Демократ» от 22 марта. *(Примечание автора.)*
*** См. настоящий сборник, стр. 232. *Ред.*

«Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» Прудона». К. Маркса, 1847 г.

«18-ое брюмера Луи-Наполеона». Его же. 1852 г.

«К критике политической экономии». Его же. 1859 г.

«Положение рабочего класса в Англии». Фр. Энгельса, 1845 г.

«Крестьянская война в Германии». Его же. 1850 г.

«Развитие социализма от утопии к науке». Его же. 1882 г. *

Теперь, наконец, со смертью Маркса, необходимо издать подробную его биографию, которая, надеемся, в скором времени и появится. Русским социалистам обязательно познакомиться с жизнью и деятельностью бессмертного учителя.

Печатается по тексту брошюры: «Наемный труд и капитал Карла Маркса». Женева, 1883, стр. III—V

НЕКРОЛОГ КАРЛА МАРКСА [222]

Карл Маркс родился в Трире в 1818 году. В 1842 г. мы его застаем в первый раз на арене общественной деятельности. В это время он, после серьезного изучения юриспруденции, истории и философии [в Бонне и Берлине] ** собирался сделаться доцентом философии; но политическое движение, начавшееся со смертью Фридриха-Вильгельма III, толкнуло его на иной путь. При его содействии начала выходить в Кёльне «Рейнская газета». Статьи Маркса, критикующие действия Рейнского ландтага, обратили на себя всеобщее внимание, и осенью 1842 г. он стал во главе издания. Обычная энергия Маркса здесь блистательно проявилась в неутомимой борьбе с придирчивой цензурой, и правительство скоро решилось отделаться от беспокойной газеты, запретив ее в начале 1843 года.

После этого Маркс переселился в Париж, где вместе с А. Руге издал «Немецко-французский ежегодник». Здесь появилась его первая социалистическая статья «Критика гегельянской философии права». Затем в сотрудничестве с Ф. Энгельсом было написано «Святое семейство. Против Бруно Бауэра и К°». Между тем прусское правительство успело добиться [весной *** 1845 года] у министерства Гизо изгнания Маркса из Франции,

* Имеется в виду немецкое издание этой брошюры, вышедшее в 1883 г. с указанием на титульном листе 1882 г. *Ред.*

** Здесь и далее в некрологе текст в квадратных скобках вставлен редакцией Календаря. *Ред.*

*** — в январе. *Ред.*

и он переселился в Брюссель. Здесь он издал в 1848 г. * на французском языке «Речь о свободе торговли», а в 1847 г.— «Нищету философии» [против «Философии нищеты» Прудона]. В это же время он основал в Брюсселе общество немецких рабочих и вслед за тем сделался членом тайного «Союза коммунистов», существовавшего уже давно, но со вступлением Маркса и его друзей совершенно преобразованного. «Союз», именно, занялся исключительно пропагандой коммунистических идей. Это и был первый зародыш нынешней немецкой социал-демократической партии. Участие «Союза» в начавшемся тогда движении немецких рабочих было очень значительно. Он также первый заявил о международном характере рабочего движения и основал в Лондоне международные рабочие собрания **.

В 1847 г. на втором конгрессе «Союза» было постановлено обнародовать основные положения партии. Этот «Манифест Коммунистической партии», составленный Марксом и Энгельсом, появился в 1848 году.

Несмотря на свои научные и организационные занятия, Маркс не переставал беспощадно нападать на правительство [в брюссельских немецких газетах], и прусское правительство не переставало, в свою очередь, его преследовать. В 1848 г., после февральской революции, оно добилось его изгнания из Бельгии. Тогда Маркс переехал в обновленный революцией Париж. Здесь он горячо выступил против затеи парижских немцев, собиравшихся составить легион для того, чтобы двинуться в Германию и произвести там революцию. Предприятие казалось Марксу совершенно фантастическим. Между тем в Берлине вспыхнула революция, и Маркс переехал снова в Кёльн, где основал «Новую Рейнскую газету», которая просуществовала до половины 1849 г. и являлась постоянно защитницей пролетариата. Удары со всех сторон сыпались на издание. Почти все акционеры оставили его за заявление солидарности с парижскими июньскими инсургентами. Реакционеры и либеральные филистеры призывали на газету кары правительства. Франкфуртское министерство требовало со стороны Кёльнского управления судебного преследования газеты, и осенью 1848 г. она была даже запрещена. Не обращая внимания на это, издание, однако, продолжало выходить. В ноябре 1848 г. прусское правительство отменило конституцию, вырванную у него мартовской революцией, и «Новая Рейнская газета» во главе каждого номера призывала народ отказаться от платежа податей и отражать силу силой. Эта бесстрашная борьба высоко подняла популярность газеты Маркса. Его дважды предавали суду [весной 1849 г.], и оба раза присяжные выносили оправдательный вердикт. Но дни газеты были уже сочтены. Реакция торжествовала по

* В некрологе ошибочно: 1846. *Ред.*
** Имеется в виду Международное Товарищество Рабочих. *Ред.*

всей Германии, инсуррекция всюду была подавлена, и в мае 1849 г. «Новая Рейнская газета» была насильственно закрыта.

Маркс снова переехал в Париж, но вслед за демонстрацией 13 июня * 1849 г. французское правительство предложило ему или жить в Бретани, или покинуть Францию. Маркс выбрал последнее и поселился в Лондоне навсегда. В это время должно отметить его (неудавшуюся, впрочем) попытку возобновить «Новую Рейнскую газету» в форме журнала, его «18 брюмера» и в 1853 г. «Разоблачения на счет Кёльнского процесса коммунистов». После приговора, произнесенного в Кёльне над членами «Коммунистического союза», Маркс удалился от политической агитации и посвятил себя научным занятиям. В это же время он, впрочем, сотрудничал еще в «Нью-йоркской трибуне».

В 1859 ** году явился в свет «К критике политической экономии». Этот труд содержит в себе первое систематическое изложение теории стоимости Маркса с включением учения о деньгах. Во время итальянской войны Маркс разоблачал [в журнале *** «Das Volk»] фальшивый либерализм Наполеона III. В 1867 г. появился в Гамбурге главный труд Маркса «Капитал. Критика политической экономии, часть I». Второе **** издание этого знаменитого сочинения вышло в 1872 году. Обработкой второй части Маркс был занят до самой смерти и, по слухам, успел довести свою работу до такого состояния, что она может быть издана.

К этому времени относится крупнейшая попытка Маркса основать международную рабочую организацию. В 1864 году на лондонском митинге в Сент-Мартинс-холле ***** (28 сентября) Маркс предложил проект Международного Общества Рабочих. Общество было основано, и Маркс оставался его душой до самого Гаагского конгресса. Он, между прочим, редактировал почти все печатные заявления Генерального Совета Интернационала.

Здесь не место рассказывать историю Интернационала, этого наглядного свидетельства единства рабочих интересов всех стран. Необходимо лишь вспомнить, что после Парижской Коммуны в среде Общества обнаружилось разделение. Одни, как Бакунин, стремились придать Обществу немедленно боевой характер. Маркс, напротив, полагал, что мобилизация боевых рабочих сил при данных условиях равняется неизбежному поражению. Ввиду этого он провел на Гаагском конгрессе решение, по которому Интернационал разрывал связь с бакунистами. Вслед за тем, полагая, что

* В некрологе ошибочно: 19 июня. *Ред.*
** В некрологе ошибочно: 1850 г. *Ред.*
*** — газете. *Ред.*
**** — немецкое. *Ред.*
***** В некрологе: Джемс-холле. *Ред.*

осуществить требования рабочих оно теперь не в силах и что существование его в то же время служит лишь пугалом, затрудняющим деятельность рабочих, Международное общество решило сойти со сцены и перенести Генеральный Совет в Америку.

После Гаагского конгресса Маркс посвятил себя уже исключительно теоретическим работам.

1883 г. 14 марта Маркс скончался в Лондоне. Многочисленные заявления со всех сторон показали, как живо чувствуют социалисты-революционеры потерю этой могучей силы. Присоединяя к этим заявлениям и свой голос, мы, русские, не можем при этом не вспомнить, с какой симпатией относился Маркс к нашему социально-революционному движению и как отзывчиво решился он в последний год своей жизни «по поручению С.-Петербургского комитета» * (как выразился Маркс в письме к В. Засулич [191]) написать специально для России брошюру по вопросу о возможном развитии нашей общины — вопросу, имеющему такой жгучий интерес для русского социалиста. Не имеем, к сожалению, сведений, успел ли Маркс окончить эту работу.

Впервые опубликовано в приложении к «Календарю «Народной Воли»» за 1883 г.

Печатается по тексту Календаря

А. Ф. ФОРТУНАТОВ

КАРЛ МАРКС [223]

4 марта 1883 года экономическая наука потерпела чрезвычайно крупную и ничем невознаградимую утрату: близ Парижа, в Аржантёйе **, умер самый даровитый и самый глубокий из современных экономистов, Карл Маркс. Маркс родился в 1818 году. Прослушав курсы юриспруденции, философии и истории в боннском и берлинском университетах, он хотел в 1840 году сделаться приват-доцентом философии в Бонне, но оставил это намерение, вследствие политических движений, обнаружившихся в Пруссии по смерти Фридриха-Вильгельма III. Он принял участие в редакции «Рейнской газеты», которая была основана в Кёльне тогдашними вожаками либеральной партии — Ганземаном и Кампгаузеном. Полемика Маркса, принявшего на себя в 1842 году руководство газетой, с главным

* Подразумевается Исполнительный комитет «Народной воли». *Ред.*

** Маркс умер не в Аржантёйе, а в Лондоне 14 (по старому стилю 2) марта 1883 года. *Ред.*

президентом рейнской провинции Шапером и критика действий рейнского ландтага по вопросам о краже леса и раздроблении поземельной собственности вызвали запрещение газеты, и Маркс удалился в Париж. Во время редакторской деятельности внимание его обратилось на экономические вопросы, изучению которых он и предался со всею энергией. Первая работа его — «Критическое обозрение философии права Гегеля» (введение) — появилась в Париже в 1844 г. в журнале («Deutsch-Französische Jahrbücher»), который он стал издавать вместе с Руге; журнал этот имел задачей слить в одно критические направления, одновременно появившиеся в Германии и Франции. Около того же времени он издал, вместе с Энгельсом, сатиру на немецкий идеализм — «Святое семейство» (против Бруно Бауэра с товарищами). За продолжавшиеся нападки на прусское правительство, министерство Гизо, по требованию этого правительства, выслало Маркса из Парижа, и он отправился в Брюссель. Здесь он написал на французском языке «Рассуждение о свободной торговле» (1848 *) и «Нищету философии» (1847); последнее сочинение — полемика с прудоновской «Философией нищеты». В 1848 году Маркс и Энгельс издали «Манифест Коммунистической партии». После этого Маркс, как за сочинения против прусского правительства, так и за агитацию в среде рабочих, был удален из Бельгии. Побывав ненадолго в Париже, он направился в Кёльн и, после насильственного распущения прусских палат, призывал народ со столбцов «Новой Рейнской газеты» не платить налогов, чтобы «силою побороть силу». Кёльн был объявлен в осадном положении и «Новая Рейнская газета» запрещена. К весне 1848 г. относится первое знакомство Маркса с Лассалем, который в Кёльне был его учеником. Агитационная деятельность вовлекала Маркса во множество процессов, которые оканчивались постоянно оправдательным вердиктом присяжных. Но после подавления баденского восстания прусскому правительству удалось доказать тайные связи Маркса с этим восстанием **, и его подвергли изгнанию. Он в третий раз явился в Париж, но вскоре же должен был его покинуть, так как французское правительство после восстания 13-го июня *** 1849 г. грозило заключить его в Морбигон ****, если он тотчас же не оставит страну.

Тогда Маркс нашел прибежище в Лондоне, где и прожил бо̀льшую часть второй половины своей жизни. В 1850 г. он ненадолго возобновил «Рейнскую газету» в виде ежемесячного издания в Гамбурге. В 1852 г. он напечатал «18-е брюмера Людовика Бонапарта», по поводу декабрь-

* В статье ошибочно: 1846 г. *Ред.*
** В машинописной копии: «и этих восстаний». *Ред.*
*** В статье ошибочно: 19 июня. *Ред.*
**** Правильно: Морбиан, департамент в Бретани. *Ред.*

ского переворота. В 1853 году им были изданы «Разоблачения о процессе коммунистов в Кёльне», полные резких нападок на прусское правительство и на немецкую буржуазию. До начала шестидесятых годов Маркс жил в глубоком уединении, занимаясь только политической экономией и сотрудничеством в американской газете «New-York Tribune». В 1859 г. он издал сочинение «К критике политической экономии», которое вошло потом, в сокращенном виде, в первую главу «Капитала». В 1860 г. в памфлете «Карл Фогт» * Маркс обвинял Фогта и его приверженцев, будто бы они подкуплены Наполеоном III. В 1864 г., 28-го сентября, в Лондоне был основан Интернационал, и Маркс был избран членом временного Центрального Совета; ему принадлежит Манифест об открытии общества и Устав общества, принятый на женевском конгрессе 1866 года. С этого времени и до 1872 года Маркс, исполняя должность секретаря для Германии, был главным вожаком Интернационала. В 1867 г. в Гамбурге появился первый (и последний **) том «Капитала», составивший эпоху в экономической науке. В 1872 году «Капитал» вышел вторым изданием *** с дополнениями, а в 1877 г.— третьим изданием на французском языке ****. Последние годы жизни Маркс держался в стороне от политических движений и, по слухам, занимался изучением экономических явлений Америки и России; он был знаком с русским языком и, между прочим, с произведениями русского переводчика Милля, о которых он с большой похвалой отзывается в послесловии ко второму изданию «Капитала»[224]. Хворал Маркс уже давно, и в последнее время, по совету врачей, часто ездил на континент для морских купаний; вечерние занятия были ему воспрещены врачами. Кончину его, по всей вероятности, ускорила потеря им в прошлом году нежно любимой жены, которая принадлежала к знатной прусской фамилии и вышла за него замуж вопреки воле своих родственников.

Знакомство русской литературы с Марксом началось, если не ошибаемся, с 1871 года (статья в «Вестнике Европы»[225]). В 1872 г. был издан образцовый перевод «Капитала» на русский язык. Экономическое учение Маркса было обстоятельно комментировано в ряде статей г. Н. З. ***** в журналах «Знание» и «Слово». Противниками и критиками Маркса в нашей периодической прессе явились гг. Жуковский (в «Вестнике Европы») и Чичерин (в «Сборнике государственных знаний»); критика последнего вызвала статью г. Зибера в «Слове» — «Чичерин contra Маркс»[226]. В 1880 году в литературных воспоминаниях г. Анненкова (в «Вестнике

* Правильно: «Господин Фогт». *Ред.*

** — последний при жизни Маркса. *Ред.*

*** — немецким изданием. *Ред.*

**** Французское издание первого тома «Капитала» вышло в Париже в 1872—1875 годах. *Ред.*

***** — Николая Зибера. *Ред.*

Европы» № 4-й) помещена была краткая характеристика личности Маркса, на основании встречи с ним г. Анненкова *.

Не касаясь совершенно политической деятельности Маркса, не задаваясь вопросом, что такое был Маркс, как человек, мы, не колеблясь, можем сказать, что, как ученый, он имел мало себе равных. Обладая громадной эрудицией, Маркс не расплывался, однако же, в массе накопленного им сырого материала (как расплывается, например, Ришер **), но всегда являлся царем этого материала и освещал его гениальными мыслями. Изощрившись в диалектическом мышлении еще над изучением Гегеля, Маркс достиг виртуозности в искусстве логического построения науки дедуктивным путем, и, в то же время, всякая дедукция находит у него опору в массе исторических индукций. Резкий, выразительный, до крайности оригинальный язык Маркса с трудом находит подражателей. В русской литературе Марксу посчастливилось найти одного талантливого продолжателя, г. Николая — она, статья которого «Очерки общественного пореформенного хозяйства» [227] была самым крупным явлением нашей экономической литературы за последние годы.

Напомним теперь основные черты того изложения процесса производства капитала, которое сделано Марксом в его грандиозном труде. Главная задача Маркса — показать экономический и, в то же время, естественноисторический закон новейшего общества. Независимая от человеческого контроля и от сознательной индивидуальной деятельности, вещественная форма собственных отношений производства является прежде всего в том, что продукты человеческого труда принимают форму товаров. Товар есть непосредственное соединение потребительной и меновой стоимости. Все товары не суть потребительные стоимости для их владельцев, а потребительные стоимости для их не-владельцев. Внутренняя мера стоимости товаров есть заключенное (овеществленное) в них рабочее время. Денежное название рабочего времени, овеществленного в товаре, именуется ценой товара. Простое обращение товаров — продажа для покупки — имеет конечной целью потребительную стоимость. В ином виде обращения — в покупке для продажи — единственной целью является сама меновая стоимость: денежная сумма, являющаяся результатом этой формы обращения, равняется первоначально истраченной денежной сумме плюс некоторое приращение. Этому приращению Маркс дал название прибавочной стоимости (Mehrwerth). Покупка с целью продажи есть общая формула капитала, так как он является непосредственно *** в сфере обращения. Основная форма капитала есть капитал, употребляющийся в про-

* См. настоящий сборник, стр. 39—44. *Ред.*
** Очевидно, имеется в виду Рошер. *Ред.*
*** В машинописной копии: непосредственным. *Ред.*

мышленности; торговый капитал и капитал, приносящий проценты, суть только производные формы. Капиталист должен найти на рынке такой товар, чтобы потребление этого товара было созданием новой стоимости; этот товар есть способность трудиться или *рабочая сила*. Чтобы продавать ее как товар, владелец ее должен быть свободным собственником своей рабочей силы. Но, в то же время, он должен быть вынужден продавать свою рабочую силу как товар. Меновая стоимость рабочей силы равна стоимости жизненных средств, необходимых для поддержки жизни владельца этой силы. Разница между потребительной и меновой стоимостью рабочей силы и является источником прибавочной стоимости. Процесс труда, рассматриваемый как процесс потребления рабочей силы капиталистом, представляет два особенных явления: работник трудится под контролем капиталиста, которому принадлежит его труд; продукт есть собственность капиталиста, а не непосредственного производителя его. Неизменяющую своей стоимости в процессе производства часть капитала Маркс называет постоянным капиталом, а изменяющую — переменным капиталом. Отношению прибавочной стоимости к переменному капиталу он дает название нормы прибавочной стоимости. Норма прибавочной стоимости равняется отношению необходимого рабочего времени (которое служит только для воспроизведения самой рабочей силы) к прибавочному рабочему времени. В истории капиталистического производства установление определенного законом рабочего дня является как борьба за пределы рабочего дня между классом капиталистов и рабочим классом. Прибавочную стоимость, производимую посредством удлинения рабочего дня, Маркс называет абсолютной прибавочной стоимостью; а ту прибавочную стоимость, которая происходит от сокращения необходимого рабочего времени и из соответственного изменения во взаимном отношении обеих составных частей рабочего дня, он зовет относительной прибавочной стоимостью. Относительная прибавочная стоимость повышается на время от увеличения производительности труда. Специфической формой капиталистического производства является кооперация. Особый метод порождать относительную прибавочную стоимость есть мануфактурное разделение труда. Из мануфактуры естественным путем выросла крупная промышленность и машины, которые должны удешевлять товары и сокращать ту часть рабочего дня, которую работник употребляет на самого себя для того, чтобы удлинить другую часть его рабочего дня, которую он отдает даром капиталисту. Машины производят нивелировку всех рабочих, переводя их в чернорабочих. Вследствие требования малой затраты сил машинная работа допускает применение в обширных размерах труда женщин и детей. Вслед за законодательным сокращением рабочего дня капиталисты обратились к увеличению интенсивности труда посредством

повышения энергии рабочих и ускорения хода машин. В сфере земледелия крупная промышленность уничтожает опору старого общественного строя — крестьянина и заменяет его наемным рабочим, батраком. Кроме того, всякий прогресс капиталистического земледелия есть не только прогресс в искусстве утеснения работника, но, в то же время, и в искусстве грабежа почвы. С применением машин всегда создается избыточное население.

Превращение прибавочной стоимости в капитал или прибавление добавочного капитала к прежнему именуется капиталистическим накоплением. Капитал накопляется именно тем, что потребляется в производстве и вновь воспроизводится в большем против прежнего размере: накопление не есть результат сбережения и воздержания. Границей накопления капитала может служить только недостаток рабочей силы. Весь процесс капиталистического производства предполагает, что капиталистическому накоплению предшествовало первоначальное накопление, которое явилось исходной точкой этого способа производства. Таким историческим основанием капиталистического производства была экспроприация у народа земли, средств существования и орудий труда в пользу немногих. Капиталистический способ производства и накопления предполагает уничтожение частной собственности, основанной на собственном труде. Отрицание капиталистического производства есть отрицание отрицания: оно снова восстановляет индивидуальную собственность, но на основании кооперации свободных работников и их общинного владения землей и средствами производства, произведенными самими работниками. Пессимизм людей, которым дороги интересы человечества и которые проследили вместе с Марксом бесчеловечную историческую деятельность капитала, устраняется указанием самого Маркса, что капиталистический строй сам, объединяя рабочие массы, создает фермент для собственного разрушения и созидания на основах приобретений капиталистической эры — нового строя.

Впервые опубликовано в газете «Московский телеграф» № 64, 7(19) марта 1883 г.

Печатается по тексту газеты, сверенному с машинописной копией рукописи

ПРИВЕТСТВИЕ СЪЕЗДУ НЕМЕЦКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ В КОПЕНГАГЕНЕ В 1883 г. [228]

Дорогие товарищи!

Несколько русских социалистов, живущих в Женеве и Цюрихе, уполномочили нас выразить немецкой социал-демократии, в лице делегатов конгресса, живейшие симпатии и в то же время искреннейшие пожелания, чтобы конгресс достиг в своей работе для общего дела пролетариата самых

благотворных результатов. Мы и наши братья пользуемся этим случаем, чтобы выразить нашу глубокую скорбь по поводу смерти Карла Маркса, великого учителя и наставника всемирного пролетариата. Мы целиком присоединяемся к словам глубокого уважения и почтения, которые наш товарищ Петр Лаврович Лавров сказал у могилы великого усопшего *. И мы твердо убеждены, что преждевременная смерть духовного вождя международного пролетариата для русского социально-революционного движения ** представляет такую же незаменимую потерю, как и для рабочего движения более передовых стран. Мы позволяем себе, поэтому, высказать пожелание, чтобы конгресс немецкой социал-демократической партии взял на себя инициативу международного сбора для сооружения памятника, который был бы достоин великого пионера современного социализма и свидетельствовал бы об уважении к нему социалистов всех стран, а также инициативу создания фонда для *народного издания* всех сочинений Маркса.

В заключение просим вас принять уверения, что мы с напряженнейшим вниманием следим за борьбой немецкой социал-демократии и с радостью приветствуем всякий шаг вперед в ее международном влиянии и всякий успех ее внутри самой Германии.

Да здравствует социал-демократия Германии и всех стран! ***

Г. Плеханов
П. Аксельрод
Вера Засулич

Впервые опубликовано в газете «Der Sozialdemokrat» № 19, 3 мая 1883 г.

Печатается по тексту книги: «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. VIII, ч. I, 1940, сверенному с текстом газеты

НА ВЕНОК МАРКСУ [229]

Социалистические мечты, мысли и теории, как известно, очень старая песня. Так, например, берем первый попавшийся под руку случай. Еще в каком-нибудь 1693 году католический монах Габриель Фульи фантазировал о народе, весь быт которого основан на общности имущества, при полном отсутствии власти. Оставляем уже в стороне знаменитых Т. Моров, Кампанелл. С тех пор, конечно, утекло много воды. Запас научных сведений сильно увеличился, научные методы по различным отраслям

* На похоронах К. Маркса П. Лавров не присутствовал, но прислал из Парижа обращение (см. настоящий сборник, стр. 233—234). *Ред.*

** В тексте приветствия, опубликованного в газете «Der Sozialdemokrat», напечатано: «социалистического революционного движения». *Ред.*

*** В газете напечатаны далее следующие заключительные слова приветствия: «Привет и солидарность!! Женева и Цюрих, конец марта 1883 г.». *Ред.*

умственного творчества выработались до заметного совершенства. Но общественные науки и по сей час еще не поддаются полной, так сказать, легализации, узакониванию. Благодаря своей крайней сложности и вмешательству того или другого субъективизма. В этом случае наиболее горькая участь выпала на долю экономических теорий. Односторонним увлечениям открывался тут полный простор. «Не хлебом одним жив будет человек», но и без него тоже не обойдешься. И хлеб-то едят обыкновенно люди не все одинаковый и непоровну. Экономическими вопросами интересовались все, но обсуждали на различные лады. Как бы возгордившись своими первыми серьезными успехами в области экономической науки (причем такую видную роль играли крупные умы, вроде Адама Смита, Рикардо), европейский ученый ареопаг, по-видимому, собирался уже так или иначе почить на лаврах. Французская экономическая школа в своих возражениях «классикам» — английским политико-экономам, в сущности, оспаривала только то ту, то другую редакцию общих экономических формул, оставаясь в пределах излюбленного тяготения к производству капитала! Социалистические попытки — самые разнохарактерные — представлялись уже вышеназванному солидному ареопагу просто одними легкомысленными покушениями на целостность «истинно научного» миросозерцания. Надо говорить правду, и со стороны социалистической оппозиции не слышалось еще голосов, в которых настояла крепкая нужда. Подчас раздавалась горячая проповедь Фурье, изобиловавшая богатейшими мыслями, открывавшая широчайшие горизонты. Но, к сожалению, социалистические материалы Фурье представляли собою скорее прекрасное сырье для философии экономии, чем что-либо другое. Вдобавок в них скрывался романтизм. Поучительны мысли Фурье о страстных влечениях, побуждающих человека производить, о гармоническом значении разнообразия и благородного соревнования при производстве, соединении и разделении труда и прочее. Однако все это не связывалось и не освещалось определенным научным миросозерцанием. Временами спокойствие обывателей нарушалось шумными возгласами благородного П. Ж. Прудона, подвергавшего правоверную экономику блестящей критике. Но и Прудон преимущественно дорог нам своим отрицательным отношением к экономической действительности — стройной экономической системы и у него нет. Чтобы почувствовать всю силу антикапиталистического протеста, необходимо было бить в одну главную точку, бить по одному больному месту и фанатизмом логики, если можно так выразиться, направленной на данный ряд явлений. Достойный такого дела нашелся наконец. И этим был, конечно, Карл Маркс. Его железная логика, силу которой признают и враги и друзья его, его колоссальная эрудиция по литературе предмета, его философская выдержка оказались тем более могучими, что Марксу не

приходилось разбрасываться. Он шел весьма прямой дорогой. Правоверные экономисты усердно занялись производством, распределение предоставлялось на волю «экономической гармонии». Маркс собрал целую груду фактов, живописующих положение классов, которые служили почвой для роскошных цветков и плодов капитализма. Разные любители экономической свободы, ухватившись за современную формулу капитала, растягивали ее и так и сяк, переносили ее в отдаленное прошлое, заставляли понимать под нею чуть ли не все блаженства будущего. Карл Маркс с точностью и объективизмом историка выделил капитализм, как продукт известной эпохи. Защитники мнимых экономических устоев проливали обильные слезы умиления по поводу всечеловеческого значения капитала. Карл Маркс с бессердечием математика установил знаменитую формулу *прибавочной стоимости* (Mehrwerth).

Рабочий вознаграждается несоразмерно *полной* ценности вырабатываемого продукта. Отсюда истекает, что отнимаемая от производителя дополнительная (добавочная до полной) стоимость продукта попадает в карман хозяина. В ту эпоху, когда не созрел еще капитализм, не было рабочего в нынешнем смысле. Роль угнетенного выполнял или обезличенный раб или «подлородный», не лишенный вполне орудий труда. Эта формула обобщает все своеобразные капиталистические проявления настоящего, без нее вам труден анализ экономического прошлого; только с помощью этой формулы вы, становясь на почву строгого силлогизма, *опознаете* всю ненормальность современного экономического строя. *Опознаете,* говорю, ибо прочувствовали это вы, конечно, очень давно уже. Упрекают Маркса в односторонности. Но ведь он и не выдавал себя за философа-новатора, от которого вы вправе требовать полных социальных обобщений, всеохватывающих идеалов. Неужели односторонность — научное направление его экономических теорий? Наука, повышающая наш жизненный уровень, умерщвляющая в корне все миражи, дающиеся тупостью ума и путанностью чувства,— не враг наш, разумеется. Тем более не односторонним был Маркс, когда в 1848 г., в разгар довольно романтических увлечений социализмом, издал вместе с Энгельсом свой славный «Манифест» *. Недавно еще мы читали на русском языке этот «Манифест» [110] и поражались меткостью характеристик, силою обобщений, научным беспристрастием и как бы пророческой новизной взглядов. Автор «Манифеста», придающий такое серьезное значение экономической стороне дела и в то же время ничуть не отстраняющийся от политики, не может быть назван односторонним. Конечно, если человек, энергично преследующий взятую на себя великую задачу,— односторонен, так и Маркс был таковым.

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* «Манифест Коммунистической партии». *Ред.*

Коснемся слегка его биографии. Он был сыном высокопоставленного чиновника * и женился на сестре министра. Что может быть еще благоприятнее для составления «карьеры»? Но Маркс, разумеется, не соблазнился внешними благами. Он отдался философским и политико-экономическим трудам, как выражается один немецкий автор (вообще-то старающийся бросить известную тень на образ Маркса) — «уже, в юных летах, посвятил себя, с беззаветным фанатизмом, борьбе за социальную эмансипацию пролетариата, которую не прерывает в продолжение всей своей жизни» (автор писал в 1877 году). Остается только позавидовать подобной односторонности Маркса. Позавидуют Марксу, пожалуй, и жрецы «чистой науки». Начитанность и трудолюбие Маркса — незаурядные вещи! Автор одного небольшого «исторического опыта» о немецкой социал-демократии [230] — Меринг, думается нам, совершенно справедливо замечает, что ни одна культурная страна Европы (кроме Германии, значит) не порождала таких первоклассных социалистов по цельности миросозерцания и по учености, каковы Лассаль и Маркс. Ученый политико-эконом, Маркс, однако же, не удовлетворялся кабинетной деятельностью. До сих пор еще представители самых разнообразных направлений решают то в ту, то в другую сторону вопрос об общественных долгах и обязанностях ученого. Маркс любил свои идеи словом и делом. Когда 28 сентября 1864 г. состоялся большой митинг ** рабочих всех наций, вдохновителем собрания, по словам Лавеле [231], был тот же Маркс. По словам Меринга, поглощение национального социализма интернациональным коммунизмом является логической необходимостью, против которой ничего не поделаешь. А Маркс выговорил еще в 1847 году свое слово коммунизм с необыкновенною твердостью и «замечательною для того времени трезвостью». И много, много «ученых» голов задумывалось и задумывается над тем, почему это настоящая жизненность придана общественному движению социалистом с самыми радикальными «затеями»? И как так подобным социалистом оказался ученый?! Ученый и социализм, т. е. нечто само по себе легкомысленное, мечтательное, беспочвенное! Удивительное знамение времени! Ученый автор «Капитала» с обычной добросовестностью и серьезностью отдавался и политике. Он, без сомнения, ни на одну минуту не спускал своего священного знамени борьбы за угнетенных. В самый трудный момент жизни для Интернационала, когда в 1872 году, на съезде в Гааге, произошла рознь между самими членами ассоциации, Маркс бодро заявил о своем девизе. «Что касается меня,— говорил он в своей речи,— то я буду работать над той же задачей. Я не отшатнусь от Интернационала. Все прошлое рабочее время посвятил я делу торжества социальных идей, тому

* — Генриха Маркса. *Ред.*
** — в Сент-Мартинс-холле в Лондоне. *Ред.*

же буду служить и теперь, на закате моих лет. И мы уверены, что придет час триумфа и настанет господство пролетариата»[232]. И при всем том и Марксу были знакомы политические компромиссы. Возьмем такой пример. В 1871 г. в Лондоне собралась конференция делегатов Интернационала, где обсуждались средства, необходимые для пропаганды. Между прочим рекомендовалось даже рабочим идти в политическое движение, не пренебрегая и союзом с буржуазными радикалами. По сообщениям хроникеров, эта конференция направлялась главнейше тем же Марксом. Итак, Маркс не прочь был соединиться с буржуазными радикалами — это ли не компромисс? Но это компромисс, так сказать, политической техники *. Самое общественное дело тут не при чем, ибо никакая серьезная политическая деятельность не может ни на единую минуту откладывать в сторону своих принципов и руководящих идеалов. Лавеле, воспользовавшись некоторыми обстоятельствами, не без торжества называет Маркса представителем историко-экономической школы. Не останавливаясь на разборе точности такого термина, мы скажем только, что уже, согласно *реализму* своих воззрений, Маркс не мог не казаться иным недостаточно *радикальным*. И однако этот же Маркс разошелся с Лассалем! Еще в 1862 ** г., при свидании в Лондоне, между Марксом и Лассалем начало обозначаться известное отчуждение. Космополиту ***-республиканцу Марксу не нравились национализм и монархизм всеобщего немецкого рабочего союза Лассаля! И однако этот же Маркс еще в 1847 г. заявил себя сознательным, серьезным коммунистом! Все это поучительно и ясно. Да, тогда только общественное движение окажется *живучим,* когда, делая подчас *производительные уступки,* в пользу техники работы, это движение будет постоянно и неизменно руководиться и вдохновляться широкими, решительными и определенными целями. Поэтому (заметим кстати) и в нашей русской жизни имеет за собою будущее только действительно *социалистическое движение*.

В предыдущих строках мы старались дать некоторые общие указания на значение недавно умершего Маркса, как ученого политико-эконома и общественного деятеля. Благодаря, может быть, чисто случайным обстоятельствам мы имеем перевод монументального труда Маркса «Капитал». И всякий, желающий серьезно заняться волнующими нас экономическими вопросами, можно сказать, обязан познакомиться с названным произведением высокоталантливого социалиста. А так как содержание «Капитала» находится, конечно, в тесной связи с самыми общественными идеями Маркса, то нам остается только желать возможно большего распространения и возможно большей популярности упомянутого сочинения Маркса.

* — то есть тактики. *Ред.*
** В журнале ошибочно: 1863. *Ред.*
*** Здесь в смысле интернационалисту. *Ред.*

Раздумывая над «Капиталом», читатель сам поймет, как цельно, прочно и солидно воплотил Маркс в своей книге всю нужду пересоздания современного общественного строя!

В заключение мы скажем несколько слов по поводу подписки, имеющей в виду собрать сумму для покупки венка на могилу Маркса. Такая мысль, несомненно, заслуживает полнейшего сочувствия, а вместе с тем характеризует известную отзывчивость русских людей — из среды живущих и мыслящих. Известно, как Маркс относился к русскому общественному движению. Он заметил живую и прогрессивную струю там, где иные его сородичи и культурные люди других стран усматривали чуть ли не одну только кровожадность особых восточных фанатиков-кретинов, или, по крайней мере, своекорыстный протест известной группы варваров, идущих против своего просвещенного правительства. В высшей степени симпатичный по своим идеям германский философ Дюринг отнесся к русским протестантам с непонятным недоброжелательством. Про некоторых немецких социал-демократов говорили, что они с каким-то усердием открещиваются от русских прогрессистов. Маркс же проявил большую гуманность относительно граждан великой восточной деспотии. Он же, Маркс, назвал Н. Г. Чернышевского знаменитым русским критиком и ученым! * Нам, русским, еще не приходилось видеть у себя ничего подобного ни лассалевскому рабочему союзу, ни тем более Интернационалу, «духом живым» которого был Карл Маркс. Но будущее ничуть не закрыто и для нас! И память о Марксе да не заглохнет в нас. Почтим, чем и как можем, Маркса, много трудившегося для искоренения вредоносных общественно-экономических предрассудков и для установления здравых социалистических понятий. Будучи ученым, Маркс не отрешился от общественной деятельности. И пусть его жизнь послужит укором иным нашим ученым мужам, слишком крепко захлопнувшим свои кабинеты, и тем из них, кто очень скоро отступил при виде опасности. Все бодрствующие силы русские! Все искренно страдающие от аномалии тяжкой действительности! Все желающие посильно бороться за социалистические идеалы! — соединяйтесь и скажем от души:

Вечная память тебе, друг угнетаемых, собрат по духу и благородный учитель, вечная память — Карлу Марксу!

Жертвуйте, господа, на покупку венка К. Марксу!

Кружки, заведующие подпискою в различных учебных заведениях, могут присылать собранные деньги в редакцию «Студенчества», которая обязуется переслать их по принадлежности.

Впервые опубликовано в журнале «Студенчество» № 4, апрель 1883 г.

Печатается по тексту журнала

* См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., изд. 2, т. 23, стр. 18. *Ред.*

Н. С. РУСАНОВ

КАРЛ МАРКС [233]

(ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНИЯ)

Пятого * мая 1818 года в Трире родился человек, которому было суждено оставить глубокий след в социальной науке нашего века. То был — Карл Маркс. Его предки испанские евреи, переселившиеся в Голландию, вероятно, в конце 15 или начале 16 века, а затем немного спустя окончательно осевшие в Германии. Отец его, рожденный уже в христианской религии, занимал видное место в адвокатуре **. Молодой Маркс штудировал в Боннском, а затем в Берлинском университете юриспруденцию, но эта сухая наука не могла удовлетворить его. Он постоянно чувствовал антипатию к догматическому, претендующему на безусловность, характеру этой науки; и действительно, она сильно смахивала, да смахивает и теперь на «догматическое богословие». Пред пытливым взглядом молодого мыслителя господа профессора развертывали окаменевшие члены сухого научного остова, который носит по-немецки громкое название Rechtswissenschaft, а между тем Маркса тянула к себе историческая сторона этой науки. Ему хотелось облечь в плоть и кровь исторических условий безжизненные, застывшие,— quasi абсолютные положения юриспруденции. Его вместе с тем крайне интересовала философская точка зрения в применении к правовым институтам. Это заставило его, как он сам признается (см. предисловие в «К критике политической экономии»), изучать юриспруденцию лишь «в качестве соподчиненной науки рядом с философией и историей» ***. И результаты получились крайне удачные. История показала Марксу длинную и беспрерывную смену одних юридических учреждений другими и вечное видоизменение понятий человека о «праве», «справедливости» и т. п. мнимых «абсолютах».

Философия же помогла Марксу так или иначе выделить и обобщить законы, которые заправляли и заправляют этой беспрестанной сменой правовых учреждений. Нечего говорить, насколько здесь служил подспорьем так называемый диалектический метод Гегеля, но примененный не к логической эквилибристике какого-то неведомого абсолюта, а к историческому *развитию* чрезвычайно реальных общественных сил, правовых отношений и понятий человека о справедливости... В 1840 году Маркс

* В биографии ошибочно: второго. *Ред.*

** Егер ошибается (см. его «Geschichte des modernen Sozialismus»), утверждая, что отец Маркса был главным горным советником (Oberbergrath) на прусской службе. Эту ошибку повторили и мы в краткой биографии Маркса («Дело» № 1, 1881, статья «Преемственность экономических аксиом»). *(Примечание автора.)*

*** См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., изд. 2, т. 13, стр. 5. *Ред.*

заканчивает слушание лекций в Берлинском университете, выдерживает экзамен самым блистательным образом и возвращается в Бонн. Здесь в течение 1841 года он читает лекции по философии в качестве приват-доцента при Боннском университете. Но политическое движение, которое стало проявляться и захватывать тесную и душную арену общественной жизни Германии приблизительно после смерти Вильгельма III (1841), увлекло в свой водоворот живого и страстного юношу-профессора. В историческом чулане Германии, где нельзя было путем прочихаться, по остроумному выражению Гейне, от археологической пыли, слетавшей с черно-красно-золотого знамени Барбароссы и прочих средневековых тряпок, появились люди, одержимые стремлением к вентиляции, к освежению социальной атмосферы Германии. Правда, это были довольно миролюбивые люди, люди солидные, и никакими «измами», кроме «либерализма», не зараженные: мы разумеем господ Кампгаузена, Ганземана и К^0, являвшихся вожаками либеральной буржуазии и даже сподобившихся сесть на министерскую скамью после мартовской революции 1848 года. Но уже самое скромное желание проветрить рыцарские доспехи Барбароссы окружало упомянутых господ ореолом оппозиции и выделяло их из серенького фона немецкого фатерланда и ландесфатеров. Вентилятором был избран недавно основанный в Кёльне орган, носивший скромное название «Rheinische Zeitung». Сюда-то либеральная компания и пригласила Маркса, который с охотой принял приглашение.

Некоторые из его статей, помещенных на столбцах «Рейнской газеты», произвели такое сильное впечатление, что в 1842 году ему было предложено редактировать эту газету: «отличие» довольно скверное, особенно ежели принять в расчет, что оно выпало на долю 23-летнего молодого человека. Но вместе с этим отличием совпало другое отличие, легшее уже не на Маркса, а на самую газету. «Рейнская газета», подобно прочим немецким органам этой эпохи, выходила под предварительной цензурой; теперь ей было поставлено условием сверх обыкновенного цензорского «Imprimatur» * получать еще разрешение от кёльнского префекта. Так дела тянулись с год. Однако и после этой двойной возгонки газета сохраняла еще некоторый специфический запах, тревоживший обонятельные нервы мирных бюргеров. Порешено было закрыть... вентилятор. И вот восхитительной весной 1843 года, когда все цвело и благоухало, острый запах «Рейнской газеты» перестал примешиваться к запаху цветущей липы...

Однако период деятельности в качестве редактора «Рейнской газеты» не прошел для Маркса бесследно. К этому времени относится переход Маркса от юриспруденции и историко-философских наук к занятию поли-

* — «разрешения на выпуск в свет». *Ред.*

тической экономией, где ему суждено было сделать такие широкие просеки в числе неисследованных и непроанализированных вопросов. «Я в качестве редактора «Рейнской газеты»,— говорит Маркс в предисловии к «К критике»,— впервые наткнулся на затруднение принять участие в рассуждениях (Mitsprechen) о так называемых материальных интересах. Прения рейнского ландтага о покражах леса и дроблении поземельной собственности; официальная полемика, в которую вступил г. фон Шапер, тогдашний обер-президент рейнской провинции, с «Рейнской газетой» насчет положения мозельских крестьян; наконец, дебаты о свободной торговле и покровительственной системе дали первый толчок моим занятиям экономическими вопросами» [234].

Этот первый толчок был вместе с тем и решительным; им определялось направление, в котором должен был найти Маркс, им определялась и сфера, где он должен был оставить по себе такие глубокие следы.

Маркс почувствовал теперь, в чем лежит его настоящая сила. Он жадно торопился пополнить свои пробелы в той науке, которая со времени А. Смита пошла гулять по свету под названием науки «о богатстве народов». Воспользовавшись кой-какими несогласиями с директорами «Рейнской газеты», а в особенности ее закрытием, Маркс удалился «с общественной арены в кабинет ученого». К этому же времени относится его женитьба на Женни фон Вестфален, брат которой принимал впоследствии участие в министерстве Мантёйфеля.

Но ни молодая и прекрасная жена, ни уединенная жизнь кабинетного мыслителя не могли привить к кипучей и гениальной натуре Маркса привычек филистера. Наоборот, в это самое время в нем назревает неумолимый протест против этой невыносимой разновидности двуногих существ, осмеянной другом Маркса, Генрихом Гейне. Нужно читать письма Маркса, адресованные им к Арнольду Руге, одному из лучших представителей крайней левой гегельянства, чтоб убедиться, до какой степени тяжело дышалось Марксу среди благонамеренного филистерства. Так, например. в мае 1843 года он пишет Руге: «Да, это — правда. Старый мир принадлежит филистеру... Но, конечно, он принадлежит ему лишь потому, что филистер заполняет мир своим обществом, подобно тому, как черви заполняют труп» [235]. Маркс задыхался в обществе этого трупа. Узкие перегородки немецкой средневековщины не давали простора его стремлению к общественной деятельности. Он рвался во Францию, в Париж, который казался ему в то время (да, пожалуй, и действительно был по сравнению с Германией) «новой столицей нового мира».

На счастье Маркса, Арнольд Руге, который в это время уже переселился в Париж, написал ему о своем желании издавать здесь новый

журнал, прося его вместе с тем принять участие в предполагаемом издании. Маркс горячо откликнулся на призыв друга * и в ответном письме извещает, что «удастся ли предприятие или нет, все же он будет в конце этого месяца (сентябрь 1843) в Париже, так как немецкий воздух делает человека крепостным рабом» («die hiesige Luft leibeigen macht»). Интересны дальнейшие строки этого же письма, где Маркс с обычным ему пылом сообщает Руге свой план, как следует им вести орган и какое знамя развернуть. «Если что лежит на нашей обязанности,— так это беспощадная критика всего существующего, беспощадная, как в том смысле, что она не отступает в страхе пред своими же собственными результатами, так и в том, что она не избегает столкновения с существующими силами». И далее: «Нашим девизом должно быть: «Реформа сознания»». Эта реформа состоит в уяснении миру его собственных действий. Итак, мы можем сжать программу нашего органа в одном слове: «Уяснение нашей эпохе того, за что она борется и чего желает»».

1844 год принес немецкой интеллигенции ценный подарок: в Париже появились «Deutsch-Französische Jahrbücher», которые, конечно, немедленно же были запрещены в Германии. Редакторы «Франко-германских летописей» стремились соединить в своем органе умственное движение обеих соседних стран: чуждые того картофельного и пивного патриотизма, который был безжалостно пригвожден к позорному столбу Бёрне в его бессмертной сатире-памфлете «Менцель-французоед» [236],— Маркс и Руге подверглись черно-красно-золотому гневу немецких ландесфатеров.

В этом органе перу Маркса, помимо нескольких писем, принадлежали две критические статьи: первая носила заглавие «К критике гегелевской философии права» (15 страниц), вторая — «К еврейскому вопросу» (33 страницы).

В первой из этих статей находится уже более или менее назревший основной взгляд на философию истории и социологии. Все проявления общественной жизни, по мнению Маркса, обусловливаются и вытекают в последнем счете из реальных, экономических условий.

Изучение юриспруденции параллельно с историко-философскими науками, где Маркс является самостоятельным учеником Гегеля, помогло выработке основного взгляда Маркса на правовую науку: он понял, что она не может быть наукой об абсолютном праве, об абсолютной справедливости. Философия права, желающая понять сущность юридических отношений, должна помнить, что она имеет дело не с застывшими и окаменев-

* Подобно многим другим старым «демократам», Руге разошелся впоследствии во взглядах с Марксом и пал ниц пред бисмарковским шовинизмом и политикой объединения при помощи «железа и крови». *(Примечание автора.)*

шими логическими выводами, а с вечно живой, общественной жизнью, отлагающей беспрестанно новые и разнообразные формации права. Но раз дело стоит так, раз нужно изучать не неподвижные юридические quasi — истины, а процесс движения и преобразования правовых учреждений и понятий — непременно придется решить задачу, какие же законы заправляют этим движением, и в каком порядке одно правовое явление сменяет другое. У Гегеля все объяснялось самостоятельным движением абсолютного духа, а это движение в беспрестанной борьбе противоречий составляло так называемый диалектический метод. Таким образом этот абсолютный метод, существующий независимо от реального мира и реального человека, и наоборот, создающий своим внутренним движением и мир, и человека, есть основание всего существующего *. Значит, и смену юридических учреждений и правовых понятий нужно объяснить, исходя от самостоятельного движения абсолютного духа на той ступени его странствий, когда он является нам под формой человеческого духа. Так полагает Гегель.

Не нужно забывать, что дело происходило в начале 40-х годов, когда гегелевский идеализм породил свою естественную реакцию: крайняя левая гегельянства громко заявила протест против самодержавия «абсолютного духа» и не менее громко признала «материю» единой реальной основой всего сущего. В числе учеников, прошедших логическую школу гегельянства, но затем побивших учителя его же оружием, диалектическим методом, был и Маркс. Набивши оскомину бесконечным водевилем с переодеваниями гегелевского «абсолюта», Маркс перевернул отношение между духом и материей,— и вот с этой-то новой точки зрения он приступает к критике гегелевской философии права. В результате получилась основная идея Маркса, которую он только развил после и выдвинул в импозантную научную обстановку: «Правовые отношения, равно как и государственные формы, не могут быть поняты ни сами по себе, ни из так называемого всеобщего развития человеческого духа, но скорее коренятся в материальных условиях жизни...» **

В своей статье, которая составляет, впрочем, лишь введение к задуманной было им критике гегелевской философии, Маркс задается целью опрокинуть немецкий идеализм, который «абстрагирует действительного человека, который рассматривает человека, как существо, стоящее вне нашего мира» [237]. Эта цель, по мнению Маркса, заслуживает серьезного внимания.

* «Метод есть сила, абсолютная, единая, высшая, бесконечная, которой не может сопротивляться никакой предмет; это — тенденция разума встретить и познать самого себя во всех вещах». (Hegel. «Die Logik», Band III). *(Примечание автора.)*

** См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., изд. 2. т. 13, стр. 6. *Ред.*

Нужно лишь построить надлежащую теорию: она должна заниматься человеком, как человеком, а не как отвлеченным существом; она должна освободить человека от иллюзий относительно его положения, чтобы он изменил то самое положение, которое фатально создает иллюзии.

Поэтому теория должна в конце концов стремиться к тому, чтобы «ниспровергнуть все отношения, при которых человек является низким, порабощенным, заброшенным (verlassenes), презираемым существом». Но теория сама по себе ничего подобного сделать не в состоянии, на абсолютного духа Гегеля тоже полагаться нечего, а «всеобщее развитие человеческого духа» опять-таки совершается не в эфирном пространстве, а на земле и требует для своего проявления обыкновенных, грешных людей, которые должны поддерживать свое существование прозаическим процессом производства. Итак, теория должна для своей реализации найти не менее реальных «носителей».

Эти реальные носители — суть люди, поддерживающие свою жизнь материальным производством. До сих пор они разделяются на различные группы, на классы, преследующие свои особенные материальные интересы *. Стало быть, и новая теория, стремящаяся подрыть старый мир, должна найти своих специальных носителей, специальный общественный класс. Этот класс должен быть, однако, классом, требования которого являются вместе с тем требованиями целого общества, борьба которого за права есть борьба за общечеловеческие права общества. Класс этот — пролетариат.

«Философия находит в пролетариате свое *материальное* оружие, точно так же, как пролетариат находит в философии свое *нравственное* оружие, и как скоро молния мысли глубоко ударит в наивную почву народа, свершится и эмансипация немца, превращающая его в человека».

«Когда все внутренние условия будут выполнены,— так заключает Маркс свое введение к критике гегелевской философии,— тогда день восстания немцев из гроба возвестится пением галльского петуха».

В другой своей статье «К еврейскому вопросу», представляющей критику бруно-бауэровских работ о «Еврейском вопросе» и о «Способности современных евреев и христиан сделаться свободными», Маркс, в противоположность Бауэру, рассматривает еврейский вопрос не как религиозный, не как богословский, но как чисто светский, жизненный вопрос.

То мнение обще всей крайней левой гегельянства. В своем «Еврейском вопросе» Дюринг повторяет то же самое, хотя направляет это мнение против «жидов» и, по обычаю, ругается.

* Здесь мы уже видим в зародышном состоянии другую основную идею Маркса: антагонизм классов и классовая борьба составляет сущность человеческой истории вплоть до наших времен. Он развил эту мысль в «Нищете философии» и особенно в «Манифесте Коммунистической партии», иллюстрировал же в «18-м брюмера» и «Капитале». *(Примечание автора.)*

«Каково светское, мирское основание еврейства? — спрашивает Маркс и отвечает: это — *практическая* потребность, корыстолюбие. Еврейство достигает своего высшего пункта с завершением *буржуазного* общества, принципом которого служит равным образом практическая потребность, эгоизм; но буржуазное общество завершает себя впервые в христианском мире» [238].

«Христианство возникло из еврейства. Теперь оно снова разрешается в еврейство. Христианин был раньше теоретизирующим евреем. Еврей является теперь поэтому практическим христианином, а христианин сделался снова евреем. Не в Пятикнижии или Талмуде,— нет, мы открываем сущность современного еврея в теперешнем обществе, и не в виде ограниченности, присущей еврею, а в жидовской ограниченности самого общества»... «Химерическая национальность еврея есть национальность купца, вообще денежного человека».

Бруно Бауэр говорил, что, прежде чем евреи не эмансипируются радикально от жидовства, они не могут эмансипироваться и политически. Маркс утверждает, напротив, что «так как евреи могут эмансипироваться политически, не отказываясь в то же время совершенно и раз навсегда от жидовства, то поэтому и сама *политическая эмансипация* не есть эмансипация *истинно человеческая*».

«*Общественная* эмансипация еврея,— заключает Маркс свою статью об еврейском вопросе,— есть не больше, не меньше, как *эмансипация всего теперешнего буржуазного общества от его жидовства*».

Маркс прямо заявляет здесь, что «политическая эмансипация не есть эмансипация человечества». В основе жидовства лежат «практические потребности», т. е. материальные условия. Измените политические условия, окружающие еврея, но оставьте нетронутыми «практические потребности» — и жидовство будет процветать по-прежнему на почве прежних материальных, экономических условий.

В 1845 году появился новый труд Маркса, труд, который был им написан в сотрудничестве с Энгельсом. Последний обратил на себя внимание Маркса несколькими критическими очерками по политической экономии *, помещенными на страницах «Deutsch-Französische Jahrbücher», и в особенности своим замечательным этюдом «Положение рабочего класса в Англии». Маркс, не зная его лично, вступил с ним в оживленную переписку и скоро нашел в нем лучшего товарища себе. Упомянутый уже нами коллективный труд Маркса и Энгельса был первым звеном, скреплявшим их дружеские отношения, которые из области корреспонденции скоро перешли в сферу личного знакомства; этот труд носил заглавие

* *Ф. Энгельс.* «Наброски к критике политической экономии». *Ред.*

«Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании». Как показывает уже отчасти и само заглавие, это сочинение ставило своей целью критическую оценку спекулятивной гегелевской философии, которая была в то время литературной модой дня. Изложение примыкает преимущественно ко «Всеобщей литературной газете Бруно Бауэра», в которой, надо отдать справедливость,— немецкий идеализм достигает геркулесовых столбов. В «Священной фамилии» * лично Марксу принадлежит ясный и очень основательный очерк французского и английского материализма.

Покончив с критикой немецкого идеализма 40-х годов, Маркс отдавался в это время преимущественно занятиям по политической экономии и изучению по документам первой французской революции. Но и среди своих серьезных трудов Маркс не переставал порою посвящать желчные и остроумные статьи прусскому правительству, которое было в то время одним из прочных опор европейской реакции. Выведенный из себя, берлинский кабинет обратился с просьбой к правительству Луи-Филиппа о высылке из Парижа неудобного публициста. Посредником для этих переговоров был выбран знаменитый географ Александр Гумбольдт, бывший послом при французском дворе. Вероятно, географические сведения Гумбольдта насчет стран, где Маркс был менее опасен для прусского орла, показались «королю-гражданину» удовлетворительными,— и вот в 1845 году ** Маркса выпроваживают за границу Франции. Он, однако, остается на европейском континенте и даже довольно близко от прусской монархии — в Брюсселе. Здесь он скоро встречается с Энгельсом, затем с Вильгельмом Вольфом *** и еще с некоторыми товарищами по идеям. Совокупными усилиями этих друзей основывается «Немецкий рабочий союз для образования» («Der deutsche Arbeiterbildungsverein») [239]. На заседаниях этого «ферейна», равно как в бесчисленных летучих листках, подвергаются критике, временами очень резкой, «утопии французского и английского социализма» и проводится «научный взгляд на экономическое строение буржуазного общества».

Отличительной чертой научно-агитаторской деятельности Маркса является с этой эпохи стремление вывести и объяснить попытки к изменению общественного status quo из самых условий современного общества, показать, что эти попытки — продукт исторической необходимости, и заключить отсюда о грядущем неизбежном успехе таких предприятий. Под этим углом зрения Маркс анализирует все явления буржуазной жизни,

* — «Святом семействе». *Ред.*

** В биографии ошибочно: 1846. *Ред.*

*** Этому Вольфу Маркс посвятил свой «Капитал», называя его там «своим незабвенным другом, храбрым, верным, благородным борцом пролетариата». *(Примечание автора.)*

преимущественно с экономической стороны, и рассказывает, как с течением времени они должны фатально подрыть самих себя и дать точку опоры для новых общественных сил, которые вызовут к жизни новую комбинацию социального строя. Мы приводим ниже резюме одного из его брюссельских трудов, предназначенного для рабочих и опубликованного в 1848 году * под заглавием «Речь по вопросу о свободе торговли» (отпечатана на средства «Демократической ассоциации»). Собственно говоря, эта брошюра о «свободной торговле» составляет речь, которую Маркс произнес на одном из заседаний «Демократической ассоциации» [240], но которая была после перепечатана и до сих пор не утратила для читателей своего интереса. В особенности она имеет значение для русского читателя, так как теперь мы переживаем эпоху оживленных прений и мер, как поднять русскую промышленность,— свободной ли торговлей с иностранцами или же покровительственными пошлинами.

Заканчивая свою длинную и интересную речь, Маркс обращается к собранию со словами: «Господа! резюмируя наше мнение, мы скажем: что такое свободный обмен в современном обществе? Это — свобода капитала. Когда вы уничтожите национальные преграды, мешающие еще ходу капитала, вы развяжете этим ему лишь руки. Пока вы позволяете существовать отношению между наемным трудом и капиталом, то, при каких бы благоприятных условиях ни совершался обмен товаров между ними, всегда будет класс эксплуататоров и класс эксплуатируемых. Поистине с трудом можно понять претензию приверженцев свободного обмена, которые воображают, что наиболее выгодное употребление капитала заставит исчезнуть антагонизм между капиталистами и рабочими. Совсем напротив: все, что выпадет отсюда, это лишь то, что противоположность между этими двумя классами обрисуется резче».

«Братство, которое свободный обмен порождает между различными народами земного шара, не особенно братское. Называть именем «всеобщего братства» эксплуатацию на почве космополитизма — это такая идея, которая могла возникнуть лишь среди буржуазии. Все разрушительные явления, порождаемые свободной конкуренцией внутри страны, воспроизводятся в гигантских размерах на всемирном рынке...»

«Впрочем, сама протекционная система есть не что иное, как средство основать у какой-либо нации крупную промышленность, т. е. поставить эту нацию в зависимость от всемирного рынка; но когда начинают зависеть от всемирного рынка,— зависят более или менее от свободного обмена. Сверх того, покровительственная система помогает развиваться свободной

* В биографии ошибочно: 1846 г. *Ред.*

конкуренции внутри страны. Вот почему мы видим, что в стране, где буржуазия, как, например, в Германии (а теперь, у нас, в России), начинает получать значение, она употребляет большие усилия, чтобы добиться покровительственных пошлин. Это — ее оружие против феодалов и абсолютного правительства, это для нее средство сконцентрировать свои силы и осуществить свободный обмен внутри страны...»

«Но вообще в наши дни покровительная система — консервативна, между тем как система свободной торговли — разрушительна. Она разлагает старинные национальности и толкает к крайнему антагонизму между буржуазией и пролетариатом. И вот лишь в этом-то смысле я и стою, господа, за свободу обмена».

В следующем году (1847) Маркс издал большую полемическую брошюру, почти книгу, направленную против Прудона и служащую ответом на прудоновскую «Систему экономических противоречий, или Философию нищеты».

Уже в самом заглавии Маркс закупоривает «Сеничкин яд» желчной и местами несправедливой критики Прудона; в pendant * к «Философии нищеты» Маркс называет свой труд «Нищетой философии» («Misère de la philosophie», Paris — Bruxelles, 1847). Если читатель внимательно просмотрит «Систему экономических противоречий» Прудона и затем обратится к критике ее Марксом, то скоро заметит, что Маркс, при всей увлекательности своего анализа, часто грешит против строгого и научно беспристрастного отношения к сочинению Прудона.

Маркс в своей критике походит на замечательного виртуоза-фортепьяниста, который с необыкновенным умением берет то ту, то другую ноту из композиции противника, вызывая перед слушателем страшные, местами курьезные диссонансы, а затем в течение нескольких темпов играет строго гармоничную мелодию своего собственного сочинения. Конечно, при таком контрасте противник является в очень печальном виде, и слушатель не получает истинного понятия о характере его музыки. Прочитавши марксовскую критику Прудона, вы спрашиваете себя, зачем же было столько шуму по пустякам, зачем выдвигали целую тяжеловесную артиллерию против «мизерного» противника, зачем тратили так много ума, таланта, эрудиции на то, чтоб сорвать жалкое научное рубище с «нищего в философии» и показать его нагим??

В том-то и дело, что Прудон вовсе не был таким нищим, что он был силою, с которой приходилось считаться. Марксовская критика дает понятие лишь о том, где Прудон был слаб, но она умалчивает о том, где Прудон был серьезным мыслителем.

* — в пандан (подстать, под пару). *Ред.*

Впрочем, отношение Маркса к Прудону объясняется тогдашними условиями. «Научный социализм», который теперь светит отраженным светом даже с высоты профессорских кафедр в Европе, в то время только что пробивал себе дорогу. Нужно было чистить авгиевы стойла как буржуазной политической экономии, так и полусентиментального социализма прежних годов. Нужна была коллективная работа научных реформаторов, нужна была партия, школа, знамя... Но Прудон, истый мужик из Франш-Конте, упрямый, резкий, индивидуалист до мозга костей, шел одиноко своей дорогой, не взирая ни на школу, ни на знамя, ни на партии; шел, и его деревянные сабо, грузно ступая по грязи буржуазного строя, временами брызгали грязью друзей и неделикатно наступали на их ноги. Маркс, который вначале чрезвычайно сочувственно отнесся к Прудону за его «Мемуар о собственности» [241], сейчас же изменил свое отношение к сыну бочара, когда этот заявил своей «системой», что он знать не хочет ни врагов, ни друзей, и посылал по адресу последних действительно не совсем благовидные заявления. Нужно прибавить еще, что Прудон в некотором роде сам бросил перчатку Марксу, заканчивая дружеское письмо к нему по появлении в свет «Системы» словами: «Итак, я жду вашей критической формулы» [242]. Перчатка была поднята.

Мы не будем цитировать здесь строк из «Нищеты философии», в которых Маркс третирует Прудона, как «маленького буржуа, качающегося между трудом и капиталом, между политической экономией и социализмом», и укажем лучше на основные взгляды Маркса, заключенные в «Нищете философии». Так, изобразивши на нескольких страницах ход развития буржуазной экономической науки и утопического социализма, Маркс заключает, что разрешение социального вопроса не может быть найдено ни в трактатах политической экономии, ни в творениях социалистов. Только сама жизнь, самый ход общественного развития, опирающийся на развитие и видоизменение экономических отношений, создают элементы для решения социального вопроса. Эти элементы, подрывая старый мир, являются в то же время материалами для постройки нового. Они не что иное, как реальные общественные силы,— различные классы, преследующие свои материальные интересы. Но тот класс, который, преследуя свои интересы, преследует интересы всего человечества,— явится в будущем превалирующей общественной силой и создаст новый строй на началах свободной кооперации. Этот класс, распространяясь на все трудящееся человечество, уничтожит тем самым различные классы и подрежет в корне их антагонизм. Класс этот — пролетариат.

В прекрасной, дышащей страстью и любовью к рабочему люду, главе о «Стачках и рабочих коалициях» [243] Маркс изображает этот момент яркими красками: «Экономические условия превратили прежде всего всю

массу народонаселения в рабочих. Владычество капитала создало этой массе общее положение и общие интересы. Она является уже классом по отношению к капиталу, но еще не классом сама по себе. В борьбе (как, например, рабочей стачке) эта масса объединяется; она образует из себя самостоятельный класс. Интересы, защищаемые ею, становятся классовыми интересами. Но борьба класса против класса есть борьба политическая...»

«Общество, основанное на противоположности классов, придет к удару тела о тело, как к последней развязке. Не говорите, что движение социальное исключает движение политическое. Не было никогда политического движения, которое бы не было социальным».

В следующем затем году (1848) появился в печати «Манифест Коммунистической партии», который был в общих чертах одобрен уже на лондонском конгрессе 1847 г., где собрались рабочие Швейцарии, Франции, Бельгии, Германии и Англии, как члены «Союза коммунистов». Этот «Манифест», составленный Марксом при сотрудничестве Энгельса и упоминаемый нами здесь с его чисто научной стороны, представляет дальнейшее развитие основных положений Маркса: сведение всех общественных отношений между людьми на экономические.

В основе всего «Манифеста» лежит строго проведенное материалистическое мировоззрение, которое гласит, что «вместе с жизненными отношениями людей, с их историческими отношениями, с их общественной формой существования» (Dasein) «изменяются и их представления, воззрения и понятия,— одним словом, их сознание» *. (Второй раздел).

Это общественное «сознание» осязательно показало свою зависимость от общественных форм в том же 1848 году по отношению к самому Марксу. Прусский орел снова был встревожен марксовской агитацией между рабочими и статьями **, направленными против берлинского кабинета. Последний неотступно преследует брюссельское правительство просьбами о высылке Маркса,— и наконец «сознание» свободолюбивой буржуазной Бельгии отвечает утвердительно на эти запросы. Маркс поставляется на границу, но в то же самое время (1 марта 1848) получает официальное приглашение от Флокона, члена временного французского правительства, которое только что сменило монархию Луи-Филиппа. В этом приглашении стояло: «Тирания изгнала Вас, но свободная Франция снова отворяет Вам свои двери» ***.

Не успел Маркс путем обосноваться в Париже, как февральская революция уже докатила свои волны до Германии. Маркс тотчас же возвра-

* См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., изд. 2, т. 4, стр. 445. *Ред.*

** В это время Маркс издал «Deutsche-Brüsseler-Zeitung», где и помещались эти статьи. *(Примечание автора.)*

*** См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., изд. 2, т. 14, стр. 684. *Ред.*

тился в Германию и со своими друзьями по изгнанию, Гервегом и Фрейлигратом (и, разумеется, Энгельсом) основал в Кёльне орган под названием «Новой Рейнской газеты» («Neue Rheinische Zeitung»). Здесь он ревностно поддерживал новое движение, охватившее почти всю Европу, и, между прочим, с жаром защищал парижское восстание пролетариата *. «Kreuz-Zeitung» — орган немецких феодалов и краут-юнкеров — посвятил публицистике Маркса даже целый ряд соображений на тему, что как возможно дозволять в Кёльне, прусской крепости, издание газеты, которая «превосходит своей революционной смелостью французские издания 1793—94 годов». Начались процессы против редактора вредной газеты, но повели лишь к тому, что дали Марксу возможность лишний раз подвергать критике действия прусского правительства. В «Новой Рейнской газете» Маркс, между прочим, подверг анализу тайну капиталистического накопления в форме прямой противоположности «заработной платы» и «капитала». В статье «Наемный труд и капитал» Маркс уже пишет: «Итак, *заработная плата не составляет доли рабочего в произведенном им товаре*. Заработная плата есть часть уже существующих товаров, за которую *капиталист* покупает *определенное количество производительного труда»* ** etc.

В феврале 1849 года Маркс появился вместе с Карлом Шаппером и Шнейдером перед кёльнским судом присяжных в качестве подсудимого: его обвинили «за воззвание» к народу от 18 ноября 1848,— воззвание, в котором граждане приглашались «всячески сопротивляться насильственному взиманию податей», ибо бюджет был отвергнут прусским национальным собранием и потому взимание являлось противозаконным актом правительства.

В промежуток между «воззванием» Маркса и привлечением его к суду за это воззвание прусское правительство успело совершить кой-чего много: в Кёльне оно объявило осадное положение и закрыло «Новую Рейнскую газету»; затем разогнало прусское национальное собрание и октроировало конституцию по своему вкусу; наконец, навязало стране новый избирательный закон, по которому вводился своеобразный ценз и трехклассное деление избирателей. Одним словом, благополучно проделало, по выражению Маркса, «государственный переворот» — coup d'état.

И вот поэтому-то в своей защитительной речи Маркс говорит, что правительство само стало на революционный (именно, контрреволюционный) путь и не может ссылаться на закон, который оно само же попрало ногами: «Корона сделала революцию, она опрокинула существующий правовой порядок, и, стало быть, не имеет права апеллировать к законам, которые

* — в июне 1848 года. *Ред.*
** См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., изд. 2, т. 6, стр. 432. *Ред.*

так постыдно низвергнуты ею. Если счастливо проделали революцию,— то можно вешать своих противников, а не судить их» 244.

Когда прокурор, отвечая на это, сказал, что корона отказалась от известной доли своей власти в пользу народа, собравши национальное собрание (март 1848),— Маркс возразил: «Власть лежала *разбитою* в руках короны; она отказалась от власти в ее целом, чтоб спасти ее обломки. Король сделал уступки, но к этому его принудила революция. Ни больше, ни меньше...»

Присяжные оправдали Маркса. Немедленно же он сближается с южно-немецким (баденским) движением, но не успевает даже пережить в Германии его низложение. Прусское правительство опять высылает его за границу. В третий раз Маркс появляется в Париже, но судьба превращает его в какого-то вечного странника. Республиканская буржуазия, состоявшая из мелких лавочников и подавившая движение пролетариата в июне 1848, ровно через год должна была потерпеть поражение от монархически-конституционной буржуазии, считавшей в своих рядах средних и крупных капиталистов. Как войска Кавеньяка разнесли пролетариат, так теперь войска Шангарнье смели национальную гвардию мелкой буржуазии.

Понятно, что после такого политического вольтфаса людям, вроде Маркса, оставаться в Париже стало невозможным: их присутствие считалось крайне опасным для «общественного порядка», и их гнали из столицы, что называется, в три метлы. Марксу, который и теперь не был забыт прусским правительством, хлопотавшим и на этот раз о его высылке, предложили на выбор: или быть водворенным на постоянное местожительство в Морбигане * или же оставить территорию Франции. Не имея никакого намерения заживо похоронить себя, Маркс предпочел покинуть континент и поселился в Лондоне, где постоянно жил до самой своей смерти. Здесь обрывается его Одиссея, и беспрестанные скитания агитатора заканчиваются наконец оседлою жизнью скорее ученого, чем политического деятеля. По крайней мере, вплоть до 1864 года ничего не слышно было об агитаторской деятельности Маркса; если не считать его участия в тайном лондонском «Союзе коммунистов» и издания нескольких политических памфлетов, блестящих и необыкновенно едких.

В половине 1850 года, находясь уже в Лондоне, Маркс снова было предпринял публикацию «Новой Рейнской газеты», но уже в виде ежемесячного обозрения **. В нем были особенно выдающимися следующие статьи Маркса: 1) «Июньское поражение 1848 года», 2) «13 июня 1849» и

* Морбиган [правильно: Морбиан. *Ред.*] — один из западных приморских департаментов Франции, имеющий единственное достоинство быть крайне заброшенным уголком. Главный город департамента Ванн (Vannes). насчитывающий теперь около 17 тыс жителей. вряд ли имел во времена Маркса и 10 тысяч. *(Примечание автора.)*

** —«Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue». *Ред.*

3) «Следствия 13-го июня 1849» *. Но так как это политико-экономическое обозрение печаталось для бо̀льшего удобства немецких читателей в Гамбурге, то в 1851 году оно было унесено торжествующей реакцией Германии. Впрочем реакция подняла голову не в одной Германии. Страной ее классического проявления была Франция, та самая Франция, которая действительно была классической страной борьбы двух начал,— революции и реакции...

И вот декабрьский переворот 1851, возводя до степени императора простого рыцаря индустрии, дает Марксу повод написать обвинительный акт против торжествующей реакции. Друг Маркса, Иосиф Вейдемейер (который впоследствии во время гражданской войны в Америке был военным комендантом Сент-Луисского округа), вскоре после наполеоновского coup d'état **, а именно, в письме от 1 января 1852, уведомляет Маркса о желании своем издавать в Нью-Йорке политическую еженедельную газету и просит его сотрудничества. Он прежде всего поручает Марксу написать историю только что сыгранного политического кунштюка ***. До половины февраля Маркс посылает ему (еженедельно) предпринятую работу, но так как первоначальный план Вейдемейера расстроился, то Марксовская статья появляется в ежемесячном журнале «Революция», который начал издавать весной этого же года упомянутый Вейдемейер. Эта работа под заглавием «18 брюмера Луи Бонапарта» занимает целиком весь второй номер журнала [245]. «Несколько сотен экземпляров,— говорит сам Маркс в предисловии ко второму изданию брошюры,— пробили себе тогда путь в Германию, но не появились, собственно говоря, в книготорговле. Один немецкий книгопродавец, корчивший из себя ярого радикала, на мое предложение насчет сбыта книги ответил мне поистине нравственным негодованием за такое «несвоевременное предложение»».

Эта Марксовская брошюра является чрезвычайно удачной и блестящей иллюстрацией к основной историко-философской идее Маркса — сведению всех общественных отношений на экономические. Но здесь эта идея «посредствуется», так сказать, указанием на *политическую* борьбу классов, преследующих материальные интересы в различных направлениях; здесь вы видите, как общественные классы борются не только из-за голых материальных условий, но из-за политических, социальных правовых требований, причем последние играют в борьбе почитай что такую же важную роль, как и первые. Указывая, между прочим, на недостатки прудоновской «Социальной революции в свете государственного переворота 2 декабря» [246], в которой Прудон «превращает историческое конструирование переворота в историческую апологию самого героя переворота», сам Маркс

* *К. Маркс.* «Последствия 13 июня 1849 г.». *Ред.*
** — государственного переворота (2 декабря 1851 г.). *Ред.*
*** — то есть фарса, фокуса. *Ред.*

задается целью выяснить читателям, [что] «классовая борьба во Франции создала такие обстоятельства и отношения, которые дали возможность крайне посредственному и курьезному персонажу играть роль героя». Начинается брошюра с одного очень верного и остроумного замечания Маркса, что люди, борясь в данный момент за свои текущие интересы, тем не менее всегда драпируются в плащ исторических традиций, воспроизводя новое историческое содержание своей борьбы под отжившей формой, заимствованной ими из прошлого *: «Люди делают *свою собственную* историю, но они делают ее не по своему произволу, а под влиянием непосредственно сложившихся данных и унаследованных условий. Традиция всех умерших поколений давит, словно домовой, на мозг живущих. И именно в те моменты, когда они стараются изменить порядок вещей..,— в эти эпохи кризиса они боязливо вызывают к себе на помощь духов прошедшего, берут у них имена, боевые лозунги» (Schlachtparole), «костюмы, чтобы в этом почтенном старинном одеянии и с этим взятым напрокат языком играть новую роль на новой всемирно-исторической сцене» (стр. 1) [247].

Приступая затем к разбору условий, предшествовавших перевороту 2 декабря, Маркс останавливается, естественно, на истории февральской революции. Он прослеживает, как люди 1848 года пародировали по внешности деятелей первой французской революции, но дает в то же время замечательно рельефную сравнительную оценку этих двух движений и показывает, как мало между ними внутреннего сходства. По его мнению, ход развития их как раз противоположный: «В первой французской революции за господством конституционалистов следует господство жирондистов, а за ним — господство якобинцев. Каждая из этих партий опирается на более прогрессивную. Коль скоро какая-нибудь партия провела революцию настолько далеко, что не может следовать за ней, а тем более идти впереди нее, она отодвигается в сторону своими более смелыми союзниками, стоящими за ней, и посылается на гильотину. Таким образом революция окажется по восходящей линии. Совсем наоборот революция 1848 года... Каждая партия подшибает снизу более прогрессивную и садится затем на плечи более отсталой. Нет никакого дива поэтому, если она теряет равновесие в этой смешной позитуре и, скроивши неизбежную гримасу, падает на землю причудливыми кувырканьями. Революция движется здесь по нисходящей линии» (стр. 22—23).

Наконец, изобразивши в деталях эти акробатические упражнения партий, Маркс выводит из экономически-социальных и политических условий

* У Бернхарда Беккера в его «Истории реакции в Германии против революции 1848» (Вена, второе издание, 1869 г.) есть замечательно интересные места в этом смысле; он показывает, например, как политические либералы и радикалы тогдашней Германии пародировали до комизма: первые — великих французов 1789, вторые — людей Конвента с их титанической энергией,— не имея ее. *(Примечание автора.)*

Франции всю необходимость появления фарсёра и авантюриста в роли главы государства. Здесь Маркс подвергает безжалостной критике так называемые наполеоновские идеи, и, показавши, каким образом французское крестьянство тяготело к Наполеонидам под влиянием иллюзий, вытекавших из их интересов, заканчивает свою брошюру положительным пророчеством насчет того, как падут эти иллюзии и как «медная статуя Наполеона I рухнет с высоты Вандомской колонны» (стр. 98).

Через год после публикации «18 брюмера» Маркс издал (в 1853) новый политический памфлет, который правда не имеет философского значения первого, но очень интересен для истории немецкой и специально-прусской реакции: это — «Разоблачения о процессе коммунистов» *. Впрочем, легко можно понять, что эта брошюра была настолько же менее важна, чем первая, насколько краут-юнкерская реакция Пруссии уступала по блеску и историческому значению цезаристской реакции во Франции.

Несмотря на это «Разоблачения о процессе коммунистов» представляют чрезвычайно живую страницу из немецкой истории, написанную с присущим Марксу злым юмором и производящую сильное впечатление на читателей — почитателей «порядка». Тут вы увидите, например, как 10 мая 1851 г. в Лейпциге был арестован Нотъюнг, а вскоре затем Бюргерс, Рёзер, Даниельс, Беккер, и как лишь 4 октября 1852 г., значит через полтора года, подсудимые появились пред кёльнским судом присяжных по обвинению в «измене и заговоре против государства» [248]. Интересно, что в то время, как подсудимые заполняли собой кельи одиночного заключения, прокуратура тщетно искала вещественных доказательств заговора: палате обвинений при кёльнском апелляционном суде пришлось даже признаться, «что никакого объективного фактического материала» (Thatbestand) «для обвинения не находится, и поэтому — угадайте, читатель! — следствие должно начаться снова». Итак, никаких доказательств заговора нет, но, по высшим соображениям прокуратуры, он тем не менее должен существовать. Значит, пусть подсудимые посидят, а мы, т. е. прокуратура и полиция, поищем вещественных доказательств. И действительно, поиски начались. Но так как они не увенчались успехом, то на этот раз обвинению пришлось прибегнуть к этой логике. «Да, доказательств нет, хотя, клянемся весами Фемиды, заговор существует: лишь «злая воля» и коварство подсудимых мешают его открытию. Стало быть, изобретем доказательства сами, сфабрикуем их в полицейском бюро и на основании этих официальных фабрикатов обвиним подсудимых и удовлетворим богиню правосудия»,— говорящую берлинским акцентом.

* *К. Маркс.* «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов». *Ред.*

И вот, на заседании 23 октября, когда суд уже начался и когда все-таки объективного фактического материала для обвинения не находилось, внезапно появляется полицейрат * Штибер и чрез президента заявляет, что имеет сообщить нечто очень важное. Это «нечто очень важное» была толстая «оригинальная книга протоколов тайного общества Маркса». Разумеется, там были прописаны такие ужасти, что подсудимых было мало повесить. Суд приступает к «оригинальной» книге и с радостью замечает, что она писана рукою В. Либкнехта, одного из «членов тайного общества Маркса»: по крайней мере, подпись гласит «В. Либкнехт».

Но на беду Маркс получает об этом известие в Лондоне и, засвидетельствовавши законным порядком руку настоящего В. Либкнехта, пересылает этот документ к адвокатуре в Кёльн. Сличают почерки на документе и «оригинальной книге» — и оказывается, что Либкнехт, писавший эту книгу, имеет почерк совсем непохожий на почерк подлинного Либкнехта. Что тут делать? Полицейрат Штибер заявляет, что это ничего не значит, что «он более чем когда-либо убежден в подлинности протоколов» и что, наконец, если книгу писал не В. Либкнехт, то ее написал другой Либкнехт, Г. Он даже знает его: это — такой же ужасный заговорщик, как В. Либкнехт, но лишь покаявшийся и сообщивший протоколы правительству.

Опять на беду полицейрата Маркс узнает об этой штиберовской «проницательности» и посылает из Лондона неопровержимое доказательство того, что «Г. Либкнехт» есть не что иное, как коллективный псевдоним двух прусских шпионов, Флёри и Гирша. Они-то в бытность в Лондоне и сочинили и написали собственноручно «оригинальную книгу протоколов» **.

Прокуратуре пришлось теперь опустить в бессилии руки и превратить процесс по делу о «заговоре» в чисто тенденциозный процесс. Были судимы не «фактические данные», а мнения. Это не помешало бюргерам, бывшим присяжными, произнести обвинительный вердикт; с другой стороны, это дало возможность Марксу закончить свою брошюру о кёльнском процессе словами: «Йена! ...вот последнее слово правительству, которое употребляет такие средства для поддержания своего существования, и обществу, которое нуждается в таком правительстве для своей защиты. Вот последнее слово кёльнского процесса коммунистов... Йена!» (l. c., стр. 56). Маркс указывал этим на внутреннюю гниль Германии, которая так блистательно была выставлена на солнечный свет поражением, нанесенным Пруссии Наполеоном I.

* — полицейский советник. *Ред.*

** В этом сам Гирш признался немного позже, поместивши в «Нью-йоркской уголовной газете» свою исповедь под заглавием «Жертва шпионства. Оправдательный документ В. Гирша». Маркс впоследствии перепечатал выдержки из нее в приложении к своей книге «Господин Фогт» (Beilagezu «Herr Vogt» von Karl Marx. London, 1860). *(Примечание автора.)*

Маркс посвящает теперь свое время изучению богатого материала по политической экономии, собранного в Британском музее. К этой эпохе из жизни Маркса относится его сотрудничество в американской «New-York Tribune» *, где вплоть до самой гражданской войны он писал корреспонденции из Англии, подписываясь своим именем, и ряд руководящих статей о европейском и азиатском движениях, и немного об испанском. Между прочим, его статьи в той газете, посвященные критике внешней политики Пальмерстона (в эпоху Крымской войны), возбудили такой интерес в Англии, что были перепечатаны в виде летучих листков.

Плодом усиленных работ Маркса в области политической экономии является его первое систематическое изложение вопросов этой науки под заглавием «К критике политической экономии». Помеченное 1859 годом и изданное в Берлине — Лейпциге, оно было намеренно «замолчено» рутинными экономистами, хотя содержало очень ценную теорию стоимости и, в особенности, денег **. Между прочим, как господа цеховые экономисты смотрели на стоимость, как на явление чуть ли не космического характера, чуть ли не на физическое свойство вещей, Маркс разлагает ее своим анализом на социальный феномен труда,— и притом труда общественного, подвергшегося разделению и связанного в этих отдельных отраслях процессом взаимного обмена продуктов.

Что касается до теории денег, то здесь записные экономисты грешили как раз в противоположном направлении. Они выдавали возникновение денег за факт чисто правильного, вполне сознательного соглашения. Маркс наоборот,— хотя видит и в монете, как и в стоимости, социальное явление,— доказывает, что происхождение денег есть такой же исторический, неизбежный, независящий, по крайней мере, вначале от воли людей процесс, как и образование государства, языка, религии или даже частной собственности.

В основу этих уже более или менее частных вопросов Маркс кладет целое философское мировоззрение: кроме указания на ход своих работ, Маркс в предисловии к «К критике» *** рельефно изображает главные пункты своего мировоззрения. Мы процитируем наиболее характерные

* — «New-York Daily Tribune». *Ред.*

** Лишь один Лассаль воспользовался в своей полемике против Шульце-Делича теоретическими взглядами Маркса из этой брошюры и называет ее «трудом, в высшей степени значительным», «мастерским», «превосходным» и «делающим эпоху» (F. Lassale. «Kapital un Arbeit». Berlin, 1861, S. 149). Даже в примечании на этой странице Лассаль выражает сожаление, что «вышла только первая тетрадь этого отличного труда Маркса». Маркс не совсем справедливо обвиняет поэтому на первой же странице своего «Капитала» Лассаля чуть не в плагиате, хотя по праву отклоняет от себя ответственность за «практические приложения» Лассаля. Ср., не лишенное правды соображение Шеффле, почему Маркс не хочет брать на себя эти «практические приложения» («Die Quintessenz des Sozialismus». Siebente Auflage. Gotha, 1879, S. 6). *(Примечание автора.)*

*** — «К критике политической экономии». Цитируемые места из предисловия см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., изд. 2, т. 13, стр. 6—8. *Ред.*

места: «В общественном производстве своей жизни люди находят определенные, необходимые, независящие от их воли отношения, отношения производства, которые соответствуют определенным ступеням развития их материальных производительных сил. Совокупность этих отношений производства составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышаются юридические и политические надстройки и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и вообще духовный процесс жизни. Не сознание людей определяет их бытие, но наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени развития материальные производительные силы становятся в противоречие с существующими отношениями производства или,— что только есть одно юридическое выражение этого,— с отношениями собственности...»

«Тогда наступает эпоха социального переворота. С изменением экономических оснований рушится более или менее быстро вся громадная надстройка...»

«Сколь мало судят о данном человеке на основании того, что он думает о себе, столь же мало можно судить о такой эпохе переворота по сознанию этой самой эпохи; скорее, наоборот, это-то сознание и нужно объяснить из противоречия материальной жизни, из существующей борьбы между общественными производительными силами и отношениями производства».

«Человечество ставит себе задачи только разрешимые, ибо более точное наблюдение всегда покажет, что самая задача возникает лишь тогда, когда уже существуют материальные условия ее разрешения или, по крайней мере, могут быть поняты в процессе своего возникновения».

«В крупных чертах азиатский, античный, феодальный и современно-буржуазный способы производства представляют собой последнюю антагонистическую форму общественного производства...»

«Этою общественною формациею заключается, стало быть, введение в историю человеческого общества» (Vorgeschichte).

Здесь устои философского характера заложены прочно и уже в окончательной форме Марксом, который впоследствии лишь осветил с этой точки зрения историю капиталистического общества (см. заключение его «Капитала»).

Вплоть до 1864 года, как мы уже сказали, ничего о Марксе не слышно *.

* Если не считать его публицистического произведения «Господин Фогт», появившегося в Лондоне в 1860 г. Здесь профессор Карл Фогт и компания, подвизавшаяся в немецкой и швейцарской прессе, обвиняются в том, что они подкуплены Наполеоном III в итальянском вопросе (1859). После падения второй империи были действительно найдены в Тюильри бумаги, подтверждавшие обвинение Маркса против сторонников осмеянной им императорской псевдодемократии. *(Примечание автора.)*

Но в этом году он выступает, как деятельный участник в основании и организации «Международной ассоциации рабочих» *, 28 сентября 1864 г. на митинге в Сент-Мартинс-холле ** (Лондон). Эта ассоциация была формально основана, причем был избран временный Генеральный Совет, а Маркс занял в нем место, в качестве секретаря-корреспондента для Германии. Он составил так называемый «Inaugural Adresse» *** и статуты этой ассоциации, которые были окончательно утверждены на международном конгрессе рабочих в Женеве, в 1866 г.

Учредительный манифест Маркса (который был принят собранием, отвергнувшим другой адрес, составленный Мадзини в мистическом и строго конспиративном духе) представляет собою пространное и научное изложение классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом. Здесь рельефно оттенены результаты этой классовой борьбы и показано, что в то время, как богатство привилегированных сословий возрастает не по дням, а по часам, бедность и страдания пролетариата возрастают в такой же пропорции. «Это — неоспоримый факт, что нищета рабочих классов не уменьшилась в период 1848—1864 гг., хотя именно этот период является беспримерным в летописях истории по отношению к развитию промышленности и возрастанию торговли».

Как член Генерального Совета, Маркс принимал очень деятельное участие в основавшейся ассоциации; почти все главнейшие публикации Генерального Совета принадлежали его перу. Из них особенное внимание возбудила в свое время брошюра о «Гражданской войне во Франции». Ее содержание — оценка исторического значения парижского движения 18 марта 1871 г. Покоясь на обычном философском мировоззрении Маркса, эта оценка заключает в себе, между прочим, одну очень важную поправку, внесенную Марксом в его прежнюю мысль (см. «Манифест Коммунистической партии») о необходимости захвата рабочими существующей в государстве политической власти. В «Гражданской войне» Маркс напирает именно на то обстоятельство, что опыт 18 марта показал, насколько «невозможно для рабочего класса захватить уже готовый государственный механизм и пустить его в ход для достижения своих собственных целей» [249]. (Немецкое издание 1872 г., предисловие). Наоборот, для этого требуется совершенно сломить современную форму политического гнета и создать новую форму политической власти на этом основании и из иных элементов. Поэтому Маркс выгодно оттеняет многие основные акты движения 1871 г.: представительство, составившееся из муниципальных советников (Stadträthe), выбранных всеобщей подачей голосов в различных округах

* — «Международного Товарищества Рабочих». *Ред.*

** В биографии ошибочно: 26 сентября 1864 г. в Сент-Джемс-Галле. *Ред.*

*** *К. Маркс.* «Учредительный Манифест Международного Товарищества Рабочих». Цитируемое ниже место см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., изд. 2, т. 16, стр. 3. *Ред.*

Парижа,— причем «они были ответственны и сменяемы во всякое время» и «их большинство, само-собою, состояло из рабочих или признанных представителей рабочего класса». Затем, устранение постоянного войска и полиции, а равным образом «ниспровержение орудия духовного гнета, клерикальства» (собственно в тексте стоит Pfaffenthum). Далее, бесплатное открытие народу всех образовательных учреждений, которые были очищены от всякой примеси государственного и церковного элементов. Наконец, выборное начало, примененное к судьям, как вообще ко всем общественным служителям, и дополняющееся, естественно, их сменяемостью и ответственностью.

Но дни «Международной ассоциации рабочих» уже были сочтены. Более всего подействовали на ее разложение неудача парижского движения и наступившая затем реакция. Туча репрессалий повсюду опустилась на Международное Товарищество. И, надо отдать справедливость, буржуазия забила всего громче в набат и подняла крик о гибели всех «элементов цивилизации» под «натиском грубой варварской силы» пролетариата. Записные либералы наперерыв взывали к государству, «раскрывая ему глаза на опасность» и прося его помощи.

С другой стороны, в том же разрушительном направлении подействовал на эту ассоциацию внутренний раскол из-за избитого теперь и заезженного вопроса о централизме и анархизме, или автономии. Бакунин, который был личным врагом Маркса, поднял знамя полнейшей автономии и анархизма, требуя самостоятельного и ничем не ограниченного действия для каждой из отдельных секций международной ассоциации. Маркс стоял, наоборот, за подчинение части целому и признавал автономию лишь по чисто местным вопросам секций.

Когда Бакунин сгруппировал вокруг себя более интимных друзей на почве строго централистического «альянса», или тайного общества, имевшего целью перевести всю международную ассоциацию под начало «ста международных братьев», Маркс вступил в открытую борьбу против этого притязания — и вот с обеих сторон начинается бомбардировка брошюрами и мемуарами полемического характера. В теоретическом смысле важны здесь два сочиненьица, написанные Марксом, это — «Мнимые расколы» * и «Альянс» **. Отказываясь от всякой оценки их агитаторского значения, мы остановимся здесь на их теоретических сторонах.

В первой из них Маркс, между прочим, возвращается к теме, затронутой им уже в «Нищете философии», а именно, что социальный вопрос решается ни на основании трактатов политической экономии, ни на осно-

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* «Мнимые расколы в Интернационале». *Ред.*

** *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих». *Ред.*

вании социалистических утопий, а самим ходом общественной жизни, подготовляющей условия для разрешения и пр. Он так очерчивает теперь фазы, проходимые пролетариатом в классовой борьбе, которая ведется из-за решения социального вопроса: «Первая фаза в борьбе пролетариата против буржуазии отмечена сектантским движением. Такое движение имеет свой raison d'être * в ту эпоху, когда пролетариат еще не развился, чтобы действовать, как класс. Отдельные мыслители занимаются критикой социальных противоречий и дают фантастические решения, которые, по их мнению, масса рабочих должна лишь принять, пропагандировать и осуществить на практике. По самой своей природе секты, основанные этими инициаторами, тщательно удерживаются от всякого реального движения, от политики, и чужды стачкам, коалициям, одним словом, всякому массовому движению (mouvement d'ensemble). Масса пролетариата остается равнодушна или даже враждебна их пропаганде» **...

Но пролетариат переживает эту первую фазу и вступает во вторую. «Для того, чтобы международная ассоциация могла быть основана, пролетариат должен был пройти предварительную фазу». Теперь дело уже стоит иначе: «по отношению к фантастическим организациям сект, эта ассоциация является реальной и боевой организацией класса пролетариев во всех странах, связанных друг с другом в их общей борьбе против капиталистов, поземельных собственников и их классовой власти, организованной в государстве. Таким образом, статуты международной ассоциации признают только простые «рабочие» общества, преследующие все одну и ту же программу, которая ограничивается указанием лишь на общие черты движения пролетариев и предоставляет при этом теоретическую выработку побуждениям, вытекающим из необходимостей практической борьбы и обмена идей между секциями; таким образом здесь безразлично допускаются все социалистические убеждения в их органах и конгрессах».

«Альянс» (Лондон, 1873) был последней публикацией Маркса, старавшегося всеми силами спасти целость международной ассоциации. При той же самой теоретической подкладке, как и «Мнимые расколы», эта брошюра содержит обвинительный акт против анархистов de faux aloi ***, которые были в сущности конспираторами на строго централистической почве. Но час распадения ассоциации пробил, и Гаагский конгресс (2—7 сентября 1872) был последним международным конгрессом «пролетариев всех стран». Раскол острым клином раздвоил организацию, которая сошла со

* — смысл существования. *Ред.*

** Эту и следующие цитаты см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., изд. 2, т. 18, стр. 30—31. *Ред.*

*** — дурного толка, низкой пробы. *Ред.*

сцены, если не de jure *, то de facto **. Генеральный Совет был перенесен в Америку, связь распалась.

Расквитавшись публикацией брошюры об «Альянсе» с возложенным на него Гаагским конгрессом поручением, Маркс совершенно исчезает со сцены политической деятельности и снова удаляется в кабинет ученого.

В заключение мы оставляем здесь (нарушивши на этот раз хронологический порядок выхода в свет сочинений Маркса) место для упоминания о его главнейшем и действительно превосходном труде — «Капитале». Он вышел в эпоху самой горячей агитаторской деятельности Маркса среди международной ассоциации в 1867 году. Появившийся в 1872 году во втором издании в Германии, переведенный в том же году в России (к сожалению, по 1-му изданию), а в следующем — во Франции, «Капитал» Маркса стал настольною книгою всех, занимающихся серьезно экномической наукой. Из него черпали целыми пригоршнями так называемые «катедер-социалисты» [250], хотя очень часто благоразумно умалчивали об источнике своей премудрости и «научной критики». Бесчисленная же масса популяризаций сделала идеи, заключенные в «Капитале», доступными пониманию рабочих масс.

В первом томе «Капитала» Маркс исследовал лишь «процесс производства» капитала, т. е. рассмотрел образование вообще прибавочной стоимости, как величины, которая остается в руках капиталистического общества за вычетом потребленного рабочим. Но этот остаток не прилипает целиком к рукам капиталиста, на которого трудился рабочий. Капиталист должен поделиться этой величиной с землевладельцем в виде ренты, с владельцем занятого им капитала в виде процента, с государством в виде налога и т. д. Все эти производные части составляют уже «формы обращения» капитала, которые Маркс предполагал рассмотреть во втором томе. Но смерть не дала ему видеть свой труд в законченном виде, хотя Энгельс, назначенный душеприказчиком покойного, извещает, что этот том состоит из 1000 писанных листов и может быть уже обработан для печати... ***

Маркс умер 14-го марта, в Лондоне, в три часа пополудни, тихо, словно уснувший. Уже более года он страдал серьезной грудной болезнью, которую он приобрел во время бессонных и долгих ночей, проведенных им у изголовья умиравшей жены ****. Когда он несколько оправился от потрясения, доктора послали его в Алжир, а затем в Ниццу. Весной прошлого года он провел два месяца возле Парижа, в Аржантёйе, на даче своего зятя Шарля Лонге, одного из редакторов «La Justice». Считая себя достаточно

* — юридически. *Ред.*
** — фактически. *Ред.*
*** См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., изд. 2, т. 19, стр. 358. *Ред.*
**** — Женни Маркс. *Ред.*

поправившимся, Маркс в октябре прошлого года вернулся в Лондон и занялся окончательной отделкой II тома «Капитала». Он был на острове Уайте, когда внезапно получил известие о неожиданной смерти своей старшей дочери, г-жи Лонге, скончавшейся в половине января этого года. Маркс не мог выдержать этого удара, и по переезде в Лондон почувствовал себя значительно хуже... Однажды, пополудни, он сидел в своем кресле. Наблюдавшие за ним на минуту вышли. Когда они снова вернулись, Маркса уже не было в живых...

Вот как описывает наружность Маркса автор некролога, появившегося в мадридской «La illustration Española y Americana»: «Маркс — среднего роста, крепко сложен и с выразительной физиономией. Его обширный лоб выдает мыслителя. Лицо, окаймленное длинными и густыми волосами, свидетельствует своими глубокими и многочисленными морщинами о привычке серьезно мыслить и сложных занятиях. Густые брови оттеняют черные глаза, глубоко-впалые и блестящие, из-под век, потемневших от научных трудов и бессонницы. Нос, широкий у основания, подобно носу Бальзака,— признак крупных умственных дарований, если верить физиономистам,— падает легким скатом на мясистые щеки. От оконечностей носа тянутся две глубокие складки, теряющиеся близ губ, толстых и чувственных, покрытых густыми усами, которые соединяются с седой бородой, широкой, словно у патриархов».

Маркс чрезвычайно интересовался русскими вопросами и основательно изучил все, касающееся истории и экономической статистики нашей страны. Не было почти ни одной брошюры, не говоря уже об официальных статистических работах в России, которая бы не была известна ему. Он свободно читал по-русски (как и вообще на всех европейских языках) и во всем сочувствовал прогрессивной части русской интеллигенции. Интересно, что в личных беседах он приблизительно приходил к тем же выводам относительно русской общины, какие были высказаны «Современником», но в печати не успел выразить своего мнения по этому вопросу, если не считать нескольких гадательных строк в предисловии к русскому изданию «Манифеста» *.

Н. С. Русанов

Написано в апреле—мае 1883 г.
Публикуется впервые

Печатается по тексту корректуры

* *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* «Манифест Коммунистической партии». *Ред.*

Г. И. УСПЕНСКИЙ

ИЗ СТАТЬИ «ГОРЬКИЙ УПРЕК»

Письмо * это, найденное в бумагах К. Маркса после его смерти [65], заслуживает самого глубокого внимания всякого русского человека, которого крепко и искренно заботят судьбы русского народа. Несколькими строками, написанными так, как написана каждая строка в его «Капитале», то есть с безукоризненной точностью и беспристрастием,— К. Маркс осветил весь ход нашей экономической жизни, начиная с 1861 года. Без малейшего колебания в понимании подлинной сущности фактов нашей действительности, без малейшего снисхождения к нашим экономическим бессмыслицам,— он посылает нам из-за могилы грозный и горький упрек в том великом грехе, который русское общество совершает против самого же себя.

Этот горький и грозный упрек необходимо слышать великому русскому человеку, чтобы, так сказать, «опомниться», «очувствоваться» в понимании своих личных и общественных обязанностей. Строгий, беспристрастный взгляд такого человека, как К. Маркс, на «нас, русских», на наш русский народ, на его экономические особенности и на его поистине *священные обязанности* к самому себе,— такой взгляд не может не заслуживать самого глубочайшего внимания, потому что он не затуманен никакими «временными веяниями», никакими не подлежащими определению (а иногда даже и пониманию) случайностями русской жизни, которые играют в условиях нашей жизни несомненно значительную роль и не дают возможности, даже и в литературе, судить о ней с полным беспристрастием...

*Печатается по тексту Сочинений
Г. И. Успенского, т. 9, 1957, стр. 166—167*

В. И. ЗАСУЛИЧ

ИЗ «ОЧЕРКА ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕСТВА РАБОЧИХ» [251]

...28 ** сентября 1864 года состоялся, наконец, большой митинг в Сент-Мартинс-холле, созванный для учреждения Международного Общества Рабочих. Делегатами из Парижа снова явились Толен, Лимузен и Перра-

* *К. Маркс.* «Письмо в редакцию «Отечественных Записок»». *Ред.*
** В очерке ошибочно: 24. *Ред.*

шон. Пришли также политические эмигранты различных стран: Маркс и его немецкие последователи, французские бланкисты, итальянцы, находившиеся целиком под влиянием Мадзини, поляки и т. д. Все эти разнородные и разномыслящие элементы хотели по-своему направить начавшееся движение.

Бланкисты желали превратить его в демократический радикальный заговор против наполеоновского правительства. Заговор же хотел в нем видеть и Мадзини, но другого цвета, чистый от всякой классовой борьбы и полный идеальной любви и нравственности. По мнению англичан, международный союз должен был иметь значение подспорья в стачках и вообще в той непосредственной борьбе с предпринимателями, которая велась местными ремесленными союзами. Парижане-прудонисты относились, наоборот, крайне отрицательно к стачкам и желали найти в новом обществе почву для пропаганды своих идей и для попыток их практического применения. Чего хотели Маркс и его сторонники, мы увидим из деятельности Генерального Совета, все публичные заявления, все манифесты которого, до самого Гаагского конгресса, были писаны Марксом. Но в главных чертах стремления его можно было бы предугадать уже из «Коммунистического манифеста» 1848 года, который заключает в себе все основные положения современного научного социализма...

Говоря об отношении коммунистов к различным оппозиционным партиям, манифест заявляет, что «коммунисты повсюду поддерживают всякое революционное движение против существующих общественных и политических отношений».

Уже отсюда можно было предвидеть, что Маркс не захочет создать ни заговора, который никогда не может объединить рабочие массы, а всегда захватывает лишь отдельных фанатизированных личностей, ни секты с определенным символом веры, которая сразу оттолкнула бы от себя все с этим символом несогласное. Можно было бы наперед сказать, что знаменитый коммунист постарается вызвать широкое движение, способное объединить все элементы рабочего класса, начавшие сознавать свои классовые интересы. Дальнейшая история рабочего движения показала, что именно такая попытка была необходима и в высшей степени своевременна...

Впервые опубликовано в журнале «Социалъ-демократ», кн. 1, 1888 г.

Печатается по тексту журнала

Г. В. ПЛЕХАНОВ

ИЗ СТАТЬИ «ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

...В нынешнем году *, в этом году побед и успехов, пролетариат отпраздновал семидесятый день рождения своего учителя — *Фридриха Энгельса.* В настоящее время нет человека, который мог бы сравняться с Энгельсом своими заслугами по отношению к пролетариату. Не помним уже, кем замечено было, что написать биографию Энгельса значит написать историю рабочего движения новейшего времени. Это верно, но этим не все еще сказано. Написать биографию Энгельса значит написать также главу из истории человеческой мысли новейшего времени,— очень интересную и глубоко поучительную главу. Вместе с Марксом Энгельс был родоначальником научного социализма, то есть целой философской системы, сменившей собой идеалистическую немецкую философию со всеми ее, более или менее незаконными, детищами и со всеми ее более или менее отдаленными, бедными родственницами смешанного, полу-«реалистического», полу-идеалистического происхождения. Научный социализм есть не только величайшая, а лучше сказать единственная, заслуживающая этого имени философская система *нашего* времени. Его появление знаменует собой в высшей степени важный поворот в истории человеческой мысли вообще. Прежде движение мысли не имело почти ровно ничего общего с движениями *народных масс.* Носителями ее были высшие классы: духовенство и отчасти дворянство, потом буржуазия. В своей борьбе со «старым порядком» буржуазия сама разбудила дремавшую мысль рабочего класса, но пока он боролся под ее руководством, ему доставались лишь ничтожные крохи знания. На него смотрели как на малолетнего, да при тогдашних общественных условиях он и на самом деле был малолетним. Социалисты-утописты предлагали пролетариату уже гораздо более питательную умственную пищу, но утопический социализм далеко еще не был *наукой.* Только трудами Маркса и Энгельса установлено было, наконец, полное согласие между *научным пониманием* действительности, с одной стороны, и *революционным отрицанием* ее — с другой. Современный научный социализм мог появиться только в новейшем обществе и только тогда, когда уже достаточно развились те материальные условия, благодаря которым замена буржуазного порядка социалистическим становится не только возможной, но прямо неотвратимой. И именно потому научный социализм мог искать себе опоры только между пролетариями. Социалисты-утописты обращались со своей пропагандой одинаково и к буржуазии и к пролетариату, и

* — 28 ноября 1890 г. *Ред.*

к эксплуататорам и к жертвам эксплуатации. Они видели борьбу классов в современном обществе, но они умели только осуждать ее, противопоставляя ей свои учения о нормальном общественном порядке, который установит между людьми идеальное согласие. Такие учения соответствовали первой эпохе борьбы между пролетариатом и буржуазией. Когда борьба эта стала сильнее, глубже и всестороннее, социалисты необходимо должны были коренным образом изменить свой взгляд на ее историческое значение. Они убедились, что именно борьба классов, и только она одна, приведет к устранению капиталистического способа производства. Они перестали видеть в современном общественном зле одно только зло, поняв его «разрушительную, революционную сторону, которая низвергнет старое общество». Этот новый взгляд на историческое значение борьбы классов с неподражаемым мастерством изложен был в сочинениях Маркса и Энгельса. Появление их сочинений открыло новую эпоху в истории социализма. Из *утопического* он стал *научным*. Само собой понятно, что, принимая борьбу пролетариата с буржуазией за исходную точку дальнейшего общественного развития, марксисты не могли уже одновременно и безразлично обращаться к обеим борющимся сторонам. Буржуазия, заинтересованная в сохранении существующего порядка, видела в них только злостных демагогов, между тем как пролетариат признал их своими лучшими учителями и самыми надежными руководителями. Этим придано было совершенно новое направление как движению мысли, так и движению общественной жизни. Наука заключила неразрывный союз с работниками, а работники стали единственными двигателями прогресса. Этого еще никогда не бывало в истории. Гегель с энтузиазмом говорил о великом афинском народе, который внимал философам, рукоплескал Периклу и наслаждался величайшими произведениями тогдашнего искусства. Но афинская демократия основана была на рабстве. Афинский «народ» представлял собой сравнительно очень немногочисленную кучку людей, умственное, эстетическое и политическое развитие которых предполагало низведение тогдашних производителей на степень «говорящих орудий». Не то теперь. Народ нашего времени, современный пролетариат, есть именно тот класс, руками которого создается все колоссальное общественное богатство. Его умственное и политическое развитие не только не предполагает эксплуатации им какого-нибудь класса, но, наоборот, каждый шаг на пути этого развития означает приближение того времени, когда положен будет конец существованию классов, а следовательно, и эксплуатации одного класса другим. И вот этот-то *рабочий* «народ», этот низший, самый обездоленный из всех классов современного общества, чутко прислушивается теперь к голосу науки и делает ее орудием своего освобождения. Увлечение современного пролетариата теориями Маркса — Энгельса будет иметь

несравненно более важные исторические последствия, чем увлечение афинского народа речами ораторов и произведениями великих художников.

Задавшись целью выработать и распространить новую, научную, теорию социализма, Маркс и Энгельс взяли на себя поистине титаническую задачу. Им предстояло не только исполнить громадную теоретическую работу,— трудности которой, наверное, испугали бы не так богато одаренных природой людей,— им нужно было также искоренить многочисленные предрассудки тогдашних социалистов. Им приходилось бороться не только с друзьями «порядка», но также с врагами его, революционерами. Отсюда — полемический характер многих из их произведений; отсюда же и та ненависть, с которой по временам обрушивались на них революционеры. Известный демократ сороковых годов Гейнцен утверждал, что Маркс только и делает, что борется с революционерами всех возможных толков и направлений. В пятидесятых годах Виллих и Шаппер нападали на Маркса и Энгельса как на узких доктринеров, мешающих своей проповедью успехам революции. Наконец, в эпоху Интернационала та же ненависть выразилась в деятельности Бакунина и его последователей. Иногда революционные староверы, по-видимому, совсем брали верх над ненавистными им новаторами. Временами дело доходило до того, что у Маркса и Энгельса бывало немного более десятка последователей. Но родоначальников научного социализма нельзя было испугать ни ненавистью, ни неудачами. Смелые и упорные, откровенные и резкие, глубокие мыслители и непобедимые полемисты, они делали свое дело, не отступая ни на шаг, не щадя ни одного предрассудка революционеров. И мало-помалу предрассудки исчезали, ненависть уступала место восторженному удивлению, число марксистов увеличивалось. Прошло сорок лет,— и революционный пролетариат повсюду стал под знамя научного социализма. Теперь уже нет у него других учителей, кроме марксистов. А как велики силы этого пролетариата, известно всем, не окончательно беззаботным на счет политики. Марксизм, бывший в половине сороковых годов не более как *теорией,* известной *самому небольшому кружку* избранных, является теперь непобедимой *политической силой,* а сторонники его считаются миллионами. В этом-то и заключается замечательная особенность нашего времени. Пульс истории бьется теперь с неслыханной прежде быстротой. И это совершенно понятно. На арену политической жизни выступил пролетариат, а о нем справедливо сказано, что в политике он играет такую же роль, какую пар играет в промышленности.

Мы погрешили бы против истины, если бы сказали, что последователей Маркса и Энгельса много даже у нас в России. Нет, у нас только еще началось распространение марксизма. В России есть ученые, понимающие теоретическое значение научного социализма; но почти нет марксистов-агитаторов, нет людей, посвятивших свои силы практическому делу организации

политического просвещения пролетариата. Несколько счастливых исключений лишь подтверждают общее правило: в большинстве случаев русские революционеры относятся к марксизму с такой же подозрительностью, а иногда с такой же ненавистью, с какими он встречался когда-то на Западе. Мы знаем, что предрассудки русских революционеров рассеются так же, как рассеялись предрассудки западноевропейских революционеров. Но мы знаем, кроме того, что это счастливое время придет тем скорее, чем деятельнее будут революционеры, уже ставшие марксистами. В настоящее время многое благоприятствует успеху наших идей. Экономические отношения России выяснились уже настолько, что сами народники чувствуют несостоятельность своего учения; в среде рабочего класса замечается сильное умственное возбуждение. Рабочие люди различных полов и возрастов, мужчины, женщины и дети, проявляют теперь такую жажду знания, каких никогда прежде не бывало в русском народе; общее недовольство существующим порядком вещей, при полной и для всех заметной несостоятельности враждебных марксизму учений, заранее обеспечивает успех нашей проповеди. Побольше энергии, побольше самоотвержения, настойчивости и преданности делу,— вот все, что требуется нам для быстрого успеха. И если у нас не найдется этого,— мы должны будем винить самих себя, а не внешние обстоятельства, или, если угодно, внешние обстоятельства, но лишь постольку, поскольку они привели к *нашей собственной негодности.* Мы уже не раз говорили, что полицейские преследования не могут служить непреодолимым препятствием для пропаганды между рабочими. Да и вообще всякая начинающая партия заранее проигрывает свое дело, если слишком много задумывается об ожидающих ее трудностях. «Невозможно! Пожалуйста, никогда не произносите этого глупого слова!» — так говорят энергичные люди, а известно, что только перед сильной волей таких людей и расступаются непреодолимые для других внешние препятствия...

Мы надеемся, что еще долго проживет Фридрих Энгельс, служа пролетариату своею редкою опытностью, своими колоссальными знаниями и своим несравненным литературным талантом. Мы надеемся, также, что близко то время, когда в каждом значительном русском городе будут существовать многочисленные рабочие кружки, умеющие оценить заслуги великого социалиста. Тогда, и только тогда, станет наше отечество европейской страной не в одном географическом, а также и в культурном смысле этого слова. В настоящее время степень сознательности пролетариата есть самое верное мерило культурности всякой страны, вовлеченной в экономический водоворот капитализма...

Впервые опубликовано в журнале «Социалъ-демократ», кн. 3, 1890 г.

Печатается по тексту журнала

Г. В. ПЛЕХАНОВ

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

(ПРЕДИСЛОВИЕ К БРОШЮРЕ «ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС О РОССИИ») [53]

Печатаемые нами статьи Энгельса о России: Ответ Ткачеву (1875 г.) и послесловие к нему (1894), окажут русской читающей публике большую услугу. Они будут содействовать рассеянию двух предрассудков, одинаково вредных для революционной деятельности.

Первый предрассудок, унаследованный нашими революционерами еще от славянофилов, касается чудодейственных свойств русской общины, которая будто бы сама собою, в силу внутренней своей природы, стремится перейти в социалистическую форму общежития. Энгельс прекрасно обнаруживает ошибочность этого взгляда и убедительно доказывает, что подобный переход мог бы стать возможным разве лишь при влиянии на русскую крестьянскую массу *социалистического пролетариата,* когда этот последний станет господином положения на Западе.

Вместе с тем Энгельс выясняет истинный смысл знаменитого у нас *«Письма Маркса к Михайловскому»* *. Когда письмо это стало известно русским революционерам, многие из них вообразили, что автор *«Капитала»* смотрит на русскую общину почти совершенно так же, как смотрели Бакунин, Ткачев и другие социалисты-утописты на славянофильской подкладке. Это приятное открытие чрезвычайно успокоительно подействовало на всех тех, кому неприятно было расстаться со старыми, самою жизнью осужденными предрассудками. Дело дошло до того, что даже люди, решительно ничего общего не имеющие ни с социализмом, ни с революцией,— например, г. В. В. ** и г. С. К. ***, внутренний обозреватель *«Русского Богатства»* — стали ссылаться на *«Письмо»* в защиту самых нелепых мнений, самых диких фантазий. В России появились, по замечанию одного остроумного человека, особого рода марксисты,— марксисты, согласные с Марксом лишь постольку, поскольку он писал письмо к Михайловскому. Статьи Энгельса показывают, что, каков бы ни был взгляд его и его гениального друга **** на русскую экономическую действительность, он никогда не имел и не имеет ничего общего с воззрениями наших доморощенных социалистов и «социологов». Если уже рассуждения покойного Ткачева вызвали у Энгельса вопрос,— *как может предаваться им человек,*

* Заметим мимоходом, что письмо было написано не к г. Михайловскому, а к редактору *«Отечественных Записок»* [65]. О г. Михайловском Маркс говорит там не иначе, как в третьем лице. *(Примечание автора.)*

** Псевдоним В. П. Воронцова. *Ред.*

*** По-видимому, С. Кривенко. *Ред.*

**** — К. Маркса. *Ред.*

переживший двенадцатилетний возраст? — то в какое удивление повергла бы его книга г. В. В. *«Наши направления»* [208] или нескладные, лишенные даже грамматического смысла разглагольствования г. С. К.?

Другой предрассудок,— более свежего происхождения. Русская читающая публика обязана им человеку, который при своих знаниях мог бы, казалось, дать ей нечто лучшее. Мы говорим о г. Н.—оне*. В своей книге «Очерки нашего пореформенного хозяйства» [133] г. Н.—он более или менее удовлетворительно указал на те противоречия, в которых вращается русский капитализм и в которых, заметим от себя, еще раньше вращался капитализм Западной Европы. Устранить эти противоречия должно и может, по мнению г. Н.—она, *русское общество.* Смысл этого слова — *общество,* вообще говоря, очень неопределенен, и на основании его трудно сказать, что имеет в виду г. Н.—он. Но наши «социологи», поспешившие с ним *«родными счесться»,* истолковали загадочное выражение в смысле как нельзя более благоприятном для их консервативных,— если не реакционных — штатс-социалистических ** планов. Такое истолкование показалось вероятным многим читателям, да и сам г. Н.—он не отрекся от новой, навязчивой и позорящей его «родни». Напротив, он сам протянул ей руку на страницах «Русского Богатства». Таким образом, книга его легла в основу нового предрассудка, который можно формулировать так: *особенности нашего экономического развития не оставляют у нас места для политической самодеятельности рабочего класса.* Но всякие штатс-социалистические увлечения *общества* отсрочивают падение современного русского *правительства,* и потому выводу *г. Н.—она* полезно будет противопоставить мнение *Энгельса,* выраженное в предлагаемом здесь «Послесловии».

«Я не решусь сказать, уцелели ли от русской общины такие остатки, которые могли бы, при подходящих условиях явиться, вместе с переворотом на Западе, исходным пунктом коммунистического развития, как мы с Марксом надеялись еще в 1882 году. Но вот что несомненно: если остатки русской общины могут быть спасены, то лишь при условии низвержения царского деспотизма,— революции в России. Эта революция вырвет массу русского народа — крестьян — из уединения их деревень, составляющих для них весь *мир*, и выведет их на широкую арену, с которой они увидят внешний мир, а через это узнают и самих себя, свое собственное положение и средства спасения из теперешней нужды. Но, кроме того, эта революция даст новый толчок рабочему движению Запада, даст ему лучшие условия борьбы и тем ускорит победу промышленного пролетариата,

* — Н. Ф. Даниельсоне. *Ред.*
** — государственно-социалистических. *Ред.*

без которой современная Россия не может прийти к социалистическому перевороту ни через общину, ни через капитализм» *.

Итак, мы должны посвятить теперь свои силы не фантастическим попыткам невозможной теперь *«организации производства», а решительной борьбе с царизмом*. Раз поймем мы важность этой великой политической задачи, от решения которой зависит все экономическое будущее России, мы тотчас увидим, что нельзя разрешить ее, не вовлекши предварительно в борьбу по крайней мере *тех слоев нашего трудящегося населения, которые уже пробуждены от вековой спячки* шумом и толчками капитализма.

Наши «социалисты» ветхого завета думали, что русский крестьянин ближе к социализму, чем западный пролетариат. Энгельс опровергает этот взгляд и показывает, как необходимо будет русскому крестьянину содействие социалистического пролетариата Запада. Но развитие капитализма создало пролетариат в самой России. Все беспристрастные исследователи согласны в том, что этот пролетариат обнаруживает страстную жажду знания, неудержимое стремление к самообразованию. Наши социалисты из «интеллигенции» сделали бы огромную, непоправимую ошибку, если бы не заметили этих признаков приближающегося политического пробуждения нашего рабочего класса и продолжали бы по-прежнему, как выражается один из героев Щедрина, *«пущать революцию»* только *«промежду себя»*.

Г. Плеханов

Морне, июль 1894

Печатается по тексту брошюры: «Фридрих Энгельс о России», Женева, 1894, стр. III—VII

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ!

(НЕКРОЛОГ ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ) [252]

В понедельник, 5 августа **, умер Фридрих Энгельс, в лице которого немецкая и всемирная социал-демократия потеряла первоклассного писателя, великого мыслителя и одного из наиболее даровитых и искусных вождей.

Мало в истории людей, которые оставили бы после себя такой глубокий и прочный след. Вместе с Карлом Марксом Энгельс был одним из отцов того движения, которое стало теперь одной из величайших мировых сил нашего времени. Задуманное в уединении кабинета двумя мыслителями, которые были вместе с тем агитаторами, социал-демократическое движение

* См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., изд. 2, т. 22, стр. 453. *Ред.*
** — 1895 года. *Ред.*

разлилось теперь широким потоком по всему цивилизованному миру, соединяя миллионы пролетариев всех стран не просто в партию, а в могучую, прекрасно организованную, дисциплинированную армию.

Над созданием этой-то армии работал в течение полустолетия Фридрих Энгельс, который был не только учителем и вдохновителем, но и одним из наиболее влиятельных практических руководителей немецкой социал-демократии, служившей образцом другим народам. И влияние его не умалялось, а росло с годами. До самых последних дней жизни сохранил он всю силу и ясность мысли, поразительную память и удивительную отзывчивость и внимание ко всему, что касалось социально-революционного движения, где бы то ни было.

Нам, русским, нельзя не вспомнить с благодарностью его горячего сочувствия русскому революционному движению и интерес ко всему русскому. Он свободно читал по-русски и был знаком не только с нашей экономической, но и с нашей общей литературой и внимательно следил за всем, что совершается в России, в великое революционное будущее которой он верил, несмотря на долгое затишье. Он знал о том громадном влиянии, которое труды Маркса и его собственные имели на развитие революционной мысли в России, и искренно радовался этому.

Согласно оставленному Энгельсом завещанию, похороны его должны были носить скромный и частный характер. Тем не менее тесная комната, где среди груды венков, сказано было последнее прости усопшему, представляла в субботу, 10 августа [253], блестящее выражение братства и солидарности народов. Многие из самых видных представителей и вождей рабочего класса всех стран съехались, оставив все свои дела, чтобы положить венок на могилу своего общего учителя, или же прислали телеграммы. В числе этих печальных приветов два были присланы русскими. Было три русских венка. Конечно и то, и другое шло от зарубежных русских, главным образом от эмигрантов. Но эмигранты в этом случае явились верными выразителями многих, живущих в России; мы не сомневаемся, что нигде, кроме самой Германии, известие о смерти Фридриха Энгельса не произведет такого глубокого впечатления, как именно в России.

Впервые опубликовано в «Летучих листках», издаваемых «Фондом Вольной Русской Прессы в Лондоне» № 23, 15 августа 1895 г.

Печатается по тексту «Летучих листков»

РЕЧЬ Л. ГОЛЬДЕНБЕРГА НА ПОХОРОНАХ ФРИДРИХА ЭНГЕЛЬСА

Группа русских социалистов, бывших членов партии «Народная воля», и гражданин Петр Лавров от имени партии, действующей в России, склоняют свои головы перед прахом последнего из остававшихся в живых авторов «Коммунистического манифеста» 1848 г., друга, соратника и продолжателя дела Карла Маркса, старого друга «Исполнительного комитета» партии «Народная воля», неутомимого борца за международный социализм, самого выдающегося представителя партии немецких социал-демократов; мы присоединяемся к чувствам социалистов всего мира, которые понесли со смертью Фридриха Энгельса тяжелую утрату.

Слава умершему апостолу бессмертного социализма!

Мы наилучшим образом почтим его память, участвуя в общей борьбе за скорую победу социальной революции.

Публикуется впервые

Печатается по рукописи
Перевод с французского

Г. В. ПЛЕХАНОВ

КАРЛ МАРКС[254]

Тридцать пятый номер «Искры» выходит в свет в день двадцатилетия смерти Карла Маркса, которому и принадлежит в нем первое место.

Если верно то, что великое международное движение пролетариата было самым замечательным общественным явлением XIX столетия, то нельзя не признать, что основатель Международного Товарищества Рабочих был самым замечательным человеком этого столетия. Борец и мыслитель в одно и то же время, он не только организовал первые кадры международной армии рабочих, но и выковал для нее, в сотрудничестве со своим неизменным другом Фридрихом Энгельсом, то могучее духовное оружие, с помощью которого она уже нанесла множество поражений неприятелю и которое со временем даст ей полную победу. Если социализм стал наукой, то этим мы обязаны Карлу Марксу. И если сознательные пролетарии хорошо понимают теперь, что для окончательного освобождения рабочего класса необходима социальная революция и что эта революция должна быть делом самого рабочего класса; если они являются теперь непримиримыми и неутомимыми врагами буржуазного порядка, то в этом сказывается влияние научного социализма. С точки зрения

«практического разума» научный социализм отличается от утопического именно тем, что решительно разоблачает коренные противоречия капиталистического общества и беспощадно обнаруживает всю наивную тщету всех тех иногда очень остроумных и всегда вполне благожелательных планов общественной реформы, которые предлагались социалистами-утопистами разных школ, как вернейшее средство прекращения борьбы классов и примирения пролетариата с буржуазией. Современный пролетарий, усвоивший теорию научного социализма и остающийся верным ее духу, не может не быть революционером и по логике, и по чувству, т. е. не может не принадлежать к самой «опасной» разновидности революционера.

Марксу досталась великая честь сделаться наиболее ненавистным для буржуазии социалистом XIX века. Но ему же выпало на долю завидное счастье стать наиболее уважаемым учителем пролетариата той же эпохи. В то время, как вокруг него сосредоточивалась злоба эксплуататоров, его имя приобретало все более и более почетную известность в среде эксплуатируемых. И теперь, в начале XX века, сознательные пролетарии всех стран видят в нем своего учителя и гордятся им, как одним из самых всеобъемлющих и глубоких умов, одним из самых благородных и самоотверженных характеров, какие только знает история.

«Святой, память которого празднуется 1 мая, называется Карл Маркс»,— писала одна буржуазная венская газета в конце апреля 1890 года. И, действительно, ежегодная майская демонстрация рабочих всего мира представляет собою величественное, хотя и не предумышленное, чествование памяти гениального человека, программа которого объединила в одно стройное целое повседневную борьбу рабочих за лучшие условия продажи своей рабочей силы с революционной борьбой против существующего экономического строя. Только чествование это не имеет ничего общего с религиозными праздниками; современный пролетариат тем больше чтит своих «святых», чем больше их деятельность способствовала приближению того счастливого времени, когда освобожденное человечество устроит свое царство небесное на земле, а небо предоставит в распоряжение ангелов и птиц... *

К числу злых нелепостей, распространявшихся насчет Маркса, принадлежит сказка о том, что автор «Капитала» относился враждебно к русским. На самом деле он ненавидел русский царизм, всегда игравший гнусную роль международного жандарма, готового давить всякое освободительное движение, где бы оно ни начиналось.

За всеми серьезными проявлениями внутреннего развития России Маркс следил с таким глубоким интересом и, главное, с таким основательным

* Перефразированное выражение из поэмы Гейне «Зимняя сказка». *Ред.*

знанием предмета, какие едва ли можно было встретить у кого-нибудь из его западноевропейских современников. Немецкий рабочий Лесснер рассказывает в своих воспоминаниях о нем, как радовался он появлению русского перевода «Капитала»[255] и как приятно было ему верить, что в России появляются уже люди, способные понимать и распространять идеи научного социализма. Из предисловия к русскому переводу «Манифеста Коммунистической партии», подписанного им и Энгельсом *, видно, что сочувствие русским революционерам и нетерпеливое желание поскорее увидеть их победителями приводило его даже к значительной переоценке тогдашнего нашего революционного движения. А какой радушный прием встречали в его гостеприимном доме ** русские изгнанники, показывают его отношения к Лопатину и Гартману. Его разлад с Герценом вызван был частью случайным недоразумением, а частью вполне заслуженным недоверием к тому славянофильскому социализму, провозвестником которого в западноевропейской литературе, к сожалению, сделался наш блестящий соотечественник под влиянием тяжелых разочарований 1848—1851 гг. Резкая выходка Маркса против этого славянофильского социализма в первом издании I тома «Капитала»[256] заслуживает не осуждения, а похвалы, особенно в настоящее время, когда этот социализм возрождается у нас в виде программы партии так называющихся социалистов-революционеров[257]. Наконец, что касается ожесточенной борьбы Маркса с Бакуниным в Международном Товариществе Рабочих, то она не имеет ни самомалейшего отношения к русскому происхождению этого анархиста и очень просто объясняется непримиримой противоположностью взглядов ***. Когда издания группы «Освобождение Труда» положили начало распространению социал-демократических идей между русскими революционерами, Энгельс в письме к В. И. Засулич выразил сожаление о том, что это произошло не при жизни Маркса, который, по его словам, радостно приветствовал бы литературное предприятие этой группы[258]. Что же сказал бы великий автор «Капитала», если бы ему довелось дожить до настоящего времени и узнать, что у него есть уже много и много последователей в среде русских рабочих? Какою радостью наполнилось бы его сердце, если бы ему пришлось

* См. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., изд. 2, т. 19, стр. 304—305. *Ред.*

** Тот же рабочий Лесснер говорит, что дом Маркса «всегда был открыт для всех надежных товарищей». *(Примечание автора.)*

*** Бывший «марксист», а ныне вульгарный экономист М. Туган-Барановский в своих «Очерках из новейшей истории политической экономии» (стр. 294) повторяет анархическую сплетню о том, что Маркс будто бы содействовал распространению печатной клеветы на Бакунина. Здесь не место разбирать доводы, приводимые обыкновенно в подкрепление этой выдумки. Мы подробно поговорим о них в «Заре», где легкомысленное произведение г. Туган-Барановского получит достойную оценку. Но не мешает заметить, что наш бывший «марксист» вовсе не потрудился подвергнуть критике свои источники. Он голословно повторяет обвинение, которое, не будучи доказано, в свою очередь становится *клеветой. (Примечание автора.)*

услыхать о событиях, подобных недавним событиям в Ростове-на-Дону [259]! В его время русский марксист был редкостью, и передовые русские люди посматривали на эту редкость в лучшем случае с улыбкою добродушного сожаления; теперь идеи Маркса господствуют в русском революционном движении, а те русские революционеры, которые по старой привычке отвергают их вполне или отчасти, в действительности давно уже,— и несмотря на свою по большей части очень громкую революционную фразеологию,— перестали быть передовыми и незаметно для себя перешли в обширный лагерь отсталых.

Не мало пустяков говорилось и повторялось также об его частых полемических стычках с противниками. Миролюбивые, но недалекие люди объясняли эти стычки его будто бы неудержимой страстью к полемике, которая в свою очередь будто бы порождалась его будто бы злым характером. На самом деле та почти беспрерывная литературная борьба, которую ему приходилось вести, особенно в начале своей общественной деятельности, вызывалась не свойствами его личного характера, а общественным значением защищаемой им идеи. Он был одним из первых социалистов, сумевших и в теории, и на практике всецело встать на точку зрения классовой борьбы и отделить интересы пролетариата от интересов мелкой буржуазии. Неудивительно поэтому, что ему приходилось часто и враждебно сталкиваться с теоретиками мелкобуржуазного социализма, очень многочисленными тогда особенно в среде германской «интеллигенции». Прекращение полемики с этими теоретиками означало бы отказ от мысли сплотить пролетариат в особую партию, имеющую свою собственную историческую цель, а не плетущуюся в хвосте мелкой буржуазии. «Наша задача,— говорил журнал Маркса «Новая Рейнская Газета» * в апреле 1850 г.,— состоит в беспощадной критике, направляемой даже более против наших мнимых друзей, чем против наших явных врагов; и, занимая такую позицию, мы с удовольствием отказываемся от дешевой демократической популярности» [260]. Явные враги были менее опасны именно потому, что они уже не могли затемнить классовое самосознание пролетариев, между тем как мелкобуржуазные социалисты с их «внеклассовыми» программами продолжали вести за собою многих и многих рабочих. Борьба с ними была неизбежна, и Маркс вел ее со свойственным ему неподражаемым умением. Его примера не должны забывать мы, русские социал-демократы, которым приходится действовать при условиях, очень похожих на условия, существовавшие в дореволюционной Германии. Мы, можно сказать, со всех сторон окруженные мелкобуржуазными теоретиками специфического «русского социализма», должны твердо помнить, что интересы

* — «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue». *Ред.*

пролетариата и нас обязывают беспощадно критиковать наших мнимых друзей — например, хорошо известных нашим читателям «соц.-революционеров»,— как бы ни возмущала наша беспощадная критика добродушных, но недалеких друзей мира и согласия между различными революционными «фракциями».

Учение Маркса — современная «алгебра революции». Понимание его необходимо для всех тех, которые хотят вести сознательную борьбу с существующим у нас порядком вещей. И это до такой степени верно, что даже многие идеологи русской буржуазии одно время чувствовали потребность сделаться марксистами. Идеи Маркса были незаменимы для них в их борьбе с допотопными теориями народничества, пришедшими в резкое противоречие с новыми экономическими отношениями России. Это хорошо поняли те наши молодые буржуазные идеологи, которые лучше других были знакомы с современной литературой общественных наук. Они стали под знамя марксизма и, борясь под этим знаменем, приобрели довольно громкую известность. А когда народники были разбиты наголову, когда их старозаветные теории превратились в груду безобразных развалин, тогда наши новоявленные марксисты решили, что марксизм уже сделал свое дело и что пора подвергнуть его строгой критике. Эта «критика» совершалась под тем предлогом, что общественная мысль должна идти *вперед,* но единственным ее результатом оказалось то, что под ее прикрытием наши недавние союзники совершили *попятное* движение и расположились на теоретических позициях западноевропейских буржуа социал-реформаторского оттенка[261]. Как ни жалок был этот результат столь крикливо возвещенного «критического» похода и как ни тяжело было русским соц.-демократам присутствовать при этих «критических» превращениях людей, вместе с которыми они только что выступали против одного общего врага и с которыми они надеялись впоследствии окончательно сблизиться, но по зрелом рассуждении они должны были сознаться, что отступление наших неомарксистов на «священную гору» буржуазного реформаторства не только вполне естественно, но еще является косвенным подтверждением правильности выработанного Марксом материалистического понимания истории. В 1895—1896 гг. у нас увлекались марксизмом такие лица, которые ни по общественному своему положению, ни по умственному и нравственному своему складу не имели ничего общего ни с пролетариатом, ни с его освободительной борьбой. Одно время на марксизм была мода во всех петербургских канцеляриях. Если бы такое положение дел могло продолжаться, то оно доказывало бы, что основатели научного социализма ошибались, утверждая, что образ *мыслей* определяется образом *жизни,* и что высшие классы не могут стать носителями социально-революционных идей нашего времени. Но «критика» Маркса, начавшаяся немедленно по-

сле того, как закончилась борьба против реакционных стремлений народничества, лишний раз подтвердила, что Маркс и Энгельс были правы: образ мыслей «критиков» определился их общественным положением; восставая против «фанатизма догмы», они в действительности восставали только против социально-революционного содержания Марксовой теории. Им нужен был не тот Маркс, который в течение всей своей жизни, полной труда, борьбы и лишений, горел священным огнем ненависти против капиталистической эксплуатации: Маркс — вожак революционного *пролетариата* казался им неприличным и «ненаучным». Им нужен был *только* тот Маркс, который в «Манифесте Коммунистической партии» объявил, что он готов поддерживать буржуазию, поскольку она является революционной в своей борьбе с абсолютной монархией и мелким мещанством. Их интересовала только *демократическая* половина *социально*-демократической программы Маркса. Это было как нельзя более естественно; но именно эти совершенно естественные стремления наших «критиков» делали очевидной полную неосновательность всяких расчетов на них, как на социалистов. Их место в рядах либеральной оппозиции, которой они и дали — в лице редактора «Освобождения», г. П. Струве — внимательного, старательного и талантливого литературного выразителя.

Судьба Марксовой теории доказывает ее верность. И это не только в России. Известно, что западные ученые долго пренебрегали ею, как неудачным плодом социально-революционного фанатизма, но время шло, и с течением времени делалось все более и более ясным даже и для глаз, смотревших сквозь очки буржуазной ограниченности, что плод социально-революционного фанатизма имеет, по крайней мере, одно неоспоримое преимущество: он дает чрезвычайно плодотворный метод исследования общественной жизни. Чем более подвигалось вперед научное изучение первобытной культуры, истории, права, литературы и искусства, тем плотнее и плотнее подходили исследователи к историческому материализму *, несмотря на то, что большинство из них или совсем ничего не знало об исторической теории Маркса, или, как огня, боялось его материалистических,— т. е. в глазах современной буржуазии, безнравственных и опасных для общественного спокойствия,— взглядов. И мы видим, что материалистическое объяснение уже начинает приобретать себе в ученом мире право гражданства. Недавно появившееся на английском языке сочинение американского профессора Зелигмана «Экономическое объяснение истории» свидетельствует о том, что официальные жрецы науки понемногу проникаются сознанием великого научного значения исторической теории Маркса. Зелигман

* Из новейших авторов упомянем Бюхера, фон дер Штейнена, Гильдебранда, Эспинаса, Гёрнеса, Фейергерда, Гроссе, Чикотти и целую школу американских этнологов. *(Примечание автора.)*

дает нам понять, между прочим, и те психологические причины, которые препятствовали до сих пор правильному признанию и пониманию этой теории буржуазным ученым миром. Он прямо и откровенно говорит, что ученых пугали социалистические выводы Маркса. И он старается растолковать своим собратьям по науке, что социалистические выводы можно отбросить, усвоив себе только лежащую в их основании историческую теорию. Это остроумное соображение, которое, заметим кстати, хотя и робко, но совершенно ясно было высказано уже в «Критических заметках» г. П. Струве, служит новым доказательством той, не новой уже истины, что легче верблюду пролезть сквозь игольное ушко, чем идеологу буржуазии перейти на точку зрения пролетариата. Маркс был революционером до конца ногтей. Он восстал против бога-капитала, как гётевский Прометей восставал против Зевса. И, подобно этому Прометею, он мог сказать о себе, что его задача заключается в воспитании таких людей, которые, умея по-человечески страдать и по-человечески наслаждаться, сумели бы «не уважать тебя», божество, враждебное людям. А буржуазные идеологи именно этому-то божеству и служат. Их задача именно в том и заключается, чтобы отстаивать его права духовным оружием, как полиция и войско поддерживают их оружием холодным и огнестрельным. Признанием буржуазных ученых будет пользоваться только такая теория, которая не покажется им опасной для бога-капитала. Ученые Франции и вообще стран французского языка в этом отношении гораздо откровеннее всех других. Так, еще известный Лавеле говорил, что экономическая наука должна быть перестроена заново, потому что она перестала удовлетворять своему назначению с тех пор, как легкомысленный Бастиа скомпрометировал защиту существующего порядка. А совсем недавно А. Бэшо в книге, посвященной французской школе политической экономии, нисколько не конфузясь, оценивал различные экономические учения с той точки зрения, какое из них «дает более действительное оружие противникам социализма». Ввиду этого понятно, что идеологи буржуазии, усваивающие себе идеи Маркса, непременно будут стоять «под знаком критики». Мерой их «критического» отношения к Марксу является мера несоответствия взглядов этого непримиримого и неутомимого революционера с интересами господствующего класса. Понятно также и то, что последовательно мыслящий буржуа скорее признает верными исторические идеи Маркса, чем его экономическую теорию: исторический материализм легче обезвредить, чем, например, учение о прибавочной стоимости. Это последнее,— которому один из самых выдающихся буржуазных «критиков» Маркса дал выразительное название теории эксплуатации,— навсегда сохранит за собою в образованных и ученых кругах буржуазии репутацию неосновательного. Экономической теории Маркса ученые и образованные буржуа нашего вре-

мени предпочитают «субъективную» экономическую теорию, имеющую то хорошее свойство, что явления экономической жизни общества рассматриваются ею вне всякой связи их с его производственными отношениями, в которых коренится источник эксплуатации пролетариата буржуазией и напоминать о которых очень неудобно поэтому теперь, когда классовое самосознание рабочих подвигается вперед такими быстрыми шагами.

Экономические, исторические и философские идеи Маркса могут быть приняты во всей грозной полноте из революционного содержания только идеологами пролетариата, классовый интерес которого связан не с сохранением, а с устранением капиталистического порядка, с социальной революцией.

Печатается по тексту Избранных философских произведений Г. В. Плеханова. М., 1956, т. II, стр. 717—724

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Ф. Энгельс. «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 21, стр. 281).— *2.*

[2] Речь идет о статье К. Маркса «Оправдание мозельского корреспондента» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 1, стр. 187—217).— *2.*

[3] К. Маркс. «К критике гегелевской философии права. Введение» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 1, стр. 422).— *2.*

[4] Речь идет о демонстрации 13 июня 1849 г. в Париже, организованной партией мелкой буржуазии («Гора») в знак протеста против нарушения президентом и большинством Законодательного собрания конституционных порядков, установленных революцией 1848 года. Демонстрация была разогнана правительством.— *3.*

[5] В. И. Ленин имеет в виду издание переписки К. Маркса и Ф. Энгельса, вышедшее в свет в Германии в сентябре 1913 г. в четырех томах под названием «Der Briefwechsel zwischen Friedrich Engels und Karl Marx 1844 bis 1883», herausgegeben von A. Bebel und Ed. Bernstein. Vier Bände, Stuttgart, 1913 («Переписка Фридриха Энгельса и Карла Маркса с 1844 по 1883», изданная А. Бебелем и Эд. Бернштейном. Четыре тома, Штутгарт, 1913).— *3.*

[6] Памфлет К. Маркса «Господин Фогт» являлся ответом на клеветническую брошюру бонапартистского агента К. Фогта «Мой процесс против «Allgemeine Zeitung»» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 14, стр. 395—691).— *3.*

[7] Имеется в виду «Учредительный манифест Международного Товарищества Рабочих» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 16, стр. 3—11).— *3.*

[8] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 2, стр. 139.— *5.*

[9] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 23, стр. 21.— *5.*

[10] Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 20, стр. 43, 59, 34—35, 24).— *5, 33.*

[11] Ф. Энгельс. «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 21, стр. 282—283, 284).— *6, 33.*

[12] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 32, стр. 182. Во втором издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса датировка письма уточнена: 12 декабря 1868 года.— *6.*

[13] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 20, стр. 10, 22.— *7.*

[14] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 21, стр. 302, 276.— *7.*

[15] Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 20, стр. 25).— *7.*

[16] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 32, стр. 7.— *8.*

[17] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 21, стр. 289.— *8.*

[18] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 23, стр. 383.— *8.*

[19] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 13, стр. 6—7.— *9.*

[20] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 31, стр. 197.— *9.*

[21] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 4, стр. 424—425, 434, 433.— *11.*

[22] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 23, стр. 10.— *12.*

[23] К. Маркс. «Капитал», т. I (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 23, стр. 84).— *13.*

[24] К. Маркс. «К критике политической экономии» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 13, стр. 16).— *13.*

[25] Здесь и ниже В. И. Ленин цитирует «Капитал», т. I (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 23, стр. 180—181, 177, 770, 771—773).— *13.*

[26] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 30, стр. 215—220, 225—227.— *19.*

[27] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 25, ч. II, стр. 363.— *19.*

[28] Здесь и ниже В. И. Ленин цитирует «Капитал», т. I (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 23, стр. 757, 657).— *19.*

[29] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 7, стр. 85—86.— *20.*

[30] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 8, стр. 211.— *20.*

[31] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 25, ч. II, стр. 371, 372.— *21.*

[32] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 4, стр. 444.— *23.*

[33] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 21, стр. 171—172.— *23.*

[34] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 20, стр. 292.— *23.*

[35] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 21, стр. 173.— *23.*

[36] В. И. Ленин цитирует работу Ф. Энгельса «Крестьянский вопрос во Франции и Германии» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 22, стр. 518).— *24.*

[37] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 30, стр. 280.— *24.*

[38] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 4, стр. 183.— *25.*

[39] Цитируемые В. И. Лениным здесь и ниже письма Маркса и Энгельса см. соответственно в томах переписки второго издания их Сочинений: т. 27, стр. 169; т. 29, стр. 190 и 293; т. 30, стр. 276 и 280; т. 31, стр. 166; т. 32, стр. 318; т. 35, стр. 14.— *25.*

[40] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 4, стр. 458.— *26.*

[41] К. Маркс. «Буржуазия и контрреволюция» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 6, стр. 116—117).— *26.*

[42] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 29, стр. 37.— *26.*

[43] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 31, стр. 38—39, 47.— *27.*

[44] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 30, стр. 290, 292—293, 308, 349—350; т. 31, стр. 31—32, 38—39, 45—46, 50, 313—314, 340, 348.— *27.*

[45] К. Маркс. «Второе воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о франко-прусской войне» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 17, стр. 274—282).— *27.*

[46] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 33, стр. 172.— *27.*

[47] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 34, стр. 45—46, 54, 75—76, 84—85, 87.— *27.*

[48] Ф. Энгельс. Добавление к предисловию 1870 г. к «Крестьянской войне в Германии» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 18, стр. 498).— *30.*

[49] Ф. Энгельс. «Наброски к критике политической экономии» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 1, стр. 544—571).— *32.*

[50] Под таким названием вышла в русском издании в 1892 г. работа Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 19, стр. 185—230).— *33*.

[51] Имеется в виду статья Ф. Энгельса «Внешняя политика русского царизма» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 22, стр. 11—52). Поводом к написанию работы послужило обращение к Энгельсу В. Засулич через С. Кравчинского (Степняка) от имени редакции подготовляемого в то время к изданию группой «Освобождение труда» русского марксистского журнала «Социаль-демократ» с просьбой о сотрудничестве в этом журнале. Работа была напечатана в переводе (с немецкого) В. Засулич в журнале «Социаль-демократ» в феврале и августе 1890 г. под заглавием «Иностранная политика русского царства» и предназначалась для нелегального распространения в России.— *33, 215*.

[52] Ф. Энгельс. «К жилищному вопросу» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 18, стр. 203—284).— *33*.

[53] В русское издание книги «Фридрих Энгельс о России» (Женева, 1894 г.) вошли его статья «О социальном вопросе в России» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 18, стр. 537—548) и послесловие к статье (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 22, стр. 438—453). Предисловие к изданию было написано Г. В. Плехановым (см. настоящий сборник, стр. 282—284).— *33, 282*.

[54] К. Маркс. «Теории прибавочной стоимости» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 26, части I, II, III).— *33*.

[55] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 36, стр. 188.— *33*.

[56] Воспоминания П. В. Анненкова, часть которых печатается в настоящем сборнике, являются первыми из воспоминаний русских современников, которые были опубликованы при жизни К. Маркса и прочитаны им. По свидетельству С. Раппопорта (секретарь П. Л. Лаврова, литератор, выступавший в печати под псевдонимом С. Ан — ский), среди русских книг, переданных Энгельсом Лаврову, он обнаружил при разборе архива Лаврова после его смерти том «Вестника Европы» за 1880 г., где было опубликовано «Замечательное десятилетие» Анненкова. В тексте и на полях глав XXV—XXXI имелись подчеркивания и пометки К. Маркса. Внимательно читая эту часть воспоминаний Анненкова, Маркс отмечал неточности и ошибки, допущенные автором. (Некоторые пометки Маркса см. в подстрочных примечаниях на стр. 39, 43 настоящего сборника). Экземпляр воспоминаний Анненкова с пометками Маркса, видимо, утрачен.— *39*.

[57] Рекомендательное письмо Г. М. Толстого к Марксу относительно Анненкова см. «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия». М., 1967, стр. 127. Первая встреча П. Анненкова с К. Марксом состоялась, по-видимому, 29 марта 1846 г. в Брюсселе.— *39*.

[58] Имеется в виду заседание Брюссельского коммунистического корреспондентского комитета 30 марта 1846 г., на котором Маркс и Энгельс в своих выступлениях подвергли критическому анализу идеи «истинного социализма» и грубо-уравнительного коммунизма В. Вейтлинга. Речи Маркса и Энгельса, которые цитирует и излагает ниже Анненков, не сохранились.— *40*.

[59] P. J. Proudhon. «Système des contradictions économiques, ou Philosophie de la misère». T. I—II. Paris, 1846 (П. Ж. Прудон. «Система экономических противоречий, или Философия нищеты». Тт. I—II, Париж, 1846). Письмо Маркса П. Анненкову 28 декабря 1846 г. см. в сборнике «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия». М., 1967, стр. 131—142).— *42.*

[60] Здесь П. В. Анненков допускает неточность. В письме Маркса к нему от 28 декабря 1846 г. речь шла не о «Капитале», а о книге «Критика политики и политической экономии», которую, однако, Марксу не удалось выпустить в связи с работой над «Святым семейством», а также из-за расторжения договора с издателем.— *44.*

[61] Маркс принялся за изучение русского языка в конце 1869 — начале 1870 года. Особым интересом к русскому языку и русской общественной мысли Маркс проникся в связи с книгой Флеровского «Положение рабочего класса в России» (Спб., 1869), которую прислал ему из Петербурга в октябре 1869 г. Н. Ф. Даниельсон в надежде, что она даст необходимый материал для последующей работы над «Капиталом». Для овладения русской грамматикой Маркс использовал экземпляр герценовской «Тюрьмы и ссылки» (части «Былого и дум»), по которому в свое время занимался Энгельс. Вслед за мемуарами Герцена и книгой Флеровского Маркс в оригинале начал глубоко изучать труды Н. Г. Чернышевского, в частности, третий том женевского издания его сочинений, в который входила и упомянутая Лопатиным работа «Дополнения и примечания на первую книгу политической экономии Джона Стюарта Милля», вышедшая в 1869 году.— *46, 119.*

[62] В конце 1870 г. Г. А. Лопатин отправился из Лондона в Россию для организации побега Н. Г. Чернышевского из Сибири, где в феврале 1871 г. был арестован. 10 июня 1873 г. после двух неудачных попыток ему удалось бежать из тюремного заключения в Иркутске. В августе того же года Лопатин прибыл в Париж.— *47, 49, 53.*

[63] Данные воспоминания представляют собой изложение беседы с Г. А. Лопатиным корреспондента газеты «Новый день» М. Неведомского, состоявшейся в Доме писателей в Петрограде в связи со столетием со дня рождения К. Маркса (5 мая 1918 г.). Введение и другие вставки от корреспондента в настоящем сборнике опущены.— *47.*

[64] В предисловии к русскому изданию первого тома «Капитала», вышедшему в Петербурге в 1872 г., ничего не говорится об использовании Н. Ф. Даниельсоном перевода глав «Капитала», сделанного Г. А. Лопатиным.— *49.*

[65] Имеется в виду письмо К. Маркса в редакцию «Отечественных Записок» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 116—121), написанное им вскоре после появления в названном журнале в октябре 1877 г. статьи идеолога русского народничества Н. К. Михайловского «Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского» («Отечественные Записки» № 10, Современное обозрение, стр. 320—356), которая содержала ложную трактовку «Капитала». Письмо осталось неотправленным и было найдено Энгельсом в бумагах Маркса уже после его смерти. Энгельс снял с письма копии и одну из них вместе с письмом от 6 марта 1884 г. направил В. И. Засулич в Женеву, другую отправил, возможно, через Лопатина в Петербург. Первый русский перевод, сделанный, по-видимому, Засулич, был опубликован вначале в России нелегально и в литографированном виде. В Женеве письмо было опубликовано в 1886 г. в № 5 «Вестника Народной Воли». В русской легальной печати письмо Маркса появилось в октябре 1888 г. в журнале «Юридический вестник».— *50, 52, 105, 276, 282.*

[66] В своем письме А. Финн-Енотаевский просил у Г. А. Лопатина разрешения на статью, которую он намеревался написать для журнала «Современный Мир», используя рассказ Лопатина о Марксе и его семье. Это намерение, однако, не было осуществлено.— *50.*

[67] В начале 1879 г. Г. А. Лопатин возвратился в Россию, но через шесть дней после приезда был арестован и сослан в Ташкент, а затем в Вологду. Только в феврале 1883 г. Лопатину удалось бежать из вологодской ссылки в Париж, где он узнал от Лаврова о смерти Маркса (см. также примечание 62).— *52, 161, 188.*

[68] Данный отрывок заимствован из записи беседы С. П. Струмилиной-Петрашкевич с Г. А. Лопатиным о И. С. Тургеневе.— *53.*

[69] Оригинал данной рукописи (заглавие ее Лопатин написал по-латински: Suum cuique) хранится в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР. Она написана в связи с заметкой о смерти Н. Ф. Даниельсона, опубликованной в газете «Петроградский Голос» № 121, 4 июля 1918 года.— *53.*

[70] Рукопись мемуаров Н. Г. Кулябко-Корецкого, отрывок из которой печатается в настоящем сборнике, хранится в Центральном государственном архиве Октябрьской революции.— *56.*

[71] Публикуемый отрывок является частью воспоминаний Д. И. Рихтера, рукопись которых хранится в рукописном отделе Государственной библиотеки имени В. И. Ленина.— *57.*

[72] Переписку Маркса и Энгельса с Н. Ф. Даниельсоном см. в сборнике «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия». М., 1967.— *58.*

[73] В качестве одного из побудительных мотивов к написанию воспоминаний о К. Марксе М. Ковалевский указывает во введении к данной статье на неоднократные просьбы семьи К. Маркса.— *59.*

[74] Знакомство М. Ковалевского с К. Марксом состоялось, видимо, зимой 1875 года. Более частые встречи с Марксом, о которых упоминает ниже Ковалевский, происходили в период с 15 августа по 11 сентября 1875 г. во время пребывания Маркса на лечении в Карлсбаде (Карловы Вары). О встречах Ковалевского с Марксом и их переписку см. сборник «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия». М., 1967.— *59.*

[75] Речь идет об «Альянсе социалистической демократии» — международной организации анархистов, основанной в Женеве в октябре 1868 г. М. Бакуниным, в которую был включен созданный им ранее тайный заговорщический союз.— *59, 65.*

[76] М. Ковалевский не совсем точно характеризует первую встречу Маркса и Энгельса, состоявшуюся в конце ноября 1842 г., когда по пути в Англию Энгельс посетил в Кёльне редакцию «Rheinische Zeitung». В то время Маркс находился в остром конфликте с берлинскими младогегельянцами, так называемыми «Свободными», с которыми Энгельс поддерживал связь. Этим объясняется сдержанность первой встречи двух будущих друзей. Энгельс не был шеллингианцем. Напротив, в ряде своих печатных произведений он подверг критике реакционные мистические взгляды немецкого философа Шеллинга.— *60, 76.*

[77] Здесь допущена неточность. Имеется в виду журнал «Deutsch-Französische Jahrbücher», издававшийся в Париже под редакцией К. Маркса и А. Руге на немецком языке. Л. Штейн в журнале не сотрудничал.— *60.*

[78] М. Ковалевский подразумевает «Труды комиссии, высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов», и другие официальные издания, которые по аналогии с публикациями отчетов английского парламента иногда называли «Синими книгами» (Blue Books).— *61, 68.*

[79] Здесь перечисляются следующие работы: F. Cárdenas. «Ensayo sobre la historia de la propiedad territorial en España». T. I—II. Madrid, 1873—1875 (Ф. Карденас. «Очерк по истории земельной собственности в Испании». Т. I—II. Мадрид, 1873—1875); М. Ковалевский. «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения». Москва, 1879. Эту работу Ковалевский послал Марксу, который внимательно изучал ее, делая при этом подробные выписки о характере общины, о месте и социально-экономической роли ее в разные эпохи и у разных народов. В библиотеке Маркса сохранился экземпляр этой работы с дарственной надписью автора Марксу; Н. Кареев. «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века». Москва, 1879. Эта книга была переслана Марксу М. Ковалевским, с согласия ее автора.— *61, 67, 68, 106.*

[80] Очевидно, имеется в виду письмо Ч. Дарвина Марксу от 1 октября 1873 г., в котором он благодарит за присланный экземпляр «Капитала».— *61.*

[81] H. Spencer. «Social Statics: or The Conditions Essential to Human Happiness Specified, and the First of Them Developed». London, 1851 (Г. Спенсер. «Социальная статика, или Изложение условий, существенных для человеческого счастья, с подробным анализом первого из этих условий». Лондон, 1851).— *62.*

[82] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 7, стр. 280—294.— *63.*

[83] М. А. Бакунин — П. В. Анненкову 20 декабря 1847 г. (см. М. А. Бакунин. Собрание сочинений и писем 1828—1876. М., 1935, т. 3, стр. 284).— *63.*

[84] М. Ковалевский несколько вольно цитирует речь Маркса на заседании лондонского ЦК «Союза коммунистов» 15 сентября 1850 г. (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 8, стр. 582) и ниже допускает существенную неточность в освещении итогов этого заседания, утверждая, будто Маркс, Энгельс и их единомышленники были исключены из «Союза коммунистов». В действительности, раскол произошел по вине фракции Виллиха — Шаппера, проводившей сектантскую авантюристическую тактику немедленной «организации» революции без учета реальной политической обстановки в Европе. Большинство ЦК поддержало линию Маркса и Энгельса.— *63.*

[85] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 29, стр. 531.— *64.*

[86] К. Маркс — Г. Зерфи 28 декабря 1852 г. (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 28, стр. 479).— *64.*

[87] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 30, стр. 528.— *64.*

[88] Цитируемая здесь резолюция была опубликована в органе английских тред-юнионов, еженедельнике «Bee-Hive» 5 октября 1864 г.; русский перевод см. в кн.: «Основание Первого Интернационала». М., 1934, стр. 19.— *64.*

[89] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 16, стр. 9. Ниже цитируется письмо Маркса к Кугельману от 23 августа 1866 г. (см. там же, т. 31, стр. 437).— *65.*

[90] Резолюцию Гаагского конгресса I Интернационала, содержание которой передает Ковалевский, см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 18, стр. 143.— *65.*

[91] Ковалевский допускает неточность. К моменту основания I Интернационала Лассаля уже не было в живых (умер 31 августа 1864 г.), отношения с ним Маркс прервал еще в 1862 году.— *66.*

[92] Очевидно, подразумевается статья Н. Зибера «Несколько замечаний по поводу статьи г. Ю. Жуковского «Карл Маркс и его книга о капитале» («Отечественные Записки», ноябрь 1877 г.) (см. также примечание 226).— *66.*

[93] Речь идет о П. Корье, одном из авторов дневника, изданного в 1871 г. в Париже под названием «Histoire de la révolution du 18 mars» («История революции 18 марта»).— *66.*

[94] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 34, стр. 323.— *67.*

[95] Имеется в виду статья И. И. Кауфмана «Точка зрения политико-экономической критики у Карла Маркса» («Вестник Европы», май 1872 г.).— *68.*

[96] Работа Н. Зибера «Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях» была опубликована в 1885 году.— *68.*

[97] А. И. Чупров. «Железнодорожное хозяйство». Тт. I—II, М., 1875—1878.— *68.*

[98] Речь идет о рукописи Маркса «Теории прибавочной стоимости», составляющей IV том «Капитала» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 26, части I—II—III).— *68, 107.*

[99] Цитируемый отрывок из письма К. Маркса Л. Кугельману от 12 октября 1868 г. (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 32, стр. 472) Ковалевский приводит из книги П. А. Берлина «Карл Маркс и его время», вышедшей в 1908 г. в Москве.— *69, 75.*

[100] Цитируется (не совсем точно) письмо И. Дицгена Марксу от 24 октября (7 ноября) 1867 г., впервые опубликованное в журнале «Neue Zeit», Bd. II, № 4, 1901—1902, S. 126—128. В русском переводе оно приводится в книге П. А. Берлина «Карл Маркс и его время» (см. примечание 99). Письмо Дицгена Марксу положило начало дружбе выдающегося немецкого пролетарского философа-самоучки с основоположником научного коммунизма.— *70.*

[101] W. Petty. «Political arithmetick». In: W. Petty. «Several essays in political arithmetick». London, 1699 (У. Петти. «Политическая арифметика». В книге: У. Петти. «Очерки из области политической арифметики». Лондон, 1699).— *71.*

[102] H. George. «Progress and poverty: an Inquiry into the cause of industrial depressions, and of increase of want with increase of wealth. The Remedy». New York, 1880

(Г. Джордж. «Прогресс и бедность. Исследование причины промышленных депрессий и роста бедности одновременно с ростом богатства. Меры по устранению бедности». Нью-Йорк, 1880).— *71.*

[103] Имеется в виду письмо Маркса Зорге от 20 июня 1881 г., опубликованное в журнале «Neue Zeit». Bd. II, № 33, 1891—1892 гг. (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 35, стр. 162—165).— *71.*

[104] Речь идет о заметках Элеоноры Маркс-Эвелинг, написанных в связи с публикацией письма Маркса к отцу от 10 ноября 1837 года (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. «Из ранних произведений», 1956, стр. 6—16) и опубликованных в журнале «Die Neue Zeit» (Bd. I, № 1, 1897—1898, S. 4—6) под заглавием «Ein Brief des jungen Marx. Vorbemerkung». Русский перевод части заметок Э. Маркс-Эвелинг см. в сборнике «Воспоминания о Марксе и Энгельсе». М., 1956, стр. 263—264.

Письмо К. Маркса — Женни Маркс от 21 июня 1856 г. см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 29, стр. 432—436.— *72.*

[105] Очевидно, речь идет о письме Б. Бауэра К. Марксу от 12 апреля 1841 года. См. MEGA, I. Abt., Bd. I, 2. Halbband, Berlin, 1929, S. 253.— *73.*

[106] М. Ковалевский. «Опыты по истории юрисдикции налогов во Франции с XIV века до смерти Людовика XIV», т. I, вып. I. М., 1876.— *74.*

[107] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, стр. 386.— *75.*

[108] По свидетельству К. Маркса, русские ученые-экономисты Н. И. Зибер и Н. А. Каблуков посетили его в январе 1881 года.

Упомянутая книга Н. И. Зибера «Очерки первобытной экономической культуры» вышла в Москве в 1883 году.— *78, 192.*

[109] Изданная в 1880 г. брошюра П. Л. Лаврова «18 марта 1871 года», посвященная Парижской Коммуне, была послана автором Марксу.— *79, 176.*

[110] Инициатива подготовки второго русского издания «Манифеста Коммунистической партии» принадлежала Г. В. Плеханову, который не только перевел «Манифест», но и написал к этому изданию предисловие «От переводчика» (см. настоящий сборник, стр. 231—233). По его предложению, с просьбой о написании предисловия обратился непосредственно к Марксу и Энгельсу П. Лавров, находившийся в близких отношениях с ними (см. сборник «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия». М., 1967, стр. 457—458). 23 января 1882 г. Маркс и Энгельс направили ему текст предисловия (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 19, стр. 304—305). До выхода отдельного издания цитируемое Н. Морозовым предисловие было опубликовано в газете «Народная Воля» 5 февраля 1882 года. Отдельным изданием «Манифест Коммунистической партии» вышел в свет в том же году в Женеве в издании «Русской социально-революционной библиотеки». Два экземпляра этого издания были посланы Лавровым Марксу и Энгельсу. Плехановский перевод положил начало широкому распространению идей «Манифеста» в России.— *79, 195, 231, 247.*

[111] Первое русское издание «Манифеста Коммунистической партии» в переводе М. Бакунина вышло в Женеве в 1869 году. При переводе Бакунин в ряде мест исказил содержание «Манифеста». Недостатки первого издания были устранены во втором издании, вышедшем в 1882 г. в переводе Плеханова (см. предыдущее примечание).— *79, 231.*

[112] Маркс и Энгельс имеют в виду обстановку, сложившуюся после убийства народовольцами 1 (13) марта 1881 г. императора Александра II, когда Александр III отсиживался в Гатчине из страха перед возможными новыми террористическими актами тайного Исполнительного комитета «Народной воли».— *80, 83.*

[113] Имеется в виду программа Исполнительного комитета партии «Народная воля», которую Марксу прислали из Петербурга.— *80, 180.*

[114] Две встречи с Марксом, о которых рассказывает в своих воспоминаниях Н. Морозов, имели место, очевидно, в начале декабря 1880 года.— *81.*

[115] Л. Гартман в письме от 25 августа 1880 г., к которому В. И. Иохельсон предпосылает данные пояснения в связи с публикацией письма, просил Иохельсона переслать в Петербург две фотографии К. Маркса. Однако эти фотографии попали в руки полиции.

Описываемая здесь встреча Гартмана с Марксом и Энгельсом состоялась, видимо, в конце марта 1880 года.— *86.*

[116] Маркс и Энгельс, будучи принципиальными противниками метода индивидуального террора, считали, однако, что русские революционеры-народовольцы вынуждены были прибегать к этому методу борьбы перед лицом насильственных действий царского правительства (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 21, стр. 197).— *87, 180.*

[117] *Группа «Освобождение труда»* — первая русская марксистская группа, основанная Г. В. Плехановым в 1883 г. в Женеве. Кроме Плеханова, в нее входили П. Б. Аксельрод, Л. Г. Дейч, В. И. Засулич, В. Н. Игнатов. Группа проделала большую работу по переводу и изданию произведений Маркса и Энгельса и другой социалистической литературы в России. Тем самым она нанесла серьезный удар народничеству, являвшемуся главным идейным препятствием на пути распространения марксизма и развития социал-демократического движения в России. Группа «Освобождение труда» поддерживала контакты с деятелями социалистического движения других стран. Материалы настоящего сборника раскрывают дружеские связи руководителей группы с Энгельсом, который оказывал им всемерную помощь в их деятельности по распространению марксизма в России.

Упомянутая ниже брошюра Плеханова «Социализм и политическая борьба» вышла в свет в Женеве в 1883 г. в издании «Библиотеки современного социализма».— *87, 92, 98, 111, 204.*

[118] *Международный социалистический рабочий конгресс* в Париже, явившийся фактически учредительным конгрессом II Интернационала, происходил с 14 по 20 июля 1889 года.

Встречи и беседы Плеханова и Аксельрода с Энгельсом происходили во время пребывания их в Лондоне в конце июля 1889 года.— *87, 91, 92, 214.*

[119] Имеется в виду третья статья Энгельса из серии «Эмигрантская литература» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 18, стр. 518—526).— *88.*

[120] Публикуемый отрывок является частью статьи П. Б. Аксельрода, напечатанной в журнале «Летописи марксизма», кн. VI, 1928 г. под заглавием «Группа «Освобождение труда»». В отдельных местах воспоминаний об Энгельсе имеются неточно-

сти, которые отмечены в подстрочных примечаниях (см. настоящий сборник, стр. 92).— *92.*

[121] Брошюру Г. В. Плеханова «Наши разногласия», вышедшую в Женеве в 1884 г., переслала Энгельсу В. И. Засулич вместе со своим письмом от 14 февраля 1885 года. Энгельс читал по-русски эту брошюру Плеханова и дал ей высокую оценку (см. сборник «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия». М., 1967, стр. 513).— *92.*

[122] Публикуемые воспоминания Н. С. Русанова о встрече с Энгельсом составляют часть VII главы его книги «В эмиграции», написанной в 1924 году.— *93.*

[123] Подразумевается передовая статья «Die Hungersnoth in Rußland» («Голод в России»), напечатанная в газете «Vorwärts» № 187, 13 августа 1891 г. за подписью Иван Сергеевский.— *94, 98.*

[124] Речь шла о неосуществившемся проекте объединения группы «Освобождение труда» и «Кружка старых народовольцев», группировавшихся вокруг П. Лаврова, для совместной борьбы против царизма. Переговоры между обеими группами русских революционеров намечались на апрель 1892 г. в Лондоне при участии Ф. Энгельса, А. Бебеля, Г. В. Плеханова и Н. С. Русанова от «Кружка старых народовольцев». Как видно из письма Энгельса А. Бебелю от 16 апреля 1892 г., последний не явился по болезни и дело с переговорами откладывалось по предложению сторонников Лаврова (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 38, стр. 277).— *95, 99.*

[125] Описываемая Н. С. Русановым беседа с Энгельсом состоялась между 12 и 14 апреля 1892 года. Русанова рекомендовал Энгельсу П. Лавров в письме от 11 апреля 1892 г. (см. «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия». М., 1967, стр. 604).— *95.*

[126] В русской библиотеке К. Маркса, формированию которой содействовали его русские корреспонденты (Н. Ф. Даниельсон, П. Л. Лавров, Г. А. Лопатин, члены Русской секции I Интернационала, В. И. Засулич и другие), насчитывалось около 200 наименований. Здесь были различные официальные издания (статистические сборники, справочники, «Труды податной комиссии», земская статистика и другие), работы русских ученых, представлявших различные направления общественной мысли (Н. Зибера, И. Кауфмана, М. Ковалевского, Н. Карамзина, Н. Костомарова и многих других). Большое место в библиотеке занимали труды представителей революционно-демократического лагеря и прежде всего превосходные, по оценке Маркса, произведения Н. Г. Чернышевского, а также Н. А. Добролюбова, Н. Флеровского. На многих русских книгах имеются пометки Маркса — свидетельство глубокого изучения им социально-экономического развития пореформенной России, предпринятого в 70— начале 80-х годов. После смерти Маркса Энгельс, оставив себе часть книг, необходимых для работы над «Капиталом» Маркса, передал около 100 томов из русской библиотеки П. Л. Лаврову.— *97.*

[127] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 13, стр. 158.— *98.*

[128] Под данным номером отмечены письма Маркса и Энгельса русским корреспондентам, которыми Институт марксизма-ленинизма не располагает.— *99, 155, 157, 158, 162, 165, 188.*

[129] Публикуемые воспоминания А. Водена о беседах с Энгельсом составляют III главу его большой статьи, написанной по просьбе редакции журнала «Летописи

марксизма» и опубликованной в книгах III и IV этого журнала за 1927 год под заглавием «На заре «легального марксизма» (Из воспоминаний)».— *99.*

[130] См. письмо Г. В. Плеханова Энгельсу от 2 апреля 1893 г. в сборнике «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия». М., 1967, стр. 650—651.— *99, 101.*

[131] *Тюбингенская теологическая школа* — школа исследователей и критиков библии, основанная в первой половине XIX века.— *100.*

[132] В заключение своей речи на Международном социалистическом рабочем конгрессе 1889 г. в Париже Плеханов сказал, что «революционное движение в России может восторжествовать только как революционное движение рабочих. Другого выхода у нас нет и быть не может» (см. Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения. М., 1956, т. I, стр. 419).— *104.*

[133] Речь идет о книге Н. Ф. Даниельсона «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства», вышедшей в 1893 г. в С.-Петербурге под псевдонимом Николай—он. Эта книга, в которой развивались свойственные либеральным народникам взгляды на крестьянскую общину и судьбы капитализма в России, вызвала острую полемику среди русских марксистов. Плеханов, Засулич и другие русские социал-демократы обращались к Энгельсу с просьбой выступить в русской печати по этим спорным в то время вопросам. Этим выступлением Энгельса явились предисловие и послесловие к брошюре «О социальном вопросе в России». Критика книги Даниельсона дается во многих работах В. И. Ленина 90-х годов.— *104, 109, 217, 218, 225, 283.*

[134] Воден говорит о брошюре Б. Бауэра «Die Posaune des jüngsten Gerichts über Hegel den Atheisten und Antichristen». Leipzig, 1841 («Трубный глас страшного суда над Гегелем, атеистом и антихристом». Лейпциг, 1841).— *107.*

[135] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 3, стр. 103—452.— *108.*

[136] Письмом А. М. Водена Энгельсу и ответом Энгельса, как и другими упомянутыми Воденом письмами Энгельса Институт марксизма-ленинизма не располагает. По свидетельству самого Водена, они были им сожжены в Париже ввиду угрозы ареста (см. настоящий сборник, стр. 101).— *108.*

[137] К. Маркс. «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. «Из ранних произведений». М., 1956, стр. 17—98).— *108.*

[138] *«Молодые»* — мелкобуржуазная полуанархистская группа в германской социал-демократии, существовавшая в начале 90-х годов XIX века. Мелкобуржуазная сущность взглядов и авантюристическая тактика «молодых» были осуждены Эрфуртским съездом Социал-демократической партии Германии в октябре 1891 года.— *111.*

[139] Здесь и в главе I воспоминаний (см. «Летописи марксизма», кн. III, 1927, стр. 69) Воден говорит о рукописи своего перевода (с немецкого) биографии Лассаля, написанной Г. Брандесом; этот перевод оказался каким-то образом у Энгельса, который и предъявил его Водену в доказательство распространения лассальянства в России.— *112.*

[140] См. письмо П. Л. Лаврова Энгельсу от 22 октября 1893 г. в сборнике «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия». М., 1967, стр. 662. Неоднократные

беседы с Энгельсом, о которых рассказывает Ш. Раппопорт, происходили в период между 22 и 31 октября 1893 года.— *113.*

[141] В последний раз Г. Лопатин был арестован в Петербурге 6 октября 1884 года. До мая 1887 г. он находился под следствием и 4 июня 1887 г. на «процессе 21-го» был приговорен к смертной казни, которая была впоследствии заменена пожизненным заключением в Шлиссельбургской крепости, где он просидел до 1905 года (см. также примечания 62, 67).— *113.*

[142] Цитируется речь В. Либкнехта на заседании Эрфуртского съезда германской социал-демократии 17 октября 1891 г., напечатанная в книге: «Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Abgehalten zu Erfurt vom 14, bis 20. Oktober 1891». Berlin, 1891, S. 206 («Протокол заседаний съезда Социал-демократической партии Германии. Проходил в Эрфурте с 14 по 20 октября 1891 г.». Берлин, 1891, стр. 206).— *114.*

[143] Впервые публикуемые в настоящем сборнике два отрывка из воспоминаний Р. М. Плехановой являются частью ее большой рукописи «Моя жизнь», хранящейся в Архиве Дома Плеханова.— *116.*

[144] Упоминаемая работа Плеханова «Экономическая теория Карла Родбертуса-Ягецова» была опубликована в журнале «Отечественные Записки» №№ 5 и 6 за 1882 г. и №№ 9 и 10 за 1883 г. под псевдонимом Г. Валентинов (см. Г. В. Плеханов. Соч., т. I, М.— П., 1923, стр. 216—364).— *116, 197, 199.*

[145] Работа Плеханова «Анархизм и социализм», которую он написал для немецкого социал-демократического издательства «Vorwärts» на французском языке, вышла отдельной книгой в 1894 году. До выхода книги она впервые была напечатана в газете «Der Sozialdemokrat» №№ 20—25, 14, 21 и 28 июня, 5, 12 и 19 июля 1894 г.; публикации этой работы в журнале «Le Devenir social» за май 1895 г. не появилось.— *117, 225.*

[146] О работе над переводом книги «Анархизм и социализм» Элеонора Маркс-Эвелинг писала Г. В. Плеханову в письме от 8 августа 1894 года. Английское издание этой работы Плеханова в переводе и с предисловием Э. Маркс-Эвелинг вышло в Лондоне в 1895 году.— *117.*

[147] Имеется в виду заключительная речь Г. В. Плеханова по докладу о позиции социал-демократии в случае войны, с которым он выступил на Международном социалистическом рабочем конгрессе в Цюрихе, происходившем с 6 по 12 августа 1893 г. (см. Г. В. Плеханов. Соч., т. IV, М., 1925, стр. 329—332).— *117.*

[148] См. переписку Энгельса с Г. В. Плехановым и В. И. Засулич в сборнике «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия». М., 1967, стр. 719—724.— *118.*

[149] Стачка лондонских докеров, происходившая с 12 августа по 14 сентября 1889 г., явилась одним из крупнейших событий английского рабочего движения конца XIX века.— *118.*

[150] Здесь неточность. Г. В. Плеханов жил в Лондоне, после его высылки из Франции летом 1894 г., около трех месяцев (сентябрь — ноябрь) и в это время он неод-

нократно встречался с Энгельсом. В конце ноября 1894 г. он получил разрешение вернуться в Женеву.— *118.*

[151] В июле 1895 г. Энгельса не было в Лондоне. Он находился на отдыхе в Истборне, откуда вернулся 24 июля уже тяжелобольным. Встреча Энгельса с П. Боборыкиным состоялась, видимо, до отъезда Энгельса, вскоре по получении им письма Боборыкина от 3 июня 1895 г., в котором он просил Энгельса назначить день и час для встречи. Боборыкина рекомендовал Энгельсу М. Ковалевский, написав ему специальное письмо см. сборник «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия». М., 1967, стр. 677, 736—737).— *119.*

[152] Воспоминания Ф. М. Кравчинской были записаны вначале с ее слов И. М. Майским еще в годы его лондонской эмиграции (1912—1917). В 30-х годах по просьбе его жены А. А. Майской, работавшей в то время лондонским корреспондентом Института Маркса — Энгельса — Ленина (ИМЭЛ), Ф. М. Кравчинская повторила свои воспоминания, которые были застенографированы и копия стенограммы была отправлена в Архив Института. В 1956 г. эта стенограмма была опубликована с некоторыми сокращениями в сборнике «Воспоминания о Марксе и Энгельсе».

В настоящем издании публикуются полностью оба варианта воспоминаний Ф. М. Кравчинской. В том и другом варианте имеются отдельные фактические неточности. Первый визит к Энгельсу, описываемый Ф. М. Кравчинской, относился к 1887 году. Автор воспоминаний проявляет известную субъективность в характеристике некоторых лиц из домашнего окружения Энгельса. В частности, роль Л. Каутской представлена автором воспоминаний иначе, чем в письмах самого Энгельса (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 37, стр. 446; т. 38, стр. 3).— *120, 124.*

[153] Описываемая здесь последняя встреча с Энгельсом имела место, очевидно, в конце июля 1895 года.— *123, 126.*

[154] Г. Лопатин иронически употребляет библейское выражение старца Симеона, принявшего в храме новорожденного Христа.— *129.*

[155] Упомянутой Лопатиным запиской Маркса к нему Институт марксизма-ленинизма не располагает. Маркс писал Лопатину о третьем судебном процессе над членами парижской федерации Интернационала, происходившем с 22 июня по 5 июля 1870 года. Обвиняемых судили за принадлежность к Интернационалу.— *130.*

[156] Уголино — персонаж из «Божественной комедии» Данте («Ад», песнь 33).— *139.*

[157] 13 августа 1870 г. Бакунин, Перрон, Жуковский и Сутерланд за раскольническую деятельность были исключены из Романской федерации Интернационала.— *141.*

[158] С. А. Подолинский, присутствовавший в качестве гостя на Гаагском конгрессе I Интернационала (2—7 сентября 1872 г.), систематически информировал П. Лаврова о ходе работы конгресса. В письме от 1 сентября 1872 г. он сообщал Лаврову о своей встрече на вокзале в Гааге с Марксом, его женой и Энгельсом, прибывшими в числе 40 делегатов на конгресс. Их появление, многочисленность и хорошее расположение духа, писал Подолинский, «меня несколько оживили, а то я боялся, что конгресс выйдет совсем печальным».

В публикуемом в настоящем сборнике письме Подолинский делится своими впечатлениями о заключительных заседаниях конгресса, происходивших 7 сентября

1872 года. Итоги работы конгресса были подведены на митинге в Амстердаме 8 сентября 1872 г., в котором вместе с большинством делегатов приняли участие Маркс и Энгельс. В своей речи «О Гаагском конгрессе» Маркс отметил важность его решений для международного рабочего движения (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 18, стр. 153—155).— *141.*

[159] Имеется в виду рукопись Н. Г. Чернышевского «Письма без адреса», написанная в 1862 году. Поскольку царская цензура запретила печатание рукописи, Н. Ф. Даниельсон послал ее Марксу, который рассчитывал издать ее с помощью Утина в Женеве. Впервые «Письма без адреса» были опубликованы в Цюрихе Лавровым в издательстве журнала «Вперед!» в 1874 году. Как и к другим трудам Чернышевского (см. примечание 61), Маркс проявлял большой интерес к «Письмам без адреса», в которых дан критический анализ реформы 1861 года. Конспект Маркса этой работы Чернышевского см. в «Архиве Маркса и Энгельса», т. XI, 1948.— *142, 149.*

[160] Произведение Н. Г. Чернышевского «Кавеньяк» вышло в Женеве в типографии «Народного дела» в 1874 году.— *146.*

[161] «Резолюции общего конгресса, состоявшегося в Гааге 2—7 сентября 1872 года» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 18, стр. 143—152).— *147.*

[162] Г. Лопатин, сотрудничавший в журнале «Вперед!», посылает Лаврову корреспонденцию «Из Иркутска», которая была напечатана без подписи в томе II за 1874 г. в отделе «Что делается на родине?». В ней Лопатин описывает тяжелые условия пребывания в ссылке Н. Г. Чернышевского и других перечисленных им политических ссыльных.— *150.*

[163] Очередная корреспонденция Лопатина «Из Иркутска», датированная февралем 1874 г., была опубликована в томе III журнала «Вперед!» за 1874 год в отделе «Что делается на родине?». В ней Лопатин подробно описал группу сектантов под названием «Не-Наши», с которой столкнулся в Сибири. Эти сектанты, отрицая бога, правительственную власть, собственность, семью, законы и обычаи, выражали тем самым протест против существующего строя в России.— *151.*

[164] Возможно, Лопатин имеет в виду передовую статью, опубликованную в первом номере только что основанного журнала «Вперед!» за 1873 год под заглавием «Наша программа».— *153.*

[165] Энгельс послал Лопатину, по его просьбе (см. сборник «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия». М., 1967, стр. 313), третью статью из серии «Эмигрантская литература», в которой были подвергнуты критике примиренческие к бакунизму взгляды П. Л. Лаврова (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 18, стр. 518—526).— *153.*

[166] Речь идет о полемической брошюре Лаврова, изданной анонимно под заглавием «Русской социально-революционной молодежи. По поводу брошюры: Задачи революционной пропаганды в России». Лондон, 1874.— *153.*

[167] Лопатин говорит о передовой статье и об очередных своих корреспонденциях «Из Иркутска», опубликованных в газете «Вперед!» № 23, 15 (3) декабря 1875 года. Передовая статья была посвящена вопросу об отношении социалистов к христианству.— *156.*

[168] В конце ноября 1875 г. Даниельсон послал Марксу 10 книг XXII тома «Трудов комиссии, высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов». С.-Петербург, 1872—1873 (см. сборник «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия». М., 1967, стр. 324).— *157, 206.*

[169] Письмо Энгельса от 3 апреля 1878 г., которое цитирует и излагает здесь Лопатин, полностью не сохранилось. Ответное письмо Лопатина Энгельсу от 17 апреля 1878 г. см. в сборнике «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия». М., 1967, стр. 345—347.— *158.*

[170] Упоминаемая здесь статья «Плоды реформ. Очерки успехов экономической эксплуатации в России за последние годы» была опубликована без подписи в журнале «Вперед!», том V, Лондон, 1877, стр. 1—120. Автором этой работы был Н. Г. Кулябко-Корецкий (псевдоним: Даль). Перевод ее на немецкий язык, под названием «Die Folgen der czarischen Reformen» («Последствия царских реформ»), был напечатан в «Vorwärts» 15 февраля — 15 марта 1878 года.— *158.*

[171] *Процесс 50-ти* — судебное дело революционеров-народников, участников «Всероссийской социально-революционной организации» (П. А. Алексеева, С. И. Бардиной, О. С. и В. С. Любатович, И. С. Джабадари), привлеченных к суду за революционную пропаганду и агитацию. Процесс происходил в Петербурге с 21 февраля по 14 марта 1877 года.— *159.*

[172] Упомянутая Лопатиным биография Бетти Каминской была напечатана без подписи в связи с ее смертью в журнале «Набат» №№ 1—4, стр. 124—141, 1878, издававшемся в Женеве. В этом же номере журнала (стр. 44—45) было опубликовано сообщение из Одессы об аресте 18 ноября 1877 г. студента Григория Фомичева, на квартире которого собирались наряду со студентами и рабочие.— *159.*

[173] Возможно, Г. А. Лопатин говорит о статье П. Костычева «Крестьянские наделы и крестьянское хозяйство. (Несколько замечаний на книгу князя Васильчикова «Землевладение и земледелие» и на его ответ критикам и рецензентам)», которая была напечатана в журнале «Отечественные Записки» № 4, апрель, 1878, С.-Петербург.— *161.*

[174] В журнале «Критическое Обозрение» № 11, 1 июня 1879 г. была напечатана рецензия на книгу: W. Ed. H. Lecky. «A history of England in the eighteenth century». London, 1878 (У. Эд. Х. Лекки. «История Англии в восемнадцатом веке». Лондон, 1878). Автором рецензии был П. Л. Лавров, опубликовавший ее под литературным псевдонимом П. Столетов (в журнале, видимо, опечатка — П. Столепов).— *161.*

[175] М. Ковалевский послал Лаврову книгу «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения». Часть I: «Общинное землевладение в колониях и влияние поземельной политики на его разложение». Москва, 1879. Эту книгу Ковалевский подарил также К. Марксу, который внимательно изучал ее и сделал подробные выписки из нее (см. сборник «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия». М., 1967, стр. 397).— *161.*

[176] Данное письмо и другие впервые публикуемые в настоящем сборнике письма Л. Н. Гартмана П. Л. Лаврову печатаются по рукописям, хранящимся в Центральном

партийном архиве Института марксизма-ленинизма. Ответными письмами Лаврова Институт не располагает.— *162.*

[177] О рекомендательном письме Лаврова к Марксу см. в сборнике «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия». М., 1967, стр. 399.— *162.*

[178] Очевидно, П. Лавров предлагал Л. Гартману рассказать в печати о покушении на Александра II, которое было произведено при участии Л. Гартмана, С. Перовской, А. Михайлова и других народовольцев посредством взрыва царского поезда под Москвой 19 ноября 1879 г. (подробнее см. сборник «Революционное народничество». М.—Л., 1965, т. II, стр. 221—222).— *163, 165, 170.*

[179] 18 марта 1880 г. Л. Гартман присутствовал на праздничном банкете, устроенном в память Парижской Коммуны Международным социалистическим клубом в Лондоне.— *163, 165.*

[180] Очевидно, подразумевается статья «Was wollen die russischen Social-Revolutionäre» («Что хотят русские социал-революционеры»), опубликованная в газете «Freiheit» № 13, 27 марта 1880 года. В статье анонимный автор ссылается на мнение А. Бебеля, который будто бы заявил, что немецкая социал-демократия не имеет ничего общего с принципами русских революционеров, поскольку они-де ограничиваются лишь борьбой за установление конституции в России.— *165.*

[181] Л. Гартман говорит, очевидно, о прокламации Исполнительного комитета «Народной воли» по поводу покушения на Александра II 19 ноября 1879 г. (см. примечание 178), которая была опубликована в газете «Народная Воля» № 3 за 1880 год. В прокламации говорилось, что если бы царь, «отказавшись от власти, передал ее всенародному Учредительному собранию, избранному свободно посредством всеобщей подачи голосов, снабженному инструкциями избирателей,— тогда только мы оставили бы в покое Александра II и простили бы ему все его преступления» (см. сборник «Революционное народничество», М.—Л., 1965, т. II, стр. 222).

В том же номере «Народной Воли» была опубликована программа Исполнительного комитета партии «Народная воля». В марте 1880 г. программа была выпущена отдельным изданием в виде прокламации.— *165.*

[182] Очевидно, С. Подолинский посылает свою работу «Le travail humain et la conservation de l'energie» («Труд человека и сохранение энергии»). Эту работу автор послал также К. Марксу. Сохранился конспект Маркса этой работы Подолинского.— *168.*

[183] Данное письмо, впервые полностью публикуемое в настоящем сборнике, печатается по рукописи, хранящейся в Центральном государственном архиве Октябрьской революции. Рукопись письма в некоторых местах повреждена, поэтому отдельные слова расшифровать не удалось.

Издание газеты «Нигилист», план и цель которой Гартман подробно разбирает в данном письме, не было осуществлено.— *169.*

[184] Взрыв в Зимнем дворце 5 февраля 1880 г. с целью покушения на царя был подготовлен С. Н. Халтуриным при содействии Исполнительного комитета «Народной воли».— *170, 180.*

[185] Статья «Задолженность частного землевладения» была опубликована без подписи в журнале «Отечественные Записки» № 2 за февраль 1880 года.— *175.*

[186] Возможно, имеется в виду статья «Московская губерния в трудах ее земских статистиков», напечатанная без подписи в журнале «Отечественные Записки» № 5 за май 1880 года.— *182.*

[187] Очевидно, Л. Гартман говорит о статье С. Подолинского «Socialisme, Nihilisme, Terrorisme. Réponse a un «vieux socialiste russe»» («Социализм, нигилизм, терроризм. Ответ «старому русскому социалисту»»), опубликованную в газете «La Revue socialiste» № 6, 20 мая 1880 года. Эта статья представляла собой ответ на статью «Le mouvement socialiste» («Социалистическое движение»), напечатанную в газете «Égalité» №№ 1 и 2, 21 и 28 января 1880 г. за подписью «старый русский социалист» и помеченную 12 января 1880 года.— *185.*

[188] Поездку в Америку Л. Гартман совершил в августе — октябре 1881 года. См. о ней в сборнике «К. Маркс. Ф. Энгельс и революционная Россия». М., 1967, стр. 448—452.— *190.*

[189] Статья Я. Стефановича «Чигиринское дело. Крестьянское общество «Тайная Дружина». (Опыт революционно-народной организации)», которую одобрили Маркс и Энгельс, была опубликована в журнале «Черный передел» №№ 1 и 2, 1880 г. за подписью Я. С.— *192.*

[190] Имеется в виду работа А. Шеффле «Квинтэссенция социализма» («Die Quintessenz des Socialismus»), вышедшая в Германии в 1875 году. Русский перевод этой книги был выпущен под названием «Сущность социализма» с примечаниями Лаврова в Женеве в 1881 г. в издании «Русской социально-революционной библиотеки», кн. II.— *192.*

[191] Речь идет о письме В. И. Засулич Марксу от 16 февраля 1881 г. (см. сборник «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия». М., 1967, стр. 434—435). Маркс ответил Засулич письмом 8 марта 1881 г. и в процессе подготовки ответа составил еще четыре наброска, представляющие в совокупности глубокий в теоретическом отношении обобщающий очерк о русской крестьянской общине, об условиях социалистического преобразования России (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 35, стр. 136—137; т. 19, стр. 400—421).

Специальную брошюру о русской общине Марксу написать не удалось.— *193, 239.*

[192] Вместе с этим письмом Л. Дейч послал Плехановым и снятую им копию письма Маркса В. И. Засулич от 8 марта 1881 года (см. примечание 191).— *194.*

[193] В письме упоминаются следующие русские материалы, находившиеся у Маркса: В. Кельсиев. «Сборник правительственных сведений о раскольниках». Выпуск I, Лондон, 1860; статья «Задолженность частного землевладения», опубликованная в журнале «Отечественные Записки» № 2 за февраль 1880 года.— *194.*

[194] Речь идет о публикации при содействии Лаврова статьи Плеханова «Новое направление в области политической экономии» в журнале «Отечественные Записки» № 11 за ноябрь 1881 года. Статья была напечатана за подписью Г. Валентинов (см. Г. В. Плеханов. Соч., т. I, М.—П., 1923, стр. 168—215).— *195.*

[195] Lange, F. A. «J. St. Mill's Ansichten über die sociale Frage und die angebliche Umwälzung der Socialwissenschaft durch Carey». Duisburg, 1866 (Ланге Ф. А. «Взгляды

Дж. Ст. Милля на социальный вопрос и переворот в социальной науке, якобы совершенный Кэри». Дуйсбург, 1866).— *196, 197.*

[196] Третье немецкое издание первого тома «Капитала» вышло в свет в Гамбурге в декабре 1883 года.— *196.*

[197] Плеханов подразумевает статью В. П. Воронцова «К вопросу о развитии капитализма в России», опубликованную под псевдонимом В. В. в журнале «Отечественные Записки» № 9 за сентябрь 1880 года.— *196.*

[198] Оригиналы данного и следующего писем Г А. Лопатина М. И. Янцыну, видимо, не сохранились. В настоящем сборнике эти письма публикуются по машинописным копиям, хранящимся в семейном архиве Лопатина.— *199, 200.*

[199] Работа К. Маркса «Наемный труд и капитал» в русском переводе и с предисловием Л. Дейча (см. настоящий сборник, стр. 234—236) вышла в Женеве в 1883 г. в издании «Русской социально-революционной библиотеки».— *200, 234.*

[200] Публикуемое письмо Г. А. Лопатина члену Исполнительного комитета «Народной воли» М. Н. Ошаниной представляет собой изложение его первой беседы с Ф. Энгельсом, на которой лежит печать народнических взглядов самого Лопатина. Ряд мыслей Энгельса, записанных под свежим впечатлением беседы, Лопатин воспроизводит, по-видимому, более или менее точно. Встреча с Энгельсом, описанная в письме, произошла 19 сентября 1883 г., спустя несколько месяцев после бегства Лопатина за границу из вологодской ссылки. Отрывок из письма был впервые напечатан по инициативе П. Л. Лаврова и с согласия Энгельса в книге: «Основы теоретического социализма и их приложение к России», вышедшей в Женеве в 1893 г. (см. сборник «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия». М., 1967, стр. 635).

В настоящем сборнике письмо публикуется с дополнениями и разночтениями из варианта данного письма, опубликованного в журнале «Голос Минувшего» № 2 за 1923 год.— *200.*

[201] В письме Исполнительного комитета «Народной воли» Александру III от 10 марта 1881 г., написанном после событий 1 марта 1881 г., когда царь Александр II был убит народовольцами, содержалось обещание прекратить свою террористическую деятельность при условии, если царь объявит общую амнистию политическим заключенным и даст согласие на проведение всеобщих выборов в органы народного представительства на основе всеобщего избирательного права при полной свободе печати, слова, собраний и избирательных программ. Исполнительный комитет заявлял далее, что подчинится решению будущего Народного собрания.— *202.*

[202] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 21, стр. 491; т. 37, стр. 383.— *202.*

[203] Данное письмо, впервые полностью публикуемое в настоящем сборнике, печатается по рукописи, хранящейся в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР.— *203.*

[204] Подразумевается, видимо, объявление «Об издании библиотеки современного социализма», выпущенное в Женеве русскими социал-демократами 13 (25) сентября 1883 года. В нем говорилось об образовании бывшими членами народнической организации «Черный передел» новой группы «Освобождение труда» (см. примечание 117).— *204.*

[205] Речь идет о *Социал-демократической федерации* — английской социалистической организации, созданной в августе 1884 года. Входившая в Федерацию группа революционных марксистов (Э. Маркс-Эвелинг, Э. Эвелинг, Т. Манн и др.) в противовес сектантской политике реформистских лидеров в лице Гайндмана и других вела борьбу за установление тесной связи с массовым рабочим движением.— *210.*

[206] В указанном примечании к первому тому «Капитала», которое приводит ниже Плеханов, Маркс цитирует Иеронима Блаженного: «Письмо к Евстохии — о хранении девства» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 23, стр. 114).— *212.*

[207] В данном письме Н. А. Каблуков рассказывает о своем пребывании (в качестве корреспондента газеты «Русские ведомости») на Международном социалистическом рабочем конгрессе в Цюрихе (с 6 по 12 августа 1893 г.) и о встрече с Ф. Энгельсом.

В Цюрихе Энгельс неоднократно встречался также с членами группы «Освобождение труда» Г. В. Плехановым, П. Б. Аксельродом, впервые лично познакомился с В. И. Засулич (см. настоящий сборник, стр. 220—221).— *216, 218, 220.*

[208] Упоминаемая здесь книга В. П. Воронцова «Наши направления» вышла в С.-Петербурге в 1893 г. под псевдонимом В. В.— *220, 283.*

[209] В. И. Засулич подразумевает здесь французского географа Элизе Реклю и русского географа П. А. Кропоткина, являвшихся лидерами анархистов. В 1893—1894 гг. анархисты в ряде стран, в том числе во Франции, активизировали свою деятельность, произвели ряд взрывов и покушений, в частности в Париже, которые вызвали усиление преследования русских, польских и других эмигрантов-социалистов. Летом 1894 г. по решению французского правительства были высланы из Франции В. И. Засулич и Г. В. Плеханов.— *221.*

[210] Благодаря усилиям С. М. Кравчинского (Степняка) и других русских эмигрантов в Англии в 1890 г. было создано общество «Друзей русской свободы», которое ставило своей задачей пробуждение в Западной Европе симпатий к русскому революционному движению. В 1891—1900 гг. общество издавало газету «Free Russia». Об отношении Энгельса к этому обществу см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 37, стр. 317.— *221.*

[211] В. И. Засулич описывает обед у Энгельса, устроенный, видимо, в связи с днем его рождения 28 ноября 1894 года.— *222.*

[212] Данное письмо печатается по рукописи, хранящейся в Архиве Дома Плеханова.— *223.*

[213] В. Засулич имеет в виду примечания и добавления, сделанные Энгельсом к тексту третьего тома «Капитала» в процессе подготовки его к печати (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 25, ч. II, стр. 32).— *224.*

[214] Впервые публикуемое в настоящем сборнике письмо А. Конова переслал Даниельсону Энгельс, сделав при этом некоторые дополнения к нему в письме к Даниельсону от 5 марта 1895 г. (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 39, стр. 349—350).

Перевод книги Даниельсона «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства» (см. примечание 133) на немецкий язык Конов не осуществил. Перевод был сделан Г. Полонским и вышел в Мюнхене в 1899 году.— *225.*

[215] Специальной статьи с анализом упомянутой в письме работы Даниельсона Энгельс не написал. Народнические взгляды Даниельсона Энгельс подверг критике в некоторых письмах и статьях 90-х годов (см. примечание 133).— *226.*

[216] Данная статья, отрывок из которой приводится в настоящем сборнике, была написана в связи с образованием в Женеве Русской секции I Интернационала и опубликована в качестве передовицы в газете «Народное дело» № 1, 15 апреля 1870 года.

Русская секция I Интернационала была основана весной 1870 г. политическими эмигрантами из разночинной демократической молодежи — последователями Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова (Н. Утиным, А. Трусовым, Е. Томановской (Дмитриевой), А. Корвин-Круковской и другими). 12 марта 1870 г. Комитет секции направил Генеральному Совету свою программу, устав, а также письмо Марксу с просьбой быть ее представителем в Генеральном Совете Международного Товарищества Рабочих. На заседании Генерального Совета 22 марта 1870 г. Русская секция была принята в Интернационал, и Маркс взял на себя обязанность представлять ее в Генеральном Совете, о чем Маркс писал в письме к членам секции 24 марта 1870 г. Переписку Маркса с Русской секцией и ее членами см. в сборнике «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия». М., 1967 г.— *229.*

[217] Очерк В. И. Танеева «Международное Общество Рабочих», часть которого печатается в настоящем сборнике, был написан осенью 1871 г. и предназначался для публикации в журнале «Отечественные Записки». Однако редакция журнала не приняла его и он был опубликован лишь в 1959 году. Очерк является первой попыткой в русской революционной публицистике дать последовательное объективное изложение истории создания и деятельности Интернационала, его целей, тактики и организации. В нем автор особо подчеркивает выдающуюся роль Маркса как основателя и руководителя Интернационала, подмечает революционную социалистическую направленность деятельности этой международной организации рабочих. Вместе с тем автор не совсем точно интерпретирует некоторые события из предыстории Интернационала (в частности, выставку и международный митинг 5 августа 1862 г.), якобы непосредственно приведшие к основанию Международного Товарищества Рабочих.

Маркс высоко ценил В. И. Танеева «как преданного друга освобождения народа» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 34, стр. 185) и в знак глубокого уважения подарил ему в 1871 г. свою фотографию с дарственной надписью (см. сборник «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия». М., 1967, стр. между 336—337). Но вручил ли ее Маркс лично или переслал с кем-либо Танееву, собиравшему фотографии известных деятелей, установить пока не удалось.— *230.*

[218] Здесь и ниже Плеханов цитирует «Манифест Коммунистической партии» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 4, стр. 459).— *231.*

[219] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 18, стр. 90.— *232.*

[220] Плеханов имеет в виду первое русское издание работы К. Маркса «Гражданская война во Франции», вышедшее в Цюрихе в 1871 году. Это издание было положено в основу ряда последующих типографских изданий и перепечаток на гектографе.— *232.*

[221] Написанное П. Лавровым обращение «На могилу Карла Маркса от русских социалистов» было зачитано Ш. Лонге на похоронах Маркса на Хайгетском кладбище 17 марта 1883 года. (Текст обращения см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 19, стр. 352—353).— *233.*

[222] Фактические данные для некролога анонимный автор заимствовал, возможно, из статьи Энгельса «Карл Маркс» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 105—115). Имеющиеся в некрологе неточности см. в подстрочных примечаниях.— *236.*

[223] Статья-некролог «Карл Маркс» была написана сразу по получении в Москве 4 марта 1883 г. (по старому стилю) известия о смерти К. Маркса и опубликована в газете «Московский телеграф» № 64, 7 (19) марта 1883 г. без подписи. Авторство А. Ф. Фортунатова устанавливается на основании сохранившейся в семейном архиве Фортунатовых машинописной копии статьи (копия хранится в Государственном Историческом музее). В настоящем сборнике статья печатается по тексту газеты с учетом машинописной копии. В статье имеются некоторые неточности, в частности в освещении деятельности Маркса 50-х гг. и последних лет его жизни.— *239.*

[224] В послесловии ко второму изданию первого тома «Капитала» Маркс с похвалой отзывается о работе Н. Г. Чернышевского «Очерки из политической экономии (по Миллю)» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 23, стр. 17—18).— *241.*

[225] В журнале «Вестник Европы» за 1871 г. ни статьи К. Маркса, ни статьи о нем не обнаружено.— *241.*

[226] В 1877—1879 гг. в русской печати происходила оживленная полемика вокруг первого тома «Капитала» Маркса, в которой приняли участие виднейшие русские ученые и публицисты того времени. Полемика открылась статьей Ю. Жуковского «Карл Маркс и его книга о капитале» («Вестник Европы», сентябрь 1877 г.). В ответ на нее появился ряд статей, в том числе присланные Марксу Даниельсоном статья Н. Зибера «Несколько замечаний по поводу статьи г. Ю. Жуковского «Карл Маркс и его книга о капитале»» («Отечественные Записки», ноябрь 1877 г.) и статья Н. Михайловского «Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского». В 1878 г. против Маркса выступил Б. Н. Чичерин, опубликовавший статью «Немецкие социалисты: II. Карл Маркс» («Сборник государственных знаний», т. VI. С.-Петербург, 1878). Ответом на нее явилась статья Н. Зибера «Б. Чичерин contra К. Маркс» («Слово», февраль 1879 г.).— *241.*

[227] Упомянутая А. Ф. Фортунатовым статья Н. Ф. Даниельсона «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства» была опубликована им под псевдонимом Николай —он в журнале «Слово» за октябрь 1880 года. В оценке статьи Даниельсона проявляется ошибочное понимание Фортунатовым учения Маркса, свойственное русским народникам.— *242.*

[228] Съезд германской социал-демократии в Копенгагене, на котором было зачитано приветствие русских социалистов, происходил с 29 марта по 2 апреля 1883 года. В настоящем сборнике приветствие печатается с учетом публикации в газете «Der Sozialdemokrat».— *244.*

[229] Данный отклик на смерть К. Маркса представляет собой воззвание петербургских студентов, опубликованное в нелегальном органе петербургского кружка народовольцев — в гектографированном журнале «Студенчество» № 4, апрель 1883 года. В этом редком документе ярко отразился период теоретических блужданий и поисков правильной революционной теории, характерных для русской общественной мысли 70—80-х годов.— *245.*

[230] F. Mehring. «Die Deutsche Socialdemokratie. Ihre Geschichte und ihre Lehre. Eine historisch-kritische Darstellung». Bremen, 1877, S. 55 (Ф. Меринг. «Германская социал-демократия. Ее история и ее учение. Историко-критический опыт». Бремен, 1877, стр. 55).— *248.*

[231] См. É. de Laveleye. «Le socialisme contemporain». Bruxelles, 1881, p. 240 (Э. де Лавеле. «Современный социализм». Брюссель, 1881, стр. 240).— *248.*

[232] Несколько вольно цитируется речь Маркса «О Гаагском конгрессе» (ср. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 18, стр. 155).— *249.*

[233] Впервые публикуемая здесь статья «Карл Маркс (Его жизнь и сочинения)» была написана Н. С. Русановым вскоре после кончины К. Маркса и предназначалась для публикации в июньском номере за 1883 г. демократического журнала «Дело», редактором которого был известный публицист демократ Н. В. Шелгунов. Статья была запрещена царской цензурой и дошла до нас в виде гранок, с которых и печатается в настоящем сборнике (гранки хранятся в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде). Автор предпослал статье перечень источников, использованных им при освещении жизни и литературного наследства К. Маркса. Здесь отмечены все основные произведения Маркса, вышедшие за границей до 80-х годов, а также ряд специальных работ о Марксе. Как важный источник автор указывает биографические сведения, полученные им из бесед с членами семьи Маркса. В работе Русанова содержится ряд неточностей и ошибок как фактического, так и принципиального характера, относящихся, в частности, к истории формирования мировоззрения Маркса, оценке его произведений, борьбе с Прудоном и другими идейными противниками. При всех недостатках, обусловленных прежде всего народническими взглядами автора, статья имеет определенное значение как исторический документ, который отражает тогдашний уровень русской общественной мысли домарксистского периода и свидетельствует об огромном интересе в России к жизни и творчеству основоположников научного коммунизма.— *251.*

[234] Русанов несколько вольно цитирует работу К. Маркса «К критике политической экономии» (ср. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 13, стр. 5—6).— *253.*

[235] Здесь и ниже Русанов цитирует письма Маркса А. Руге от мая и сентября 1843 года (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 1, стр. 372, 378—381).— *253.*

[236] L. Börne. «Menzel der Franzosenfresser». Paris, 1837.— *254.*

[237] Приведенные Русановым здесь и ниже выдержки из работы К. Маркса «К критике гегелевской философии права. Введение» сравни соответственно К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 1, стр. 414, 422, 428, 429.— *255.*

[238] Здесь и ниже см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 1, стр. 410—413, 398.— *257.*

[239] Имеется в виду Немецкое рабочее общество в Брюсселе, основанное Марксом и Энгельсом в конце августа 1847 г. с целью политического просвещения немецких рабочих, проживавших в Бельгии, и пропаганды среди них идей научного коммунизма.— *258.*

[240] Демократическая ассоциация, основанная в Брюсселе осенью 1847 г., объединяла в своих рядах пролетарских революционеров, преимущественно из числа немецких революционных эмигрантов, и передовые элементы буржуазной и мелкобуржуазной демократии. Активную роль в создании Ассоциации сыграли Маркс и Энгельс и руководимое ими брюссельское Немецкое рабочее общество.

Приведенные Русановым отрывки из речи Маркса по вопросу о свободе торговли см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 4, стр. 416—418.— *259.*

[241] P. J. Proudhon. «Qu'est-ce que la propriétê? ou Recherches sur le principe du droit et du gouvernement». Premier mémoire. Paris, 1840 (П. Ж. Прудон. «Что такое собственность? или Исследование о принципе права и власти». Выпуск первый. Париж, 1840).— *261.*

[242] Имеется в виду письмо Прудона Марксу от 17 мая 1846 г. (см. P. J. Proudhon. «Correspondance». T. II. Paris, 1875, pp. 198—202). Цитируемое место см. на стр. 200.— *261.*

[243] Приведенные здесь и ниже выдержки из «Нищеты философии» см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 4, стр. 183—185.— *261.*

[244] Здесь и ниже Н. С. Русанов цитирует речь Маркса, произнесенную на процессе против Рейнского окружного комитета демократов (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 6, стр. 255—256, 261).— *264.*

[245] Автор допускает неточность. Работа К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» была впервые издана И. Вейдемейером отдельной книгой в виде первого выпуска непериодического журнала «Die Revolution».

На этой и следующей страницах приводятся две выдержки из предисловия К. Маркса ко второму изданию этой брошюры, вышедшему в 1869 г. (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 16, стр. 374 и 375).— *265.*

[246] P. J. Proudhon. «La Révolution sociale démontrée par le coup d'État du 2 Décembre». Paris, 1852.— *265.*

[247] Русанов ссылается здесь и ниже на страницы второго издания работы К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 8, стр. 119, 141, 217).— *266.*

[248] На данной и следующих страницах излагается и цитируется работа К. Маркса «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 8, стр. 427, 428, 491).— *267.*

[249] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 17, стр. 339; приведенные ниже выдержки из предисловия к немецкому изданию «Манифеста Коммунистической партии» 1872 года см. в т. 18, стр. 90.— *271.*

[250] *Катедер-социалисты* — представители одного из направлений в буржуазной идеологии в 70—90-х годах XIX в., прежде всего профессора немецких университетов; катедер-социалисты проповедовали с университетских кафедр (по-немецки Katheder) под видом социализма буржуазный реформизм.— *274.*

[251] Работа В. И. Засулич «Очерк истории Международного Общества Рабочих», отрывок из которого приводится в настоящем сборнике, была впервые опубликована в 1888 г. в сборнике «Социаль-демократ», а в 1889 г. вышла в Женеве отдельной книгой в издании Русского социал-демократического союза. В этой работе, написанной на большом по тому времени круге источников, освещается предыстория и общая деятельность Интернационала, идейная борьба на конгрессах, подчеркивается роль Маркса как основателя Интернационала и автора его важнейших документов. Очерк свидетельствует об активном участии первых русских марксистов в разработке истории международного рабочего и социалистического движения.— *213, 276.*

[252] Данный некролог был опубликован в издании «Летучие листки» № 23, 15 августа 1895 г.— органе «Фонда Вольной Русской Прессы в Лондоне», основанного в 1891 г. С. М. Кравчинским (Степняком); редактором «Листков» был Ф. В. Волховский. Автора некролога установить не удалось.— *284.*

[253] 10 августа 1895 г. состоялись похороны Энгельса. На гражданской панихиде присутствовали близкие друзья, соратники Энгельса, деятели рабочего и социалистического движения из разных стран. Русское революционное движение представляли В. И. Засулич, С. М. Кравчинский (Степняк), Ф. В. Волховский, Л. Гольденберг, от армянских революционеров присутствовал А. Назарбеков, редактор газеты «Гнчак» («Колокол»). Упоминаемые в некрологе две телеграммы соболезнования были присланы П. Л. Лавровым и, возможно, Г. В. Плехановым.
О похоронах Энгельса см. сборник «Воспоминания о Марксе и Энгельсе». М., 1956, стр. 371—373.— *285.*

[254] Очерк Г. В. Плеханова «Карл Маркс», написанный в связи с 20-летием со дня его рождения, был напечатан в газете «Искра» № 35, 1 марта 1903 г. без подписи. Этим же числом была издана специальная листовка-оттиск этой статьи.— *286.*

[255] Фридрих Лесснер. «Воспоминания рабочего о Карле Марксе» (см. сборник «Воспоминания о Марксе и Энгельсе». М., 1956, стр. 168.— *288.*

[256] K. Marx. «Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie», Bd. I. Hamburg, 1867, S. 763. Это высказывание о Герцене опущено Марксом во втором немецком и последующих изданиях первого тома «Капитала».— *288.*

[257] Плеханов подразумевает партию социалистов-революционеров (эсеров), возникшую в 1902 г. в результате объединения ряда враждебно настроенных марксизму народнических групп.— *288.*

[258] Имеется в виду письмо Энгельса В. И. Засулич от 23 апреля 1885 г., написанное Энгельсом в ответ на получение им работы Плеханова «Наши разногласия» (см. «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия». М., 1967, стр. 512—515).— *288.*

[259] Речь идет об известной стачке в Ростове-на-Дону в ноябре 1902 года. Начавшись как экономическая стачка железнодорожников, она приобрела вскоре под руководством Донского комитета РСДРП всеобщий политический характер, получила широкий отклик в стране.— *289.*

[260] Плеханов приводит здесь высказывание Маркса и Энгельса из статьи «Готфрид Кинкель» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2. т. 7. стр. 315).— *289.*

[261] Подразумеваются «легальные марксисты», лидерами которых были П. Струве, М. Туган-Барановский. С. Булгаков и другие.— *290.*

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

В

Г

Д

Е

Ж

З

И

К

Л

М

Н

О

П

Р

С

Т

У

Ф

Х

Ц

Ч

Ш

Щ

Э

Ю

Я

УКАЗАТЕЛЬ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

СОДЕРЖАНИЕ*

* Звездочкой отмечены впервые публикуемые документы.

II

ПИСЬМА

III

СТАТЬИ, БИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Р 89 **Русские** современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., Политиздат, 1969.
VIII, 335 с илл. (Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС).

3К16 + 9(С)16

1—1—3
1—Б3—80—67

Художественный редактор *Н. Н. Симагин*

Технический редактор *Ц. Л. Бейлина*

Корректоры *Н. В. Егорова, И. Г. Шахназарова*

Сдано в набор 5 ноября 1968 г. Подписано к печати 10 сентября 1969 г. Формат 70 × 90¹/16. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 26,17. Уч.-изд. л. 22,38. Тираж 25 тыс. экз. А 10902. Заказ № 1885. Цена 1 р. 04 к.

Издательство политической литературы.
Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». Москва, Краснопролетарская, 16.

